

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

RECEIVED
JAN 10 1964
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF CHICAGO

Г. Г. ДИЛИГЕНСКИЙ

**РАБОЧИЙ
НА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ
ПРЕДПРИЯТИИ**

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Г. Г. ДИЛИГЕНСКИЙ

РАБОЧИЙ НА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ПРЕДПРИЯТИИ

ИССЛЕДОВАНИЕ
ПО СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ
ФРАНЦУЗСКОГО РАБОЧЕГО КЛАССА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

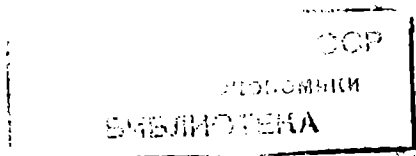
МОСКВА 1969

ИРБ

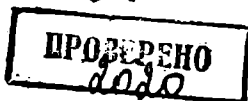
1969

2 3 ДК 1971

В книге исследуются социальная психология французского рабочего класса и роль различных факторов в формировании его классового сознания. Проблема эта, имеющая большое теоретическое и политическое значение, почти не разрабатывалась в советской научной литературе. Опираясь на большой фактический материал социологических обследований, автор выступает одновременно как историк, экономист, социолог и психолог. Его исследование не ограничивается рамками предприятия, а затрагивает разные стороны общественной жизни, которые влияют на классовое сознание пролетариата. Особое внимание в книге уделено взаимосвязи социальной психологии рабочих с направлениями и формами их классовой борьбы.

84624

1-11-5

142-69(11)

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	7
Введение	9
Глава 1. Идеологические и политические традиции французского рабочего класса	29
Глава 2. Формирование личности рабочего	45
Глава 3. Научно-технический прогресс и сознание рабочего класса	83
I. Изменения в условиях труда и их воздействие на рабочего	84
II. Технический прогресс, изменения в содержании труда и сознание	96
1. Рабочие механизированного производства. Психологические последствия частичного труда	98
2. Рабочие механизированного производства. Квалификация и сознание	113
3. Рабочие автоматизированного производства	136
Глава 4. Методы эксплуатации и их психологическое воздействие на рабочего	163
Глава 5. Социально-психологическое значение проблемы безработицы	190
Глава 6. Жизненный уровень и сознание. Мотивы экономической борьбы	215
Глава 7. Система потребностей рабочего	248

I. Соотношение материальных и духовных потребностей	248
II. Подавление или развитие личности?	261
III. Культурные потребности рабочих	268
IV. Культурные потребности и направленность личности	294
Глава 8. Потребности и социальные ожидания	303
I. Планы профессионального роста	303
II. Социальная мобильность и рабочее сознание	324
III. Социальные идеалы	341
Глава 9. Психология и идеологическая борьба	359
I. Особенности буржуазного идеологического воздействия на рабочий класс	359
II. Факторы идеологического влияния	372
Заключение	395

ОТ АВТОРА

Тема этой книги — общественная психология французского рабочего класса 50—60-х годов нашего века. Причины, побудившие автора взяться за исследование данной темы, вряд ли нуждаются в подробном разъяснении. Новая социально-политическая ситуация, сложившаяся в капиталистическом мире в результате обострения общего кризиса капитализма, образования мировой социалистической системы, научно-технической революции и развития государственно-монополистического капитализма, во многом изменила объективные условия существования пролетариата. Эти изменения повлекли за собой известные сдвиги в его сознании. Правящая буржуазия стремится придать подобным сдвигам нужную ей направленность, использовать их для распространения в рабочем классе буржуазной идеологии. Буржуазная социология широко спекулирует на определенных явлениях в психологическом развитии рабочего класса с тем, чтобы доказать «устарелость» марксистского учения о революционной роли пролетариата. В связи с этим марксистско-ленинский анализ современной пролетарской психологии становится действительно необходимым.

Выбирая в качестве объекта своего исследования французский рабочий класс, автор исходил из того, что Франция дает чрезвычайно богатый материал для изучения данной темы. В послевоенной истории этой страны достаточно полно проявились новейшие тенденции в развитии капитализма, но из-за исторически обусловленных особенностей рабочего класса и рабочего движения результаты воздействия этих тенденций на пролетариат здесь более сложны и многообразны, чем в

других странах. В психологии французского рабочего класса немало общего с психологией рабочих любой из этих стран, но вместе с тем в ней можно отчетливо распознать такие тенденции, которые в других национальных отрядах пролетариата проявляются лишь в неразвитой, эмбриональной форме. Поэтому пример французского рабочего класса дает широкие возможности изучения закономерностей развития современного пролетарского сознания.

Работа над книгой уже близилась к концу, когда разразились события, привлекшие всеобщее внимание к борьбе французского пролетариата. Забастовка 10 млн. трудящихся, охватившая Францию в мае-июне 1968 г., была самым мощным боевым выступлением рабочего класса в послевоенном капиталистическом мире. Задача всестороннего исследования социально-психологических аспектов этих событий не могла быть решена в данной книге, однако автор счел необходимым учесть их опыт для проверки некоторых своих выводов. Это оказалось тем более важным, что многие тенденции в психологии рабочего класса, развившиеся в предшествующие годы, проявились в майские и июньские дни с особой яркостью и силой.

Во вводной главе работы подробнее сказано о рамках исследования. Книга не претендует ни на исчерпывающий анализ психологии рабочего класса, ни на законченность и бесспорность выводов. Можно думать, что более широкое развитие марксистских исследований в данной области позволит полнее ответить на недостаточно освещенные в ней вопросы.

В работе над книгой были использованы материалы, любезно предоставленные автору В. В. Любимовой, В. А. Матвеевым, Р. Ф. Матвеевым, Э. Э. Милановой. Большую помощь в подготовке рукописи к печати оказали Л. И. Иовчук, Е. П. Кирющева, Е. И. Павличук, Т. М. Фадеева. Всем им автор выражает свою искреннюю признательность.

ВВЕДЕНИЕ

Современный рабочий класс — весьма сложное образование, социальный и психологический облик различных его групп крайне неоднороден. Еще несколько десятилетий тому назад принадлежность к рабочему классу определялась легко различимыми внешними признаками: рабочий был прежде всего наемным работником физического труда. Современная научно-техническая революция внесла свои поправки в это определение. С одной стороны, появились рабочие профессии, требующие немалых теоретических знаний и приближающиеся по своему внутреннему содержанию к профессиям работников умственного труда. С другой стороны, происходит резкий рост удельного веса в общественном производстве средних технических специалистов и служащих; значительная их часть по содержанию своего труда, по своему материальному и социальному положению сближается с рабочими. Анализируя последствия этих процессов, многие исследователи-марксисты приходят к выводу о заметном расширении границ рабочего класса¹.

Данный вывод верно отражает общую тенденцию изменений в структуре современного пролетариата. Однако эта тенденция не воздействует с равной силой на положение всех групп трудящихся, обычно относимых к новым отрядам рабочего класса. Так, средний технический персонал и тем более инженеры, сближаясь во многих отношениях с рабочими, продолжают в значительной мере отличаться от основной их массы и по

¹ См. «Структура рабочего класса капиталистических стран». Прага, 1962; «Современный рабочий класс капиталистических стран. Изменения в структуре». М., 1965.

месту в производстве, и по характеру получаемого образования, и по социальному статусу. Известные различия, особенно в характере трудовых функций, сохраняются и между рабочими и большинством служащих. Подобные различия, возможно, не имеют решающего значения для определения объективной классовой принадлежности всех этих групп трудящихся, но оказывают очень большое влияние на социально-психологический облик каждой из них. Еще важнее для нашей темы другое обстоятельство: «новые» отряды рабочего класса гораздо больше отличаются от «старых» отрядов психологически, чем по своему объективному положению. Здесь сказываются относительно быстрые темпы происходящих изменений, которые из-за естественного отставания общественного сознания от общественного бытия не получили адекватного отражения в психологии этих «новых» отрядов: их психический склад еще сохраняет многие черты психологии средних слоев, нередко закрепляемые спецификой их положения. Известная неопределенность и двойственность их сознания может быть преодолена лишь на пути все большего психологического, идеологического и политического сближения с теми отрядами рабочего класса, которые из-за особенностей своего исторического развития обладают уже сложившейся системой ценностей, социальных норм и способов общественного действия, наиболее полно отражающей объективное положение и интересы всей массы пролетариата.

Такое сближение представляет собой в настоящее время реальный процесс. Вместе с тем очевидно, что этот процесс носит двусторонний характер. Работники физического труда не только оказывают идейно-психологическое влияние на работников умственного труда, но и подвергаются влиянию этих последних. Видимо, чтобы уяснить результаты взаимного воздействия обеих названных групп, необходимо изучить особенности сознания каждой из них, основные тенденции их психологического развития и оценить таким образом специфический «вклад» той и другой в формировании психологического облика современного рабочего класса. Настоящая работа посвящена изучению социально-психологического склада той его группы, которая объединяет людей рабочих профессий, «трудящихся с синими ворот-

ничками», отличающихся по своим производственным функциям и официальному профессионально-квалификационному статусу от «белых воротничков» — технических специалистов всех рангов и служащих.

Отсюда вовсе не следует, что мы ограничиваем объект своего исследования так называемым «традиционным», или «старым», фабрично-заводским пролетариатом. Охарактеризованная выше группа рабочего класса включает в себя рабочих как традиционных отраслей и профессий, так и новых отраслей и квалификаций, вызванных к жизни научно-технической революцией. Несмотря на эти и иные различия внутри данной группы, она выступает по отношению к другим общественным группам как социальное и социально-психологическое единство. В настоящей работе она рассматривается как диалектически развивающееся целое, чьи внутренняя структура и психический склад меняются под влиянием объективных общественных изменений. Выяснение характера и направления ее развития и составляет одну из задач настоящей работы.

В марксистских трудах по истории рабочего и других массовых движений можно найти немало примеров глубокого исследования психологии трудящихся масс. Однако в этих трудах социально-психологические проблемы большей частью рассматриваются в связи с изучением конкретных политических событий, динамикой настроения и поведения людей в конкретных ситуациях. Такой подход позволяет установить, какие мысли и чувства ведут их к практически-политическому действию, но еще не дает целостного представления о психологическом складе участвующих в нем социальных групп и классов. Чтобы составить подобное представление, необходимо уяснить внутреннюю структуру сознания данной социальной группы, закономерности его развития, систему объективных факторов, обуславливающих формирование и изменение ее идейно-психологического облика.

Исследование всех этих проблем представляет значительные методологические трудности. Первая из них возникает уже при определении объекта исследования — того круга явлений, которые должны быть отнесены к психологии рабочего класса. Очевидно, ответ на этот вопрос может дать лишь социальная психология —

наука, непосредственно занятая изучением психологических аспектов общественной действительности. Развитие в последние годы марксистских теоретических исследований в данной области² во многом облегчило определение основных проблем и рамок настоящей работы.

Необходимо вместе с тем учитывать, что вопрос о содержании понятия «социальная психология» и о предмете самой науки остается до настоящего времени весьма дискуссионным. На Западе широко распространено понимание социальной психологии как науки, изучающей психические механизмы общения между людьми, в особенности внутри первичных, так называемых контактных групп. Такой подход в известной мере воспринят частью советских исследователей, полагающих, что социальная (общественная) психология должна изучать прежде всего законы и особенности психической деятельности людей в коллективе или в иной социальной общности. Другие авторы считают ее центральной задачей изучение связей между психологией личности и социальными условиями ее существования. Не вдаваясь в обсуждение вопроса по существу, отметим лишь, что подобные расхождения, очевидно, во многом отражают многогранность социальной психологии как определенного уровня общественного сознания. Поэтому различные точки зрения по существу не исключают друг друга. Они лишь акцентируют различные аспекты, различные, но взаимосвязанные проблемы социальной психологии.

Нам важно прежде всего установить, какие именно из этих аспектов представляют наибольший интерес для нашей темы. Ближе всего к ней то направление социально-психологических исследований, которое ставит своей задачей содержательный анализ массового сознания. Говоря о сущности этого направления, советские исследователи М. Я. Ковальзон и Д. М. Угринович характеризуют массовое сознание, как «сознание всей массы представителей определенного класса или иной социальной общности». Основной задачей социальной психологии эти авторы считают изуче-

² Назовем, в частности, «Проблемы общественной психологии», под ред.

Б. Н. Колбановского и В. Ф. Поршнева; Б. Д. Парыгин. Социальная психология как наука. Л., 1967; В. Ф. Поршнев. Социальная психология и история. М., 1966; Ю. А. Замошкин. Кризис буржуазного индивидуализма и личность. М., 1965; И. С. Кон. Социология личности. М., 1967.

ние «сознания масс, классов, социальных групп и отдельных коллективов под углом зрения того, как отражаются в их сознании объективные условия их жизни, их общественное бытие. Например, когда социальный психолог — марксист изучает сознание классов и социальных групп современного капиталистического общества, то его интересует прежде всего конкретное содержание и социальная направленность взглядов, норм социального поведения, привычек, традиций, настроений, свойственных определенному классу, определенной социальной группе и отражающих условия жизни данного класса, его объективное место в системе капиталистических отношений»³.

Данная формулировка довольно точно характеризует проблематику настоящей работы. Это не значит, что психологические аспекты общения людей или коммуникации внутри контактной группы (как и иные виды коммуникаций) не представляют интереса для изучения психологии рабочего класса. Исследование подобных проблем, несомненно, весьма важно для понимания механизма формирования и закрепления классовой психологии, тех или иных ее черт и проявлений. Однако нас интересует не столько механизм (или, говоря иначе, вопрос, как взгляды, убеждения, представления распространяются внутри рабочего класса), сколько вопрос, каковы эти взгляды, убеждения и представления, почему, т. е. на какой объективной основе они возникают. Поэтому «классические» проблемы социальной психологии, связанные с изучением механизмов психического взаимодействия людей, затрагиваются в работе лишь в минимально необходимой степени.

Цели настоящего исследования предполагают анализ массового сознания рабочего класса в тесной связи с определяющей его содержание общественной действительностью. Действительность эта чрезвычайно многообразна, по сути дела она включает всю совокупность условий жизни, так или иначе отражающихся в массовом сознании, так или иначе воздействующих на его форми-

³ М. Я. Ковальзон и Д. М. Угринович. О предмете социальной психологии. — «Вестник МГУ», серия VIII, № 5, 1966, стр. 18. Сходное определение социальной психологии ранее было предложено В. А. Ядовым («Идеология как форма духовной деятельности общества». Л., 1961, стр. 53).

рование и развитие. Географическая среда, в которой существует данная социальная общность и ее историческое прошлое, уровень ее материальной жизни и характер потребления, условия трудовой деятельности, место в существующих социальных отношениях, культура и идеология окружающего ее общества, его политические институты и формы общественно-политической жизни, наконец, общая социально-политическая обстановка в стране и мире — все эти и еще множество других аспектов действительности, переплетаясь и взаимодействуя, образуют объективную почву массового сознания. Его связи с общественным бытием чрезвычайно сложны и многообразны и столь же сложна совокупность характеризующих его явлений и процессов. Ценности и морально-этические нормы, господствующие в данной социальной общности, ее традиции, система материальных и духовных потребностей, стремлений и ожиданий, присущая ее представителям, их политические взгляды и общественные идеалы, их реакция на различные объективные ситуации — все это относится к сфере массового сознания. Многогранность массового сознания, многообразие его связей с объективной действительностью чрезвычайно затрудняют его всестороннее исследование. Одной из важнейших методологических проблем такого исследования является поэтому установление его внутренней логики, такой последовательности его этапов, которая позволила бы переходить от простого к сложному, от непосредственного психологического отражения элементарных явлений общественной действительности к превращенным и опосредованным формам сознания, требующим учета более широкого круга факторов.

Приступая к анализу психологии конкретной социальной общности, мы должны прежде всего выделить наиболее целесообразный на нынешнем уровне наших знаний этап ее изучения. Первым и необходимым этапом представляется исследование той области социальной психологии, которая может быть определена как «обыденное сознание». Некоторые исследователи употребляют термин «обыденное сознание» в том же значении, что массовое сознание⁴. Мы вкладываем в это понятие не-

⁴ См. М. Я. Ковальзон, Д. М. Угрюнович. Указ. соч.

сколько более узкий смысл: речь идет о тех чертах сознания массы, социальной общности, которые складываются под влиянием наиболее «обычных», наиболее повседневных условий ее существования и выражают ее отношение к этим условиям. Отношения людей в процессе трудовой деятельности и во время досуга, их потребление и жизненный уровень, вообще все явления, с которыми они сталкиваются непосредственно и постоянно, которые входят в повседневный жизненный опыт любого представителя массы, образуют объективную почву обыденного сознания. Несомненно, явления, располагающиеся на более высоких, более отдаленных от рядового человека «этажах» общественного здания: политика и идеология, наука и культура тоже отражаются в обыденном сознании. Однако сила их воздействия на него отличается меньшей «регулярностью» и большей изменчивостью: она зависит от особенностей положения данной социальной группы, ее информированности, конкретных условий исторического момента и ряда иных факторов. В зависимости от обстоятельств подобные явления могут органически включаться в сферу повседневных интересов массы или же, напротив, выходить далеко за рамки эмпирически ощущаемого ею «обыденного».

Необходимо, разумеется, учитывать крайнюю условность и относительность такого рода разграничений. Смысл их состоит главным образом в отделении наиболее стойких и постоянных черт психического склада социальной общности, наиболее долгодействующих и необратимых тенденций его развития от более изменчивых форм сознания и поведения. Первые воспитываются условиями ее повседневной жизни, вторые в большей мере зависят от преходящих ситуаций. Но политическое поведение масс в таких (в том числе «необычных») ситуациях, их отношение к тому или иному политическому, идеологическому или культурному движению не изолировано от стойких черт и тенденций их обыденного сознания; напротив, их поведение только и может быть понято как проявление этих черт и тенденций, опосредованных данными конкретными обстоятельствами. Обыденное сознание в узком смысле слова, понимаемое как отражение повседневных, относительно постоянных и эмпирически воспринимаемых условий бытия,

образует основу всех иных социально-психологических явлений.

Для каждого класса или иной социальной общности могут быть определены те области их общественного бытия, в которых преимущественно происходит формирование их обыденного сознания. Для мелкого буржуа такой областью является, очевидно, рынок и рыночные отношения, для рабочего — завод, капиталистическое предприятие. Именно на предприятии он ближе и непосредственнее всего сталкивается с социальной действительностью капиталистического общества, именно здесь разворачивается его трудовая деятельность, в значительной мере определяющая его психологический облик. На предприятии осуществляется общение между рабочими, в процессе которого вырабатываются и передаются коллективные нормы и идеалы, здесь происходит сплочение рабочих в организацию, развивающую их классовое сознание. С другой стороны, жизнедеятельность рабочего вне стен предприятия — его потребление, формы досуга, семейной и культурной жизни — так или иначе зависит от характера, условий и оплаты его труда, то есть в конечном счете от его места в системе социальных отношений предприятия. По всем этим причинам вопросы положения рабочих на современном капиталистическом предприятии, его влияния на их психологию занимают центральное место в настоящем исследовании.

В каком отношении обыденное сознание и, говоря шире, психология рабочих находится к классовому сознанию пролетариата?

Для ответа на этот вопрос необходимо более подробно остановиться на характеристике самого понятия «классовое сознание». Впервые сформулированное и разработанное марксизмом, оно широко мистифицируется и искажается в буржуазной социологической литературе. В известной мере этому способствовали концепции, предлагавшиеся в свое время иными субъективно добросовестными сторонниками марксизма. Характерный пример — книга венгерского философа Д. Лукача

«История и классовое сознание. Очерки марксистской диалектики».

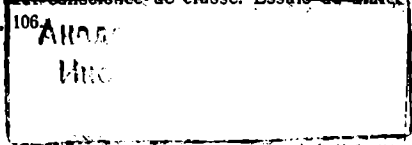
Вышедшая в 1922 г., книга эта отражает давно пройденный этап творческой биографии автора, излагает взгляды, от которых он сам отказался еще в 20-х годах. Тем не менее в последние годы она переиздана в ряде западноевропейских стран и рассматривается многими западными авторами как классический марксистский труд по данной проблеме.

Классовое сознание пролетариата, говорится в старой книге Лукача, «не является психологической реальностью». «Нельзя, — пишет он, — игнорировать дистанцию, отделяющую сознание наиболее революционных рабочих от настоящего классового сознания пролетариата». Такое «настоящее» сознание реализуется лишь после построения бесклассового общества, теперь же оно существует лишь как «объективная возможность» и проявляется в движении пролетарской революции⁵. Нетрудно заметить, что методологическую основу этих взглядов составляет фактическое отождествление объективной и субъективной сторон исторического процесса, закономерности социалистической революции и классового сознания. По мысли Лукача, именно реализация законов социалистической революции, ее «трудный путь» доказывает и выявляет реальность классового сознания.

Иначе говоря, это сознание существует не в головах живых рабочих, а как какая-то надчеловеческая сила, направляющая историческое развитие. В таком «классовом сознании» легко узнать черты гегелевского абсолютного духа, достигающего своего полного воплощения и самопознания лишь на высшей ступени исторического развития (у Лукача — в бесклассовом обществе).

Социалистическое сознание, вносимое в массовое рабочее движение, данная концепция лишает какой бы то ни было связи с сознанием рабочих, какой бы то ни было почвы в их психологии. «Классовое сознание не является психологическим сознанием индивидуальных пролетариев или психологическим сознанием всей их массы». Осуществляющая его «внесение» коммунистическая

⁵ G. L u c a s c. Histoire et conscience de classe. Essai de dialectique marxiste. Paris, 1960, p. 101, 105, 106.

партия выступает как «автономная» (по отношению к рабочему классу) форма классового сознания⁶.

Подобная концепция, по сути дела, отрывает научное революционное сознание, вносимое в массу пролетарской партией, от стремлений и потребностей самой массы. Именно на такие представления опирается прежде всего буржуазная критика марксистской концепции классового сознания пролетариата. Так, по мнению американского социолога Л. Рейсмэна, для марксизма понятие классового сознания — это теоретическое средство для приведения «структурной необходимости в соответствие с повседневной деятельностью реальных людей», оно характеризуется неопределенностью критериев, которые зависят от политических суждений, внешних по отношению к индивиду⁷. Иначе говоря, классовое сознание в марксистском смысле этого слова изображается как нечто чуждое по отношению к классу, навязываемое ему извне.

Изложенные интерпретации марксистского понятия классового сознания исходят в той или иной степени из отрицания органической связи между этим сознанием и психологией рабочего класса. В действительности подобные представления совершенно чужды марксистско-ленинской теории. В. И. Ленин определял «классовое самосознание рабочих» как «понимание рабочими того, что единственное средство улучшить свое положение и добиться своего освобождения заключается в борьбе с классом капиталистов и фабрикантов, которые созданы крупными фабриками и заводами. Далее, самосознание рабочих означает понимание того, что интересы всех рабочих данной страны одинаковы, солидарны, что они все составляют один класс, отдельный от всех остальных классов общества. Наконец, классовое самосознание рабочих означает понимание рабочими того, что для достижения своих целей рабочим необходимо добиваться влияния на государственные дела, как добились и продолжают добиваться этого землевладельцы и капиталисты»⁸.

⁶ G. Lucas. Op. cit., p. 73, 98, 99, 371.

⁷ L. Reisman. Class in American Society. Glencoe (Ill.), 1961, p. 271—274.

⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 102.

Все проявления классового сознания, о которых идет речь в данном определении: и понимание необходимости борьбы с хозяевами, и сознание классовой солидарности, и стремление к вмешательству в политические дела — никак не могут рассматриваться только лишь как результат воздействия на массу вносимых извне идеологических построений. Все они выражают особенности социальной психологии рабочего класса, формируемые его повседневным общественным опытом. «Понимание всего этого,— подчеркивает В. И. Ленин,— рабочие приобретают..., постоянно почерпая его из той самой борьбы, которую они начинают вести с фабрикантами и, которая все больше и больше развивается, становится резче, втягивает большее число рабочих...». В процессе борьбы, обогащения опытом рабочий класс переходит от элементарного социального протеста — «смутного чувства ненависти против своих эксплуататоров» к пониманию «приемов капиталистической эксплуатации», а затем и всего капиталистического строя, «к развитию чувства единства, чувства своей солидарности сначала среди рабочих данной местности, затем среди рабочих всей страны, среди всего рабочего класса» и, наконец, к развитию политического сознания. «Борьба рабочих с фабрикантами за их повседневные нужды сама собой и неизбежно наталкивает рабочих на вопросы государственные, политические...»⁹.

Рассматривая таким образом пролетарское классовое сознание как отражение собственного опыта рабочего класса, развития его социальных чувств и представлений, В. И. Ленин вместе с тем выявляет различные уровни, или этапы, формирования классового сознания. Пролетарское классовое сознание — это не мистический и недоступный для сегодняшнего реального рабочего идеал некоей совершенной сознательности, не идеологическая система, внешняя и «автономная» по отношению к массе. Это — реальный, исторически обусловленный уровень осознания рабочими своего положения в системе существующих общественных отношений и своих классовых интересов и вместе с тем это все те черты их психологической жизни (социальные инстинкты, эмоции, потребности, стремления, проекты и т. д.), в которых так или

⁹ Там же, стр. 102—104.

иначе проявляется такое осознание. Именно конкретно-исторический подход характеризует марксистско-ленинское понимание проблем классового сознания и лишь при условии такого подхода эти проблемы могут быть объектом научного исследования.

Обладая определенным психологическим содержанием, классовое сознание не может быть, однако, сведено к чисто психологическому явлению. Концепции, особенно характерные для реформистских и ревизионистских интерпретаторов марксизма, обычно рассматривают развитие классового сознания как чисто стихийный процесс, более или менее независимый от влияния идеологических факторов. Один из новейших примеров такого противопоставления идеологии классовому сознанию мы обнаруживаем в концепции французского философа и социолога А. Лефевра. Правда, этот автор, в отличие от многих представителей американской социальной психологии, не отождествляет механически психологию и классовое сознание. Он отмечает, что классовое сознание отражает более общие черты класса, относительно устойчивые черты его мировоззрения, а в психике класса значительную роль играют скоропреходящие, «конъюнктурные», частные элементы. Поэтому возможны и неизбежны «конфликты между классовой психикой и классовым сознанием». Однако в основных своих тезисах Лефевр постоянно смешивает психику и классовое сознание, разграничение между устойчивыми и «конъюнктурными» элементами сознания в конечном счете предстает в его концепции лишь как разграничение между различными проявлениями общественной психологии. Касаясь же вопроса о соотношении классовой психологии и идеологии, он акцентирует внимание на несоответствии и «конфликтах» между ними. Эти «конфликты» обусловлены тем, что идеология вырабатывается группами, «занимающими маргинальное положение в классовых отношениях», — интеллигенцией, отражает психологию класса лишь косвенно. Успех идеологии или, иначе говоря, превращение ее в факт массового сознания, обеспечивается, по мысли Лефевра, главным образом «эффективной коммуникацией» между этими группами и классом (а не соответствием идеологии воспринимаемым на психологическом «уровне» классовым интересам). Для класса идеология — это лишь «условный и официальный словарь», которым

пользуются его представители, чтобы «обозначить то, что они хотят сказать, что им нужно сказать, чего они хотят добиться».

Все эти тезисы Лефевра связаны с его пониманием механизма соотношения между «интимно-личными» и поступающими «извне, от группы, класса, коллективного сознания» элементами индивидуальной психологии. Именно потому, что идеология вносится извне, через систему явных для индивида коммуникаций, она не может быть воспринята им как «свое», глубоко личное достояние. Следовательно, к подлинному, «идентичному» классовому сознанию относятся те идеи, которые формируются у индивида стихийно, не могут быть отождествлены им с идеями, исходящими от других социальных групп и людей. Классовым сознанием имеет право называться лишь сознание, не сознающее себя таковым, — к этому парадоксальному тезису сводится, по сути дела, цепь рассуждений Лефевра.

Бесспорно, эта парадоксальность в значительной мере является лишь внешним выражением реальных противоречий развития классового сознания. И не анализ этих противоречий вызывает возражение в концепции Лефевра. Несоответствие между идеологией и психологией класса — в общем довольно распространенный исторический феномен, к которому нам еще придется вернуться ниже. Так же очевидно, что влияние на человека той или иной идеологии во многом определяется тем, в какой мере он связывает ее происхождение с внешними источниками воздействия: идея, проникшая в сознание «незаметно» и столь же незаметно получившая качество аксиомы, часто сильнее новой, хотя бы логически убедительной, но идущей от кого-то «чужого» непривычной истины. Однако все это никак не доказывает, что идеи, ценности, нормы, принимаемые индивидом за свои собственные, лишены генетической связи с выработанной маргинальными группами идеологией.

В реальной исторической действительности вообще невозможно представить себе «чисто психологическое», «спонтанное» классовое сознание. Даже на ранних, примитивных ступенях развития класса, когда его собственные интересы еще не нашли выражения в какой-либо разработанной идеологии, он пытается выразить их в тех или иных элементах идеологии, уже существующей в об-

щёстве, разработанной применительно к потребностям других классов. Тем менее возможно «деидеологизированное» сознание классов, уже имеющих длительный опыт исторического и идеологического развития. В этих условиях индивид вообще не может думать о своем классовом положении и о своих личных (но связываемых им с классовыми) интересах, не прибегая к формулам, идеям, представлениям, восходящим к определенной идеологии. Именно в игнорировании укоренившихся в сознании, органически усвоенных, «переваренных» им идеологических элементов заключается, на наш взгляд, исходная методологическая ошибка Лефевра.

В своем практически-политическом приложении теории, подобные изложенной выше, ведут к преклонению перед стихийностью рабочего движения, к хвостизму. Если функция идеологии сводится к составлению «условного словаря» для выражения стихийных стремлений и потребностей рабочего класса, она не может играть никакой самостоятельной роли в развитии его классового сознания. Но такое развитие пролетарского сознания, в котором не принимает активного участия классовый идеологический авангард, приводит, как это было показано В. И. Лениным, лишь к формированию сознания тред-юнионистского. Конечно, и такому сознанию присуща определенная идеология, но идеология, выражающая классовые интересы пролетариата лишь в той мере, в какой они не противоречат задачам сохранения существующего строя, и, следовательно, в конечном счете подчиняющая их этим задачам. Классовое сознание пролетариата, на каком бы уровне развития оно не находилось, всегда представляет собой сложное, изменчивое переплетение социально-психологических и идеологических компонентов, причем, вносимая извне идеология ищет себе опору в тех или других стихийных психологических тенденциях. Следовательно, конкретно-историческое содержание классового сознания в большой мере определяется тем, какая именно идеология эффективнее, полнее, «адекватнее» учитывает эти тенденции и преодолевает тем самым влияние другой (или других) идеологий.

Таким образом, выяснение особенностей классового сознания пролетариата определенной страны в определенный исторический период требует изучения специфич-

ческого механизма взаимодействия его социальной психологии и идеологии. Говоря об истории рабочего социал-демократического движения в России, В. И. Ленин отмечал, что каждый из переходов в его развитии «подготавливался, с одной стороны, работой социалистической мысли..., с другой стороны, глубокими изменениями в условиях жизни и во всем психическом укладе рабочего класса, пробуждением новых и новых слоев его к более сознательной и активной борьбе»¹⁰.

Развитие классового сознания пролетариата может быть понято только как единый процесс взаимодействующих изменений в его «психическом укладе» и в классовой идеологии.

В данной связи необходимо лишь раз напомнить, что классовая идеология представляет собой такое же диалектически развивающееся явление, как и психология класса. Наличие в идеологии рабочего класса таких наиболее общих, отражающих его коренные интересы принципов, как идея революционного ниспровержения капитализма, построения социалистического и коммунистического общества, не означает неизменности конкретных, специфических для более ограниченных исторических периодов и условий отдельных стран интересов и потребностей класса, целей и средств его общественно-политической деятельности. Формулируя эти интересы и потребности, разрабатывая эти цели и средства, классовая идеология развивается вместе с развитием объективных условий и психического уклада класса. Эту общеизвестную истину важно иметь в виду, применяя широко принятое в нашей литературе различие между «последовательным» и «непоследовательным» классовым сознанием. Последовательное классовое сознание справедливо отождествляется с революционным социалистическим сознанием, с пониманием коренных интересов рабочего класса, выраженных революционной идеологией, но при том не всегда учитывается, что эта идеология не есть нечто, заранее данное на все времена, что сами коренные интересы, формы борьбы за их реализацию требуют конкретизации применительно к меняющимся общественным условиям и что такая конкретизация может быть лишь продуктом научной социалистической мысли.

¹⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 9, стр. 294.

Представление о революционном классовом сознании, как о некоем вневременном абсолюте ведет к противопоставлению этого сознания реальным интересам и потребностям масс. На практике оборотной стороной такого представления нередко становится политический волюнтаризм. Лишенное связи с конкретными объективными требованиями общественного развития, с потребностями масс, «совершенное» революционное сознание неизбежно приобретает мистический, иррациональный характер, а это дает возможность сводить такое сознание к абсолютному послушанию тем, кто изображает себя в качестве его носителей.

Идеология культа Мао в Китае — наиболее яркое проявление подобных представлений о революционной сознательности.

Правильное понимание взаимоотношений между общественной психологией и идеологией — одно из важнейших условий преодоления как реформистских, так и авантюристически-волюнтаристских мистификаций классового сознания. Данная проблема получила сравнительно широкое освещение в новейшей советской литературе по социальной психологии (в работах Б. Ф. Поршнева, А. И. Горячевой, А. Я. Гуревича и других авторов).

Идеология обладает значительной самостоятельностью по отношению к общественной психологии, не является, как отмечает Б. Ф. Поршнев, простым ее «сгустком»¹¹. Социально-психологические явления — результат стихийной реакции масс на их опыт, объективные условия их жизни. Идеология создается не массами, а сравнительно ограниченными группами интеллигенции, потребности и интересы классов или иных социальных общностей она пытается осмыслить и выразить теоретически — в виде более или менее стройной системы взглядов на существующее общество и вместе с тем норм, идеалов, рецептов практического действия. Чтобы выработать такую систему, она должна оперировать абстрактными понятиями, идеями, образами, поэтому предметно-конкретное мышление играет в ней несравненно меньшую роль, чем в общественной психологии. Историческое развитие идеологии тоже в определенной мере самостоятельно: реагируя на вновь возникающие общественные проблемы, она

в то же время широко использует уже имеющийся «идеологический материал», выработанный предшествующими поколениями и школами идеологов; «унаследование» и трансформация этого материала составляет одну из важнейших сторон процесса идеологического развития.

Вместе с тем советские авторы справедливо указывают на условность и относительность граней, отделяющих общественную психологию от идеологии¹². Любая идеология имеет свои социально-психологические корни, и в то же время представления, идеи, понятия, выработанные идеологией, проникая в массовое сознание, становятся фактом общественной психологии. Непонимание этого диалектического взаимодействия психологии и идеологии приводит, с одной стороны, к ограничению социальной психологии сферой чувственного, подсознательного, а с другой — к отрицанию активного влияния идеологии на психический склад социальных общностей. Именно такой смысл имеет утверждение А. Лефевра, что психику класса можно обнаружить лишь в «самой стихийной аффективности, в образах, наиболее насыщенных интимностью», но отнюдь «не в выработанных идеологии и культуре, не в абстрактно воспринимаемых идеях и символах»¹³. Автор явно не учитывает, что идеи, воспринимаемые вначале как абстракции, впоследствии сплошь и рядом «насыщаются интимностью» и приобретают глубоко эмоциональное содержание. Достаточно напомнить, что существование современного религиозного сознания было бы вообще невозможным, если бы абстрактные (богословские) идеи, образы и символы не превратились в свое время в органический элемент психологического восприятия действительности.

Все сказанное полностью относится и к классовой пролетарской идеологии. Ограничимся лишь одним примером, имеющим непосредственное отношение к нашей теме. Характеризуя мировоззрение современных французских рабочих, Д. Моте замечает, что «в начальный период рабочего движения первые активисты, объяснявшие рабочим, что их эксплуатируют, не всегда встреча-

¹² См. Б. Ф. Поршнев. Указ. соч., стр. 23; А. И. Горячева. О взаимоотношении идеологии и общественной психологии. — «Вопросы философии», 1963, № 11, стр. 58.

¹³ H. Lefebvre. Psychologie des classes sociales. In: «Traité de sociologie», sous la direction de G. Gurvitch, t. II. Paris, 1963, p. 368—370.

ли у последних то понимание, на какое, казалось бы, можно было рассчитывать. Для нас, рабочих XX в., понятие прибавочной стоимости — легко воспринимаемая концепция, оно затвержено и заучено с детства»¹⁴. Даже учитывая известную преувеличенность этой характеристики (Моте знаком главным образом с настроениями потомственных парижских рабочих), нельзя не признать, что в ней верно отражен реальный процесс проникновения в массу понятий научной марксистской идеологии, превращения их в элемент классовой психологии. Конкретные социологические исследования вполне подтверждают распространенность во французском рабочем классе понятия капиталистической эксплуатации.

По мере развития идеологий, расширения путей и способов их массового распространения, наконец, с ростом культуры масс, повышающим их восприимчивость к идеологическим системам, переплетение идеологии и общественной психологии становится все более тесным. Как совершенно справедливо отмечает А. И. Горячева, «с накоплением опыта в ходе классовой борьбы удельный вес элементов сознательности в общественной психологии возрастает. Все большую роль начинают играть идеологические моменты... Развитие общественного сознания происходит не только в направлении от психологии к идеологии, но и от стихийно сложившейся психологии к психологии, преобразованной идеологией, ко все более высоким ее уровням»¹⁵.

К этому можно было бы добавить, что идеологические элементы общественной психологии обладают в общем меньшей подвижностью, чем стихийные психологические тенденции. Освоение массовым сознанием новых идей и представлений — результат длительного процесса идеологического воздействия, в ходе которого люди постепенно привыкают выражать свое мироощущение, свои интересы и потребности именно данными идеями и представлениями. Процесс этот длителен потому, что он в той или иной мере предполагает вытеснение старых, укоренившихся идей и представлений и критический «отбор» сознанием тех элементов нового идеологического материала, которые соответствуют смутно ощущаемым инте-

¹⁴ D. M o t h é. Militant chez Renault. Paris, 1965, p. 121.

¹⁵ А. И. Горячева. Указ. соч., стр. 60.

ресам и потребностям. Стихийные психологические тенденции, напротив, развиваются как наиболее непосредственная и относительно быстрая реакция на сдвиги в объективных условиях жизни. Поэтому уже в самом механизме взаимодействия общественной психологии и идеологии заложена возможность отставания второй от первой. Сама идеология может в определенном смысле опережать свое время, если она выражает потребности и стремления, еще не пробудившиеся в достаточной степени в общественной психологии, но пока те или иные ее элементы станут достоянием массового сознания, само это сознание может выработать новые потребности, которым уже не соответствует ранее родившаяся идеология.

В психологии любой социальной общности сочетаются «старые», привычные, в том числе привнесенные предшествующим идеологическим развитием элементы, и относительно новые, хуже осознанные и не нашедшие еще себе соответствующего идеологического выражения. Именно это сочетание определяет специфический психический склад социальной общности. Но отсюда понятно, что ее психология зависит не только от нынешних условий ее существования, но и от ее предшествующей истории. С другой стороны, психология социальной общности не может быть понята как нечто абсолютно целостное: в той или иной мере она характеризуется противоречием между «старыми» и «новыми» ее элементами.

Из всего сказанного следует, что психологию современного рабочего класса было бы неправильно рассматривать только лишь как «стихийное» отражение в сознании рабочих нынешних условий их общественного бытия. Социально-психологический склад современного рабочего класса, различных его групп и слоев невозможно уяснить, абстрагируясь от тех «следов», которые оставило в его психике его историческое прошлое, от идеологических традиций, обусловленных особенностями его исторического развития. По глубоко верному замечанию французского социолога-марксиста М. Симона, объективные условия жизни социальной группы воздействуют на ее сознание и общественно-политическое поведение, опосредствуясь особенностями «исторической среды», т. е. более или менее прочных образов мышления, стереотипов «восприятия и интерпретации» объек-

тивных ситуаций. Поэтому, исследуя развитие сознания и поведения, необходимо учитывать как влияние на них эволюции современных условий, так и «исторические рамки», сформированные ранее существовавшими условиями¹⁶.

Очевидно, можно схематично наметить примерно следующий путь исследования классового сознания современного рабочего класса: идеологические традиции, отражающие специфический национальный и исторический опыт класса и отдельных его групп,— стихийные тенденции обыденного сознания, обусловленные изменениями в объективном положении класса, его новым опытом, их взаимодействие с его идеологическими традициями — взаимодействие между эволюцией социальной психологии класса и идеологической жизнью современного общества, развитие классового сознания как результат этого взаимодействия. Идеологическая жизнь общества рассматривается в данном случае как развитие и борьба различных идеологий, оказывающих влияние на рабочий класс и испытывающих, в свою очередь, прямое или косвенное влияние развивающихся в нем психологических тенденций.

Настоящая работа не претендует на исчерпывающее исследование всех перечисленных проблем. Поскольку история французского рабочего класса и рабочего движения широко освещена в марксистской литературе, идеологические традиции и национальный исторический опыт французских рабочих характеризуются в самом общем виде. Основная часть книги посвящена анализу социально-психологических явлений и процессов, характеризующих современный этап развития рабочего класса. Наконец, в заключительных главах книги рассматривается воздействие стихийных социально-психологических тенденций, «обыденного сознания» на идеологические взгляды и потребности пролетариата, на его классовое сознание, роль этих тенденций в идеологической борьбе.

Необходимо подчеркнуть, что многие существенные аспекты взаимоотношения психологии рабочего класса и его идеологии в настоящей работе лишь намечены и, несомненно, нуждаются в дальнейшем исследовании.

¹⁶ M. Simon. Attitudes politiques ouvrières dans le département du Nord.— «Cahiers Internationaux de sociologie», 1964, p. 72, 73.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ФРАНЦУЗСКОГО РАБОЧЕГО КЛАССА

Своеобразие исторических судеб французского рабочего класса во многом определяется тем, что его политическое развитие значительно опередило его развитие социальное.

Классовая борьба во Франции в конце XVIII и в XIX в. выдвинула пролетариат на роль активной политической силы. Но в социальном отношении на протяжении почти всего этого периода он оставался тесно связанным в основной своей массе с полуремесленными формами производства, раздробленным по мелким кустарным мастерским, не конституированным — за отдельными исключениями — в подлинные армии промышленного пролетариата. Характерные для французского капитализма замедленные темпы индустриального развития приходили в вопиющее противоречие с невиданной в других странах зрелостью форм общественно-политической борьбы. Отсюда несоответствие между историческими задачами, которые пытался решать французский пролетариат, и его незрелостью как класса. Рабочий класс, совершивший первую в мире пролетарскую революцию и впервые захвативший государственную власть, не имел ни своей собственной политической партии, ни научно обоснованной программы социалистических преобразований.

«Сектантский социализм», явившийся первым идеологическим выражением классовых устремлений пролетариата, был непосредственным результатом этой социальной неразвитости. Он не стал да и не мог стать тем идейным знаменем, которое сплачивало и вело на баррикады рабочую массу в моменты острых политических

кризисов. Не имея собственной идеологии, соответствовавшей его рано пробудившемуся политическому сознанию, пролетариат, естественно, черпал лозунги своей борьбы в идеологии буржуазной.

Этот феномен, вообще говоря, не представляет собой какого-то исключения. Стихийное движение пролетариата, как показал В. И. Ленин, «идет именно к подчинению его буржуазной идеологии»¹. Но, если пролетариат всегда — и сильнее всего на ранних стадиях своего развития — подвергается идеологическому влиянию буржуазии, для формирования его сознания далеко не безразлично, что именно представляет собой идеологический багаж господствующего класса.

Французский пролетариат оказался в этом отношении в несколько особом положении по сравнению с пролетариатом других стран. К. Маркс характеризовал французскую буржуазию как «самую революционную на всем континенте»². Слова эти, написанные в 1850 г., разумеется, не относились к идейно-политическим позициям французской буржуазии середины XIX в., окончательно превратившейся к тому времени в контрреволюционную силу. Речь идет не о результатах, но об особенностях исторического и идеологического развития национальной буржуазии, наложивших неизгладимую печать на весь идейно-психологический облик французского общества.

Психология любого социального класса складывается под влиянием психологии и культуры нации, обладает специфической национальной окраской. Но и национальный психический склад не является чем-то независимым от классовой психологии; его формирование — длительный и сложный исторический процесс, в котором принимают участие различные классы. Этим между прочим объясняются те трудности, с которыми связано определение конкретного содержания национальной психологии: слишком многослоен и противоречив отражаемый ею исторический опыт, слишком переплетены в ней разнообразные идейные и культурные традиции. Лишь строго исторический подход помогает внести ясность в эту путаницу: в любой черте «национального характера» сле-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 40.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 17.

дует видеть результат конкретных исторических условий, вызвавших к жизни эту черту и обеспечивших ее стойкость.

В Западной Европе и Северной Америке ведущая роль в формировании национальной культуры и психического склада принадлежала буржуазии. В этот процесс включались и иные, «добуржуазные» социально-культурные наслоения, но именно буржуазия обладала культурной гегемонией в наиболее решающие периоды складывания наций, когда под воздействием резких сдвигов в условиях жизни рушились или трансформировались старые традиции и способы видения мира, когда происходили глубочайшие потрясения в народном сознании.

Французская буржуазия оказалась к моменту Великой революции XVIII в. в состоянии резкой, непримиримой оппозиции к феодально-аристократическому строю, его социальным и моральным нормам и ценностям. Борьба против этого строя, объединяя основную часть буржуазии с массой демократических мелко-буржуазных и предпролетарских слоев, повышала значение демократических и гуманистических элементов в ее идеологии и культуре. Французское Просвещение наиболее полно воплотило эти черты поднимавшейся буржуазной культуры. А история Великой революции показала, что идеи просветителей, примененные на практике и доведенные до своего логического завершения, далеко выходят за пределы собственно буржуазных интересов и выливаются в оправдание массовой революционной борьбы за торжество социальной справедливости.

Освободительный энтузиазм, идеи «свободы, равенства и братства», внесенные в духовную жизнь французского общества этой революционной эпохой, уже не могли быть изъяты из нее последующим развитием. Лишившись былого революционного содержания, превратившись в разменную монету в политической игре, они оставили тем не менее прочный след в народном сознании. Это и позволило Марксу говорить о «французском революционном духе». Готовность к боевым революционным действиям неизменно проявлялась у политически активных групп населения в периоды острых социальных кризисов. По словам Энгельса, во Франции не было «ни одной партии, которая не отдала бы своей дани

заговорам, восстаниям и всяческим другим революционными действиям»³.

Французская революционность имеет в своей основе еще более глубокие и более постоянные черты национального характера, во многом также определяющиеся национальными идеологическими и культурными традициями. Уже в XVII в. во французской культуре утвердился декартовская идея сомнения, противопоставившая силу разума слепой вере в незыблемость установившихся истин. Рационализм, свойственный идеологии французской буржуазии, тесно связан с оппозиционностью феодальным институтам, с идеей социального прогресса. В народном сознании, обогащенном опытом напряженной классовой борьбы XVIII—XIX вв., эти идеи, исходившие от образованных буржуазных и мелкобуржуазных кругов, нашли широкий отклик. Они воплотились в психологию нонконформизма, в склонность к отрицанию разумности и естественности существующих учреждений и норм общественно-политической жизни, в восприимчивость к социальным идеалам, не соответствующим данному строю. Разумеется, консервативные и конформистские тенденции массового сознания, питаемые условиями жизни буржуазного общества, прочны во Франции, как и в любой другой стране, но все же здесь они проявляются в относительно ограниченных масштабах. В борьбе с ними огромную роль сыграл воинствующий антиклерикализм, который со времен революции XVIII в. превратился в своего рода национальную традицию и прочно укоренился в сознании широких слоев мелкой буржуазии и трудящихся классов.

Послереволюционное общественное развитие усилило в национальной культуре и психическом складе еще одну специфическую черту, обусловившую особую социальную заостренность французского нонконформизма. Вопиющий парадокс буржуазной культурной гегемонии во Франции заключается в том, что привнеся идею социального прогресса, она не смогла ни отождествить этот прогресс с деятельностью самой буржуазии, ни внедрить по-настоящему в народное сознание чисто буржуазные идеологические ценности. В значительной мере в этом

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, стр. 644.

были «повинны» демократические традиции века просвещения и революции, но не только они.

В англо-саксонских странах бурное промышленное развитие до известной степени внушало пиетет к буржуазии, как к носительнице экономического прогресса. Капиталист выступал здесь в качестве хозяина большого дела, организатора производства и работодателя. Он не пользовался любовью, но часто рассматривался как необходимый и полезный член общества, противопоставлявшийся тунеядцу-аристократу. Это позволяло буржуазии распространять культ бизнеса, утилитаризма, делового успеха, «прогресса» в узкобуржуазном понимании этого слова.

Во Франции замедленность индустриального развития, запоздалость промышленного переворота привели к гегемонии финансовой буржуазии над буржуазией промышленной. В сознании масс буржуазность олицетворялась именно качествами этой «финансовой аристократии», которой, по словам Карла Маркса, свойственна «страсть к обогащению не путем производства, а путем ловкого прикармливания уже имеющегося чужого богатства»⁴.

Для француза XIX в. капиталист — это прежде всего «великий вор», спекулянт и казнокрад. Он наживается на ловких плутнях, займах и выгодных подрядах. Буржуазная власть — это власть больших и малых ротшильдов. Развитие французского империализма как преимущественно империализма ростовщического могло только закрепить за буржуазией репутацию класса-паразита. Подвиги «героев Панамы» обладали той же окраской циничного грабежа, что и деятельность банкиров времен Луи-Филиппа. Исторически обусловленные особенности французского капитализма подрывали его моральный кредит в демократическом общественном мнении, придали антибуржуазную направленность социальной психологии широких слоев общества.

Прочность нонконформистских и революционно-радикальных традиций во Франции во многом объясняется той особой ролью, которую играла и играет в общественной жизни страны интеллигенция. Идеологическая эволюция буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 11.

не была абсолютной копией эволюции самой буржуазии: основная часть этой интеллигенции оставалась постоянно на левом фланге своего класса, выступала знаменосцем республиканского и антиклерикального лагеря. Именно поэтому она смогла обеспечить аккумуляцию, сохранение и передачу радикально-демократических идейных традиций, закрепить их в национальной культуре. «Духовная пища» рядового француза существенно отличалась в этом отношении от того, что потреблял немец или англичанин. По отзыву авторитетного французского литературоведа профессора Сорбонны Ясинского, «Гюго — единственный, кто волновал и сейчас еще волнует народную душу»⁵. Но разве в классической литературе соседних стран можно найти такой накал революционных страстей, такой пафос социального протеста, каким насыщено творчество Гюго?

Не менее важную функцию выполняли рядовые представители радикально-республиканской интеллигенции. Скромный школьный учитель, ведущий упорную, неустанную борьбу с местным кюре и крупным землевладельцем, сыграл немаловажную роль во французской истории. Конечно, интеллигентский и мелкобуржуазный радикализм сплошь и рядом вырождался в мелкотравчатое политиканство, в пустые дразги, занимавшие жителей больших и маленьких клошмерлей, в те *rivalités de clocher*, которые столь блистательно осмеяны французской литературой. Но превратившись в фарс, в смешную пародию на якобинство, этот радикализм сделал свое историческое дело: пусть революционный язык потерял в устах учителей и аптекарей какое-либо реальное содержание, именно благодаря им он часто становился языком масс и помогал им выражать и развивать свои действительно революционные настроения. Без обеспеченной интеллигенцией «коммуникабельности» неконформистской идеологии она не смогла бы пустить столь глубокие корни в народном сознании.

Лишь немногие национальные отряды пролетариата обладали возможностью черпать в окружающей их идеологической атмосфере материал для развития своего революционного сознания. На прочные традиции осво-

⁵ Р. Р а л я. Два облика Франции. М., 1962, стр. 391.

бодительного демократического движения опирался в своей борьбе русский рабочий класс. Иначе обстояло дело в большинстве стран Западной Европы. Английский пролетариат развивался в обществе, носившем ярко выраженную консервативную окраску, он имел дело с буржуазией, в значительной мере унаследовавшей феодально-аристократическую идеологию. В Германии как антифеодальные, так и романтически-антибуржуазные идеологические тенденции выступали в абстрактно-мистической форме, исключавшей их восприятие массами; слабая и филистерски трусливая немецкая буржуазия не передала пролетариату сколько-нибудь четких революционно-освободительных традиций. В отличие от своих собратьев в других странах французские рабочие смогли обратить против буржуазии ее собственные идеи и лозунги, ее собственные знамена свободы, равенства, социального прогресса.

Богатый исторический опыт классовой борьбы и революционные идейные традиции оказали серьезное влияние на развитие французского рабочего движения. Лозунг «социальной республики», выдвинутый парижскими рабочими во время революции 1848 года, был первым выражением социалистических устремлений пролетариата, возникшим непосредственно в ходе его массовой борьбы. Особенно сильная восприимчивость к социалистической идеологии, сознательное отрицание капитализма еще в прошлом веке превратились в органическую черту мировоззрения широких масс французского пролетариата и во многом продолжают определять его сегодняшний идейно-психологический облик.

Первая социалистическая идеология, оказавшая известное влияние на рабочий класс, не была ни научной, ни революционной. Это был мелкобуржуазный социализм Прудона с его утопическими кооперативными идеями и отрицанием классовой борьбы. «Рабочие, говорящие на романских языках, — отмечал Энгельс в 1872 г., — в течение двадцати пяти лет не имели почти никакой другой социалистической духовной пищи, кроме писаний этого «социалиста Второй империи»⁶. Однако массовое рабочее движение, восприняв в той или иной

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 18, стр. 227.

мере пропагандируемый прудонизмом социалистический идеал, довольно быстро освободилось — в основной своей части — от влияния прудоновского реформизма. Огромную роль сыграл в этом опыт Парижской Коммуны, а затем деятельность первых французских марксистов. Условия социального и политического развития французского капитализма также не слишком благоприятствовали укреплению в рабочем классе реформистских течений. Отсталая и косная французская буржуазия гораздо позже своих английской и германской соседок поняла необходимость частичных уступок рабочему классу как средства укрепления своего господства; ее политические представители, напуганные Коммуной, долгое время предпочитали репрессии каким-либо иным методам социальной политики. Все это, разумеется, не могло создать благоприятной атмосферы для распространения реформизма.

С 80-х годов XIX в. решающим фактором развития революционного классового сознания пролетариата становится Рабочая партия Гедд и Лафарга. Предшествующий исторический опыт французского пролетариата, его революционные традиции подготовили почву для восприятия многими рабочими идей научного социализма. Геддисты находят опору прежде всего в концентрированных, связанных с механизированным производством группах рабочего класса. Однако относительная ограниченность этих групп, их локализованность в определенных географических районах значительно сужали влияние марксистской идеологии. Давали себя знать все еще сильные в некоторых слоях рабочего класса традиции кооперативного и анархистствующего социализма, наследие прудонизма и бакунизма, тяготевшее над рабочим движением. Особенности структуры рабочего класса и его идеологического багажа сказались в отколе от Рабочей партии различных антимарксистских групп и особенно в том широком влиянии, которое приобрел в массовом рабочем движении анархо-синдикализм.

Эпоха империализма создала условия для усиления реформистского течения в рабочем движении. Франция не была в этом отношении исключением. Реформистские тенденции проявились не только в платформе откровенно оппортунистических фракций рабочего движения, но и в эволюции геддизма и в деятельности

образовавшейся в 1905 г. Объединенной социалистической партии. Но все же общий идейный климат, господствовавший во французском рабочем движении кануна первой мировой войны, не был реформистским. Анархо-синдикализм при всей мелкобуржуазной утопичности своих «социалистических» идей сохранял идеологическую оболочку революционного течения. Для широких масс рабочих анархо-синдикалистская революционность означала (особенно на фоне реформистского перерождения социалистических партий) непримиримость к каким-либо компромиссам с существующим строем, веру в возможность его революционного ниспровержения⁷. Ультрареволюционная фразеология анархо-синдикалистов была в основе своей обманом, но во всяком случае — обманом, который не сеял реформистских иллюзий.

Да и сам французский реформизм сохранял определенное время несколько своеобразный облик. При всей глубине перерождения верхушки социалистического движения революционные настроения были довольно живучи во французском социалистическом движении начала века. Это ярко проявилось после раскола в Туре (1920 г.), когда подавляющее большинство бывших социалистов перешло в Коммунистическую партию⁸. Во Франции из-за специфических исторических условий реформизм оказался не в состоянии затормозить развитие классового сознания пролетариата в тех масштабах, в каких это ему удалось в других западноевропейских странах. Данное обстоятельство явилось одной из предпосылок широкого массового влияния компартии.

Сила и прочность революционных традиций, корнящихся в истории французского рабочего класса и идеологическом прошлом его наиболее влиятельных организаций, во многом объясняют его нынешнюю психологию. Не менее важно учитывать исторически обусловленные особенности этих традиций, их специфическую «окраску».

Как уже говорилось, французский пролетариат оказался вынужденным решать свои собственные задачи,

⁷ Ср. В. Далин. Стачки и кризис синдикализма в предвоенной Франции. М.—Л., 1935, стр. 27.

⁸ «Histoire du Parti communiste français». Paris, 1964, p. 114.

когда его конституирование как класса еще далеко не завершилось. После установления буржуазной республики он уже не мог черпать лозунги своей борьбы в буржуазно-демократическом мировоззрении. Создалась почва для восприятия рабочей массой марксистской революционной идеологии. Однако из-за незрелости капиталистического производства и самого пролетариата марксизм принял во Франции во многом искаженные и примитивизированные формы. Первые французские марксисты лучше всего усваивали революционные лозунги марксизма, его конечные цели («коллективизм»), но значительно хуже — научное обоснование этих целей и лозунгов, марксистскую политэкономия и философию. В 1884 г. Энгельс, резко критикуя одну из экономических статей Лафарга, настойчиво советовал ему «серьезно перечитать» «Капитал»⁹. Отсталые формы производства, господствовавшие во французской промышленности, очевидно, мешали деятелям Рабочей партии полностью понять всю неразрывность связи между марксовым анализом капиталистической экономики и его революционными выводами.

Теоретическая слабость Геда и других французских марксистов во многом обусловила и их сектантские ошибки. Сектантство, вообще говоря, является результатом неспособности к научному анализу взаимоотношений между пролетарской партией и массами, между различными классами общества во всех их диалектически сложных связях и опосредствованиях. Сектант обычно затверждает несколько наиболее общих истин (например, об антагонизме между пролетариатом и буржуазией, о том, что партия выражает интересы класса и т. д.) и не пытается понять, как, через какие противоречия, «переходы», ступени реализуются процессы, отраженные этими истинами. Во Франции конца XIX в. сектантство питалось также объективными условиями жизни рабочего класса, связанностью большей его части с мелким, раздробленным производством, с традиционными, полуремесленными формами труда. Эти условия сплошь и рядом ограничивали общественный кругозор рабочих рамками их отношений с хозяином, узкопрофессиональ-

⁹ F. Engels. Paul et Laura Lafargue. Correspondance, t. I. Paris, 1956, p. 231—235.

ными интересами, мешали им воспринимать всю сложность реальной экономической и общественной жизни.

Для развития классового сознания пролетариата серьезные последствия имел тот факт, что сектантские традиции, восходящие к прудонизму, бакунизму и бланкизму, были подхвачены такими противоположными в иных аспектах течениями, как гедизм и анархо-синдикализм. Под их воздействием революционные настроения многих рабочих приняли явно выраженный сектантский оттенок: преданность своему классу отождествлялась в их сознании с враждебностью всем другим классам общества, с равнодушием к общественно-политическим событиям, не затрагивавшим явным образом интересов рабочих¹⁰.

Сектантство мешало рабочим осознать связь между экономической и политической борьбой, отрывало повседневную деятельность рабочего движения от его конечных целей. Казалось бы, стремление Геда превратить профсоюзы в непосредственный инструмент партийной политики прямо противоположно анархо-синдикалистскому отрицанию политической борьбы, идее «автономии» и «нейтралитета» профсоюзов, однако на деле обе эти крайности сходятся. И гедистский, и анархо-синдикалистский подходы предполагали, что борьба за социализм разворачивается помимо рабочей массы, без ее активного участия. Все равно, будут ли рабочие приближать наступление социализма путем простого голосования на выборах или их освобождение произойдет в результате апокалиптической «всеобщей стачки»,—пока нет выборов или всеобщая стачка еще не началась, они никак не участвуют в борьбе за социализм. Поскольку им незачем интересоваться борьбой, происходящей на политической арене буржуазного общества (вроде дела Дрейфуса, в отношении которого гедисты проповедовали «нейтральные позиции»), на их долю остается лишь задача добиваться более высокой оплаты, лучших условий труда и ожидать революции. Признает ли сектантство политическую борьбу или отрицает, последняя, в его

¹⁰ «Предстоящая вам революция,—говорил Гед лильским рабочим в разгар дела Дрейфуса,—возможна лишь в той мере, в какой вы останетесь классом против класса, не знающим и не желающим знать разделения, которые могут существовать в капиталистическом мире». Цит. по J. V e r d è s. Le syndicalisme révolutionnaire et le mouvement ouvrier français avant 1914.— «Cahiers internationaux de sociologie», 1964, p. 129.

представлении не является повседневным делом рабочих. Поэтому оно воспитывает в них «аттантизм», настроение пассивного ожидания революционного переворота, а активистов, авангард рабочего движения отучает от кропотливой революционной работы в массах.

Сектантский, «уврьеристский» дух, заразивший политическое сознание довольно многочисленных групп французского рабочего движения, оказался на первых порах серьезным препятствием в деятельности Коммунистической партии. Лишь с 1930 г. после прихода к руководству ФКП марксистско-ленинского ядра во главе с М. Торезом начинается решительная борьба с сектантством¹¹.

Исторический опыт 30—40-х годов в огромной степени расширил общественно-политический кругозор пролетариата, обогатил его классовое сознание. В этот период Франция вновь становится страной наиболее развитых форм классовой борьбы, втягивающей широчайшие слои населения, постоянно выдвигающей рабочий класс на авансцену политической жизни, в авангард общедемократической антифашистской борьбы. Политика единства всех демократических сил, успешно проводимая компартией во время Народного фронта и Освобождения, помогала рабочим понять, что, лишь активно участвуя в решении острых общенациональных социально-политических проблем, они добиваются решительного перевеса сил в свою пользу.

Экономические и социальные завоевания Народного фронта — повышение зарплаты, 40-часовая рабочая неделя и оплачиваемые отпуска, введение коллективных договоров — показали рабочим массам, что общедемократическая политическая борьба вернее всего обеспечивает удовлетворение их насущных интересов.

Опыт Народного фронта в большой мере содействовал поэтому преодолению пережитков анархо-синдикалистских и сектантских настроений: рабочий класс ощутил значение своего единства и вместе с тем свою роль активнейшего участника и ведущей силы общедемократической борьбы. Народный фронт укрепил революционные и республиканско-демократические традиции французского пролетариата, развил его стремление к единству.

¹¹ См.: «Histoire du Parti communiste français», p. 126, 151, 222—224.

В том же направлении воздействовал на сознание французских рабочих опыт классовых битв 1944—1947 гг. Важнейшие демократические реформы этого периода — национализация, комитеты предприятий, прогрессивная система социального обеспечения — стали возможны потому, что коммунисты участвовали в правительстве и сохранялись определенные формы сотрудничества рабочих партий. Это повысило авторитет революционной идеологии и идей единства. Победы, одержанные в ходе борьбы за демократию, привели к резкому росту влияния компартии, к превращению ее в первую партию страны и наиболее представительную политическую организацию рабочего класса. Таким образом, создались новые возможности для воспитания политической сознательности трудящихся, для распространения в массах идей научного социализма.

Величайшее значение революционных традиций состоит в том, что они обеспечивают прочность классового сознания пролетариата в условиях, неблагоприятных для развития наступательной, победоносной массовой борьбы. Именно такие условия сложились во Франции, начиная с 1947 г. и, особенно, к концу 50-х годов. Раскол рабочего движения, антикоммунистическая и оппортунистическая политика лидеров СФИО резко ослабили общественно-политические позиции рабочего класса. Демократическое содержание преобразований, проведенных в период Народного фронта и в первые послевоенные годы, было в значительной мере выхолощено. В 50-х годах рабочий класс вырвал известные экономические уступки у буржуазии, но в политической жизни страны чаще всего верховодили реакционные силы. В некоторых слоях рабочего класса обстановка, сложившаяся в стране, породила настроения разочарования, привела к утрате ясной политической перспективы. Все эти обстоятельства обусловили пассивность большинства французских рабочих в период политического кризиса 1958 г., облегчившую успех антидемократического переворота.

Временный спад боевых настроений рабочей массы не имел, однако, того значения, которое пытались придать ему буржуазные идеологи и политики. Он отнюдь не выражал собой необратимый процесс распада классового политического сознания пролетариата. Наиболее

передовые и закаленные группы рабочего класса сохранили неколебимую верность пролетарской идеологии, у других — стремление к активной борьбе было в той или иной мере подавлено, загнано внутрь, но не отмерло во все. Даже в наиболее тяжелом для демократических сил 1958 г. не менее 36% французских рабочих голосовало за компартию¹², а дальнейшее развитие событий убедительно доказало беспочвенность утверждений о «буржуазном перерождении» политического сознания рабочего класса.

Новый подъем массового рабочего движения, начавшийся с 1959 г. и нараставший в течение 60-х годов, показывает, что политика ФКП, ее твердая оппозиция режиму личной власти опирается на прочные и долговечные тенденции массового сознания. О том же свидетельствует широкая поддержка, которую получает в рабочих массах борьба за союз антимонополистических и демократических сил, выступающих против режима пятой республики. В этом факте отражается влияние лучших политических традиций французского рабочего движения, верность идеям демократии и республиканского единства.

Было бы, разумеется, явным упрощением утверждать, что боевые традиции французского рабочего класса исключают влияние на значительные его группы реформистской и буржуазно-конформистской идеологии.

Во Франции революционные антикапиталистические традиции, характеризующие национальную специфику рабочего класса, поддерживаемые и развиваемые его наиболее влиятельными и массовыми организациями (ФКП, ВКТ), нередко вступают в противоречие с местными традициями отдельных его групп. Французское общество вообще отличается крайней пестротой, неоднородностью традиционных черт социальной, политической и культурно-идеологической жизни. Обусловленная неравномерностью развития различных районов страны, эта неоднородность сказывается и на идейно-психологическом облике пролетариата.

В историческом и культурном отношении Францию часто делят на две части: севернее и южнее Луары. На

¹² «Les nouveaux comportements politiques de la classe ouvrière». Paris, 1962, p. 113.

севере сильнее консервативные и религиозные традиции, на юге — антиклерикальные и радикально-республиканские. Конечно, такое деление весьма грубо и условно: на севере находятся не только «католические» Бретань и Фландрия, но и парижский район; по обе стороны от Луары нетрудно обнаружить и много других исторических и культурных контрастов. Однако в самом приближенном виде представление о «левом» юге и «правом» севере отражает исторически сложившиеся особенности идеологии и политики буржуазных и мелкобуржуазных кругов, которые в прошлом «задавали тон» в различных частях страны. Эти различия не могли не отразиться и на идеологии рабочего класса: марсельскому кораблестроителю в общем легче было проникнуться освободительными революционными идеями, чем ткачу из Фландрии или Эльзаса. До настоящего времени правые партии собирают больше всего голосов рабочих в северных и северо-восточных департаментах.

Весьма неоднородными были и те исторические условия, в которых происходило формирование различных региональных групп пролетариата. В каждом конкретном случае пробуждавшееся классовое сознание рабочих, естественно, находило свое выражение в тех идеологических системах, которые уже существовали в соответствующий исторический момент. Поскольку же эти системы были, например, в 1890 г. иными, чем в 1840, а в 1925 г. не такими, как в 1890 г., местные пролетарские традиции часто формировались на совершенно различной идеологической основе. Так, на севере, в департаментах Нор и Па-де-Кале, первые завоевания рабочего класса связаны с деятельностью социалистов. Это позволяет реформистской идеологии до сих пор сохранять значительное влияние на местный пролетариат, в особенности на наиболее «старые» его группы — угольщиков, текстильщиков¹³. Напротив, в Парижском районе, где становление крупной механизированной промышленности совпало по времени с острым кризисом социал-реформизма и анархо-синдикализма, широкую поддержку в пролетарской среде находят идеология и политика Коммунистической партии.

¹³ M. Simon. Contribution à l'étude des racines sociales de la social-démocratie... — «La Nouvelle critique», 1959, № 111, p. 56—76.

Эта разнородность идейно-политических традиций образует историческую почву идеологических различий, существующих внутри рабочего класса. На парламентских выборах, происходивших в 50—60-х годах, по приблизительным оценкам, 36—49% рабочих отдавали свои голоса Коммунистической партии, 16—19% голосовали за социалистов и 35—45% — за кандидатов буржуазных партий¹⁴. Эти данные отражают склонность широчайших слоев французского рабочего класса к последовательно антикапиталистической идеологии, но вместе с тем говорят и о наличии в его составе значительных групп, испытывающих сильное влияние реформизма и буржуазного конформизма.

Для уяснения современных социально-психологических корней этих идеологических ориентаций необходим всесторонний анализ факторов, влияющих в нынешних условиях на обыденное сознание рабочего класса.

¹⁴ М. D o g a n. Les clivages politiques de la classe ouvrière. In: «Les nouveaux comportements politiques de la classe ouvrière», p. 113; I d e m. Le vote ouvrier en France.— «Revue française de sociologie», 1965, № 4, p. 471.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ РАБОЧЕГО

Попытка разобраться в психологических тенденциях, характеризующих современный рабочий класс, духовный облик его представителей, неизбежно вводит нас в мир психологии личности рабочего.

Психология личности и психология класса (как и любой другой социальной общности) — хотя и не вполне идентичные, но тесно связанные между собой области исследования. Их близость коренится не только в том элементарном факте, что психология личности формируется под воздействием социальных условий ее существования, но еще и в том, что невозможно выявить основные психологические тенденции, свойственные данному классу, не проследив их источников на уровне отдельной личности. Деятельность социальной группы принимает определенную направленность, устремляется на достижение определенных общественных целей лишь тогда, когда ее члены осознают эти цели как свои собственные, вытекающие из их личных потребностей. Не зная направленности этих потребностей, нельзя верно оценить конкретно-историческое содержание устремлений и интересов больших групп людей: классов, наций.

Было бы, разумеется, неправильным рассматривать сознание личности просто как индивидуальное проявление классовой психологии. Соотношение между индивидуально-личностным и классовым носит гораздо более сложный и опосредствованный характер. Если бы классовое положение целиком определяло ориентацию личности, оказались бы совершенно необъяснимыми различия между стремлениями представителей одного и того же класса, тот факт, что люди, находящиеся в одинаковых социальных условиях, подчас реагируют противополож-

ным образом на одни и те же явления. Кроме того, такая посылка означала бы отрицание очевидного до банальности факта: значительной общности потребностей и стремлений людей, принадлежащих к различным, иногда даже антагонистическим социальным группам, живущим в разные исторические эпохи. Здесь мы подходим к важной для нашей темы проблеме источников формирования индивидуальной психологии — источников, которые, очевидно, не могут быть сведены только к социальному положению личности.

Определяя сущность человека, как «совокупность общественных отношений», Маркс, разумеется, не имел в виду лишь те общественные отношения, с которыми непосредственно сталкивается данный человек. Проблема человеческой сущности ставится марксизмом гораздо шире и глубже: он видит в ней продукт всей многовековой исторической практики человечества, чрезвычайно многообразного, «многослойного» человеческого опыта отношений с природой и общественных отношений. По замечанию видного советского психолога, «говоря об истории, обуславливающей структуру личности, надо понимать ее широко: она включает и процесс эволюции живых существ, и собственно историю человечества, и, наконец, личную историю развития каждого человека»¹.

Из этого, видимо, следует, что в совокупности потребностей и стремлений, характеризующих личность человека, можно выделить и общечеловеческие психологические черты, и следы специфического опыта этнической или национальной группы (национального психического склада), предшествующего и современного опыта социальной группы и, наконец, опыта личного. Все эти «опыты» сосуществуют в человеческой психике не параллельно, они взаимно перекрещиваются, наслаиваются друг на друга, образуя сложную систему разнородных психологических тенденций. Тенденции эти во многом противоречивы, как противоречива сама история человечества, народов, классов и отдельных людей.

Итак, склад личности, направленность ее потребностей и стремлений не детерминированы всецело ее социаль-

¹ С. Л. Рубинштейн. Принципы и пути развития психологии. М., 1959, стр. 118.

ным положением; многообразие и противоречивость заложенных в ней тенденций создают почву для развития ее в различных направлениях.

Но если социальные условия, или, пользуясь термином В. И. Ленина, «условия жизненной обстановки», не являются единственным источником формирования психики, то все же они играют в этом процессе весьма значительную роль. Человек способен по-разному реагировать на одни и те же «условия жизненной обстановки», но при данных объективных условиях возможна лишь определенная гамма реакций. Рабочий, желающий повысить свой жизненный уровень, может принять участие в стачке или в другой форме организованной борьбы, либо проявить особое усердие в труде, доказать какими-то способами свою «преданность» хозяину, но он не может пуститься в спекуляции на бирже или (по крайней мере в подавляющем большинстве случаев) завести «выгодное дело». Иначе говоря, социальные условия жизни класса ограничивают и канализируют проявления индивидуальных черт, они подавляют одни тенденции, стимулируют другие и, таким образом, «организуют» структуру личности по пусть не единственно возможной, но все же отвечающей этим условиям модели. «Личные исключения из групповых и классовых типов,— отмечал В. И. Ленин, — конечно, есть и всегда будут. Но социальные типы остаются»². Поэтому хотя невозможно сконструировать тип личности, целиком и адекватно воплощающий психологические особенности данной социальной группы, вполне оправданна задача выяснения наиболее типичных для представителей того или иного класса тенденций развития индивидуальной психологии, мотивов, стремлений и потребностей личности.

Социальные условия жизни класса всегда преломляются через личный жизненный опыт, и особенности этого опыта, наряду с врожденными чертами психики, определяют индивидуальное своеобразие психологии человека. Но и в этом своеобразии в той или иной мере проявляется классово-типичное, ибо многообразие личных судеб ограничено теми пределами, которые создает принадлежность к данному классу. Единичное, индивиду-

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 237.

альное не является непосредственным объектом социально-психологического исследования (этим оно отличается, например, от художественной литературы), но такое исследование не может обойтись без выявления общего в индивидуальном, без установления наиболее типичных для данной группы вариантов личных судеб.

В сферу социально-психологического исследования входит также механизм воздействия объективных общественных условий на индивидуальное сознание. Выше уже говорилось, что каждый человек как бы наследует от предшествующих поколений широкую гамму разнообразных потребностей, которые, включаясь в его психику в виде не оформившихся поначалу тенденций, образуют предпосылки его дальнейшего развития. Само это развитие состоит, в частности, в более четком определении и конкретизации потребностей, превращении их из тенденций в более или менее прочные мотивы, в действенные стимулы человеческого поведения. Процесс «наследования», видимо, трудно отделить сколько-нибудь четкой гранью от процесса собственного развития личности: оба эти процесса осуществляются через общение индивида с окружающей средой, «впитывание» им ее представлений и норм, обобщающих предшествующий человеческий опыт. Однако усвоение этого опыта все же отличается от собственной практики индивида, его собственной «истории», в ходе которой он приобретает свой личный опыт, решающим образом влияющий на формирование его психического склада. Взаимодействие психологических тенденций, заложенных предшествующим общечеловеческим, классовым, национальным опытом, и собственного жизненного опыта индивида составляет, таким образом, один из существенных элементов механизма выработки индивидуального сознания.

Специфическую сложность этому механизму придает то обстоятельство, что содержание индивидуального жизненного опыта отнюдь не статично: в ходе своей «истории» человек сталкивается со все новыми ситуациями, которые обновляют его опыт, обогащают его новыми представлениями и могут в той или иной степени перестраивать его психологию. Поэтому на каждом конкретном этапе развития личности ее новый опыт взаимодействует не только с «унаследованным», но и с ее собствен-

ным, ранее приобретенным опытом, с уже сложившимися под его влиянием чертами, с уже определившимися стремлениями и потребностями. Речь идет именно о взаимодействии: сознание не просто вбирает пассивно новый опыт, но отбирает и перерабатывает его данные в соответствии с внутренними потребностями личности; с другой стороны, под влиянием этого опыта сами потребности трансформируются — меняется их интенсивность, степень их осознанности и конкретности, их относительная роль и значимость в структуре личности. Поэтому в исследовании механизма развития личности весьма существенное место занимает уяснение конкретных взаимоотношений между относительно статичными и более динамичными ее компонентами. Иначе говоря, развитие личности должно быть понято и исследовано как процесс кристаллизации более или менее устойчивых ее черт и вместе с тем как процесс изменений, регулируемый этими устойчивыми тенденциями.

В свете представлений современной психологии, «психологический анализ всего происходящего с человеком предполагает соотнесение с внутренними условиями, созданными предшествующим развитием личности», ибо «психологический эффект каждого внешнего... воздействия на личность обусловлен историей ее развития»³. Как применить этот методологический принцип к исследованию потребностей и стремлений, свойственных представителям определенной социальной группы в определенный исторический период? Очевидно, прежде всего должны быть освещены общественный и личный жизненный опыт, типичный для людей, принадлежащих к данной группе, воспитанные им черты психологии во всем их многообразии и противоречивости. Но поскольку внутренний мир человека может быть познан лишь в его развитии, возникает проблема выделения этапов этого развития, основных «вех» истории личности. Критерий такого выделения не может быть определен произвольно: в его основу должны быть положены наиболее важные качественные изменения в структуре индивидуального сознания. Источник подобных качественных изменений, как это следует из сказанного выше, — новый опыт, принципиально отличающийся от предшествующего опыта,

³ С. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 117, 118.

способный существенно трансформировать ранее сложившиеся стремления и потребности, сформировать новые, более или менее устойчивые черты личности. Отсюда понятно, что «периодизация» ее истории зависит от особенностей жизненного пути человека, от тех рубежей, которые отмечают его переход в качественно новую объективную ситуацию.

Проблема соотношения «прежнего» и «нового» опыта, однако, не исчерпывается лишь соотношением между различными этапами индивидуальной биографии. В содержание нового опыта социальной группы входят изменения в производстве, в общественно-политической обстановке, в экономике данного общества, в соотношении общественных сил. Подобные изменения сталкивают человека с явлениями, не знакомыми прежним поколениям, и, даже если эти изменения не оказывают непосредственного влияния на его личное положение, они, взаимодействуя определенным образом со сложившимися чертами его психики, меняют систему его представлений, развивают и конкретизируют потребности, воспитанные в нем собственным и унаследованным опытом. Поэтому невозможно понять основные тенденции развития психологии социальной группы, не зная, какое влияние оказывает новый общественно-исторический опыт на сознание ее членов.

Таковы в основном те социально-психологические процессы, взаимодействие которых нам предстоит рассмотреть на уровне личности. Возникает вопрос, какие именно стороны ее психической жизни должны стать непосредственным объектом исследования? Ведь при нынешнем состоянии наших знаний (как в области теории психологии личности, так и конкретных, непосредственно связанных с нашей темой) вряд ли могла бы иметь успех попытка осветить личность, пусть даже и находящуюся в определенных исторических и общественных условиях, во всех ее многогранных аспектах и проявлениях. К тому же такая попытка явно выходила бы за рамки конкретных задач исследования: выяснения типичных черт духовного облика представителей данной социальной группы. Следовательно, из всего многообразия проявлений индивидуального психического склада мы должны выделить те его черты, которые могли бы послужить ключом к установлению классово-типичного в индивидуальной психо-

логии. В качестве такого «ключа» представляется возможным использовать прежде всего систему потребностей человека.

Потребности личности, вообще говоря, можно рассматривать как одно из наиболее значимых звеньев ее структуры. Прежде всего потому, что именно потребности людей служат главным стимулом их деятельности. Характеризуя основу идеалистического мировоззрения, Ф. Энгельс отмечал, что «люди привыкли объяснять свои действия из своего мышления, вместо того, чтобы объяснять их из своих потребностей...»⁴.

В основе мотивов и стремлений человека, его общественного поведения лежат его потребности; совокупность, специфическое соотношение или «иерархия» потребностей определяет направленность его личности, т. е. то избирательное отношение человека к действительности, которое наиболее полно выражает психологические основы его мировоззрения, психологические аспекты его взаимоотношения с обществом. Иначе говоря, речь идет о материальных и моральных потребностях, в которых запечатлелись психологические особенности данной социальной среды, специфические условия ее жизни в конкретный период.

«Установочные», определяющие психологическую направленность личности потребности получают свое осознанное выражение в целях человеческой деятельности. Цели, которые ставит перед собой человек, показывают, какие из его потребностей имеют для него наибольшую психологическую значимость.

Каким же образом можно выявить систему потребностей и жизненных целей человека? В этом отношении большое значение имеет анализ его индивидуальных проектов, тех планов и перспектив, с которыми он отождествляет свой «завтрашний день». При этом следует учитывать, что механизм выработки индивидуального проекта включает как иерархию потребностей человека, так и оценку им собственных жизненных возможностей, его представления о своем ближайшем и более отдаленном будущем. Дело в том, что даже осознанная потребность может не найти никакого отражения в проекте,

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 493.

если ее удовлетворение и в настоящем, и в будущем представляется нереальным. И напротив, та или иная потребность тем легче «включается» в проект, чем оптимистичнее оценивает человек свои возможности добиться желаемого. В зависимости от субъективной оценки этих возможностей соотношение между потребностью и проектом может, следовательно, носить позитивный либо негативный характер. Крайний случай негативного соотношения — отсутствие у человека каких-либо жизненных планов, выходящих за пределы сохранения статус-кво. Такого рода «нулевой» проект чаще всего свидетельствует о подавлении определенных потребностей, о потере надежды на «лучшее будущее». Поэтому представления, выраженные в проекте, позволяют уяснить, как в сознании человека отражается место, занимаемое им в обществе, его классовая принадлежность. Они помогают лучше уяснить психологические аспекты взаимоотношения между личностью и обществом, между личностью и классом.

Итак, общественный и личный жизненный опыт, типичный для представителей данной социальной группы, — роль различных этапов их жизненного пути в развитии их психического склада, — совокупность противоречивых психологических тенденций, образующихся в результате этого развития, — воздействие на них нового общественного опыта — таким примерно должен быть путь исследования психологии конкретного класса в конкретный исторический период.

Система потребностей и мотивов людей, принадлежащих к этому классу, их личные цели и проекты, их представления о своем положении — таковы в основном те взаимосвязанные и взаимообусловленные проявления их психологии, анализ которых составляет непосредственное содержание исследования.

Решающий рубеж в личной «истории» рабочего — его вступление в самостоятельную трудовую жизнь. Опыт, усвоенный им в семье и школе, качественно отличается от опыта, который ему дает труд, практика отношений на производстве. Чтобы понять, как происходит формирование личности рабочего, необходимо, следова-

тельно, выяснить, какие психологические тенденции развиваются в его сознании до этого рубежа и как воздействуют на них новые условия, ожидающие его в стенах предприятия.

Наиболее общая черта биографий французских рабочих — ограниченность получаемого ими образования, ранний переход из школы на производство. Закон, принятый во времена Народного фронта, запрещает прием на работу детей моложе 14 лет. С 1948 г. введено обязательное школьное образование для детей до этого возраста. Большинство рабочих приходит на производство или в профессионально-ремесленные школы в 14—15 лет. Действующая во Франции система образования, по сути дела, предполагает, что социальное положение человека выявляется в основных чертах в еще более раннем возрасте. В 11 лет ребенок оканчивает пять классов начальной школы и вступает в переломный этап своей жизни, определяющий его дальнейшую судьбу. Либо ему предстоит получить среднее образование в лицее или коллеже, открывающее в перспективе путь в «средние» социальные слои, в сферы деятельности, связанные с квалифицированным умственным трудом, либо его ждет учеба на дополнительных курсах при начальной школе — удел основной массы будущих рабочих и мелких служащих. В 1961 г. 55% юношей и девушек 16—24 лет, получивших такое образование, были рабочими⁵. Лицеи и коллежи считаются во Франции «буржуазным», а дополнительные курсы — «народным» образованием. Эти определения говорят сами за себя.

Характер получаемого образования решающим образом зависит от социального и материального положения родителей. 76,8% сыновей неквалифицированных рабочих, которым было в 1962 г. 16 лет, 57,2% — специализированных, 49,3% — квалифицированных рабочих, 34,1% — детей торговых служащих, 16,8% — техников и средних административных кадров не учились в этот период ни в каком учебном заведении. Из самостоятельных лиц 1918 и более поздних годов рождения законченное среднее образование получили 14,2% сыновей квалифицированных рабочих, 9,8% — специализированных и 7,9% — неквали-

⁵ «Les 16—24 ans». Paris, 1962, p. 36.

фицированных рабочих. Менее 1% людей рабочего происхождения получили высшее образование⁶.

Чем ниже, следовательно, положение семьи на «социальной лестнице», тем, в общем, больше вероятности, что дети останутся обделенными в смысле образования и окажутся в конечном счете рабочими. 74,4% детей рабочих 1918 и более поздних годов рождения являются рабочими⁷. Анкета французского Института общественного мнения, проводившаяся в 1962 г. среди лиц 16—24 лет, показывает, что 49% рабочих этого возраста вышли из рабочих семей, 15% — дети служащих, 13% — торговцев и ремесленников, 12% — сельских хозяев⁸, остальные — из других слоев.

Если ребенок уже в 11—12 лет знает, что через несколько лет ему скорее всего предстоит стать рабочим, он не может воспринимать свой дальнейший жизненный путь как результат собственного свободного выбора. Независимо от его субъективного отношения к подобной перспективе, она отражает предопределенность его будущей судьбы, зависимость его места в жизни от положения родителей. Он не отвечает сам на вопрос «кем быть?» — ответ дают за него «обстоятельства» — и прежде всего уже более или менее определившийся в этом возрасте «потолок» его образования.

Изменения, внесенные в систему народного образования в период V республики, — «реформа Фуше» — еще более усиливают предопределенность и социальную обусловленность жизненного пути будущих рабочих. Реформа предусматривает, что примерно 30% выпускников начальной школы (напомним, что речь идет о детях 11 лет) должны завершать свое образование в учебных заведениях «практического цикла», где их будут готовить к «профессиям» чернорабочих и специализированных рабочих низшей квалификации. Обучение должно продолжаться до 16 лет, причем два дня в неделю ученики будут заниматься общеобразовательными дисциплинами в стенах школы, а четыре дня — проводить на предприятиях⁹. 40% детей попадут в учебное заведение

⁶ «Etudes et conjoncture», 1967, № 2, p. 22, 30.

⁷ Ibid., p. 9.

⁸ Подсчитано по: «Les 16—24 ans», p. 11, 38.

⁹ Принятый в октябре 1966 г. закон «Об ориентации и программах профессионального образования» разрешает замещать обучение в пределах «практиче-

«краткого цикла». Они смогут стать специализированными рабочими или — в лучшем случае — поступить затем в технический колледж, дающий профессию квалифицированного рабочего, мастера или служащего. И «практический» и «краткий» цикл закрывает путь в высшую школу; она будет доступна лишь тому, кому в 11 лет удастся попасть в школу «полного цикла», дающую полное среднее либо среднетехническое образование.

Новая система воздвигает почти непреодолимые барьеры между школами различных уровней. Если при действовавшей до сих пор системе ученик, оставшись в начальной школе и окончив дополнительные курсы, в принципе все же мог после соответствующих экзаменов поступить в среднюю школу, то распределение учеников по «циклам» считается окончательным: его пересмотр возможен лишь в особых случаях, а образование, полученное, например, в школе «практического цикла», не дает реальной возможности поступить в школу более высокой степени.

Независимо от успеваемости и способностей школьников, доступность для многих из них среднего (не говоря уже о высшем) образования резко ограничивается самим принципом «планирования» приема в школы каждой ступени. Такое планирование ставится в связь с «потребностями экономики», но ведь речь в данном случае идет не просто об определении потребности в работниках тех или иных профессий, но о «планируемом» закрытии дороги к общему полному среднему образованию для 70% населения. Между тем такое образование — одно из главных необходимых условий развития человеческих способностей, которые к 11 годам еще не могут проявиться в сколько-нибудь достаточной мере. В новой системе критерий способностей оказывается второстепенным и подчиненным по отношению к критерию узко понимаемой потребности капиталистической экономики в рабочей силе различных уровней квалификации. На практике это ведет к «прикреплению» детей, едва научившихся грамоте и счету, не только к определенному социальному статусу, но зачастую и к определенной узкой профессии.

ского цикла» профессиональным обучением на производстве. Иными словами, в новую систему образования вводится корректив, практически сводящий на нет для значительной части молодежи положение об обязательном образовании до 16 лет.

Многим из них уготована участь неквалифицированных рабочих лишь потому, что кем-то «наверху» запланирован именно такой-то процент учащихся «практического цикла».

Государственно-монополистическое регулирование, проникая в сферу народного образования, усиливает, таким образом, «запрограммированность» жизненного пути рядового человека. Правда, общий рост образовательного уровня населения ослабляет некоторые издавна сложившиеся барьеры между общественными группами. По данным обследования 1964 г., например, 61,1% лиц старше 44 лет и лишь 3,8% лиц моложе 25 лет кончили учиться в 13 лет или раньше; 6,7% представителей первой возрастной группы и 22,1% второй учились до 16—17 лет¹⁰. В настоящее время число детей рабочих, получающих среднее образование и переходящих в иные социальные категории, увеличилось, однако на месте старых барьеров искусственно воздвигаются новые.

Ш. Раво — докладчик на Конференции по вопросам профессионального образования, организованной ВКТ в октябре 1966 г., так охарактеризовал социальные причины и цели новой реформы: «Давление народных масс, изменения в соотношении сил, действительно, привели к некоторому повышению общего культурного уровня. Несомненно, все больше детей продолжают учиться после 14 лет и чаще, чем раньше, дети трудящихся поступают в среднюю школу, хотя, конечно, число их гораздо меньше, чем того требует элементарная социальная справедливость. Именно это движение беспокоит буржуазию, и новые меры ставят своей целью, учитывая развитие школьного образования, канализировать его и таким образом определить ориентацию в школе, чтобы капиталистические привилегии были лучше гарантированы»¹¹.

Современный капитализм уже не полагается целиком на стихийное распределение мест на общественной лестнице, которое порождалось острой материальной нуждой и невежеством масс. Он стремится «организовать» это распределение, подчинить образование, социальное и профессиональное положение личности своим собственным «экономическим императивам».

¹⁰ «Etudes et conjoncture», 1967, № 2, p. 35.

¹¹ «Le Peuple», 16—30 Novembre 1966, № 763, p. 13.

В капиталистическом обществе человек вступает в жизнь, снабженный не только генетическим, но чаще всего и определенным социальным «кодом». «Код» рабочего расшифровывается очень рано и отличается своей однозначностью. Психологи, изучавшие причины отсева из средней школы детей малообеспеченных родителей, констатируют их более низкую среднюю успеваемость по сравнению с детьми, происходящими из привилегированных социальных слоев. Сказываются худшие жилищные условия и нередко низкое общее развитие: этим детям мало доступны дорогие книги, «интеллектуальные» игры и т. п. Поскольку при новой системе образования распределение учащихся по «циклам» будет осуществляться директором начальной школы на основе критерия успеваемости, очевидно, что социальное происхождение учащихся будет накладывать еще более сильный отпечаток на характер получаемого ими образования и, следовательно, на всю их дальнейшую судьбу.

Однако и при хорошей успеваемости дети рабочих сплошь и рядом не переходят в среднюю школу (из остающихся в начальной школе примерно треть имеет отличные оценки)¹². Главная причина — недостаточная материальная обеспеченность, которая поддерживает во многих рабочих семьях традиционное отношение к судьбе детей (правда, заметно подточенное в последнее десятилетие). Образование, несмотря на всю его привлекательность и пользу, приходится ограничить необходимым минимумом, сын или дочь должны поскорее начать работать, чтобы вносить свой вклад в доходы семьи. В закреплении подобной установки большую роль играет и общая неуверенность в будущем: учеба в лицее или техническом коллеже затянется еще на много лет, а кто знает, что может случиться за эти годы. «Будущее неопределенно, — размышляет пожилая работница, мать семейства. — Детей посылают в школу, но рынок труда не всегда находится в соответствии с полученным ими образованием. Это обескураживает и детей, и родителей; они идут на жертвы, которые ничего не дают»¹³.

Конечно, ограниченность материальных средств семьи не исключает стремления родителей дать детям хорошее

¹² A. S a u y. La montée des jeunes. Paris. 1959, p. 173, 174.

¹³ R. K a ë s. Les ouvriers français et la culture. Paris, 1962, p. 481.

образование и желания детей такое образование получить. Ниже еще будет сказано о росте соответствующей тенденции в рабочей среде. Однако представление об узости горизонтов и возможностей, открывающихся перед парнем и, тем более, девушкой из рабочей семьи, о трудности «выбиться в люди» продолжает оказывать сильное влияние на широкие слои рабочих. Один из квалифицированных рабочих, опрошенных страсбургскими социологами, сказал: «Все родители хотят, чтобы дети были образованнее их самих. Я не уверен, что это возможно для нашей молодежи. Она не будет более образованной, потому что останется эксплуатируемой. Жизнь трудна для рабочего». Другой рабочий хотел бы, чтобы его сын «поднялся выше», но считает, что будет хорошо, если он достигнет того же, что отец (т. е. положения квалифицированного рабочего, имеющего лишь профессиональное образование)¹⁴. Таким образом, неуверенность в доступности лучшего будущего для детей, в их возможности выйти за традиционные рамки, предписанные социальным происхождением, ведет к сознательному ограничению проектов, порождает своего рода социальный фатализм.

Подобные представления среды органически включаются в психологию многих подростков из рабочих семей и в немалой степени определяют ориентацию их стремлений. В той мере, в какой участь рабочего кажется им единственно реальной, длительное посещение школы, накопление пусть даже интересных, но бесполезных для будущей профессии знаний теряет смысл, кажется более или менее пустой тратой времени.

По данным анкеты французского Института общественного мнения (1961 г.), около половины (46%) молодых людей 16—24 лет, ушедших из школы в 14-летнем возрасте, заявили, что они и не хотели бы продолжать учебу дальше¹⁵. По материалам других социологических исследований, этот взгляд особенно широко распространен среди наиболее молодых рабочих и обусловлен их стремлением к «независимости».

Под независимостью часто понимается свобода от школьной опеки, но не менее типичны чисто материаль-

¹⁴ R. K a ё s. Op. cit., p. 468.

¹⁵ Лишь небольшая часть (8%) выразила сожаление, что им не удалось получить высшее образование («Les 16—24 ans», p. 18).

ные мотивы. Сталкиваясь с материальной стесненностью семьи, слыша постоянно разговоры о денежных затруднениях, ребенок привыкает считать подобные проблемы основными в жизни. Он раньше и острее чувствует материальную зависимость от родителей, более переживает положение «иждивенца», невозможность удовлетворить свои скромные потребности. В конце концов «зарабатывать самому» становится его главным интересом, ближайшей жизненной целью. При этом собственный заработок рассматривается прежде всего как средство завоевать равноправное положение в семье. По данным той же анкеты, большинство юношей и девушек из рабочих семей отдают ту или иную часть своей зарплаты родителям¹⁶. Последний факт ярче всего отражает природу той «удовлетворенности» переходом от школы к самостоятельной трудовой жизни, которую высказывают многие молодые рабочие.

Отсутствие рвения к учебе, желание поскорее добиться «взрослого» статуса у подростка 14—15 лет может рассматриваться как проявление специфической возрастной психологии. Однако именно под влиянием условий жизни рабочего класса, порождаемых ими психологических установок «самостоятельность», «собственный заработок» приобретают в его глазах особую привлекательность. Интенсивность стремления к самостоятельности в конечном счете тесно связана с осознанной либо просто смутно ощущаемой ограниченностью возможностей, выбора путей в жизни.

«Шесть или семь лет тратить на обучение профессии! Нет, и без среднего образования можно зарабатывать гораздо больше денег и раньше», — так сформулировал свое отношение к учебе один из школьников, отвечая на вопросы анкеты. А другой, сын квалифицированного рабочего, сказал, что он не видит смысла в высшем образовании: его отец зарабатывает больше, чем иной владелец мясной лавки¹⁷. Обеднение интересов, ограничение их узкой сферой заработка, материального потребления — реальная опасность, подстерегающая детей из рабочих семей.

Такое обеднение, однако, не является фатально неизбежным. На следующем этапе жизни будущего рабочего,

¹⁶ «Les 16—24 ans», p. 102.

¹⁷ «Les 16—24 ans», p. 17—19.

в период обучения специальности, постепенного знакомства с производством, на его сознание нередко начинает воздействовать новый фактор — интерес к выполняемой работе, к машинам, стремление овладеть ими, самому делать вещи, управлять производственными процессами. Как показывают конкретные исследования, именно у молодых рабочих, у учеников профессиональных школ полнее всего проявляются техническая любознательность, отношение к труду как к творческой деятельности. Так, опрошенные в ходе обследования молодые парижские рабочие 14—18 лет, жалуясь на дискриминацию, которой их подвергают на предприятиях, на низкую по сравнению со старшими рабочими зарплату, в то же время высказывали общее удовлетворение работой. «Я добился теперь того,— сказал один из них,— что могу, не спрашивая объяснений, выполнять сложные работы»¹⁸.

Интересы и стремления начинающего рабочего притягиваются к двум противоположным полюсам: с одной стороны, заработок и все, что с ним связано (новые вещи, развлечения), с другой — профессия, труд. Рабочим 16—24 лет, опрошенным в 1961 г., было предложено назвать из семи перечисленных в анкете мотивов выбора профессии два наиболее важных для них. 64% рабочих назвали в числе этих двух мотивов размер заработка и 59% — «соответствие профессии личным вкусам», причем на первое место последний мотив поставили 40%, а заработок — лишь 33%. Тот же опрос показал, что большинство молодых рабочих предпочитает интересные, на их взгляд, профессии профессиям, пусть более выгодным, но не привлекательным с точки зрения содержания. В ответ на вопрос: «Если бы Вы имели возможность выбрать любую профессию, какую бы Вы предпочли?» 34% юношей назвали профессии квалифицированных рабочих и техников, 12% — инженеров, 12% — «романтические» профессии (летчиков, моряков и т. п.) и лишь 11% — положение «независимого» буржуа и 5% — карьере крупного чиновника (префекта, дипломата и т. п.)¹⁹.

В целом духовные, творческие интересы занимают значительное место в сознании рабочей молодежи. Эти ин-

¹⁸ N. de Maupéou - Leplâtre. Le jeune ouvrier dans l'entreprise.— «Sociologie du travail», 1960, № 1, p. 43, 44.

¹⁹ «Les 16—24 ans», p. 61, 62, 70.

тересы могут, получив развитие, стать определяющими в психологической ориентации формирующейся личности, в той или иной мере направлять ее поведение. Но, не имея реального выхода и практического приложения, они могут приобрести чисто абстрактный характер и в конце концов раствориться в материальных заботах и потребностях. Какая именно тенденция одержит верх в индивидуальном сознании? В огромной степени это зависит от конкретных обстоятельств, при которых рабочий вступает в трудовую жизнь, и от того, как она складывается в дальнейшем.

Мальчик или девочка 14 лет в принципе могут поступить в один из государственных «центров профессионального ученичества», по окончании которого они приобретают профессию квалифицированного рабочего и получают соответствующий диплом. Однако эти центры доступны далеко не всем. Во-первых, дети из наименее обеспеченных семей нередко поступают работать, как только достигают «законного» возраста. Во-вторых, число мест в центрах совершенно не соответствует числу кандидатов. На одно место нередко претендуют 10—15 человек, что приводит к конкурсам, отсеивающим большинство²⁰. Многие из этих «неудачников» тоже идут на завод.

По существующему законодательству рабочие моложе 18 лет должны посещать профессиональные курсы, предприятия обязаны предоставлять им время для учебы. Профессиональное обучение на предприятиях должно оформляться специальными контрактами и контролироваться инспекторами по труду. На практике сотни тысяч подростков работают в промышленности, не получая никакого профессионального образования. В 1961 г. на 510 тыс. лиц 14—17 лет, охваченных различными формами профессионального ученичества, приходилось 300 тыс. работающих в промышленности и других сферах экономики (кроме сельского хозяйства), без контракта об обучении²¹. Генеральный секретарь по вопросам народного образования Лоран заявил на заседании Экономического совета в октябре 1966 г., что треть детей, окон-

²⁰ P. D e m o n d i o n. Les problèmes de l'emploi. Paris, 1960, p. 160; R. K a ë s. Op. cit., p. 493.

²¹ «Notes et études documentaires», 9.VII 1964.

чивших обязательную школу, поступают на работу, не получив профессионального образования²².

О психологическом облике этой группы молодежи известное представление дают результаты проведенного в 1963 г. опроса юношей и девушек 14—18 лет, пользующихся услугами парижских государственных бюро по трудоустройству. В большинстве своем они происходят из многодетных семей малоквалифицированных рабочих, страдают от плохих жилищных условий. 60% из них не получили никакого профессионального образования, остальные начинали учиться в профессиональных школах или на курсах, но вынуждены были оставить их до окончания. Более 40% не имеют даже свидетельства о начальном образовании. От любых предложений продолжать учебу они отказываются: им необходимо немедленно устроиться на работу, зарабатывать на жизнь. Характер работы их не интересует, им важен лишь размер заработка и шанс избежать в дальнейшем увольнения. Как правило, они могут получить лишь место чернорабочего, вспомогательного или складского рабочего²³. Эти подростки еще не вступили в пору зрелости, но фактически уже остановились в своем интеллектуальном развитии и профессиональном росте. Необеспеченность элементарных жизненных условий может подавить у многих из них интерес к содержанию труда, любознательность, творческие способности, которые еще не успели пробудиться.

Один из молодых рабочих, отвечая на вопросы анкеты, распространявшейся в 1962 г. организацией Христианская рабочая молодежь (ЖОК), писал: «Я хотел стать механиком и поступить в Центр профессионального ученичества, но моя семья нуждалась в деньгах — и вот я чернорабочий... У меня отупляющая работа автомата». «Несправедливо,— замечает другой,— что мы должны работать с 14 лет, что мы всю жизнь обречены быть чернорабочими»²⁴.

Чувство социальной обреченности, сознание бесперспективности собственного жизненного пути особенно

²² Цит. по «Le Peuple», 1966, № 763, p. 10.

²³ M. H a i c a u l t. Les attentes professionnelles des jeunes demandeurs d'emploi des services de placement de la Seine.— «Revue française du travail», 1965, № 2, p. 7—16.

²⁴ P. I d i a r t. Les jeunes travailleurs de 15 à 25 ans dans la France d'aujourd'hui. Paris, 1963, p. 52.

присущи этой, наиболее обездоленной группе рабочей молодежи. Такие настроения постепенно вытравляют у многих из них способность строить планы на будущее, ставить перед собой цели, требующие длительных, сосредоточенных усилий (например, учеба, овладение профессией). Это неумение «проецировать себя в будущее» является, по наблюдениям психологов, характерной чертой психического склада молодых рабочих, не получивших профессионального образования²⁵.

Подобные психологические тенденции, укоренившись уже в ранней юности, могут наложить неизгладимый отпечаток на формирующуюся личность. У человека вырабатывается пассивное отношение к собственной судьбе, его сознательным или неосознанным жизненным принципом становится «прожить как-нибудь», «не ломать себе голову». И если эти черты сознания в той или иной мере проявляются у части взрослых рабочих, то решающую роль здесь нередко играют те крайне неблагоприятные условия, в которых началась их трудовая жизнь.

Несколько иначе складывается судьба тех молодых рабочих, которые поступают на предприятия в качестве учеников. В принципе перед ними открывается перспектива овладения профессией, получения профессионального диплома, дающего право на разряд квалифицированного рабочего. Сам этот процесс роста, возможность добиваться профессионального успеха, зависящая в какой-то степени от собственных способностей и прилежания, повышают их активное отношение к жизни, развивают инициативу и смекалку. С другой стороны, поскольку предприятие обучает их для своих нужд, их будущее представляется им относительно обеспеченным.

Однако и этих молодых рабочих сплошь и рядом ожидает быстрое разочарование. Дело в том, что положение «ученика» далеко не всегда означает реальную возможность получить профессиональное образование. Учащиеся профессиональных школ, существующих при крупных предприятиях, действительно обучаются по определенной программе и готовятся к выполнению определенных производственных функций. Что же касается «учеников», которые должны проходить обучение непосредственно в процессе производства (*apprentis sur le tas*), то они часто

²⁵ М. Н а i с а u l t. *Op. cit.*, p. 15.

используются просто как дешёвая неквалифицированная рабочая сила. Многие из них ничему не учатся и фактически ничем не отличаются от обычных подручных или чернорабочих.

По данным обследования 1964 г., 41,7% рабочих и 59,9% работниц в возрасте от 15 до 44 лет, пришедших на производство в качестве «учеников по контракту», не учились на профессиональных курсах, т. е. не получили реального профессионального образования. Что касается «учеников без контракта», составляющих в настоящее время не менее трети всех учеников, то лишь меньшинство их учатся на этих курсах. Только 26,6% мужчин и 14,9% женщин, бывших «учениками», получили в результате обучения профессиональный диплом²⁶. Но и независимо от реальности профессионального роста учеников и вообще наиболее молодых рабочих, опыт работы на предприятии, чем дальше, тем больше, сталкивает их с самыми мрачными аспектами вновь обретенного социального положения. До 18 лет рабочий получает за труд равного количества и качества меньшую зарплату, чем его взрослый товарищ по цеху, ему не повышают квалификационный разряд, он не имеет права участвовать в выборах цеховых делегатов. Николь де Мопеу, проводившая в 1957—1958 гг. психологическое обследование учеников и рабочих 14—18 лет, занятых на парижских предприятиях, приводит типичные для них оценки своего положения: «Молодым дают только плохую работу», «Шеф не осмелится говорить со «стариком» так, как он говорит с нами». Независимость от домашней и школьной опеки, которой они нередко ожидали от вступления в трудовую жизнь, оборачивается на деле еще более давящей социальной зависимостью. «Не иметь никого за своей спиной» — вот о чем все сильнее начинает мечтать молодой рабочий²⁷.

Царящая на предприятии система неравенства и принуждения, дополненная и усиленная дискриминацией по отношению к молодым рабочим, приходит, таким образом, в острое противоречие с их стремлением к статусу самостоятельных взрослых людей, с сознанием полноценности выполняемой ими работы. Развиваясь, это противо-

²⁶ «Etudes et conjoncture», 1967, № 2, p. 46—48.

²⁷ N. de Maupéou-Lepître. Op. cit., p. 42, 45.

речие нередко приводит к резкому перелому в ориентации личности, в отношении молодого рабочего к своему будущему. Столь привлекательная вначале перспектива более полного овладения техникой, повышения квалификации мало-помалу тускнеет, и на первый план выдвигаются иные мечты и стремления. По данным, приводимым де Мопеу, чем больше производственный стаж молодого рабочего, тем чаще он мечтает либо о положении независимого хозяина (магазина, бара, бистро), либо о профессиях шофера, моряка, летчика, либо, наконец, о карьере спортивного чемпиона, певца и т. п. (табл. 1).

Таблица 1

Представления молодых рабочих об «идеальном будущем»
(в % к каждой возрастной группе)*

	Возрастные группы			
	14—15 лет	15—16 лет	16—17 лет	17—18 лет
Положение, связанное с независимостью, известностью, путешествиями	9	18,5	24	31
Продвижение на предприятии	46	42	38	28

* N. de Maupeou-Leplatre. Op. cit., p. 46.

Как видим, у многих молодых рабочих между 14 и 18 годами резко ослабевает интерес к работе. Значительная их часть не теряет надежды улучшить свое положение на предприятии, повысить квалификацию, но многие как раз на пороге зрелости переживают кризис своих планов и стремлений. Явно неосуществимые мечты о собственном «деле» или карьере чемпиона — не более чем психологические издержки этого кризиса, робкие попытки укрыться от жестокой действительности в мире нереального. На практике компенсацию ищут в другом — развлечения, досуг, отношения с «девочками» приобретают особую ценность.

Параллельно возрастает тяга к «перемене мест»: в переходе на другое предприятие ищут шанс «найти что-нибудь получше». 80% молодых рабочих крупных и 97% средних и мелких предприятий на вопрос: «Как молодежь может улучшить свое положение на предприя-

тии?» — ответили: «Ничего нельзя сделать, они только и могут, что уйти». Но на деле такая позиция нередко означает вынужденное подчинение обстоятельствам: как раз ученики и начинающие рабочие крупных предприятий, не видящие обычно иного выхода, кроме перемены места работы, реже всего действительно меняют его²⁸. На крупном предприятии у них по крайней мере больше шансов сохранить то материальное и профессиональное положение, которого они достигли.

Последствия пережитого кризиса в той или иной степени сказываются на настроениях, образе мыслей и поведении этих молодых рабочих. Его психологическое воздействие может проявляться, очевидно, и на дальнейших этапах их жизненного пути.

Часть рабочей молодежи приходит на производство относительно поздно — в возрасте 17—18 лет. Это — преимущественно выпускники центров профессионального ученичества, технических колледжей и других специальных технических школ. Отнюдь не всем юношам и девушкам, начавшим учиться в профессиональных училищах, удастся пройти полный курс и получить соответствующий диплом. По данным на 1956 г., из 80 тыс. учеников центров профессионального ученичества дипломы получили лишь 52,5 тыс. человек²⁹. Одни из главных причин отсева — материальные и бытовые трудности, с которыми связана учеба. Многие живут далеко от школ, каждый день они немало сил и времени должны тратить на дорогу. Общежития есть не всюду, количество мест в них ограничено. Так, многие ученики профессионального училища в г. Бетюне живут за 15—20 км от города. В 6 часов утра они садятся на поезд, потом целый час ждут, пока откроется училище... Домой приезжают к 8 часам вечера³⁰.

Материальная база самих училищ часто совершенно неудовлетворительна. Не хватает всего: помещений, оборудования. Мало преподавателей, они перегружены³¹. Понятно, что в таких условиях нелегко учиться.

²⁸ N. de Maupéou - Leplâtre. Op. cit., p. 50.

²⁹ P. Demondion. Op. cit., p. 160.

³⁰ P. Idiaert. Op. cit., p. 68.

³¹ См., например, «L'Express», 1964, № 697.

К трудностям материальным часто присоединяются трудности моральные. Нередко приходится обучаться профессии, которая совершенно не соответствует желаниям и вкусам. «Шестьдесят человек в классе,— сообщает в своем ответе на вопросы анкеты ЖОК ученик одного из профессиональных училищ,— хотят стать токарями и фрезеровщиками, но, поскольку в школе есть всего 12 токарных и 7 фрезерных станков, готовят лишь 12 токарей и 7 фрезеровщиков». «Я поступил в училище,— пишет другой,— чтобы стать автомехаником, а учусь на токаря. Это меня совершенно не интересует, но по крайней мере у меня будет профессия»³².

Мотив «важно иметь профессию, даже если она не нравится», свидетельствует о раннем ограничении проектов, о сознательном подавлении личных вкусов и потребностей во имя «приличной» работы. Подобный мотив выбора будущей специальности, посещения профессиональной школы достаточно типичен.

Предопределенность не только социального, но и профессионального положения рабочего, прикованность его с юношеских лет к узкой профессии особенно характерна для районов с одноотраслевой структурой промышленности, для мелких городков и поселков, тяготеющих к какому-либо крупному предприятию. Удел сына шахтера — обычно работа в шахте, а дети лотарингских металлургов чаще всего не видят перед собой иной перспективы, кроме окончания местного профессионального училища, обслуживающего нужды металлургической промышленности³³. Материальные условия жизни семьи нередко заставляют сына рабочего избирать специальность, которую он может получить недалеко от своего дома.

И все же три года учебы в профессиональной школе накладывают на сознание и характер юноши или девушки свой отпечаток. Выпускники этих школ избавлены от того состояния особенно тяжелой социальной униженности, которая становится уделом их сверстников, начавших с 14—15 лет трудиться в стенах цеха. Учеба, не связанная до поры до времени с работой для заработка, с монотонностью реальной производственной жизни, нередко воспитывает у них осознанный интерес к содержанию

³² P. Idlart. Op. cit., p. 67.

³³ Ch. Belleville. La nouvelle classe ouvrière. Paris. 1963, p. 70.

труда. Обычно центры профессионального ученичества дают более высокую и разностороннюю квалификацию, чем обучение на предприятиях³⁴. Даже если их ученикам не нравится будущая профессия, приобретенная ими квалификация, теоретические и практические знания повышают их чувство собственного достоинства, развивают любознательность. К моменту, когда они оканчивают школу, в их сознании уже сформировались определенные интеллектуальные и моральные потребности, удовлетворения которых они в той или иной мере ожидают от своей будущей работы.

Но в этот самый момент перед ними встают новые проблемы. Прежде всего проблема найти работу, соответствующую полученной профессии. По данным анкеты ЖОК, проведенной в 1962 г., примерно четверть молодых рабочих, получивших профессиональное обучение, работают не по специальности, причем некоторая часть их — в качестве чернорабочих. Последнее явление особенно распространено в западных, юго-западных и северных районах страны, где наблюдается кризис занятости³⁵. Осенью 1967 г. 64% полностью безработных составляли лица 18—25 лет³⁶.

Общее снижение занятости — далеко не единственный фактор, осложняющий проблему трудоустройства начинающих квалифицированных рабочих. Не меньшую роль играет несоответствие профессионального образования потребностям экономики, которое во многом объясняется все той же необеспеченностью его материальной базы. Так, одна из анкет по проблемам найма рабочей силы в промышленности парижского района выявила следующий показательный факт: центры профессионального ученичества выпускают недостаточно фрезеровщиков и токарей и больше, чем нужно, рабочих тех специальностей, подготовка которых связана с меньшими материальными затратами³⁷.

Сплошь и рядом начинающий рабочий трудится в той отрасли, для которой его готовили в училище, но зани-

³⁴ Закон от октября 1966 г. создает условия для постепенного вытеснения государственного профессионального образования обучением на предприятиях (государственное субсидирование учебных центров при предприятиях и т. д.)

³⁵ P. Idlart. *Op. cit.*, pp. 83, 84.

³⁶ «Economie et politique», 1968, № 162, p. 82.

³⁷ «Sociologie du travail», 1964, № 1, p. 43.

мает положение, не соответствующее его диплому и уровню квалификации. При найме таких рабочих администрация предприятий нередко стремится занижить их квалификационный разряд, чтобы сэкономить на заработной плате. Но дело не только в манипуляциях со ставками и тарифами. На настроения молодых квалифицированных рабочих особенно сильно влияют измельчание и деквалификация индустриального труда. Теоретические знания и многие практические навыки, полученные ими в училище, сплошь и рядом оказываются ненужными на производстве; готовя себя к содержательной, интересной работе, требующей интеллекта, сноровки, инициативы, они становятся на деле безгласным «винтиком» производственного механизма.

Это несоответствие работы знаниям и способностям — типичный для выпускников профессиональных училищ мотив неудовлетворенности своим положением на предприятии. Один молодой металлист назвал свой труд «работой автомата, недостойной трех лет учебы». «Я представлял себе электротехнику, — рассказывает рабочий-электрик, — как более теоретическую специальность: ремонт табло управления, моторов... Не думал, что целый день придется привинчивать рейки»⁸⁸.

Итак, рабочий, пришедший на предприятие после завершения профессионального образования, зачастую переживает, правда, в другом возрасте и при более солидной подготовке, тот же кризис связанных с трудом надежд и интересов, что и подростки, начавшие работать в 14—15 лет. Хотя он, будучи «взрослым», не подвергается той дискриминации, жертвой которой становятся его младшие товарищи, бессодержательность труда, новая для него социальная атмосфера предприятия вызывают у него сходные психологические реакции. В этом отношении показательно, что приведенные выше данные исследования Н. де Мопеу, посвященного самому младшему поколению рабочих и «ученикам», в определенной мере совпадают с ее же наблюдениями, относящимися к рабочим 17—20 лет (более половины этой группы опрошенных составляли квалифицированные рабочие). Так, многие из них говорили о своем желании уйти с завода,

⁸⁸ J. Cambon. Enquête sur les activités professionnelles d'anciens élèves de C. A. parisiens. Paris, s. d., p. 43; Cp. D. Mothé. Militant chez Renault. Paris, 1965, p. 85—87.

добиться положения независимого собственника и т. д.³⁹ Но подобное окончательное разочарование в профессиональном будущем не является непереносимым уделом всей рабочей молодежи. Как мы видели, оно не предопределено даже для подростков, в течение нескольких лет выполнявших грубую неквалифицированную работу и не имеющих профессионального образования. Тем большую сопротивляемость ему, очевидно, способен оказывать молодой рабочий, владеющий реальными знаниями, понимающий ценность своей квалификации. Как отмечает де Молеу, молодые квалифицированные рабочие в целом отличаются большим оптимизмом, большей верой в возможности своего профессионального роста, чем специализированные и неквалифицированные.

Описанные наиболее типичные ситуации, разумеется, не исчерпывают всего многообразия личных судеб. Тем не менее жизненный опыт и знание социальной действительности, приобретаемые рабочими в первые годы их трудовой жизни, обычно уже в юности формируют у них довольно определенные представления о своем дальнейшем жизненном пути.

Интересные данные о характере и типологии этих представлений были получены в результате опроса 20-летних рабочих и мелких служащих, проведенного в 1960 г. ЖОК. На вопрос, какого материального положения они рассчитывают достичь к 35 годам, примерно 20% опрошенных — в основном люди с минимальным уровнем доходов — ответили, что не уверены, будут ли они когда-либо получать зарплату выше, чем теперь; 60% более или менее твердо знали, каков будет размер их зарплаты к 35 годам. Одни из них получали «приличную» зарплату уже в момент опроса и не рассчитывали когда-либо зарабатывать больше; другие имели низкий заработок, но с уверенностью определяли тот скромный предел (например, 600 фр. в месяц), которого они когда-либо смогут достичь. И лишь 20% оценили свои перспективы не в цифрах возможного заработка, но в понятиях «продвижения», роста профессионального и образовательного уровня. Около половины этой группы опрошенных полагали, что они уже теперь занимают положение,

³⁹ N. de Maupéou. Jeunes ouvriers et promotion. — «Sociologie du travail», 1963, № 4, p. 349.

соответствующее их способностям и «открывающее дорогу в будущее», остальные рассчитывали продолжить учебу и таким образом улучшить свое положение⁴⁰.

Приведенные данные, разумеется, не претендуют на какую-либо статистическую достоверность, однако они достаточно убедительно свидетельствуют о том, что основная масса молодых рабочих отчетливо сознает ограниченность своих перспектив или же просто не верит в какие-либо возможности лучшего будущего. Математическая точность, с которой многие из этих молодых людей предсказывают свой «потолок» (размер зарплаты — в данном случае выступает лишь как внешний показатель «успеха») — весьма характерная черта их психологии. К 20 годам будущее уже не казалось им окутанным той дымкой неопределенной надежды, которая у человека, вступающего в жизнь, отражает внутреннюю несконнанность, смутную веру в многообразие, богатство жизненных путей. Вместе с тем меньшая, но довольно значительная часть 20-летних рабочих представляет свое будущее как профессиональный и культурный рост, не ограниченный какими-либо строгими пределами. Подобное представление питается определенными условиями производственной жизни, которые оцениваются в целом как «шансы на продвижение».

Эти условия мы обнаруживаем главным образом в тех отраслях, где экономическая конъюнктура, необходимость постоянного обновления ассортимента продукции и технической базы повышает потребность в высококвалифицированном труде, в рабочих широкого профиля, способных выполнять различные и часто меняющиеся производственные задачи. Предприятия таких отраслей нередко вынуждены уделять серьезное внимание расширению технических знаний своего персонала⁴¹. Подобные меры осуществляются на ряде предприятий химической, электронной, электротехнической промышленности и в некоторых других отраслях. Молодой рабочий, трудящийся на таком предприятии, имеет относительно больше возможностей выполнять интересную работу, действительно соответствующую его образованию

⁴⁰ P. Idlart. Op. cit., p. 69—61.

⁴¹ C. Durand. La signification des politiques de formation et de promotion.— «Sociologie du travail», 1963, № 1, p. 320—322.

и способностям, углублять свои знания и повышать квалификацию. Отрасли, находящиеся в авангарде научно-технического прогресса, имеющие репутацию «промышленности будущего», пользуются поэтому особой популярностью у молодых рабочих. Так, многие из них мечтают перейти в радиоэлектронику, привлеченные, по их словам, перспективами роста, существующими в этой отрасли⁴².

Стремление сменить профессию вообще характерно для значительной части рабочей молодежи. По данным анкеты ЖОК, пятая часть опрошенных, работающих по специальности, которая соответствует их образованию, заявили, что хотят сменить ее⁴³. Это желание далеко не всегда стимулируется поисками более высокой зарплаты. Сплошь и рядом оно возникает как непосредственная реакция на крайнюю ограниченность жизненных перспектив. Более трети юношей и девушек, мечтающих сменить профессию, приводили (по данным анкеты ЖОК) такие мотивы: «профессия не имеет будущего», получить «настоящую профессию», «более высокую квалификацию», «совершенствоваться» и т. д.⁴⁴

И все же большинство молодых рабочих, не удовлетворенных по тем или иным причинам своей профессией, не помышляют ее менять. Бессодержательный труд, отсутствие перспектив, низкий «потолок» зарплаты — все это они воспринимают как неотвратимую необходимость. Такой рано «примирившийся» со своей судьбой человек прежде всего не верит, что он может как-то изменить ее своими собственными усилиями. Только половина рабочих 16—24 лет полагает, что профессиональный успех зависит от самого человека, остальные связывают его либо с удачей, либо с протекцией, либо с профессиональным дипломом⁴⁵ (среди последних, очевидно, много таких, кто диплома не имеет).

Подобные взгляды питаются жизненным опытом. «Покорность судьбе» — это часто результат тщетных поисков лучшей участи, серии жизненных неудач. Вот несколько типичных случаев, описанных в письмах, присланных в ЖОК...

⁴² J. Cambon. Op. cit., p. 51.

⁴³ P. Idia rt. Op. cit., p. 84.

⁴⁴ P. Idia rt. Op. cit., p. 96, 97.

⁴⁵ «Les 16—24 ans», p. 64.

«Бернар, 17 лет, поступил в 15 лет в учебный центр (профессиональное училище.— Г Д.), но не преуспел в учебе и предпочел пойти работать на котельный завод. Теперь он формовщик и... не ищет ничего другого».

«Рене в 15 лет поступил в центр, хотел учиться на наладчика. В этой секции не было мест, его направили в секцию каменщиков. Это ремесло ему не нравилось, он ушел из центра и поступил на завод специализированным рабочим, сменив там уже несколько мест. Теперь ему все безразлично».

«Титэн, 19 лет, поступил на строительное предприятие учеником каменщика. Рабочий, с которым он трудился, не учил его ничему, заставлял его выполнять только грубую, тяжелую работу. Однажды Титэн поссорился с ним и в результате перешел работать на завод. Теперь он специализированный рабочий и, хотя жалеет о первой профессии, покорился «своей участи»⁴⁶.

Судьба всех этих ребят, не получивших никакого профессионального образования, окончательно сложилась уже к 17—19 годам. Наверняка мы найдем таких, как они, в той армии молодых рабочих, которые в 20 лет знают, что будущее ничем не отличается от настоящего — разве что получка увеличится на несколько десятков франков.

Конечно, не все так рано теряют надежду, утрачивают активное отношение к собственному будущему. Приведем рассказ одного из корреспондентов ЖОК о своем товарище Жан-Пьере.

«Вернувшись из армии 16 месяцев назад, он не захотел, как прежде, работать ткачом,— он сказал: «Мне совсем не нравится эта работа... Поэтому теперь я работаю на складе».

— И ты думаешь остаться там навсегда?

— Нет, нет, я попробую получить диплом электрика. Вот уже 14 месяцев я хожу на вечерние курсы. С алгеброй у меня идет хорошо; Алэн долго учился в техническом коллеже, и он мне помогает. Вообще алгебра мне нравится... Я хочу, прежде чем женюсь, получить что-то настоящее.

— А почему ты ходишь на курсы по электротехнике?

⁴⁶ P. Idia rt. Op. cit., p. 31.

— Во-первых, эта профессия мне нравится..., потому что можно принаравливаться к работе..., сам ищешь лучшие приемы, и это гораздо приятнее, чем работа на складе, где всегда одно и то же... Я хочу сбежать от этой каждодневной тяготины, от нее чувствуешь, как стареешь, а мне хочется... организовывать свою работу самому.

— А если ты провалишься на экзамене?

— Ничего страшного: алгебра и электроника, которые я буду знать, помогут мне пройти конкурс на телеграфе, это позволит мне получить надежное место... Знаешь, когда у тебя есть маленькое место, всегда можно попытаться подняться выше»⁴⁷.

В этом кратком диалоге как бы фокусированы основные желания и потребности молодого рабочего, все, чего он хочет добиться от жизни. Интересная творческая работа, знания, прочное место, возможность завоевать лучшее положение. Он энергичен, напорист, полон веры в собственные силы. Мы не знаем, получил ли Жан-Пьер диплом электрика, оправдала ли его новая работа надежды, которые он на нее возлагал. Зато мы можем привести слова молодого электрика, уже имеющего опыт работы: «Нет смысла учиться три года в центре, а потом никак не использовать полученных знаний». У этого рабочего уже нет особых личных планов: профессией он совершенно не удовлетворен, но менять ее не собирается⁴⁸.

Мы видели, как в планах Жан-Пьера потребность в интересной работе, в обеспеченном и содержательном будущем переплетается с иным мотивом: добиться чего-то в жизни, чтобы можно было жениться, обзавестись семьей. Его сверстник Мишель так объясняет, почему он работает по ночам: «Понимаешь, если я хочу жениться, я должен иметь средства, чтобы прокормить жену»⁴⁹. Как показывают данные анкет, даже для совсем молодых рабочих брак — это не просто важное событие их жизни, проецируемое в неопределенное будущее. Напротив, планы женитьбы часто носят очень конкретный, «установочный» характер, даже если парень не имеет ни малейшего представления, кто будет его женой. «С какими девушками ты предпочитаешь встречаться?» — спро-

⁴⁷ P. Idia rt. Op. cit., p. 69.

⁴⁸ J. Cam bon. Op. cit., p. 44.

⁴⁹ P. Idia rt. Op. cit., p. 69.

сили 18-летнего токаря Франсиса. «В настоящее время все равно с какими, потому что я не рассчитываю жениться немедленно.... Я думаю жениться после армии»⁵⁰.

Это отнесение планов женитьбы к более или менее определенному периоду, отношение к ней как к самостоятельной жизненной цели, которой нередко подчиняются другие проекты,— явление, широко распространенное среди рабочей, да и не только рабочей молодежи. Молодые французы обычно говорят о браке после армии или о браке в 24—25 лет, как о чем-то само собой разумеющемся и необходимом. Было бы неверно думать, что эта установка объясняется главным образом физиологическими стимулами: по оценкам самих молодых людей, 80% юношей и 50% девушек 20 лет вступают в сексуальные отношения до брака. Природа их брачных проектов в другом: как правило, юноши и девушки рассматривают семью, семейный очаг как источник самого большого удовлетворения в своей будущей жизни (59% по данным опроса Института общественного мнения в 1961 г.; лишь 22% ожидают «самого большого удовлетворения от работы», 7% — «от досуга» и 7% — «от друзей»). Сопоставление данных по группам с различным

Таблица 2

Представления молодых людей 16—24 лет об источнике наибольшего удовлетворения в жизни
(в % к составу групп с различным уровнем образования)*

	Молодые люди, получившие		
	начальное образова- ние	среднее образова- ние	высшее образова- ние
Семейный очаг . . .	61	58	43
Работа	17	21	47

* «Les 16—24 ans», p. 106.

уровнем образования показывает, что такой взгляд наиболее типичен для молодых людей с начальным образованием, т. е. основной массы рабочих, крестьян и мелких служащих (табл. 2).

⁵⁰ «Les 16—24 ans», p. 127.

Весьма интересен и такой факт: процент юношей, придающих семье значение главной моральной ценности, увеличивается от младших возрастных групп к старшим, соответственно уменьшается процент тех, кто ставит на первое место работу⁵¹.

Мы можем восстановить, таким образом, примерно следующую относительно типичную картину развития личных проектов и стремлений молодого рабочего. Уже на пороге самостоятельной жизни он сознает ограниченность своих перспектив определенными социальными рамками. Он понимает, что ему вряд ли удастся выйти за пределы положения рабочего, получить среднее и тем более высшее образование. Но и в этих пределах он стремится достичь положения, которое позволило бы ему не только обеспечить себя материально, но и получать моральное удовлетворение в труде, развивать способности, расширять знания. Его отрочество и юность насыщены борьбой против социальных условий, давящих на его жизнь. Качества его характера и способностей, а также материальное положение родителей, город или район, где они живут, профессиональная подготовка, которую ему удастся получить, возраст, в котором он начал работать, и еще множество других более или менее случайных обстоятельств определяют течение и исход этой борьбы. Одни складывают оружие в 14—15 лет, покорившись судьбе чернорабочего. Другие не сдаются и достигают большего. Но, независимо от конечного исхода, жизненный путь рабочего парня чаще всего ведет его от разочарования к разочарованию. Диплом или квалификация, о которых он вчера мечтал, сегодня дают ему право лишь на скучный, нетворческий труд. Ему становится все труднее черпать радость и удовлетворение в своей работе.

Материальные заботы, с детства тяготеющие над рабочим, сплошь и рядом отвлекают его внимание от содержания собственной трудовой деятельности. Обеспеченная работа, заработок — о них он вынужден думать раньше, чем о чем-либо другом. Но как бы ни был он поглощен подобными заботами, они не заполняют целиком его сознание. Лишь самая крайняя нищета может подавить в человеке заложенные в нем моральные по-

⁵¹ «Les 16—24 ans», p. 104—112, 205, 206.

требности. Бедность духовной жизни, на которую обрекают молодого рабочего бессодержательность труда и его материальной необеспеченности, только обостряют его духовную жажду, толкают его к новым и новым поискам морального удовлетворения.

Мы видели, куда устремляется он в этих поисках. Сначала к неосуществимым мечтам о романтической либо просто более независимой жизни. Потом — к новым попыткам найти «работу получше». Иногда — к учебе, к более перспективной профессии. В нем живет внутренний протест против полного подчинения «обстоятельствам». Он откладывает «окончательное устройство» до возвращения из армии, переходит с места на место. Но все эти поиски замкнуты в узком круге, выйти за который ему не дает недостаток образования и та же нужда.

При всем разнообразии индивидуальных судеб жизненный опыт, приобретаемый рабочими в годы отрочества и юности, формирует у них некоторые типичные для этой группы молодежи черты психического склада. Привычка «довольствоваться немногим», компенсировать неосуществимость юношеских мечтаний и идеалов такими ценностями, как «приличный» заработок, досуг, семейные радости, и вместе с тем неудовлетворенность, протест, стремление к «настоящей», полноценной жизни. Это стремление — одна из важнейших психологических предпосылок развития антикапиталистических настроений рабочей молодежи, ее активности в классовой борьбе.

Кристаллизация подобных тенденций в сознании младшего поколения современного рабочего класса отличается определенным исторически обусловленным своеобразием. Психология этого поколения сформировалась в обстановке быстрых экономических и социальных сдвигов 50—60-х годов. Если рабочие старших возрастов нередко оценивают свое положение мерками двадцати- и тридцатилетней давности, то для молодого рабочего эти мерки просто не существуют. У него иные представления о «нормальном» жизненном стандарте, более развитые интеллектуальные и культурные потребности. Поэтому низкая зарплата и безработица, от которых он страдает чаще, чем взрослый рабочий, психологически ранят его особенно больно. Обычно он учится дольше, чем рабочие прежних поколений, и оттого острее сознает несоответствие своих способностей и знаний своему месту в

обществе. Острота подобных противоречий порождает у молодежи не только протест против конкретных проявлений капиталистической эксплуатации, но и враждебность ко всей давящей на нее системе социального гнета.

Эти настроения характерны, конечно, не только для молодых рабочих, но в их среде они легче получают непосредственное и активное выражение. Тяжелые условия жизни сплошь и рядом подавляют активность и протест формирующейся личности. Особенности возрастной психологии молодежи: эмоциональность, острота восприятий, быстрота и энергичность реакций — повышают ее сопротивляемость воздействию этих условий. Ее возмущение, не находя до поры до времени выхода вовне, накапливается как «горючий материал», готовый вспыхнуть от первой случайной искры.

В мае 1968 г. такой искрой стали студенческие волнения и жестокие полицейские репрессии в Латинском квартале. Под влиянием этих событий молодые рабочие нескольких заводов заняли свои предприятия и положили тем самым начало движению, охватившему в течение нескольких дней основную массу французского рабочего класса. Рабочая молодежь оказала заметное влияние на формы и размах классовых битв, развернувшихся в мае-июне 1968 г. Благодаря ее инициативе, поддержанной и распространенной Всеобщей конфедерацией труда, занятие бастующими заводов стало характерной чертой всего движения, придало ему боевой наступательный дух, невиданный за последние 30 лет. «Не будет преувеличением сказать, — писал о забастовке мая-июня Бюллетень профсоюза ВКТ заводов Рено, — что наибольшее участие в борьбе приняла молодежь»⁵².

Особенности стремлений молодых рабочих отразились в тех требованиях, которые они выдвигали в ходе борьбы. Добиваясь повышения жизненного уровня и улучшения условий труда (беспроцентные займы для молодых семей, 5-я неделя оплачиваемого отпуска и т. д.), они вместе с тем требовали улучшить положение молодых трудящихся в производстве, расширить возможности образования и профессионального роста (гарантии профессионального продвижения для рабочих моложе 20 лет, организация профессиональных курсов в рабочее

⁵² «33 jours», supplément à «La voix de l'usine», 1968, № 73, p. 30.

время, соответствие квалификационных разрядов уровню образования) ⁵³. Эти вопросы многие молодые рабочие воспринимали как часть более общей проблемы коренного улучшения социального положения рабочего класса.

«Зачем нужна стачка?» — спросил у двух молодых парижских рабочих писатель В. Познер. «Чтобы улучшить условия жизни, — ответил 20-летний Пьер. — Это не вопрос денег, иначе можно было бы просто перейти на другое предприятие». «Это рабство..., — добавил 19-летний Мишель. — Стачка нужна, чтобы жить» ⁵⁴.

«Я рабочий, — заявил корреспонденту газеты «Монд» 19-летний участник одной из майских демонстраций в Нанте. — Я демонстрирую ради повышения зарплаты... И также ради всего. Я вышел из нищеты и должен взять реванш» ⁵⁵. Переплетение конкретных материальных и моральных потребностей со стремлением к изменению «всего», «всей жизни» придавало особенно боевой характер настроениям молодых рабочих.

Во французской буржуазной прессе можно нередко встретить утверждения, что будто бы майские события обнаружили «враждебность» молодых рабочих пролетарским классовым организациям. В значительной мере в этом отражаются расчеты некоторых «ультралевых» деятелей на откол рабочей молодежи от широких масс пролетариата, поддерживающих ВКТ и компартию, и создание единого блока студентов и молодых рабочих, нацеленного против этих организаций. Лидер анархистских студенческих группировок Д. Кон-Бендит прямо заявлял в одном из своих интервью, что лишь молодые рабочие, еще не имеющие ни семьи, ни материального комфорта, способны стать союзниками студентов в «глобальной» революционной борьбе ⁵⁶.

Подобным расчетам не суждено было оправдаться. Естественно, что рабочая молодежь проявляла особый интерес и сочувствие к борьбе своих сверстников студентов. Некоторые молодые рабочие участвовали в баррикадных боях в Латинском квартале и в организованных студентами уличных беспорядках в различных городах. Кое-кто из них подпал под влияние анархистской и

⁵³ «33 jours», p. 30.

⁵⁴ «Démocratie nouvelle», juin-juillet 1968, p. 42.

⁵⁵ «Le Monde», 29.V 1968.

⁵⁶ «Le Nouvel Observateur», 1968, № 182.

«ультрареволюционной» пропаганды — в этом сказалась эмоциональная возбудимость молодых трудящихся, отсутствие у них опыта классовой борьбы. Однако подавляющее большинство рабочей молодежи активно участвовало в действиях, руководимых профсоюзами, проявляло такую же организованность и классовую дисциплину, как и рабочие старших поколений.

Эти черты поведения молодых рабочих — результат влияния на их психологию жизни в пролетарском коллективе. Как показывают данные конкретных исследований, опыт жизни на предприятии постепенно воспитывает у начинающего рабочего классовое чувство и сознание классовой солидарности, его планы утрачивают чисто индивидуальный характер и увязываются с перспективами и целями его социальной группы. В психологии молодых рабочих не выражено сколько-нибудь сильно специфически «молодежное» групповое самосознание, ощущение конфликта «отцов» и «детей». Подобные тенденции характерны преимущественно для учащейся молодежи, отделенной от «мира» взрослых определенными социальными барьерами. Молодой рабочий трудится бок о бок со своим старшим товарищем, оба они подчинены одной и той же эксплуататорской организации, их постоянно объединяют общие интересы и общая борьба. Осознание этих общих интересов естественно повышает в глазах молодого рабочего авторитет выражающих и защищающих их классовых организаций. Если многие начинающие рабочие видят гарантию своего положения на предприятии в собственном усердии и хороших отношениях с начальством, то проработавшие несколько лет гораздо чаще полагаются на поддержку профсоюза. Это демонстрируют ответы рабочих на вопрос «Как улучшить положение молодежи на предприятии?» (табл. 3):

По данным анкеты 1961 г., 33% рабочих 16—24 лет являются членами профсоюзов, 23% собираются вступить в профсоюз, 21% не имеют такого намерения, и 23% еще не выработали определенного отношения к профсоюзам⁵⁷. Рабочие 18—30 лет составляют приблизительно треть от численности рабочего класса, но 45% от общей численности членов профсоюзов. Примерно таков же процент членов профсоюзов среди рабочих по-

⁵⁷ «Les 16—24 ans», p. 139.

Таблица 3

Мнения парижских рабочих и учеников 14—18 лет
о способах улучшить свое положение на предприятии
(в % к каждой возрастной группе) *

Тип ответа	Возрастные группы		
	14—15 лет	15—17 лет	17—18 лет
Обратиться к делегату, в профсоюз . . .	7	22	27
Лучше работать, лучше себя вести . . .	40,5	33,5	28

* N. de M a u r é o u. Le jeune ouvrier dans l'entreprise, p. 49.

следней возрастной группы. Данные о возрасте профсоюзных активистов показывают, что более трети их — рабочие моложе 31 года⁵⁸. Эти цифры (все они относятся к началу 60-х годов), очевидно, свидетельствуют о том, что рабочие младших поколений вообще проявляют сильную склонность к участию в организации, но вступают они в профсоюз, чаще всего достигнув зрелого возраста, имея за плечами многолетний опыт производственной жизни (больше половины организованных рабочих моложе 30 лет вступили в профсоюз после 24 лет)⁵⁹. Иначе говоря, это в общем совпадает с тем моментом в жизни рабочего, когда его положение в производстве в основном определилось, когда он уже четко представляет себе границы своих личных перспектив и возможностей.

В этом факте, видимо, отражается диалектическое взаимоотношение между личными проектами и классовым мировоззрением рабочего. Именно завершив этап жизни, отмеченный индивидуальными поисками, надеждами, разочарованиями, добившись всего, чего он мог вообще добиться в одиночку, он особенно остро начинает ощущать неразрывную связь дальнейшей судьбы с положением своей социальной группы. Познав пределы

⁵⁸ R. K a ë s. Op. cit., p. 55.

⁵⁹ Эти подсчеты, проведенные на основании сопоставления данных опросов и статистических данных о доле различных возрастных групп в составе рабочего класса, носят сугубо ориентировочный характер.

своей автономии в обществе, он испытывает тем большую необходимость в опоре на силу рабочей солидарности, на воплощающую эту силу классовую организацию. Рабочая молодежь выделяет из своей среды и значительную часть профсоюзных активистов — тех, для кого защита коллективных интересов является главным делом в жизни.

Те же психологические мотивы пробуждают ее интерес к политической жизни. А устремляется этот интерес чаще всего к той партии, которая в представлениях рабочей молодежи лучше всего выражает ее потребности. По данным проведенного в 1967 г. опроса общественного мнения, значительная часть молодых французов — 25% людей 21—34 лет — считает коммунистов партией, более всего занимающейся проблемами молодежи (21% лиц этой возрастной группы высказалось в пользу ЮНР, 12% — в пользу социалистов и радикалов). Для молодых рабочих этот процент, несомненно, намного выше. Тот же опрос свидетельствует о том, что в общественном мнении четкое отражение получил факт растущей роли молодежи в деятельности ФКП (30% опрошенных полагают, что за последние 10 лет ФКП в большей мере стала партией молодежи, лишь 20% думают, что в этом отношении изменений не произошло)⁶⁰.

Бурный подъем классовой борьбы пролетариата в 1968 г., в невиданных прежде масштабах пробудивший боевую активность молодежи, неизбежно должен был резко ускорить все эти процессы развития ее общественно-политического сознания. И действительно, майские события повлекли за собой массовый приток молодых рабочих в ряды ВКТ и компартии. 70 тыс. человек вступили в ФКП в 1968 — начале 1969 г. В своем большинстве это рабочие, их средний возраст — 25 лет.

Таким образом, факты никак не подтверждают тезис о «конфликте» рабочей молодежи с ценностями и нормами, характеризующими классовое сознание организованного пролетариата. Ее психологическое своеобразие в другом: в более высоком уровне потребностей, в большей нетерпимости к современным формам капиталистического гнета. Это обстоятельство очень важно для понимания перспектив идейно-психологического развития рабочего класса.

⁶⁰ «Cahiers du communisme», 1968, № 1, p. 26, 45.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И СОЗНАНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА

Трудовая деятельность рабочего, социальные отношения, в которые он вступает в процессе труда, оказывают значительное влияние на формирование его интеллекта, его представлений, воздействует так или иначе на все сферы его психической жизни. Понятно поэтому, что выяснение характера этого воздействия — необходимый шаг в изучении сознания современного рабочего класса.

Анализируя психологические аспекты трудовой деятельности, Маркс отмечал, что «в течение всего времени труда необходима целесообразная воля, выражающаяся во внимании, и притом необходима тем более, чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения, следовательно чем меньше рабочий наслаждается трудом как игрой физических и интеллектуальных сил»¹.

Именно через внутреннее содержание и способ исполнения труда осуществляется его воздействие на природу человека, на развитие его способностей. Именно от этой стороны труда зависит возможность наслаждения им — и, следовательно, в немалой степени отношение человека к нему.

Можно выделить два основных элемента, из которых складывается восприятие внутреннего содержания труда. Во-первых, это условия труда, непосредственно воздействующие на организм человека, определяющие степень утомления, большую или меньшую опасность для здоровья и жизни и т. п. Во-вторых, значение творческого начала в трудовой деятельности человека,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 189.

степень инициативы, смекалки, приложения собственных способностей и знаний. Чем полнее выражен этот творческий характер труда, тем в большей мере он становится «игрой физических и интеллектуальных сил», тем большее удовлетворение приносит он работнику производства.

Оба названных элемента внутреннего содержания труда зависят от состояния техники производства, от характера трудовых актов, выполняемых непосредственными производителями. Однако техника никогда не действует как совершенно автономный фактор. Само ее использование во многом определяется тем, в какой мере учитываются интересы и потребности людей, для которых она служит средством их труда. Иначе говоря, влияние техники на человека опосредствуется производственными отношениями, целью производства. Поэтому при изучении воздействия современного индустриального труда на сознание рабочего капиталистического производства важно учитывать как основные направления научно-технического прогресса, так и те социальные условия, в которых этот прогресс осуществляется.

ИЗМЕНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ТРУДА И ИХ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА РАБОЧЕГО

Физиологические и психологические последствия изменений в условиях труда, порожденных нынешней и предшествующими фазами научно-технического прогресса, обстоятельно освещены в специальной литературе. Мы ограничимся характеристикой лишь наиболее типичных тенденций.

Как известно, развитие производительных сил в эпоху капитализма неразрывно связано с непрерывным ростом разделения и специализации индустриального труда. В «Капитале» и других экономических и философских трудах К. Маркса, в «Положении рабочего класса в Англии» Ф. Энгельса дан глубокий анализ этого процесса на протяжении истории домонополистического капитализма, изучено его воздействие на личность рабочего. Маркс показал, что уже на мануфактурной стадии развития капитализма разделение труда приводит к появлению «частичного» рабочего: «Каждый рабочий приспособля-

ется исключительно к отправлению одной частичной функции, и рабочая сила его на всю его жизнь превращается в орган этой частичной функции». Уродливо односторонний характер, который приобретает труд рабочего на данной стадии, однако, не подавляет полностью его индивидуальных способностей: поскольку производство еще базируется на ремесленной технике, каждая частичная операция «зависит от силы, ловкости, быстроты и уверенности каждого отдельного рабочего, от его умения обращаться со своим инструментом»².

Внедрение машин, развитие крупного механизированного производства не только доводит до предела специализацию, измельчение труда, но и все больше обедняет его содержание. Для растущего числа рабочих их профессия превращается в сумму простейших навыков, необходимых для обслуживания машины, все более исключает работу мысли, инициативу, приложение и развитие каких бы то ни было личных способностей. Чем больше специализируется машина, тем полнее устраняются из труда рабочего элементы разнообразия и самостоятельности: каждый его жест определен машиной, он превращается в простой ее придаток. Но поскольку такое упрощение и специализация труда является для капиталиста средством усилить производительность, одновременно растет темп работы, труд рабочего все больше интенсифицируется. Он обречен в течение всего рабочего дня производить с максимальной скоростью одну и ту же без конца повторяющуюся операцию. Эта монотонность, однообразие резко увеличивает утомление, самым неблагоприятным образом сказывается на организме рабочего. «Машинный труд,— отмечал Маркс,— до крайности захватывая нервную систему, подавляет многостороннюю игру мускулов и отнимает у человека всякую возможность свободной физической и духовной деятельности»³.

Разумеется, замена человеческого труда трудом машины ведет к сокращению удельного веса операций, требующих значительных физических усилий. По мере механизации и автоматизации все новых участков производства уменьшается число «тяжелых» профессий. Чем совершеннее становятся машины, тем меньше мускульной

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 350, 351.

³ Там же, стр. 434.

энергии должен затрачивать рабочий для выполнения каждого трудового акта. Манипулирование рукоятками и кнопками машины заменяет непосредственное физическое усилие. В этом смысле труд рабочего облегчается. Однако «даже облегчение труда становится средством пытки, потому что машина освобождает не рабочего от труда, а его труд от всякого содержания»⁴. Потогонные темпы, монотонность и бессодержательность трудового процесса делают крайне утомительной даже простую и не требующую больших физических усилий работу.

Развитие капиталистического производства за последние 100 лет намного расширило и углубило значение тех явлений в разделении труда, основные черты которых были вскрыты основоположниками марксизма. К середине XIX в. малоквалифицированный, узкоспециализированный труд по обслуживанию машин получил широкое распространение главным образом в текстильной промышленности. С тех пор технический прогресс, развитие массового серийного производства сделали возможным применение специализированных машин в металлообработке, швейной, пищевой и ряде других отраслей промышленности. Внедрение поточного производства и конвейера означало превращение заводов и фабрик в системы машин, каждая из которых выполняет определенную элементарную операцию. Одним из следствий механизации является прогрессирующее сокращение числа чернорабочих, уменьшение роли грубого физического неквалифицированного труда. Но вместе с ним из растущего числа секторов производства вытесняется относительно квалифицированный труд, предполагающий известные знания и навыки. Он заменяется трудом малоквалифицированных рабочих, для обучения которых обычно достаточно нескольких дней. Такой рабочий становится типичной фигурой в промышленности; во Франции после первой мировой войны он получает официальное наименование «специализированного» (*spécialisé*), призванное отличать его как от «маневра» — чернорабочего, так и от «профессионала», т. е. квалифицированного рабочего.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 434.

Распространение тейлористской «научной организации труда», хронометража и тому подобных методов повышения производительности еще в большей мере скрывает самостоятельность «частичного рабочего». Темп каждого его движения определяется не только машиной, но и нормами, предписанными «организаторами производства». В 1961 г. «специализированные рабочие» составляли свыше 40% рабочей силы, занятой во французской обрабатывающей промышленности, а вместе с чернорабочими и низшим разрядом «профессионалов» (последние по уровню квалификации и характеру труда, как правило, немногим отличаются от «специализированных») — около 89% рабочего класса⁶.

Условия труда современного пролетария — свидетельство глубоких противоречий капиталистического технического прогресса. Бесчисленные научные и технические достижения, вместо того чтобы облегчить человеческий труд, становятся для рабочего источником новой перегрузки. Именно такой вывод вытекает из специальных медицинских и психологических исследований, посвященных воздействию на работников промышленности современного индустриального труда. С упрощением трудовых операций и усилением монотонности, с сокращением пауз и убыстрением темпов работы физическая, чисто мускульная усталость может уменьшаться, но резко возрастает нервно-психическое переутомление, вызванное сосредоточением внимания на скучном, однообразном труде.

Следствием переутомления являются нарушения высшей нервной деятельности, которые тяжело отражаются и на физиологических функциях, и на эмоциональной и интеллектуальной жизни человека. Специалисты констатируют, что профессии, требующие выполнения в быстром темпе одинаковых операций, развивают функциональные расстройства симпатической нервной системы: бессонницу, сердцебиения, головокружения и головные боли, расстройства пищеварения и потерю аппетита. У работников таких профессий особенно часто наблюдаются ослабление сенсорной восприимчивости, внимания, повышенная раздражительность и тенденция к

⁶ «Revue française du travail». 1963, № 2.

депрессии⁶. Все это, естественно, приводит к преждевременному старению человеческого организма.

Следует вместе с тем иметь в виду, что возрастание темпов даже на нынешней фазе технического прогресса далеко не во всех случаях связано с устранением тяжелых физических усилий. Так, технический прогресс в металлургической промышленности значительно увеличил темп труда, поставив его в зависимость от увеличившейся скорости работы машин, но отнюдь не сделал труд физически легким. Рабочий-металлург имеет дело с тяжелыми орудиями и материалами, которыми он вынужден оперировать в узком пространстве, в тяжелых условиях (жара, шум, выделение вредных газов), не имея даже достаточных пауз для отдыха⁷.

Сохранение физически тяжелого труда невозможно объяснить только неравномерностью технического прогресса, специфическими технологическими условиями отдельных отраслей промышленности (например, металлургии, металло- и угледобычи и т. д.), затрудняющими полную механизацию. Поскольку технический прогресс осуществляется при капитализме исключительно в интересах прибыли, он не только допускает, но даже в ряде случаев предполагает усиление тяжести физического труда. Повышение прибыли может обеспечиваться, например, модернизацией обработки той или иной детали при сохранении тяжелых физических операций по питанию соответствующей системы машин. Если неквалифицированный ручной труд по загрузке и транспортировке стоит дешевле, чем механизация и автоматизация этих операций⁸, то капиталистическому предприятию нет дела до тех последствий, которые будет иметь модернизация на других участках для рабочих, выполняющих этот труд.

Именно таков смысл «экономических соображений», на которые ссылаются капиталистические менеджеры, доказывая «неизбежность перерывов» в механизации. Во

⁶ В результате медицинского обследования рабочих завода Рено выяснилось, что резкое нарушение нормальной нервно-психической деятельности чаще всего наступает у них после 30 лет, а примерно к 50—55 годам развивается общее нервное истощение (A. Lucas. L'Automatisme dans l'industrie automobile. In: «L'Automation. Aspects psychologiques et sociaux». Paris, 1960, p. 39—84).

⁷ Ch. Belleville. La nouvelle classe ouvrière. Paris, 1963, p. 60.

⁸ «Во многих случаях перенос и транспортировка деталей от одной машины к другой остаются менее дорогими, чем установление механического приспособления» (P. Naville. Vers l'automatisme social? Paris, 1963, p. 67).

Франции среди этих «экономических соображений» большую роль играет дешевизна неквалифицированного труда, в значительной мере обусловленная многочисленностью готовых на любую работу трудящихся-иммигрантов.

Чрезвычайно показателен в данной связи пример заводов Рено, одного из самых передовых в техническом отношении предприятий французской машиностроительной промышленности. Автоматизация достигает на Рено уровня наиболее автоматизированных американских автомобильных заводов, но в большинстве цехов сохраняется ручной труд по загрузке заготовок, эвакуации готовых деталей и т. д. Например, в литейном цехе рабочий вручную загружает (поднимая на высоту 1 м) металлические болванки, железный лом, кокс. Повсеместно автоматизация вызвала резкий рост темпов этого труда. Время, которым рабочий располагает для выполнения законченной операции, упало до половины, а на ряде участков даже до $\frac{1}{3}$ и $\frac{1}{5}$ минуты⁹.

Подобные изменения в условиях труда далеко не ограничиваются рамками вспомогательных операций. В металлообработке и некоторых других отраслях промышленности наиболее типичный способ технической модернизации — внедрение автоматических станков с ручной загрузкой, которое резко повышает темпы труда рабочего-станочника. Так, на заводе Сабием в Сент-Уаз установка автоматического оборудования на обработке головок цилиндра сократила вдвое время производственного цикла: рабочий-станочник оперирует удвоившимся количеством деталей весом до 47 кг, каждую из которых он поворачивает во время обработки семь раз¹⁰. Тяжелый физический труд, выполняемый в бешеном темпе, — таковы здесь последствия новейших достижений технического прогресса. Не удивителен в этих условиях рост патологического переутомления и различных функциональных расстройств на самых модернизированных производствах. На заводах Рено установка полуавтоматических линий в 1952—1953 гг. в полтора раза увеличила число нервно-психических заболеваний¹¹.

⁹ A. Lucas. Op. cit.

¹⁰ «Всемирное профсоюзное движение», 1957, № 7, стр. 5.

¹¹ «Производительность против рабочего класса в странах капитала». М., 1958,

Столь же резкими контрастами и противоречиями отличается процесс изменений во внешних (санитарно-гигиенических, климатических и т. п.) условиях производства. Организованное сопротивление рабочих в ряде случаев вынуждает руководство предприятий вносить некоторые улучшения в оборудование цехов (освещение, вентиляцию, устройство рабочих мест, душевых помещений и т. д.) и в технику безопасности. К тому же толкает капиталистов погоня за ростом производительности труда: администрация многих, в особенности крупных, предприятий стремится использовать достижения современной психологии, позволяющие так или иначе воздействовать на увеличение выработки рабочего. Отсюда усиленное внимание к промышленной эстетике — трансляция музыки во время работы и тому подобные мероприятия, призванные сделать более приятной атмосферу в цехе. Однако наряду с этим на громадном числе предприятий сохраняются пагубные для здоровья и жизни людей условия производства, а во многих случаях именно технический прогресс делает их еще более невыносимыми. Уже цитировавшееся обследование условий труда на заводах Рено показало, что в наиболее автоматизированном цехе по обработке картеров-цилиндров «прогресс, достигнутый в области автоматизации, часто сопровождается усилением шума и повышением температуры, которые затрудняют контроль... Продолжительная работа в таком цехе может представлять большую опасность»¹².

Следует иметь в виду, что те стимулы, которые побуждают капиталистическое предприятие проявлять какой-то интерес к улучшению условий труда, к обеспечению оптимальных физиологических и психологических предпосылок высокой производительности, ограничены весьма узкими рамками. Как правило, дирекцию занимает лишь работоспособность персонала в пределах рабочего дня, возможности устранения причин, снижающих выработку к концу его. Поэтому возросшее на ряде предприятий значение психологических и медицинских служб в разработке организации производства не влияет в конечном счете на создание условий труда, соответствующих

¹² А. Л у с а с. *Op. cit.*, p. 78, 79.

нормальной жизнедеятельности человеческого организма. Сотрудники этих служб, по их собственным признаниям, убеждаются в том, что их научно обоснованные выводы и рекомендации, как правило, принимаются администрацией предприятий только в том случае, когда они способствуют повышению выработки в течение рабочего дня¹³.

Хищническая растрата человеческого здоровья — обычное явление не только в технически отсталых, но и в наиболее передовых и процветающих отраслях промышленности, например в электронике. На лионском заводе «Компани Франсез де туб электроник» работники сборочного цеха трудились в 1964 г. практически без всяких пауз, кроме обеденного перерыва, по 9—9,5 часа в день при 37—38° жары. В цехе часты обмороки, врач предприятия констатировал ненормально высокое число нервных заболеваний. Долго выдержать такие условия труда невозможно: из цеха с персоналом 200 человек ежемесячно увольнялось 30 рабочих. Текучесть рабочей силы никак не воздействует на политику администрации: ведь ушедших всегда легко заменить новыми¹⁴.

Было бы, разумеется, грубым упрощением действительности утверждать, что труд рабочих одинаково тяжел, независимо от уровня механизации и автоматизации, квалификации, отрасли промышленности и характера производства. Речь в данном случае идет о другом. Восприятие условий труда, их большей или меньшей тяжести и утомительности входит как важный составной элемент в отношение рабочего к своему труду. Поэтому представляется существенным определить, как влияют на это восприятие изменения в условиях труда, связанные с нынешней фазой технического прогресса. Учитывая все разнообразие предприятий и профессий, можно тем не менее утверждать, что основная масса рабочих испытывает либо абсолютное повышение тяжести труда, либо замену одного вида утомления другим. Облегчение, ощущаемое в результате того или иного технического усовершенствования, отступает в сознании на задний план по мере того,

¹³ M. Bouvier - Ajam, G. Muru. Les classes sociales en France, t. II. Paris, 1963, p. 176.

¹⁴ «L'Humanité», 16.IV 1964.

как на организме начинают сказываться результаты возросших темпов, повышенного напряжения внимания и нервного переутомления. Рабочий испытывает все большую тяжесть, казалось бы, требующего лишь небольших усилий труда, все острее реагирует на вредные для здоровья условия производства.

Это осознание растущей тяжести труда рельефно отражают мнения, высказанные в ходе различных опросов рабочими недавно автоматизированных производств. Так, часть рабочих автоматического цементного завода, чей труд сводится лишь к контролю, наблюдению и уборке помещения, удовлетворена улучшением условий труда, однако очень устает от непрерывного шума и пыли в цехах. Операторы автоматической линии по производству телефонных справочников жаловались на пыль, на тяжелые «ритмы внимания», говорили о необходимости сокращения рабочего дня до 6 часов. Рабочие завода строительных блоков протестовали против «слишком быстрого темпа работы», вызывающего «усталость от усилий сосредоточить внимание»¹⁵. По-разному оценили условия своего труда текстильщики Лилля и Рубе-Туркуэн. 28% опрошенных заявили, что с введением автоматизации их труд стал более легким, менее опасным и утомительным. Этот тип ответа более характерен для рабочих моложе 30 лет. 36% рабочих, напротив, говорили о возросшей тяжести труда, связывали ее с нервным утомлением либо с увеличением числа обслуживаемых ими машин¹⁶. В этой противоположности мнений, очевидно, сказался относительно небольшой опыт работы на автоматических машинах. Часть рабочих, в особенности молодежь, еще не успели ощутить нервно-психическое переутомление, его быстрее начали испытывать рабочие среднего и старшего возрастов.

Конечно, различные виды утомления, вредность ряда производств, опасность производственного травматизма не могут быть полностью устранены в технических условиях современной промышленности. Связанные с этим психологические, медицинские и технические проблемы

¹⁵ P. Naville. Vers l'automatisme social? p. 20—22.

¹⁶ D. Lahalle, N. Lowit-Fratellini. Les attitudes ouvrières en face du progrès technique et de la productivité.—«Cahiers d'étude de l'automation...», 1962, № 3, p. 211—213.

возникают как в капиталистическом, так и в социалистическом обществах. Однако при капитализме решение подобных проблем на благо человека тормозится производственными отношениями, всецело подчиняющими жизнь трудящихся интересам прибыли. На капиталистическом предприятии в понятиях рентабельности, прибыльности оцениваются не только затраты на новое оборудование, но и затраты на меры, охраняющие жизнь и здоровье рабочего. А рентабельны они лишь в том случае, когда приносят непосредственную экономическую выгоду предприятию.

Рабочие в той или иной степени понимают связь между утомительными, вредными или опасными условиями их труда и своекорыстными интересами хозяев производства. И понимание это рождается не столько из их общих социальных представлений, сколько из опыта повседневной жизни на предприятии.

Один из важнейших аспектов такого опыта — политика администрации в области охраны труда и техники безопасности.

Интересные данные о характере этой политики и отношении к ней рабочих приводятся в работе П. Роля, обобщающей результаты обследования нескольких предприятий парижского района¹⁷. Как показывает автор, администрация осуществляет меры безопасности прежде всего потому, что они позволяют увеличить темп работы: рабочий, который чувствует себя относительно защищенным от несчастных случаев, реже замедляет или останавливает работу машины. Если дирекция не заинтересована в принятии тех или иных мер безопасности, происходящие несчастные случаи объясняются «невнимательностью» рабочего.

Служба техники безопасности, которая, казалось бы, должна представляться известной гарантией от производственных заболеваний и травм, на деле осознается рабочими как одно из орудий давления дирекции. Весьма характерны в данной связи высказанные рабочими разных заводов мнения о возглавляющем эту службу враче предприятия: «Он (врач) всегда хочет нам объяснить, что можно работать»; «К этим заводским докторам

¹⁷ P. Rolle. Attitudes ouvrières et situations de travail.— «Cahiers d'étude de l'automatisme...», 1962, № 3.

нельзя обращаться»; «Ему платят за его работу, а она состоит в том, чтобы заставлять нас делать нашу работу».

Таким образом, плохие или опасные условия труда отражаются в сознании многих рабочих не в виде некоего самостоятельного аспекта их положения, но как проявление системы социальных отношений, существующей на предприятии. Поэтому мотивы протеста против того или иного конкретного факта пренебрежения техникой безопасности или санитарно-гигиеническими нормами намного шире простого стремления добиться соответствующего частичного улучшения. Официальная статистика регистрирует довольно большой процент стачек, участники которых выдвигают требование улучшить условия труда. Однако на деле причины многих из них лежат значительно глубже. Специалисты по индустриальной социологии неоднократно обращали внимание на тот факт, что в этих требованиях как бы прорывается наружу долго копившееся возмущение рабочих отведенной им на капиталистическом предприятии ролью одушевленных орудий. Весьма симптоматично, что стачки, возникающие из-за подобных требований, нередко отличаются таким размахом и боевым духом, которые на первый взгляд совершенно не соответствуют их весьма ограниченной цели (например, на одном из металлообрабатывающих заводов парижского района в конце 50-х годов стихийно собравшиеся рабочие единогласно решили объявить стачку из-за грязи в туалетах) ¹⁸.

Плохие условия труда постоянно воздействуют не только на сознание, но и на органы чувств рабочего, они прямо определяют его физическое и эмоциональное состояние, поэтому его реакция на них носит наиболее непосредственный и активный характер, она служит как бы искрой, воспламеняющей его возмущение. Иначе говоря, недовольство условиями труда чаще всего не столько главный мотив, сколько лишь стимул или повод борьбы. Не случайно рабочие, начавшие бастовать из-за недовольствительных условий труда, очень часто выдвигают затем более широкий круг требований в области зарпла-

¹⁸ P. Rollé. *Op. cit.*, p. 101. «Требования такого характера,— замечает автор,— имеют подспудный аспект. Недовольство выражается... в действии, которое хотя и не соответствует масштабам той системы, которую оно атакует, однако выходит за пределы своего непосредственного предлога и потому ощущается дирекцией как общая угроза».

ты, прав профсоюзов и т. д. Когда такого рабочего спрашивают о причинах стачки, он обычно ссылается не на какую-либо одну сторону своего положения, но на всю совокупность условий оплаты и труда: высокие темпы, жару в цехах, низкие ставки, произвол администрации и мастеров. Вот типичный пример такого ответа: «Хозяева обращаются с нами, как с машинами... Я не против удлиненного рабочего дня, но не такого! Надо же дать нам хоть вздохнуть. Приходится работать, как одержимым, нельзя остановиться даже на минуту... работать приходится обеими руками и ногами... Зарплата совершенно недостаточная»¹⁹. Условия труда выступают здесь лишь как конкретные проявления всей бесчеловечной системы отношений на предприятии («Хозяева обращаются с нами, как с машинами»).

Именно протест против этой системы, а не только чисто физиологическая потребность в менее утомительных темпах работы, в нормальной температуре и чистом воздухе в цехе определяет восприятие рабочими существующих условий труда. Поэтому, вопреки надеждам многих социологов и менеджеров, улучшение условий труда, достижимое в рамках капиталистического производства, само по себе не в состоянии радикально улучшить «социальный климат» предприятия. Оно может в чем-то изменить непосредственные мотивы протеста рабочих, но отнюдь не ликвидировать самую его основу.

Во многих случаях улучшение условий труда содействует развитию более глубокого и действенного классового сознания. Представитель профсоюза крупного металлургического завода «Южин» в Савое, выступая на 24-м Конгрессе Федерации металлистов ВКТ, говорил о трудностях, на которые наталкивается развитие боевой активности работников наиболее тяжелого физического труда. «В прошлом... трудящиеся горячих цехов, вопреки тому, что можно было бы думать, не были особенно боевыми. Чем это объяснялось? Прежде всего, тяжелая работа сталеплавильщиков, прокатчиков, кузнецов с увеличением темпов, усилением жары в цехе порождает известное равнодушие. Это как раз те секторы, где больше всего пьют, где наблюдается отупение и опустошение личности...»²⁰.

¹⁹ «L'Humanité», 16. VI 1964.

²⁰ Supplément à L'Union des Métallurgistes» 1965, № 178, p. 89.

Тяжелые условия труда резко ограничивают возможности рабочего развивать свой интеллект, вырабатывать рационально обоснованное классовое мировоззрение, активно и систематически участвовать в общественной деятельности. Самому его протесту против капиталистического гнета они нередко придают форму «бунтарских» эпизодических вспышек, не представляющих серьезной угрозы позициям предпринимателей. Поэтому облегчение труда следует рассматривать прежде всего как фактор, создающий более благоприятные объективные условия развития сознания рабочих масс.

ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС, ИЗМЕНЕНИЯ В СОДЕРЖАНИИ ТРУДА И СОЗНАНИЕ

Духовное содержание трудовой деятельности играет — каковы бы ни были социальные условия производства — весьма существенную роль в формировании сознания трудящихся. Содержание труда, которому рабочий отдает значительную часть жизни, свои физические и интеллектуальные силы, не может не влиять на развитие его личности, всего его психологического облика. От того, в какой степени человек удовлетворяет свои духовные потребности в процессе труда, во многом зависят его моральное состояние и общественное поведение, характер и мотивы его стремлений и поступков.

Технические условия производства, та «техническая среда», которая окружает рабочего, сказываясь на содержании его труда, косвенно влияет поэтому и на его интеллектуальное развитие, характер его интересов.

Данные табл. 4 свидетельствуют, что интерес к научно-техническим проблемам особенно развит у рабочих технически передовых отраслей промышленности, в особенности электронной и химической. Труд этих рабочих связан с новейшими достижениями научной мысли, их окружает мир постоянно обновляющейся техники, новых продуктов и материалов, открывающий перед ними колоссальные возможности научно-технического прогресса, возбуждающий их внимание и любопытство. Социально-экономические проблемы, т. е. прежде всего вопросы заработной платы, цен, занятости, рынков сбыта, в особенности волнуют рабочих «кризисных» отраслей — обувщиков и тек-

Таблица 4

Интересы рабочих различных отраслей промышленности
(в % к каждой профессиональной группе) *

Проблемы	Процент интересующихся данными проблемами среди						
	рабочих электрон- ной про- мышлен- ности	метал- листов	хими- ков	пище- виков	печат- ников	обув- щиков	тек- стиль- щиков
Научно-техниче- ские	64	60	64	30	31	15	22
Социально-эко- номические . .	56	37	56	22	42	55	76
Политические	35	26	23	14	30	10	11

* R. Каёс. Les ouvriers français et la culture, p. 200.

стильщиков: их внимание привлечено к этим вопросам неблагоприятной экономической конъюнктурой, угрожающей их материальному положению. Впрочем, значительный интерес к тем же проблемам проявляют и трудящиеся «процветающих» отраслей — электроники и химии. Вместе с тем среди рабочих электронной промышленности больше, чем в других отраслях, людей, интересующихся политикой (в этом отношении к ним ближе всего примыкают печатники, т. е. та группа рабочего класса, которая по характеру своего труда отличается особенно высоким уровнем общей и производственной культуры). Как видно на этом примере, рабочих, связанных со сложной и передовой техникой, которая требует от них относительно разносторонних знаний и развивает их интеллектуальные способности, характеризует наибольшая широта интересов и общественного кругозора. Социально-экономические проблемы они воспринимают не только в рамках своих непосредственных материальных интересов (как текстильщики и обувщики), но и в общественном плане, часто связывая их с проблемами политическими.

Техническая эволюция является немаловажным компонентом в процессе формирования сознания трудящихся. Это, разумеется, не означает, что технические условия капиталистического производства определяют целиком и полностью сознание рабочих. Изучение таких условий

позволяет лучше понять объективную основу развития сознания, но его недостаточно, чтобы раскрыть основные черты идейного облика пролетариата той или иной страны. Выяснение тех диалектически противоречивых возможностей развития сознания, которые заложены в объективных условиях труда людей, представляет главный интерес при изучении данной проблемы.

Рабочие механизированного производства. Психологические последствия частичного труда

До массового внедрения частичного труда центральной фигурой в промышленном производстве был квалифицированный рабочий, использовавший ручные орудия или универсальную машину, производящую большое количество различных операций. Труд его был разнообразен и требовал от него значительного личного искусства и опыта, знания машины и умения приспособлять ее к выполняемому заданию. Вместе с тем труд был более «целостным»: функции каждого рабочего охватывали относительно крупный и законченный участок производственного процесса. Например, он самостоятельно изготовлял и обрабатывал определенную деталь и для этого переходил от одной машины к другой и т. д.

Вокруг квалифицированных рабочих группировались их подручные-чернорабочие; они выполняли грубую и тяжелую физическую работу, однако многие из них имели возможность постепенно обучаться «тайнам профессии». Страдая от изнурительной работы и материальных лишений, подчиняясь деспотической власти капиталиста, рабочий все же сохранял известную независимость в труде. При всей униженности своего социального положения он обладал хотя и ограниченными, но реальными возможностями утверждать свою личность в трудовой деятельности, опираясь на ценность своего искусства и опыта. Профессиональное достоинство, гордость своим трудом в какой-то степени защищали его от морального давления социального гнета.

Во Франции условия, характерные для мелкой, полукустарной или маломеханизированной промышленности, господствовали в большинстве отраслей производства до начала XX в. В некоторых отраслях (например, в строи-

тельстве) они в той или иной мере сохраняются до настоящего времени.

Эти условия, несомненно, накладывали специфический отпечаток на идейно-психологический облик пролетариата. Чем полнее ощущал рабочий свою роль производителя материальных благ, свою власть над орудиями производства, тем яснее была ему вопиющая несправедливость капиталистических отношений: восприятие капиталистической собственности как откровенного паразитизма, кражи получает широкое распространение в рабочей среде уже на ранних этапах развития капиталистической промышленности. Подобные представления приобретали тем большую четкость, что частная собственность олицетворялась для рабочего в конкретном капиталисте, грубо и непосредственно присваивавшем продукт его труда. Однако те же условия производства, которые во многом способствовали развитию антикапиталистических настроений пролетарских масс, придавали определенную ограниченность и примитивность их классовому сознанию. Сравнительно широкое влияние на рабочий класс прудонистской, бакунистской, а впоследствии анархо-синдикалистской идеологии вряд ли можно объяснить, не учитывая этих условий.

Узкие рамки небольших, примитивно организованных предприятий, личный характер отношений с хозяином ограничивали общественный кругозор рабочих, мешали им увидеть связь между эксплуатацией и всей социально-политической системой капиталистического общества. Самостоятельность в труде, сознание своей «профессиональной автономии» питали убеждение, что их роль производителей, их умение и искусство сами по себе придают им силу, достаточную, чтобы добиться освобождения. Отсюда представление о ненужности политической борьбы, стремление преобразовать общественные отношения, не выходя за рамки производства как такового. Связанные с деятельностью прудонистов попытки «преодолеть» частную собственность путем организации производственных рабочих кооперативов — яркий пример практического воплощения подобных иллюзий.

Сходные представления были свойственны и многим революционно настроенным рабочим. Не случайно анархо-синдикалистская идея «взорвать» капиталистическое общество путем простого прекращения работы, всеобщей

экономической стачки довольно продолжительное время пользовалась широкой популярностью в рабочем классе. Идеал будущего общественного устройства сводился к «мастерской без хозяина», а социально-экономическая организация смутно рисовалась как арифметическая сумма таких мастерских. Рабочие, разделявшие подобные взгляды, искренне хотели уничтожить капиталистическую частную собственность, но она представлялась им чем-то совершенно изолированным от всей общественно-политической жизни, протекавшей за стенами предприятия. В этом одна из существенных предпосылок той сектантской замкнутости на узко понимаемых интересах «производителей», того, по французскому выражению, «уврьеизма», который наложил свой отпечаток на многие, часто очень различные по своему характеру направления рабочего движения. К тому же в специфических условиях маломеханизированного производства, труда, основанного на искусстве и опыте, рабочая солидарность часто воспринималась как солидарность профессиональная: профессия, ее интересы были важным цементирующим фактором рабочих коллективов. Профессиональные интересы в той или иной мере мешали осознанию интересов всего класса, ближайших и конечных целей его борьбы; профессиональные союзы представлялись нередко главной и единственно необходимой формой организации пролетариата.

Технический прогресс и концентрация производства поставили массы рабочих в новые условия труда, несовместимые со многими прежними социальными представлениями. Как уже говорилось, механизация промышленности и развитие крупносерийного производства резко повысили удельный вес частичного, т. е. малоквалифицированного и однообразного, труда. Неинтересность, внутренняя бессодержательность его оказывают глубокое воздействие на личность рабочего. Машинальный, неосмысленный труд делает излишней активную работу ума, нарушает нормальную жизнедеятельность мозга, которая составляет естественную потребность всякого здорового человека. Поэтому выполняющий этот труд рабочий не в состоянии испытать то моральное равновесие, те положительные эмоции от него, которые связаны с удовлетворением любой нормальной потребности. Напряжение физических сил и внимания он воспринимает как бессмыс-

ленную трату сил. По словам одной «специализированной» работницы-текстильщицы, «труд слишком глуп..., разучиваешься думать». Бессодержательность трудовых усилий, неудовлетворенность резко увеличивают утомление: «Надо всегда думать о работе, а работа, скорее, бессмысленна»; «Работа тяжела, когда все делается автоматически, когда невозможно интересоваться тем, что делаешь»; «Труд слишком изнурителен, монотонен, от него пропадают всякие желания». В свете подобных высказываний рабочих становится более понятным то состояние подавленности и внутренней опустошенности, которое врачи и психологи часто констатируют у работников монотонного труда²¹.

В западной литературе широко распространена теория компенсации отрицательных последствий «отчужденного», антигуманного труда «усиленным потреблением и досугом». Если верить ее сторонникам, человек, не удовлетворенный своим трудом, может без особого ущерба для своего морального состояния абстрагироваться от него, рассматривать труд как своего рода неизбежный «вакуум», а подлинное содержание жизни и удовлетворение находить в семейном уюте, спорте, развлечениях, вообще в разнообразных средствах комфорта и досуга, предоставляемых современной цивилизацией. Факты, однако, свидетельствуют о том, что даже в тех случаях, когда частично рабочему действительно доступен классический набор «современных средств потребления» (телевизор, автомобиль и т. п.), бессодержательный труд продолжает оказывать свое пагубное воздействие на всю его духовную жизнь.

По данным анкеты об отношении рабочих к культуре, проводившейся Страсбургским институтом труда, многие из опрошенных говорили о том, что однообразный и изнурительный труд отнимает у них способность полноценно и интересно использовать свободное от работы время. Вот, например, высказывания нескольких рабочих «ультрасовременного» предприятия синтетических тканей: «Это слишком утомительно, жара, шум... Потом не интересуешься серьезными вещами»; «Это убивает нервы и усыпляет мозг», «Работа на конвейере отупляет». 32-лет-

²¹ A. Bouvier-Ajam, J. Mury. Op. cit., p. 170—179.

ний квалифицированный металлург из Лотарингии заявил, отвечая на один из вопросов анкеты: «Это очень утомительно. Делаешь свою работу, но не имеешь времени думать о чем-нибудь другом. У некоторых нет даже потребности понимать, что происходит»²².

Труд, лишенный какого бы то ни было духовного содержания, воспринимаемый только как средство заработать на жизнь, унижает достоинство человека. Частичный рабочий глубоко сознает, что его личные способности, умение, профессиональный опыт лишь в ничтожной степени влияют на его положение и роль в производстве. Он с горечью констатирует, что выполняет работу, «которой не нужно учиться», которую «любой освоит за несколько часов»²³. Его труд отнимает у него сознание значения и ценности собственной личности. Нередко он склонен оценивать себя как «не бог весть что», «незначительную персону». Он особенно чувствителен поэтому ко всему, что как-то повышает его достоинство, в том числе иногда и к чисто внешним признакам «престижа». Характерно, что во время переписей многие «специализированные» рабочие называют себя квалифицированными. «Рабочий из самолюбия хочет казаться чем-то большим, чем он есть,— объяснял это явление один из них,— специализированный — профессионалом, профессионал — наладчиком»²⁴. Подобная извращенная социальными условиями потребность в уважении сплошь и рядом используется предпринимателями с целью раскола трудящихся. Рабочему выдают премию, переводят его в высший квалификационный разряд или на помесечную зарплату («как у техников и служащих») из «уважения к его личным заслугам»²⁵.

Разумеется, социальная униженность рабочего объясняется главным образом не особенностями его труда, но его положением в системе капиталистических производственных отношений и теми идеологическими представ-

²² R. K a ë s. Les ouvriers français et la culture. Paris, 1962, p. 351.

²³ Эти высказывания американских рабочих приведены в кн. Ch. R. Walker, R. H. G u e s t. The Man on the Assembly Line. Harvard, 1952, p. 56, 57.

²⁴ A. A n d r i e u x, J. L i g n o n. L'ouvrier d'aujourd'hui. Paris, 1960, p. 95. «Современный рабочий,— замечают по этому поводу авторы,— до глубины души задет неуважением, на которое он обречен».

²⁵ «Sociologie du travail», 1960, № 2, p. 114; «Cahiers d'étude de l'automation...», 1962, № 4, p. 74. («в вознаграждении за «верность предприятию» многие рабочие видят признание своей ценности»).

лениями, которые эти отношения отражают. Было бы, однако, неправильно не учитывать, что эволюция характера и условий индустриального труда определенным образом влияют и на положение пролетариата в рамках капиталистического строя, и на его сознание.

Частичный рабочий лишен какой бы то ни было самостоятельности в труде, и это объективно приводит к усилению его зависимости от хозяев производства. Противостоящая рабочему власть капиталиста воплощается не только в собственности на средства производства, не только в деспотизме в стенах предприятия, но и в отчуждении умственных функций трудовой деятельности. Развитие частичного труда лишило широкие пролетарские массы той психологической точки опоры, которую дает рабочему чувство общественной ценности своего мастерства и профессионального опыта.

В новых условиях производства стало невозможно представлять существующую социальную систему просто как отношения между совершенно автономными коллективами «производителей» и хозяевами заводов, присваивающими их труд. Частичный рабочий чувствует, что силы, давящие на его жизнь, определяющие его положение на производстве и в обществе, действуют далеко за рамками предприятия и даже производства вообще. С одной стороны, с концентрацией производства, с заменой традиционного патрона анонимными обществами, представляющей их наемной дирекцией силы эти стали куда более безличными, они не вступают в контакт с рабочим, недоступны его непосредственному восприятию. С другой стороны, в условиях той системы бессмысленного, измельченного труда, к которому прикован рабочий, он не в состоянии противопоставить власти капиталиста силу своего профессионального умения, ценность своего труда; поэтому проблемы социальной зависимости и социального освобождения уже не могут осмысляться им только как проблемы отношений непосредственно с хозяином. «Ассоциация производителей», «мастерская без хозяина» перестают казаться ключами, открывающими ворота в счастливое будущее. Различия между профессиями утрачивают былое значение: для масс тружеников, вообще лишенных настоящей профессии, «профессиональная солидарность» постепенно превращается в звук пустой.

Какие же новые черты сознания, новые социальные представления возникают у рабочих под влиянием изменений в условиях производства и труда?

Одна из анкет, проведенных французскими социологами в середине 50-х годов, дает материал, позволяющий в известной мере судить о влиянии на сознание рабочих различных стадий технического прогресса. Важная особенность этой анкеты состоит в том, что она проводилась среди рабочих многих отраслей промышленности и их ответы сгруппированы, в частности, по профессиональным рубрикам (шахтеры, металлисты, строители и т. д.). Учитывая неодинаковый уровень механизации отраслей, такая группировка позволяет провести ряд сопоставлений, существенных для интересующего нас вопроса.

Мы ограничимся в данном случае сравнением ответов рабочих трех профессий: строителей, металлистов цехов массового серийного производства и металлистов предприятий и цехов, изготовляющих несерийное промышленное оборудование. Такое сравнение целесообразно по ряду причин. Прежде всего строительство и металлообработка представляют в современной промышленности, или во всяком случае представляли до недавнего времени, две различные фазы технического прогресса. Если в строительстве механизация еще недавно достигала относительно невысокого уровня и значительная роль принадлежала, с одной стороны, традиционному квалифицированному ручному труду каменщиков, маляров и т. п., с другой — грубому неквалифицированному труду чернорабочих, то в серийной металлообработке механизация и соответственно специализация, «измельчение» труда рабочих во многих случаях достигли своего максимума. Это различие наглядно отражается в квалификационной структуре рабочей силы обеих отраслей (табл. 5).

Как видим, процент квалифицированных рабочих, особенно рабочих высокой квалификации, в металлообработке значительно ниже, чем в строительстве, а процент специализированных рабочих — в два раза больше. Это различие оказалось бы еще более значительным, если бы из суммарных данных по металлообработке можно было выделить данные, относящиеся к массовому, серийному производству. Ввиду невозможности такого выделения ограничимся одним конкретным примером. На заводе Рено во Флэне, занятом исключительно выпуском серий-

Таблица 5

Структура рабочей силы на предприятиях строительства и металлообработки с числом персонала более 10 человек
(в % к численности рабочих каждой отрасли)*

Отрасль	Квалифицированные рабочие		«Специализированные» рабочие	Чернорабочие
	всего	в том числе высшей квалификации (РЗ)		
Строительство	51,9	16,3	22,7	22,0
Все отрасли металлообработки	39,4	8,3	44,9	11,3

* «Revue française du travail», 1963, № 2. Данные 1957 г.

ных моделей автомашин, к концу 1965 г. трудились 850 квалифицированных рабочих, примерно 7000 специализированных и 300 чернорабочих²⁶. Специализированные рабочие составляли, таким образом, 86% рабочего персонала предприятия.

В цехах металлообрабатывающих предприятий, занятых производством и ремонтом оборудования, квалификационная структура рабочей силы, как правило, совершенно иная, чем в цехах тех же предприятий, связанных с изготовлением основной продукции. Например, на заводе Рено в Булонь-Бийянкур в цехах по оборудованию квалифицированные рабочие составляли в 1954 г. 74,5% рабочего персонала, а в остальных производствах того же завода — не более 25%²⁷. Сохранение большой доли квалифицированного труда обусловлено в данном случае мелкосерийным и индивидуальным характером производства, исключающим дробную специализацию техники и рабочей силы.

Таким образом, для сопоставляемых трех групп рабочих характерны значительные различия в технических условиях и содержании труда. Можно предполагать, что

²⁶ Данные сообщены автору представителем дирекции завода в декабре 1965 г.

²⁷ A. Touraine. L'évolution du travail ouvrier aux usines Renault. Paris, 1955, p. 94.

Таблица 6

Ответы рабочих трех отраслей на вопросы анкеты
(в % к численности каждой отраслевой группы)*

Вопрос	Ответ	Процент рабочих каждой группы, давших этот ответ		
		строи- тели	металлисты серийного производ- ства	металлисты по оборудо- ванию
Что важнее для Вас: труд или жизнь вне труда?	Труд	21,9	13,13	13,7
От чего зависит удовлетворение трудом?	От интереса и свободы труда	96,4	94,1	94,8
	От размера зарплаты	76,2	79,6	75
От чего зависят условия жизни: от социального положения или от личного характера?	От социального положения	41,9	54	43,3
	От личного характера	55,4	47,6	59,4
Думаете ли Вы, что Ваша личная деятельность полезна для улучшения положения рабочих?	Полезна	53,6	58,6	47,4
Каковы те средства, которыми можно улучшить положение рабочих?	Коллективное действие	22,8	29,4	22
Какие профессии, по Вашему мнению, достойны наибольшего уважения?	Рабочие профессии	33	12	40
Чьи интересы больше всего противоречат Вашим?	Капиталистов	62,5	62,7	68,2
Что означает для Вас понятие «социальная справедливость»?	Подъем жизненного уровня	36,4	31,5	34,6
	Отсутствие эксплуатации	39	45,3	44,2

Таблица 6 (окончание)

Вопрос	Ответ	Процент рабочих каждой группы, давших этот ответ		
		строи-тели	металли-сты серий-ного про-изводства	металли-сты по оборудо-ванию
Что открывает больше возможностей рабоче-му: возвышение путем выхода из своего клас-са или борьба за улуч-шение условий жизни своего класса?	Борьба	57,3	60,3	59,1
Какова роль стачек?	Стачка — орудие борьбы с хозяевами	34,6	20,1	39,7
	Стачка — орудие за-щиты требований	Нет дан-ных	52	Нет данных

A. T o u r a i n e. La conscience ouvrière. Paris, 1966.

различия в их взглядах, выразившиеся в ответах на во-просы анкеты (табл. 6), в значительной мере обусловле-ны именно этим фактором. Такое предположение пред-ставляется закономерным, поскольку ни в конце 50-х го-дов, ни в предшествующий период не существовало осо-бенно резких различий в экономическом положении ра-бочих названных отраслей. С другой стороны, и металло-обработка, и строительство являются «старыми» отрас-лями с довольно развитыми традициями классовой борь-бы, влияние этих традиций на сознание рабочих вряд ли намного сильнее в той или иной из них.

Судя по ответам рабочих-строителей, их отличает от рабочих серийного производства, а также, хотя и в мень-шей мере, от рабочих цехов по оборудованию больший ин-терес к своей трудовой деятельности, элементы гордо-сти своим трудом. В их среде довольно широко распро-странено уважение к рабочим профессиям. Вместе с тем рабочие-строители примерно так же часто, как и метал-листы, сознают классовый антагонизм, противопоставля-

ющий их капиталистам, и видят в коллективной борьбе необходимое средство защиты своих интересов. Однако понимание ими природы классового конфликта, характера отношений рабочих и капиталистов несколько иное, чем у металлистов. Это видно прежде всего из их ответов на вопрос о понятии «социальной справедливости». Протест против эксплуатации как целой системы отношений, которой подчинен рабочий, выражается у них лишь ненамного сильнее, чем протест против конкретного проявления этой системы — недостаточного жизненного уровня. Это отличает их от металлистов, для которых эксплуатация в более широком смысле — именно как определенное социальное отношение — самая характерная черта их положения в производстве и в обществе. В то же время строители реже, чем металлисты вообще, и особенно рабочие серийного производства, понимают зависимость своей личной судьбы от своего социального положения, т. е. они слабее ощущают давление существующих социальных отношений на все стороны своей жизни, больше надеются на личные способности и удачу.

Деятели профсоюзного движения, работающие в профессиональных организациях строителей, обычно отмечают, что этот отряд рабочего класса отличается сочетание высокого боевого духа с относительно сильным влиянием анархистских традиций. Последнее выражается особенно ярко в пренебрежительном отношении к организации (по приблизительным данным лишь 8% рабочих-строителей состоят в профсоюзах). Очевидно, эта своеобразная психологическая атмосфера во многом обусловлена особенностями труда строителей: полуремесленным характером техники производства, его слабой концентрацией. Квалифицированный каменщик или маляр, сознавая значительность своей роли в производстве, с тем большим убеждением готов отстаивать свои права и интересы в борьбе с хозяином. Но вместе с тем, будучи относительно самостоятелен в своем труде, он часто склонен видеть признание этих прав главным образом в зарплате, соответствующей его мастерству и квалификации. Не сталкиваясь, в отличие от рабочего-металлиста, с высокоорганизованной системой капиталистического производства, он с большим трудом достигает понимания необходимости такой же собственной организации.

Его представление об обществе, о социальном неравенстве складывается в какой-то мере независимо от его представлений о своем личном положении на предприятии, которое определяется не только существующими социальными отношениями, но и его собственным мастерством; поэтому такой рабочий, даже будучи настроен очень по-боевому, может не связывать прямо индивидуальные стремления с организованной борьбой своего класса против эксплуатации. Такого рода тенденции, несомненно, создают почву для консервации индивидуалистических и анархических настроений²⁸.

Следует, разумеется, иметь в виду, что механизация строительных работ, развитие крупных строительных предприятий, все более специализирующих и тем самым деквалифицирующих трудовые функции рабочих, постепенно устраняют различия между трудом строителей и рабочих крупной обрабатывающей промышленности. Специфический психологический облик рабочего-строителя сохраняется лишь постольку, поскольку технический прогресс не вытеснил еще целиком традиционные полуремесленные формы данной отрасли производства.

Переходя к крупносерийному металлообрабатывающему производству, мы попадаем в царство сплошной механизации и максимальной специализации, предельного «измельчания» труда рабочих. Трудящиеся этой отрасли резко отличаются от строителей и металлистов по оборудованию прежде всего крайне слабо развитым чувством «рабочей гордости», уважения к собственному труду и к рабочим профессиям вообще. Те особенности частичного труда, о которых уже говорилось подробно выше, вполне объясняют эту особенность их взглядов. Важно, однако, отметить, что бессодержательность и вынужденность трудовых актов отнюдь не подавили у них потребность в интересном и содержательном труде: напротив, рабочие крупносерийных цехов упоминают «интерес и свободу труда» в качестве фактора удовлетворения трудом почти столь же часто, как и представители других групп.

²⁸ Все сказанное относится в первую очередь к квалифицированным рабочим-строителям. Однако на традиционных строительных предприятиях неквалифицированные рабочие, трудясь бок о бок с квалифицированными, учась у них ремеслу, в значительной степени перенимают и их взгляды, и настроения.

Давление господствующей социальной силы не только на жизненный уровень, но на все стороны жизни рабочего на производстве: антигуманный характер, который она придает его труду, изнурительные темпы, к которым она вынуждает его, «привязывая» к темпу конвейера или заставляя — путем сдельной зарплаты — гнаться за перевыполнением нормы, подчинение его безличной «организации труда» и олицетворяющему ее всякого рода начальству — все это побуждает рабочего-металлиста особенно остро чувствовать свое положение эксплуатируемого. Понятие эксплуатации очень часто выступает в его сознании не просто как та или иная конкретная несправедливость и даже как целый набор таких несправедливостей, но как система социального гнета, безраздельно господствующая над его личной судьбой (именно поэтому многие рабочие-металлисты требуют в своих ответах устранения эксплуатации, не упоминая об улучшении жизненного уровня: первое в их глазах важнее второго и определяет его). Рабочие данной группы чаще других говорят о необходимости коллективной борьбы за улучшение условий жизни своего класса и — что особенно характерно — о важности своего участия в ней. Отсутствие у такого рабочего «личных козырей», индивидуальных позиций в борьбе с капиталистом (настоящей профессии, ценной квалификации), повседневная, требующая максимальной солидарности внутри цеха борьба вокруг норм и темпов оставляют ему сравнительно мало каких-то собственных, изолированных от коллективных действий, способов защиты своих интересов. Показательно, что в этой группе опрошенных процент положительных ответов на вопрос о пользе участия в коллективной деятельности в защиту интересов рабочих выше, а процент лиц, ставящих условия своей жизни в зависимость от личных данных, примерно в той же степени ниже, чем в других группах.

Понимая необходимость коллективной борьбы, большинство рабочих крупносерийных цехов вместе с тем осознают содержание этой борьбы как «защиту требований». Значительно реже, чем строители и металлисты по оборудованию, они видят в стачке проявление общего классового антагонизма, орудие борьбы с хозяевами, как с враждебной социальной силой. Разумеется, оба этих понимания стачки логически не противоречат одно дру-

тому, но очевидно, что акцент, который рабочий делает либо на непосредственных целях стачки, либо на ее роли в классовой борьбе, во многом отражает восприятие им окружающей социальной действительности.

На первый взгляд относительно более узкое, ограниченное отношение к стачкам рабочих крупносерийного производства противоречит всему, что было сказано выше об особенностях их социальных представлений. Более глубокое понимание эксплуататорской сущности капиталистических отношений, казалось бы, не подводит большинство этой группы рабочего класса к восприятию повседневной борьбы как конфликта со всей системой власти класса-эксплуататора. Напротив, строители, которые склонны протестовать скорее против недостаточного жизненного уровня, чем против эксплуатации в целом, значительно чаще, чем металлисты крупносерийных цехов, придают широкое общественное значение своим стачечным выступлениям. Таким образом, обеим этим группам свойственно известное противоречие между непосредственными мотивами протеста, с одной стороны, и пониманием целей и содержания борьбы, с другой.

Как же объяснить это противоречие? Ответ, очевидно, заключается в том, что рабочие, опирающиеся в конфликте с хозяевами на сознание ценности своего труда, вообще говоря, психологически куда более готовы «помериться силами» с господствующим классом, чем рабочие, такой опоры не имеющие. Здесь сказываются те же особенности их положения, о которых в другой связи речь уже шла: капиталист для них ведь только собственник средств производства, работодатель, а в остальном этими средствами производства они способны распоряжаться вполне самостоятельно. Да и сам капиталист в строительстве — это часто вполне конкретная фигура. Какие бы скромные «частичные» требования ни выдвигали рабочие, добиться их удовлетворения, естественно, означает для них вынудить к чему-то данного хозяина, в чем-то подчинить его действия своей воле.

Для рабочих же крупносерийной промышленности их стачечные выступления во многих случаях никак не соизмеримы по своей эффективности с той громадной и безличной системой эксплуатации, против которой они объективно направлены. Достижение той или иной

частичной уступки им труднее осознать как поражение, нанесенное этой системе, ведь ее воздействие на жизнь рабочего гораздо шире, чем простой наем на работу и выплата зарплаты; сама уступка предстает как некое бюрократическое решение, принятое в «высших сферах» производства, победа рабочих не имеет той эмоциональной окраски, которую придает ей зрелище побежденного «патрона». Иначе говоря, ограниченное представление о роли стачек отражает неблагоприятное для рабочих соотношение классовых сил, особо тяжелое давление социального и морального гнета, обусловленное «измельчением» и деквалификацией их труда. Само это представление — лишь одно из многих последствий той подавленности личности, недооценки рабочим своей возможности влиять на существующее положение, которые развивают и усиливают у него условия капиталистической крупной промышленности.

Здесь сразу же необходима оговорка. Соотношение социальных сил на капиталистическом производстве создается, разумеется, не только и даже не главным образом характером труда рабочего персонала. Действие этого фактора во многих случаях уравнивается и «перекрывается» воздействием иных обстоятельств, которые будут анализироваться в других разделах работы. В данном случае нам важно констатировать диалектически противоречивое, двойственное воздействие технического прогресса; механизации производства и специализации трудовых функций рабочих на их сознание. Как мы видели, в условиях крупной механизированной промышленности параллельно с более глубоким осознанием капиталистической эксплуатации у рабочего может развиваться и чувство собственной слабости перед лицом противостоящих ему социальных сил, своего бессилия что-либо существенно изменить в окружающем его мире. Для понимания путей развития рабочего сознания вывод этот имеет, как нам кажется, немаловажное значение.

Рабочие механизированного производства. Квалификация и сознание

Третья из рассматриваемых нами групп — металлисты по производству промышленного оборудования — во многом близка по своим представлениям к строителям. Они очень часто высоко оценивают собственную профессиональную деятельность, придают большое значение личным способностям как фактору, определяющему положение на производстве и в обществе. Здесь, несомненно, сказывается относительно высокий (по сравнению с металлистами серийного производства) уровень квалификации рабочих этой группы. То же обстоятельство объясняет и свойственное очень многим из них отношение к стачкам как к эффективному средству борьбы с капиталистами за лучшее для рабочих соотношение классовых сил. Однако в отличие от строителей и подобно остальной части металлистов они очень редко придают труду большее значение, чем жизни вне труда, и вместе с тем видят в эксплуатации главный признак несправедливого социального устройства.

Для характеристики положения в производстве этой группы рабочих недостаточно указать на уровень их квалификации, на более или менее значительную роль в их труде инициативы, профессионального опыта, мастерства. Здесь речь идет совсем уже не о том умении и мастерстве, которые требуются от рабочего небольшого традиционного строительного предприятия, виртуозно владеющего своими нехитрыми ручными орудиями. Квалифицированный рабочий по оборудованию трудится на современной машине, в очень многих случаях связан с крупным производством. Поэтому он, хотя и сохраняет определенную самостоятельность в труде, чувство известной свободы по отношению к хозяину, все же в очень сильной мере испытывает и давление капиталистической организации труда, и угрозу своей «профессиональной ценности». А угроза эта в условиях уже механизированного и крупного производства существует постоянно: ведь такому производству органически присуща тенденция к дальнейшей модернизации и специализации техники, которая, реализуясь на практике, каждый раз ставит под вопрос ценность опыта и знаний, уже приобре-

тенных рабочим, лишает его реальной квалификации, а то и места на заводе.

Данный аспект положения в труде рабочих механизированной промышленности получил своеобразное отражение в их ответах на вопрос: «Кому выгоден технический прогресс?». Металлисты по оборудованию в два раза чаще, чем строители, заявляют, что технический прогресс выгоден только хозяевам (соответственно 25,5% и 12,8% каждой группы). В строительстве, где технические условия производства значительно более консервативны, чем в металлообработке, рабочие, естественно, реже видят связь между эволюцией техники и определенными классовыми интересами. Они именно из-за консервативности этих условий сознательно или неосознанно в той или иной степени уверены в непреходящей ценности своего профессионального мастерства. Подобное убеждение является, очевидно, одной из существенных психологических предпосылок той концентрации интересов и помыслов на собственной трудовой деятельности, которая встречается у строителей значительно чаще, чем у других профессиональных групп. Для квалифицированного же рабочего-металлиста возможность активного творческого отношения к своему труду значительно сужена и подчиненностью административной иерархии предприятия, и опытом технических усовершенствований, которые одновременно увеличивают интенсивность его работы и делают ее менее интересной, квалифицированной. Видимо, подобный опыт вместе с тем питает настроения протеста против капиталистической эксплуатации, развитые у металлистов по оборудованию почти так же сильно, как и у рабочих крупносерийного поточного производства.

В системе представлений металлистов по оборудованию как бы «снимается» противоречие, которое мы встретили во взглядах двух других групп рабочих: протест против эксплуататорских отношений в труде тесно связан у них в большинстве случаев с готовностью противопоставить свою силу силе класса-эксплуататора. Защита определенного жизненного уровня, частичные требования не являются для них ни главным мотивом протеста (как у строителей), ни главным содержанием конфликта с капиталистами (как у металлистов серийного производства).

В основе общественных идеалов рабочих всех трех рассмотренных групп лежит стремление к свободе от капиталистической эксплуатации. Но если попытаться кратко и несколько схематично суммировать типы сознания, наиболее характерные для каждой из них, то различие обнаружится прежде всего в понимании самой этой свободы и возможностей ее достижения. Для строителей — это прежде всего «свобода» от бедности, от низкой заработной платы, и они верят, что могут успешно бороться за подобные цели с капиталистами. Металлисты поточного и крупносерийного производства хотят освобождения от всех форм и разновидностей социального гнета, но не убеждены, что собственными силами могут за такую свободу бороться, меньше связывают надежду на нее с собственными действиями. Наконец, металлисты по оборудованию не только хотят настоящей «полной» свободы, но и сознают возможность активного, действенного сопротивления порабощающей их силе. Речь идет, разумеется, не о каких-то логических системах взглядов, не об идеологических концепциях (хотя соответствующие концепции действительно могут разделяться в осознанно-логической форме многими рабочими), но об определенных социально-психологических тенденциях, которые стихийно развиваются в сознании рабочего под влиянием объективных условий его жизни в труде. Сопоставление этих тенденций позволяет, как нам кажется, сформулировать следующее предварительное предположение: квалифицированный, относительно самостоятельный и творческий труд в условиях крупной промышленности формирует наиболее благоприятные (по сравнению с другими формами труда и другими условиями производства) предпосылки для активно-боевого и осознанного отношения рабочего к проблемам и перспективам своего социального освобождения. Проверить и уточнить это предположение можно будет лишь в ходе дальнейшего исследования, пока же мы вправе во всяком случае констатировать известную связь между квалификационным составом рабочих различных отраслей и распространенными среди них социальными представлениями.

Из всех этих наблюдений и сопоставлений, очевидно, следует, что влияние технического прогресса на содержание труда, а значит — и на сознание рабочих, определяется теми изменениями, которые он вносит в их квали-

фикацию. Однако независимо от характера этих изменений сочетание квалифицированного и неквалифицированного труда свойственно любому современному предприятию; меняется лишь соотношение этих видов труда и, с другой стороны, их внутреннее содержание. Отсюда ясно, что воздействие на сознание нынешних квалификационных изменений не может быть понято без хотя бы приблизительного ответа на более общий вопрос: как же вообще влияет квалификация рабочего на его психологию, чем различается психологическое воздействие квалифицированного и неквалифицированного труда? По сути дела, мы отчасти рассматривали этот вопрос, говоря о «частичном труде», сопоставляя взгляды рабочих разных отраслей, отличающихся квалификационной структурой. Но более полное и основательное его изучение требует прямого сопоставления социально-психологических особенностей квалифицированных и неквалифицированных рабочих.

Известный материал для такого сопоставления дают те конкретно-социологические исследования и анкеты, которые группируют в отдельные рубрики ответы «специализированных» и «профессиональных» (квалифицированных) рабочих. Одно из таких исследований проводилось, например, в конце 50-х годов на заводе телефонного оборудования, расположенном в парижском районе²⁹. Специализированные рабочие этого предприятия — в основном женщины. Их опрос показал, что из всех проблем жизни на предприятии их более всего интересует уровень зарплаты. Величину своих заработков, а также тип зарплаты (оплата по выработке, предусматривающая индивидуальные надбавки за перевыполнение нормы) они прямо связывают с политикой дирекции. Неудовлетворенность уровнем зарплаты поэтому претворяется у них в «простое и энергичное требование» (по выражению социологов, проводивших анкету), в действия, направленные непосредственно против дирекции. Эти работницы прекрасно понимают необходимость солидарности перед лицом хозяев производства, в их сознании укоренилась определенная «модель коллективной борьбы», имен-

²⁹ R. Bassoul, P. Bernard, A. Touraine. Retrait, conflit, participation. Trois types d'attitudes ouvrières au travail.— «Sociologie du travail», 1960, № 4, p. 314—329.

но поэтому они резко настроены против существующей системы зарплаты, порождающей индивидуализм, соперничество между ними. Потребности «специализированных» работниц отнюдь не ограничены, однако, стремлением улучшить материальное положение: они хотели бы выполнять более интересную работу, иметь какие-нибудь возможности повышать свой профессиональный уровень, вообще обладать какой-либо перспективой в жизни. Именно эти желания, выражающие потребность в освобождении личности от пут вынужденного, порабощающего ее труда, в социальном равенстве, не находят реального воплощения в конкретных требованиях, в действии.

Последнее обстоятельство прямо связано с тем, что работницы не представляют достаточно ясно конкретного виновника порабощения; как выясняется из их ответов, свое положение в труде они рассматривают (в отличие от уровня зарплаты) как нечто данное, предопределенное, никак не связывают его с волей «хозяина». Силы, определяющие это положение, выступают в их сознании как некая абстрактная, безличная власть.

Квалифицированные рабочие того же предприятия — наладчики станков, слесари, специалисты по оборудованию и т. д. — во всех условиях труда и его оплаты видят проявление экономической власти, политики дирекции. Не только уровень зарплаты, но и все другие аспекты своего положения они оценивают исходя из представления о «социальном конфликте», об «общей противоположности интересов на заводе». Благоприятные возможности «продвижения», профессионального роста для них уже не абстрактное пожелание, но требование, предъявляемое непосредственно дирекции.

По сути дела, на уровне отдельного предприятия мы встречаемся с теми же различиями в представлениях работников современного квалифицированного и частично труда, которые обнаруживаются при сопоставлении психологии рабочих отраслей с неодинаковой квалификационной структурой. Эти различия — не в степени протеста против эксплуатации, не в остроте сознания социального антагонизма, но в понимании конкретной связи между собственным положением и деятельностью господствующих социальных сил. Специализированный рабочий или работница сравнительно легко «улавливают»

Эту связь, лишь поскольку речь идет об их зарплате, конкретные же социальные причины других сторон их положения в производстве воспринимаются через безличную технику и организацию труда и потому как бы ускользают от них. Естественно, что частичному рабочему гораздо труднее дается понимание собственной возможности влиять на весь комплекс существующих отношений: они в его представлении более или менее предопределены, не зависят от чьей-либо воли.

Квалифицированный рабочий, будучи в меньшей степени подчинен навязанной сверху организации труда, господствуя в той или иной мере над обслуживаемой им техникой, более непосредственно сталкивается с конкретными действиями носителей экономической власти; социальные отношения меньше закамуфлированы для него техническими и организационно-иерархическими отношениями. Зная, что его положение в производстве во многом зависит от потребности капиталиста в его профессиональных знаниях, он гораздо легче осознает это положение как результат определенного соотношения социальных сил. В этой связи весьма характерно, что основное значение стачек «профессиональные» рабочие гораздо чаще, чем специализированные, видят в «борьбе с классом капиталистов».

В рамках той же анкеты рабочим различных отраслей производства был поставлен вопрос: «Что значит преуспеть в жизни?» Ответы были разделены на две большие группы в зависимости от того, говорил ли рабочий об успехе как о профессиональном росте и достижении определенного жизненного уровня (первый тип ответа) либо как о «спокойной жизни» (второй тип ответа). Первый тип ответа оказался более характерным для «профессиональных», а второй — для «специализированных» рабочих. Таким образом, более зависимое, менее прочное из-за отсутствия реальной квалификации положение частичного рабочего непосредственно влияет и на его потребности: его ближайшие цели в жизни зачастую более скромны, ограничены, чем у квалифицированного рабочего.

Впрочем, среди рабочих некоторых профессий и типов предприятий указанная закономерность в распределении ответов не прослеживается. Так, на крупных металлургических и металлообрабатывающих (крупносе-

рийных) заводах, а также в угольных шахтах «профессиональные» рабочие говорили о своем стремлении к «спокойствию» даже чаще, чем «специализированные». Здесь, очевидно, сказалась та особенность положения квалифицированных рабочих в условиях крупного капиталистического производства, которая в другой связи уже отмечалась: социальные последствия технического прогресса (на крупных предприятиях он разворачивается всего быстрее) ставят под угрозу реальность их квалификации и, следовательно, прочность достигнутого жизненного и профессионального уровня. На крупных металлообрабатывающих и особенно металлургических предприятиях автоматизация производства порождает в последнее время быстрый процесс отмирания старых профессий; что же касается угольной промышленности, то здесь очень острая угроза профессии создается, как известно, прогрессирующим сокращением числа действующих шахт и массовыми увольнениями. Понятно, что для квалифицированных металлургов, металлистов крупносерийных заводов и шахтеров «спокойствие», т. е. гарантия от увольнения или деквалификации, становится самой насущной проблемой. К вопросу о потребности в подобных гарантиях и ее роли в современном рабочем сознании мы еще вернемся ниже, сейчас же отметим только, что выдвижение ее на первый план как «специализированными», так и многими «профессиональными» рабочими все же не может затенить специфику психологии «специализированных», ведь у них нет даже такой квалификации, которая давала хотя бы временную гарантию определенного места в производстве; зависимость от «случая», от непредвиденного изменения конъюнктуры ощущается ими постоянно.

Чувство непрочности своего положения, отсутствие какой-либо моральной опоры в труде порождает неуверенность в собственных силах, в возможности влиять на существующее положение дел. Как выясняется из результатов анкет, «специализированные» рабочие в общем и целом более пассивны по сравнению с квалифицированными, меньше подготовлены психологически к активному участию в классовой борьбе. Они чаще, чем «профессиональные» рабочие, сомневаются в пользе стачек и особенно в целесообразности своего личного участия в общественной деятельности.

Данные конкретно-социологических исследований в значительной мере подтверждаются практическим опытом организованного рабочего движения, наблюдениями профсоюзных активистов. В подавляющем большинстве отраслей промышленности именно «профессиональные» рабочие чаще всего вступают в профсоюз, берут на себя выполнение профсоюзных поручений. Как сообщил нам один из секретарей Федерации металлистов ВКТ, удельный вес членов профсоюза среди квалифицированных рабочих намного выше, а среди «специализированных» — ниже среднего процента организованных рабочих. Так, если по всей стране в профсоюзах состояли в 1965 г. 21 % рабочих-металлистов (420 тыс. из 2 млн.), то в металлообрабатывающей промышленности департамента Изер, отличающейся очень высоким уровнем средней квалификации рабочих, только членами ВКТ были около 50 % металлистов. На заводе Рено во Флене, где, как мы видели, 86 % рабочих — специализированные, в ВКТ состояло лишь 3 % персонала (в других профсоюзах — еще меньше). Число таких примеров можно было бы значительно умножить.

Различие между квалифицированными и неквалифицированными рабочими прослеживается еще более четко, когда речь идет не просто о членстве, но и об активной работе в профсоюзе. Большинство профсоюзных активистов (на многих предприятиях — основная масса) — квалифицированные рабочие. На XXVI конгрессе Федерации металлистов ВКТ (ноябрь 1965 г.) среди делегатов было 72 % «профессиональных» рабочих (393 человека) и лишь 28 % — «специализированных» (149 человек). Между тем в различных отраслях металлургии и металлообработки «специализированные» рабочие составляют около половины, а «профессиональные» — примерно треть рабочего персонала³⁰.

Анкета, проводившаяся в конце 50-х — начале 60-х годов среди рабочих 14 предприятий различных районов и отраслей промышленности, показала, что уровень членства и активной работы в профсоюзах возрастает с уровнем квалификации (табл. 7).

³⁰ «Revue française du travail», 1963, № 2.

Таблица 7

Участие в профсоюзах рабочих различных квалификаций
(в % к численности каждой квалификационной группы) *

	Неоргани- зованные рабочие	Члены профсою- зов	Профсо- юзные активисты
Разнорабочие	84	12	2
Специализированные	63	35	3
Квалифицированные	62	38	6
Высококвалифицированные	54	46	9

R. K a ё s. Op. cit., p. 61.

Один из руководителей профсоюза нефтеперерабатывающего комбината Шелл-Берр, отвечая на наш вопрос о настроениях рабочих различной квалификации, сказал: «Вообще более боевые те, у кого менее монотонная, менее поработашающая работа». Этому рядовому профсоюзному активисту из собственного опыта совершенно ясна та связь между характером труда и сознанием рабочих, которая отражается в результатах социологических анкет. Однако ни из анкет, ни из подобных высказываний, разумеется, не следует, что уровень сознания можно выводить непосредственно из уровня квалификации. Такое заключение было бы грубым схематизмом. Очень опытный и вдумчивый профсоюзный работник, секретарь Союза ВКІ департамента Эр и Луар, объяснил более высокую сознательность и активность квалифицированных рабочих тем, что у них «больше возможностей понимать, учиться. А это,—добавил он,—главное условие для развития сознания».

Но более благоприятные возможности создаются в первую очередь именно положением квалифицированных рабочих в труде: возможность «понимать» потому, что их объективное положение в производстве более непосредственно обнажает перед ними истинную природу капиталистических отношений, движущие силы общественного развития; возможность «учиться» — потому, что характер труда позволяет им в какой-то мере развивать их интеллектуальные способности, общую культуру, облегчает обобщение собственного и коллективного социального

опыта. По сравнению с частичными рабочими они менее подвержены воздействию опустошающего ум переутомления, обусловленного монотонной работой. Наши собеседники из числа руководителей ВКТ, ведущих сотрудников рабочей прессы подчеркивали, что более высокий уровень сознания квалифицированных рабочих обусловлен, с одной стороны, их более высоким интеллектуальным развитием вообще, с другой — тем, что у них больше досуга и физических сил для самообразования и общественно-политической деятельности. Неквалифицированный же частичный труд прямо отражается не только на физическом и моральном состоянии, но и на бюджете времени рабочего. Ведь такой труд хуже оплачивается, а это значит, что «специализированный» рабочий, чтобы обеспечить жизненный минимум своей семье, особенно часто вынужден работать сверхурочные часы на предприятии или искать дополнительную работу на стороне.

Итак, многое зависит от различия объективных возможностей развития сознания, которыми обладают квалифицированные и неквалифицированные рабочие. Но пределы этих возможностей не являются чем-то фатальным, ведь и среди «специализированных» рабочих немало по-настоящему сознательных, политически развитых людей, которые, вопреки неблагоприятным условиям своей жизни и труда, сумели активно включиться в общественно-политическую деятельность, в борьбу своего класса. Как и почему это происходит, до известной степени поможет понять биография одного из таких рабочих.

Мишель П.—«специализированный» рабочий крупного завода автомобильного оборудования, расположенного в северо-восточной части парижского промышленного района. Мишелю 33 года. Как и многие рабочие этого предприятия, он — бывший крестьянин. За шесть лет до нашей встречи (в ноябре 1965 г.) Мишель вынужден был продать свою не приносящую дохода ферму и устроиться на завод. Примерно тогда же он женился, теперь у супругов П. двое детей. Для человека, подобного Мишелю, пришедшего в промышленность из деревни, главная проблема состояла в том, чтобы, не имея настоящей квалификации, обеспечить необходимый прожиточный минимум своей семье. Один он это сделать не в состоянии, жена его — Жермен — работает на соседнем радиотехническом заводе. Сам Мишель несколько вечеров в неделю

подрабатывает в качестве киномеханика. Правда, в некоторых отношениях ему повезло. Во-первых, на вырученные от продажи фермы деньги ему удалось купить квартиру в городке, где расположен завод. Те, кто такой возможности не имеет, должны ежемесячно платить за квартиру 350—400 франков. А «специализированный» рабочий-мужчина зарабатывает в этом районе 600—700 фр. в месяц. От подобного, пожалуй, наиболее тяжелого для бюджета современной французской рабочей семьи бремени Мишель свободен. Далее, ему удалось устроить детей в муниципальные ясли, что в очень и очень многих случаях для рабочего — вещь совершенно невозможная (в департаменте, где живет Мишель, на 380 тыс. населения приходится всего трое яслей).

Работая вдвоем, супруги П. сумели обставить квартиру, приобрести холодильник, стиральную машину, автомобиль. Чувствуется, что последние годы «среднее благополучие» было главным предметом помыслов и забот Мишеля. «Все это,— говорит он с гордостью, — я сколотил собственными руками за шесть лет — вначале у меня не было ничего». Думать о чем-нибудь другом у него не было ни времени, ни сил.

Но вот совсем недавно — меньше чем за год до нашей встречи — в жизни Мишеля наметился новый поворот. На заводе, наряду с существовавшим ранее профсоюзом «Форс увриер» (очень осторожным, когда речь заходила о выдвижении требований к дирекции), появилась организация ВКТ, которая выступила с широкой программой борьбы за повышение зарплаты, сокращение рабочей недели, расширение прав рабочих на предприятии. Мишель вступил в этот профсоюз, а затем согласился включить свое имя в выдвигаемый ВКТ список кандидатов на выборах в комитет предприятия. Он был избран и сразу же очень увлекся своей работой в комитете. Его обязанности состоят главным образом в организации досуга рабочих и их семей, и Мишель с удовлетворением рассказывает о достижениях комитета в этой области: организовали экскурсии к морю, в Версаль, арендовали в нескольких десятках километров пруд и по воскресеньям возят туда любителей рыбной ловли. Конечно, все это очень скромные дела, но увлеченность Мишеля знаменует немаловажный сдвиг в его сознании. Еще вчера он был озабочен главным образом тем, как бы заработать

на холодильник, машину, новую мебель. Сегодня его волнуют уже не только собственные материальные проблемы, но и дела коллектива. Вполне возможно, что завтра он научится глубже и шире понимать эти коллективные интересы и по-настоящему бороться за них.

Чем же объяснить эволюцию его сознания, каковы ее движущие силы? Дело явно не в каких-то особых личных качествах Мишеля П. — ни своими стремлениями, ни культурным и образовательным уровнем он не выделяется из массы своих товарищей по заводу. Однако общественное поведение этой массы иное: подавляющее большинство рабочих отказывается вступать в профсоюз, вообще проявляет почти полную пассивность перед администрацией. За последние годы одно из немногих свидетельств сдвига в настроениях рабочих — голосование за ВКТ на выборах в комитет предприятия. Но ведь в данном случае речь идет тоже о пассивной форме протеста. Профсоюзные активисты завода (в основном квалифицированные рабочие с большим стажем) объясняют низкий боевой дух массы невежеством и страхом — страхом потерять работу, которая оплачивается выше, чем на ряде других предприятий района, лишиться тех или иных «льгот», предоставляемых дирекцией, вообще неопределенной боязнью испортить отношения с «начальством». Типичная особенность психологии «специализированных» рабочих (а именно они составляют основную массу персонала предприятия) — чувство необеспеченности своего места в производстве — сказывается здесь особенно сильно из-за сельского происхождения большинства из них, отсутствия пролетарских традиций, опыта коллективной борьбы. Мишель П. сумел преодолеть этот страх. Почему? В какой-то мере потому, что условия его труда и жизни несколько легче, чем у многих его товарищей. Сам Мишель говорит, что темпы труда в его цехе не так высоки, например, как на заводе, где работает его жена. Работа по вечерам в кино все же не так изнурительна, как сверхурочные часы на заводе. Наконец, владея собственной квартирой, Мишель тратит по сравнению с другими рабочими меньше усилий, чтобы заработать на жизнь.

Весьма характерно, что он заинтересовался общественными делами, стал членом профсоюза, а затем профсоюзным активистом именно в тот момент, когда уже обес-

печил определенный жизненный минимум своей семье.

Эволюция материальных жизненных условий «специализированных» рабочих обладает, таким образом, своей внутренней диалектикой. Чисто материальные потребности, удовлетворения которых они добиваются, не имея ни серьезной квалификации, ни обеспеченного такой квалификацией места в производстве, способны подавить у многих из них любые иные стремления и даже морально «подчинить» предприятию, дающему им «приличную» зарплату. Однако относительное удовлетворение этих потребностей может — как это и произошло с Мишелем — смягчить их остроту и пробудить либо усилить потребность в обогащении духовного содержания жизни. В подобных случаях именно особенности положения частного рабочего в производстве могут превратиться в важный стимул его развития. Труд такого рабочего монотонен и неинтересен; если, он достиг потолка зарплаты, возможной для его квалификационной категории, у него обычно уже нет реально осуществимых личных жизненных целей: в большинстве случаев он не может ни повысить свою квалификацию, ни добиться какого-то более привлекательного общественного положения. Для такого рабочего наиболее естественный (и единственно доступный) способ утверждения своей личности, более интересной и содержательной жизни — общественная деятельность на благо коллектива. А естествен такой способ прежде всего потому, что сама структура капиталистического предприятия как социального организма порождает возможность и значительную морально-психологическую привлекательность, «почетность» общественной работы: ведь на таком предприятии всегда существует антагонизм между рабочими и «патроном», атмосфера коллективизма в рабочей среде, пафос защиты общих интересов. Участие же, пусть на первых порах скромное, в общественной работе само по себе становится мощным фактором дальнейшего развития интеллекта и сознания рабочего.

Таким образом, объективные условия производства и труда оказывают противоречивое влияние на психологию малоквалифицированных рабочих. Они могут и подавлять активное классовое сознание, коллективизм — и, напротив, стимулировать их развитие. Какая из этих противоречивых тенденций берет верх, во многом зави-

сит от конкретного опыта классовой борьбы на предприятии или в районе, от развитости классовых традиций и, разумеется, от такого первостепенного и решающего фактора, как деятельность профсоюзных и других классовых организаций. Не останавливаясь в данном случае подробно на анализе подобных факторов, подчеркнем лишь значение материальных условий жизни малоквалифицированных рабочих, обеспеченности их жизненного уровня и места в производстве. Чем более прочно положение такого рабочего, чем более свободен он от погони за каждой лишней копейкой, от страха оказаться на грани безработицы и нищеты, тем больше открывается возможностей для развития его сознания и общественной активности. Отсюда, между прочим, следует, что повседневная борьба за жизненный уровень, за гарантированную занятость представляет собой одно из наиболее эффективных средств создать максимально благоприятные условия роста сознательности масс.

Противоречивые тенденции объективно присущи и сознанию квалифицированных рабочих. Подобно тому как условия жизни и труда «специализированного» рабочего не замыкают его с фатальной неизбежностью в кругу ограниченных представлений и потребностей, квалифицированный рабочий вовсе не становится автоматически высокосознательным и последовательным борцом за интересы своего класса. И дело здесь не только в том, что грани между положением в производстве квалифицированных и неквалифицированных трудящихся на практике весьма относительны и подвижны.

Обратимся вновь к тому сопоставлению взглядов рабочих трех отраслей производства, которое послужило нам отправным пунктом для анализа вопроса о влиянии квалификации на сознание. Рассмотрим теперь подробнее особенности наиболее «квалифицированной» из трех групп — металлистов по оборудованию. Как уже отмечалось выше, глубокое понимание эксплуататорского характера капиталистических отношений сочетается у большинства из них с убеждением в необходимости коллективной борьбы, сознанием силы своего класса. Однако данные, содержащиеся в некоторых других рубриках анкеты, оказываются в явном противоречии с этим выводом. Так, металлисты по оборудованию дали наименьший процент (менее половины) положительных ответов

на вопрос о пользе их личной деятельности для улучшения положения рабочих. С другой стороны, хотя в большинстве случаев они явно предпочитают борьбу за улучшение жизни своего класса попыткам перехода в более привилегированные социальные категории, на тот же, по сути дела, вопрос, но поставленный в несколько иной форме («Какими средствами можно улучшить положение рабочих?»), они дали наименьшее число ответов «Коллективное действие». Последнее обстоятельство, очевидно, непосредственно связано с тем, что большинство представителей данной группы ставит условия своей жизни в зависимость не от социального положения, а от собственных способностей и характера.

На наш взгляд, можно предложить примерно следующее толкование этих данных. Квалифицированный рабочий-металлист, сознавая себя эксплуатируемым и представляя свои отношения с хозяином как «отношения силы», вместе с тем нередко считает для себя возможным добиться некоторого улучшения своего положения — повышения квалификационного разряда, а следовательно — и зарплаты, вне борьбы, путем простого перехода на другое место. Уже приобретенная квалификация служит ему как бы залогом такого «продвижения».

В условиях «процветающих» и нуждающихся в квалифицированной рабочей силе предприятий такие возможности у многих рабочих действительно имеются. Разумеется, используя их, квалифицированный рабочий может одновременно сохранять высокий боевой дух, стремиться путем борьбы добиться еще большего для себя и своих товарищей. Но именно эта особенность его положения может вместе с тем развивать в нем индивидуалистические тенденции, стремление «устроиться» самостоятельно, без опоры на коллективное классовое действие. Причем в зависимости от конкретной ситуации подобные противоречивые тенденции могут в известной мере уживаться даже в сознании одного и того же человека.

Известный французский публицист Жак Кан рассказал нам о своем знакомом — высококвалифицированном рабочем одного из парижских предприятий. В периоды обострения социальных конфликтов на заводе, подъема борьбы этот человек активно включается в

профсоюзную работу, участвует в организации боевых выступлений коллектива. В периоды же спада борьбы он отходит от общественной деятельности, стремится главным образом побольше заработать.

Те противоречия, которые в той или иной мере обнаруживаются даже в индивидуальном сознании, естественно, накладывают свой отпечаток и на деятельность организованных отрядов рабочего класса. В этом отношении характерен пример профессиональных организаций типографских рабочих. Представляя собой наиболее квалифицированную группу французского пролетариата (56,9% «профессиональных» рабочих, в том числе 19,8% высококвалифицированных — РЗ)³¹, печатники находятся в сравнительно благоприятных условиях: уровень их средней зарплаты — самый высокий в промышленности. Важно отметить, что «привилегированное» материальное положение отнюдь не развратило сознание этих рабочих, не подчинило их идеологии классового сотрудничества. Боевая профсоюзная организация ВКТ пользуется среди них весьма широким влиянием. Однако внутри этой профессиональной группы заметно проявляются иные настроения — та идейная тенденция, которую во Франции называют «корпоративистским синдикализмом»³². Речь идет о тенденции рассматривать интересы своей профессиональной группы как нечто обособленное, независимое от интересов всего рабочего класса в целом. Подобные настроения, в какой-то мере продолжающие традиции старого французского синдикализма с его лозунгом «защиты профессии», питаются как раз особыми условиями данной отрасли производства, относительно благоприятным положением занятых в ней рабочих на рынке труда и их «профессиональной ценностью». Эти особые условия и возможности могут время от времени создавать у рабочих представление, что они — «не такие, как все»; те же обстоятельства, которые порождают у отдельного высококвалифицированного рабочего склонность к индивидуализму, в коллективном, профессиональном плане могут развивать корпоративизм.

³¹ Данные на 1961 г. («Revue française du travail», 1963, № 2).

³² Эти сведения сообщены нам также Ж. Каном.

Что касается неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих, то они приходят к активной общественно-политической деятельности иначе, более трудным путем, чем квалифицированные. Непрочность, социальная необеспеченность их положения нередко внушает им чувство неуверенности в своих силах. По мнению ведущих работников ВКТ, активность «специализированных» во многом зависит от непосредственной перспективы реального успеха. Поэтому их боевые настроения отличаются известной неустойчивостью, такие рабочие сравнительно быстро переходят от активных форм борьбы к пассивности и разочарованию. Но, будучи жертвами той же системы эксплуатации, против которой выступают более квалифицированные и обеспеченные рабочие, они не отличаются от них по своим глубинным потребностям и идеалам. Правда, подобные потребности и идеалы нередко подавляются, ограничиваются в их сознании тяжелыми условиями жизни и труда, но вместе с тем именно эти условия воспитывают у многих из них убеждение, что против всеохватывающей системы капиталистического гнета можно с успехом бороться, лишь противопоставив ей столь же мощную и широкую организацию рабочего класса. На протяжении последних десятилетий именно «специализированные» составляют массовую базу французского рабочего движения, а организованное и наиболее сознательное его ядро образуют квалифицированные трудящиеся.

Итак, характер труда оказывает противоречивое влияние на рабочее сознание. Как происходит развитие подобных противоречий, какая сторона сознания в конечном счете одерживает верх и определяет общественное поведение рабочего, в основном зависит уже не от характера труда, а от конкретных социально-политических условий — от возможностей вести успешную борьбу за рабочие интересы, от состояния рабочего движения в данный период и т. п. Но в значительной мере такие условия формируются и на самом предприятии, в частности под влиянием различных факторов, тесно связанных с характером производства.

К числу этих факторов в первую очередь следует отнести степень концентрации производства, численность рабочего коллектива. То, что именно крупные предпри-

ятия открывают наиболее широкие возможности для организованной классовой борьбы рабочих и, следовательно, развития их сознания — факт, достаточно хорошо известный. Как показывают результаты социологических анкет, рабочий крупного предприятия гораздо чаще обладает широким социальным кругозором, ярко выраженным классовым сознанием, чем рабочий той же квалификации и профессии, но трудящийся на небольшой фабрике или мастерской. На вопрос: «Кто те люди, чьи интересы абсолютно противоречат общим интересам?» — ответ: «Капиталисты», выражающий понимание основного социального антагонизма капиталистического общества, дали преимущественно рабочие крупных предприятий (табл. 8).

Т а б л и ц а 8

Удельный вес рабочих-металлистов по оборудованию, давших ответ: «Капиталисты»
(в % к численности каждой квалификационной категории)

	Рабочие предприятий	
	с числом персонала 10—50 человек	с числом персонала более 500 человек
«Специализированные» рабочие	12,19	44,8
Квалифицированные рабочие	15,6	47,7

В данном случае размеры предприятия оказывают несравненно большее влияние на развитие сознания, чем квалификация. Это обстоятельство, видимо, объясняется специфической особенностью организации труда в песерийном производстве оборудования: «специализированные» рабочие (которые здесь вообще в меньшинстве), трудятся бок о бок с квалифицированными, находятся под их влиянием (так же обстоит дело в строительстве). На крупносерийных металлообрабатывающих заводах, где квалифицированных рабочих очень мало и где по характеру своего труда (инструментальщики, наладчики станков и т. д.) они резко отделены от массы «специализированных», различия в социаль-

ных представлениях этих двух групп довольно значительны. Тем не менее на таких предприятиях боевой дух основной массы рабочих, их способность к активным классовым действиям достигает очень часто высокого развития: в этих действиях принимают участие и квалифицированные и неквалифицированные трудящиеся.

Подобные факты свидетельствуют, что существуют некие диалектические взаимосвязь и взаимовлияние между индивидуальным сознанием каждого рабочего и сознанием группы, т. е. той идейно-психологической атмосферой, которая господствует в данном рабочем коллективе. Разумеется, эта атмосфера — продукт настроений, которые испытывает большинство рабочих, но она же оказывает обратное влияние на эти настроения, ориентирует в том или ином направлении развитие индивидуального сознания. Сравнение с этой точки зрения крупных и мелких предприятий показывает, что объективные условия производства могут способствовать объединению различных по уровню квалификации и сознания групп рабочего класса в общей борьбе, либо, напротив, мешать такому объединению.

В существовании тесной связи между общими условиями производства и поведением рабочих нас особенно убедило знакомство (в 1965 г.) с парижским заводом одной из крупных автомобильных фирм. Предприятие это занимается исключительно изготовлением опытных моделей. Соответственно, на нем отсутствует серийное производство и нет «специализированных» рабочих. Помимо инженерно-технического персонала, служащих, подсобных работников (транспортников и т. д.), на заводе заняты исключительно квалифицированные рабочие. Серийное же производство осуществляется на другом, гораздо более крупном заводе той же фирмы, расположенном в провинции. Основные вопросы оплаты и условий труда решаются в зависимости от положения именно на провинциальном заводе. Там выдвигаются требования о повышении ставок или сокращении рабочего дня, там же развертываются и бурные стачечные выступления в их защиту. Несколько сот квалифицированных рабочих парижского предприятия пользуются плодами уступок, вырванных в ходе подобных действий, но сами в них большого участия не принимают; они находятся как бы в стороне и от основной массы

трудящихся компании, и от главного русла борьбы. Эти рабочие трудятся на весьма разнородных и раздробленных производственных участках (для изготовления опытной продукции, естественно, нет необходимости создавать одинаковые рабочие места; труд рабочих строго индивидуален). Поскольку уровень зарплаты и размеры рабочей недели определяются вне предприятия, осознание общих интересов и требований оказывается в этих условиях крайне затрудненным.

Неомотря на самоотверженную работу профсоюзных активистов, основная масса рабочих долгое время оставалась пассивной, в течение почти десяти лет не было возможности организовать какое-либо массовое выступление. И это несмотря на то, что на заводе происходили увольнения, связанные с разного рода реорганизациями, на то, что комитету предприятия выделялись совершенно нищенские суммы, и вообще причин для недовольства было более чем достаточно.

Можно назвать немало предприятий со сходной квалификационной структурой, но с совершенно иным «социальным климатом». Нам довелось побывать на крупной судостроительной верфи в Ла Сьота, на юге Франции. Хотя коллективу этого завода, в отличие от многих других предприятий судостроительной промышленности, тогда не грозили массовые увольнения, здесь отмечался высокий накал классовой борьбы: в ходе превосходно организованных стачечных выступлений рабочие добились увеличения зарплаты, вырвали серьезные уступки в социальной области и т. д. Помимо иных причин, немалое значение имеет то обстоятельство, что производственные условия этого завода не вызывают дробления рабочего коллектива (большинство его — квалифицированные рабочие) на резко разграниченные друг от друга группы, не препятствует осознанию общих интересов.

Как свидетельствует опыт крупносерийных металлообрабатывающих и иных предприятий, такое понимание общих интересов сплошь и рядом существует и в тех рабочих коллективах, которые состоят из резко отличающихся по своей квалификации групп трудящихся, к тому же отделенных друг от друга условиями производства («специализированные» рабочие серийных цехов, с одной стороны, квалифицированные наладчики

и рабочие инструментальных цехов, с другой). Основным фактором сплочения этих групп чаще всего оказываются здесь наиболее простые, непосредственные требования в области заработной платы, которые, однако, не мешают выдвижению квалифицированными рабочими своих особых требований, отражающих их специфическое положение на производстве. Типичным в этом отношении является стачечное движение на заводе государственной компании Сюд Авиасьон Парижского района. Наряду с требованием увеличения почасовых ставок для всех рабочих, бастующие добивались более благоприятных возможностей повышения квалификационной категории для «профессиональных» рабочих.

Трудность состоит, очевидно, не в разработке подобных «общих программ», но именно в создании на предприятии боевой атмосферы, внушающей рабочим всех квалификаций стремление добиться своих целей (даже если они в чем-то рознятся у различных групп) путем единой, организованной борьбы. В одних случаях такую атмосферу формирует сходный характер труда и квалификации, порождающий общность непосредственных стремлений и потребностей. В других случаях борьба неквалифицированных тружеников за жизненный уровень сливается с борьбой квалифицированных за такое положение на предприятии, которое соответствовало бы их профессиональным знаниям и роли в производстве.

При этом именно квалифицированные рабочие в наибольшей мере способны возглавить борьбу, выделить из своей среды сознательное ядро пролетарской организации. Но, для того чтобы они действительно могли выполнить эту роль, им необходимо ощущение своей принадлежности к достаточно широкой массе, способной выступить как боевая сила. Когда по тем или иным причинам такое ощущение не возникает, существует значительный риск развития индивидуалистических тенденций в сознании рабочих, их отхода от активной деятельности в защиту коллективных интересов. Поэтому крупное предприятие, а в его рамках — общность характера труда и непосредственных интересов максимально широких групп рабочих, близость между этими группами создают наиболее благоприятные объективные условия для развития боевого, действенного

классового сознания, победы пролетарского коллективизма над индивидуализмом.

Система факторов, определяющих психологическую специфику различных квалификационных и профессиональных групп рабочего класса, их активность и сплоченность в классовой борьбе, действует не только в рамках предприятия. Внутренняя разнородность современного пролетариата порождает в его среде известные центробежные тенденции, но единство классовых интересов резко ограничивает возможности их развития. Эти единые интересы лучше всего осознаются массой в атмосфере общего подъема рабочего движения, роста его боевой активности.

Именно такая атмосфера возникла во Франции в мае 1968 г. Мощное забастовочное движение охватило все слои пролетариата, трудящихся решительно всех отраслей и профессий. При столь широком характере движения ход его развития, его требования и лозунги не могли не отразить социально-психологических различий между отдельными группами рабочего класса. Трудящиеся наиболее крупных предприятий, таких, как «Электрисите де Франс», Рено или Сюд Авиасьон, быстрее всего включились в борьбу и играли в ней авангардную роль. Рабочие предприятий и отраслей, отличающихся высоким уровнем квалификации персонала (например, авиастроение и электроника), активно выступали за расширение своих прав на предприятии, за гарантии повышения жизненного уровня и рабочее место, соответствующее квалификации, за лучшие возможности образования и профессионального роста. Малоквалифицированные и низкооплачиваемые рабочие добивались прежде всего повышения зарплаты. Но подобные нюансы в требованиях и мотивах борьбы не повлияли на единство движения: его прочно цементировали общие цели — заставить отступить государство и патронат, добиться коренного улучшения условий жизни рабочего класса. Это единство проявилось и в высокой организованности массовой борьбы, и в ее формах, и в общей для всего движения платформе требований.

В мае 1968 г. в борьбу активно включились даже те группы рабочего класса, которых предшествующий опыт и условия жизни склоняли к пассивности и индивидуа-

лизму. Наблюдатели этих событий констатировали, что в движении участвовали трудящиеся многочисленных мелких предприятий, где ранее никогда не бывало стачек, рабочие, обычно настроенные консервативно³³.

Подобные факты лишний раз показывают неоправданность концепций, согласно которым длительный период высокой экономической конъюнктуры, открывающей перед многими рабочими, особенно квалифицированными, перспективы роста жизненного уровня, ведет к необратимым процессам распада классового сознания. Как мы видели, в психологии таких рабочих может развиваться тенденция к максимальному использованию «личных возможностей», но происходит это, как правило, потому, что из-за общего спада рабочего движения или конкретных условий предприятия, района, отрасли промышленности, слабости организации и т. д. борьба затруднена, кажется рабочим малоперспективной или вообще невозможной. Индивидуализм и общественная пассивность — не столько результат экономической конъюнктуры, сколько реакция на объективные трудности коллективной борьбы. Когда же, как это было в мае 1968 г., эти трудности преодолеваются рабочим движением, во всех слоях рабочего класса, независимо от уровня их зарплаты, квалификации и профессионального положения, резко возрастают боевая активность, воля к защите коллективных интересов.

В общем и целом те изменения в содержании труда и структуре рабочего класса, которые были вызваны развитием крупной механизированной промышленности, во многом обновили идейно-психологический облик основной массы пролетариата. Разрушив прежние ограниченные и наивные представления об окружающем мире и путях его преобразования, эти изменения сделали возможным более реалистическое и глубокое понимание рядовыми рабочими движущих сил экономического и общественного развития, положения своего класса. Умножив мотивы протеста против капиталистической эксплуатации, они показали массам, что одна лишь борьба против непосредственного собственника средств производства не может устранить эксплуата-

³³ См., например, «Le Monde», 30. V 1968.

торских отношений. Капитализм, который отождествлялся прежде с капиталистом, с «хозяином», превратился в глазах миллионов рабочих в стройную, многоступенчатую общественно-политическую систему. На этой основе созрело сознание необходимости классовой солидарности, гораздо более широкой и всеохватывающей, чем былое содружество профессиональных корпораций, и единой сплоченной организации, способной противостоять политически организованному капитализму. Массовые боевые выступления французского рабочего класса в период Народного фронта, Освобождения, в мае-июне 1968 г. были бы невозможны без таких сдвигов в массовом сознании. Именно они, эти сдвиги, подготовили почву для подлинного соединения научного, марксистско-ленинского социализма с массовым рабочим движением.

Новый этап развития массового сознания породил вместе с тем и новые противоречия. Более реалистическое представление о капиталистическом обществе означает и более точное понимание тех трудностей, с которыми сопряжена борьба за социальное освобождение. В определенных ситуациях, на определенных «отрезках» идейно-психологической эволюции рабочего класса и особенно в тех его слоях, которые в наибольшей мере задавлены социальным гнетом, эти трудности гипертрофируются и могут казаться неодолимыми. Преодоление этих стихийных тенденций решающим образом зависит от «субъективного фактора» — от деятельности организованного рабочего движения, политического и теоретического уровня его руководства.

Рабочие автоматизированного производства

Технический прогресс играет, как мы видели, важную роль в эволюции положения рабочих масс и является поэтому одним из существенных факторов развития их сознания. В данной связи особую актуальность приобретает вопрос, какие именно изменения в рабочем классе порождаются современной фазой научно-технического прогресса, каковы те новые объективные условия, которые создает эта фаза для развития сознания.

Основным направлением нынешних технических изменений в промышленности является, как известно, автоматизация производства. Формы и степень автоматизации весьма многообразны, она осуществляется неодинаковыми темпами в различных отраслях промышленности и на различных участках производства. Автоматизация воздействует на занятость и на структуру рабочей силы, на соотношение физического и умственного труда в промышленности, причем общие тенденции, порождаемые капиталистической автоматизацией, тоже проявляются в весьма неодинаковой степени и формах в различных производственных условиях. Данный круг вопросов сравнительно обстоятельно изучен как в зарубежной, так и в советской специальной литературе. Не касаясь всех аспектов этой большой темы, мы рассмотрим здесь лишь влияние автоматизации на психологию рабочих, непосредственно занятых в автоматизированном производстве.

Значительная часть буржуазных социологов, публицистов, политических деятелей увидела в автоматизации своего рода магическое средство ликвидации противоречий между трудом и капиталом, устранения отчуждения, полной «гармонизации» индустриальных отношений. Автоматизация, предрекали авторы многочисленных наукообразных трудов, популярных статей и брошюр, превратит рабочего из зависимого и подчиненного чуждой воле человека в полноправного сотрудника предприятия, разделяющего компетенцию и ответственность с директором, инженером и т. п.; она даст ему подлинную свободу, избавит его от неприятной привычки протестовать против существующих социальных отношений. Здесь нет необходимости останавливаться на критике подобных примитивных апологетических концепций. В значительной мере они уже опровергнуты практическим опытом автоматизации, ее социальных последствий. Волна увлечения радужными горизонтами «века автоматизации», особенно высоко поднявшаяся в капиталистических странах в 50-х годах, теперь в основном спала. Все более распространенной становится осторожная и нередко даже скептическая оценка перспектив автоматизации.

Для нашей темы значительно больший интерес представляет концепция социальных и социально-психоло-

гических последствий автоматизации, разработанная А. Туреном и С. Малле. Объективную основу сознания рабочего класса эти авторы сводят к «системе труда», проходящей в своем историческом развитии три последовательные фазы. Фаза «А» соответствует маломеханизированному производству и универсальным машинам, фаза «В» — сплошной механизации, фаза «С» — автоматизации.

По мнению Турена, возрастающая в результате автоматизации дороговизна техники, зависимость функционирования всего производственного комплекса от труда каждого рабочего делают необходимым сотрудничество всего персонала — от директора до рядового рабочего. «Добрая воля» рабочего, чувство ответственности отныне становятся главными критериями его квалификации и зарплаты. Положение рабочего тесно связано с экономическим положением предприятия: характер его профессиональной подготовки исключает для него возможность работы в том же качестве на другом предприятии, он обладает гарантией занятости, так как ввиду больших расходов на подготовку рабочей силы хозяева заинтересованы в ее закреплении. На этой основе развивается и объективная, и психологическая «интеграция» рабочих в предприятие. Параллельно происходит рост их общей и технической культуры. В фазе «С» рабочее сознание уже не воспринимает общество под углом зрения антагонистической борьбы классов, как общество капиталистическое. Оно становится сознанием «индустриального общества», т. е. такого социального организма, в котором положение рабочих зависит не от классовой принадлежности, но от их функций в производстве и уровня экономического развития. Классового сознания больше не существует: оно растворяется в защите определенного «социально-экономического статуса». Былая враждебность к капиталистам сменяется оппозиционностью технократам, для которых экономическое развитие служит самоцелью, и стремлением защитить от них свою частную жизнь³⁴.

³⁴ А. Touraine. L'évolution du travail ouvrier aux usines Renault. Paris, 1955; idem. Travail et organisation. — «Archives européennes de sociologie», III (1962); idem. La conscience ouvrière. Paris, 1966.

К теории Турена во многих отношениях примыкает концепция «нового рабочего класса», развитая левосоциалистическим социологом и публицистом С. Малле³⁵. Последний, однако, расходится с Туреном в оценке социально-психологических черт, присущих рабочим современного производства, т. е. фазы «С». По его мнению, в этой фазе создается «новый рабочий класс», включающий не только рабочих физического труда, но и техническую интеллигенцию и служащих. С этим связано развитие нового, более высокого классового сознания, которое «ставит под вопрос существующие производственные отношения», но вместе с тем «бесконечно более позитивном», так как оно «основано не на чувстве изоляции в обществе, а на чувстве социальной ответственности» и характеризуется «стремлением к участию в решениях, сначала на уровне предприятия, а затем и всего общества». В настоящее время новое классовое сознание проявляется прежде всего в «синдикализме предприятия», т. е. в таких формах деятельности профсоюзов, которые отличает высокая активность основной массы рабочих, интерес к экономическим проблемам предприятия, сосредоточение стачечной борьбы главным образом в рамках предприятия.

В характеристике фазы «С» Турен и Малле исходят из модели высокоавтоматизированного производства, в котором уже исчез неквалифицированный или малоквалифицированный ручной труд, а производственные функции рабочих сводятся исключительно к контролю и регулированию. Иначе говоря, речь идет о комплексной автоматизации, о целиком автоматизированном заводе. На практике такой уровень автоматизации существует в настоящее время лишь как исключение. Авторы данной концепции сами неоднократно оговариваются, что автоматизация находится в эмбриональной стадии своего развития, что в современной промышленности одновременно сосуществуют все три выделенных ими фазы, или системы труда. По мнению С. Малле, унификация рабочего класса на основе автоматизации — это «во всех случаях достаточно отдаленная перспектива»³⁶.

³⁵ S. Mallet. La nouvelle classe ouvrière. Paris, 1963.

³⁶ S. Mallet. Op. cit., p. 259.

Казалось бы, подобные констатации означают, что «новый рабочий класс», связанный с фазой «С», — это не столько реальность сегодняшнего дня, сколько более или менее гипотетическая конструкция, спроецированная в будущее. Однако Малле считает, что рабочие фазы «С» представляют собой «структурный очаг», «модель», определяющую именно современный этап истории рабочего класса и отличающую его от других этапов.

Понятие «модели» в том смысле, какой вкладывает в него Малле, может быть вполне оправданно, если служит для выяснения тенденций и перспектив развития рабочего класса. Разумеется, нынешний, еще невысокий уровень автоматизации совсем не исключает ни возможности, ни необходимости изучения тех тенденций, которые могут полностью воплотиться в реальность лишь на дальнейших ее фазах. Однако коль скоро речь идет о типе массового сознания, связанном с автоматизацией, было бы неправильно изучать эти тенденции, изолируясь от вопроса о темпах их развития. Ведь всякое массовое сознание есть отражение (с той или иной степенью верности) определенной социальной действительности. Уровень технического развития представляет собой лишь один из аспектов этой действительности. Поэтому те изменения в сознании, которые порождаются непосредственно техническим прогрессом, могут принимать совершенно различный характер в зависимости от того, как меняется облик общества в целом. Иными словами, рабочий, который под влиянием своего положения в производстве известным образом воспринимает общество сегодняшнего дня, может завтра — под влиянием тех же производственных условий — придерживаться совершенно других взглядов и представлений, если значительно изменится самый объект его сознания, если современное ему общество будет существенно иным. Отсюда следует, что вывод о наступлении нового, обусловленного автоматизацией этапа в развитии рабочего сознания может быть значимым (независимо от обоснованности соответствующих конкретных оценок) только в том случае, если сама автоматизация, какой ее описывают авторы данной концепции, является ближайшим будущим капиталистической промышленности, если она уже теперь способна оказывать новое и определяющее воздействие на эволюцию положения рабочего класса в производстве.

Как же обстоит дело в действительности? «Всеобщее проникновение новой (автоматической.— Г. Д.) техники,— писал в 1963 г. С. Малле,— в столь различные сектора, как производство, распределение, транспорт и обслуживание, решительным образом обновляет самое понятие рабочего класса»³⁷. Факты и цифры не подтверждают, однако, ни тезиса о «всеобщем проникновении» автоматизации, ни столь далеко идущего вывода о масштабах ее влияния на эволюцию рабочего класса. По данным обследования конца 50-х годов, во французской металлургической и металлообрабатывающей промышленности примерно на половине предприятий, уже применяющих автоматическое оборудование, его обслуживанием было занято от 2 до 10% персонала, а примерно на четверти предприятий — лишь от 1 до 2% персонала³⁸. Речь идет в данном случае о ведущей отрасли промышленного производства, наиболее крупной по числу занятой в ней рабочей силы и вместе с тем располагающей многочисленными гигантскими предприятиями, способными осуществлять вложения на модернизацию. Даже на наиболее передовых в техническом отношении заводах Рено, которые считаются во французской металлообрабатывающей промышленности «пионерами автоматизации», доля персонала, обслуживающего автоматическое оборудование, не превышает 20%.

Другим существенным показателем уровня автоматизации является характер применяемой автоматической техники. В металлообработке, по данным того же обследования, лишь 6% предприятий применяло автоматическую сборку и столько же — автоматические линии. Основная же масса предприятий этой отрасли использовала лишь автоматические машины, выполняющие отдельные производственные операции, причем в большинстве случаев (45% всех обследованных предприятий) — автоматические станки с ручной загрузкой. Эти цифры отражают то явление, о котором уже говорилось выше: далеко не для всех рабочих, даже непосредственно связанных с автоматической техникой, автоматизация означает изменение содержания их труда; он в зна-

³⁷ S M a l l e t. Op. cit., p. 50.

³⁸ P. N a v i l l e. Vers l'automatisme social?, p. 13—15.

чительной мере остается «частичным», монотонным и вместе с тем грубо физическим трудом.

В послевоенный период в широких масштабах осуществлялась автоматизация в текстильной промышленности. По данным опроса 1958—1959 гг., большинство предприятий этой отрасли в той или иной степени модернизировали производство на базе автоматической техники. Однако и здесь в большинстве случаев речь идет о полуавтоматических машинах, управляемых рабочим, либо об автоматических машинах с ручной загрузкой и гораздо реже о комплексной и саморегулирующейся автоматизации (табл. 9).

Таблица 9

Уровень автоматизации на предприятиях текстильной промышленности *

Отрасль промышленности	Процент предприятий, применяющих		
	полуавтоматы	автоматы с ручной загрузкой	комплексные автоматические устройства
Шерстяная	93	31	5
Хлопчатобумажная	76	58	50

* P. N a v i l l e. L'automatisme et le travail humain. Paris, 1961 p. 321—336.

Особенно важно отметить, что автоматическая в полном смысле этого слова техника применяется в данной отрасли почти исключительно на подготовительных операциях и крайне редко на основных производственных операциях. Так, в шерстяной промышленности ни одно из опрошенных предприятий не использовало автоматы ни в ткацких, ни в чесальных, ни в отделочных цехах. В хлопчатобумажной промышленности, где комплексная автоматизация получила, казалось бы, широкое распространение (половина опрошенных предприятий), она применяется главным образом при трепании и других операциях по подготовке сырья и очень редко при окраске. Даже обычные автоматы с ручной загрузкой лишь как исключение встречаются здесь в чесальных и прядильных цехах и совсем отсутствуют в ткацких. Иначе говоря, автоматизация внедряется более или менее ши-

роко лишь на некоторых, притом не на самых основных участках производства.

Приведенные данные, разумеется, дают представление лишь об уровне автоматизации, достигнутом к определенному моменту, но не о темпах и перспективах ее развития. Авторы ряда работ, отмечая низкую степень внедрения автоматизации во французскую промышленность, нередко ссылаются на общую техническую отсталость страны, на относительно недавний переход к модернизации производства, на сохранение многочисленных мелких предприятий с примитивной технической базой.

При этом своего рода эталоном современной стадии технического прогресса и прообразом ближайшего будущего французской промышленности обычно служит пример США. На деле, несмотря на действительно широкое внедрение автоматической техники в американскую промышленность в течение последних 10—15 лет, ее технический уровень также весьма далек от повсеместной комплексной автоматизации, исключающей непосредственно производительные функции рабочих и сохраняющей лишь труд по контролю и уходу за автоматическими машинами. По данным обследования 1635 фирм американской промышленности в 1960 г., машинная обработка деталей автоматизирована на них лишь на 19,8%, операции по формовке — на 20%, по сборке — на 26%³⁹.

Подобные факты свидетельствуют о том, что даже в наиболее благоприятных условиях, какие могут существовать при капиталистическом строе для развития автоматизации (в США такими условиями являются, в частности, способность мощных монополий осуществлять крупные инвестиции на модернизацию, относительно высокая цена рабочей силы, экономически стимулирующая замену труда людей трудом автоматов), в настоящее время этот процесс ни по своим темпам, ни по масштабам не сопоставим с механизацией производства, действительно означавшей коренной переворот в технических условиях индустриального труда. В большинстве случаев

³⁹ Н. П. Иванов. Технический переворот и рабочий класс в главных капиталистических странах. М., 1965, стр. 11. Как констатируется в основном на новейших данных «исследования Н. Д. Гаузнера, в США «наиболее распространены простейшие виды автоматизации» (Н. Д. Гаузнер. Научно-технический прогресс и рабочий класс США. М., 1968, стр. 23).

технический прогресс в современной капиталистической промышленности достигает лишь уровня частичной автоматизации.

Комплексная автоматизация осуществляется главным образом в тех отраслях, где производство носит, с одной стороны, крупносерийный характер, а с другой — легче всего может протекать как непрерывный процесс. Это относится прежде всего к химической промышленности, нефтепереработке, производству электроэнергии, работе различного рода печей и котлов. В этих отраслях автоматизм заложен уже в самой природе производства: конечный продукт получается здесь в результате самостоятельного взаимодействия различных исходных компонентов (химических реакций либо воздействия силы падающей воды на механическое устройство); задача человека лишь обеспечить необходимые условия этого взаимодействия. Комплексная автоматизация требует здесь поэтому коренной модернизации не всей технологии производства, но только определенных ее участков.

Технологические условия большинства отраслей промышленности становятся серьезным, а подчас и непреодолимым препятствием на пути автоматизации не в качестве некоего абсолютно самостоятельного фактора, а в силу тех специфических требований, которые предъявляет к ней именно капиталистическая экономическая система. Анализ экономических проблем автоматизации в условиях капитализма не входит в задачу настоящей работы. Выводы специальных исследований позволяют, однако, утверждать, что поскольку автоматизация, особенно комплексная, требует весьма больших затрат на основной капитал, она очень часто оказывается нерентабельной с точки зрения капиталиста⁴⁰. Отсюда жалобы на «дороговизну» автоматизации, которая чаще всего упоминается предпринимателями в качестве основной причины, тормозящей внедрение автоматической техники⁴¹.

Было бы, разумеется, неверно отрицать возможности дальнейшего развития автоматизации в условиях капитализма. Однако уровень и темпы этого процесса, свойственные ему противоречия никак не подтверждают

⁴⁰ См., например, Н. П. Иванов. Указ соч., стр. 13.

⁴¹ P. Naville. Vers l'automatisme social?, p. 17.

прогнозов о коренном и всеобщем изменении характера индустриального труда, которое будто бы порождается нынешней стадией автоматизации.

Во многом противоречат этим прогнозам и данные о содержании трудовых функций рабочих, непосредственно вовлеченных в сферу автоматизированного производства.

Как уже отмечалось выше, абсолютно преобладающей формой применения автоматического оборудования является в настоящее время частичная автоматизация. Независимо от того, какое количество операций осуществляется при этом как непрерывный, автоматический процесс, данная форма обычно предполагает сохранение ручного труда по загрузке автоматического оборудования и эвакуации обработанной на нем продукции. Такого рода примитивные и монотонные ручные операции зачастую необходимы не только при обслуживании рабочим одного или нескольких полуавтоматических либо автоматических станков (например, в металлообрабатывающей и текстильной промышленности), но и на автоматических линиях. Так, например, обстоит дело на автоматических линиях, функционирующих на заводах Рено⁴².

Относительно новым видом труда, который развивает автоматизация, является контроль за работой автоматического оборудования. При сравнительно высоких уровнях автоматизации, например, на станках с автоматической загрузкой, на автоматических линиях и циклах этот труд сводится в основном к пассивному, визуальному наблюдению за работой машин. В высокоавтоматизированном производстве контроль осуществляется с помощью системы сигнализации. Главным требованием, предъявляемым к работнику такого труда, является сосредоточенность, внимание; физическая нагрузка в большой мере или целиком заменяется здесь нервно-психической. В этом существенное отличие труда оператора в автоматизированном производстве от труда рабочего, обслуживающего обычную или полуавтоматическую машину. Однако эта работа столь же, если не более, элементарна и монотонна, не требует ни инициативы, ни

⁴² A. Lucas. Op. cit., p. 63.

профессиональных знаний, а вмешательство рабочего в производственный процесс зачастую сводится к остановке машины в случае перебоя.

А. Турен, наблюдавший работу автоматической линии на заводе Рено в Булонь-Бийянкур, характеризует положение обслуживающего ее рабочего как «малозавидное... Перед ним работают сложные механизмы, которых он не понимает, имея императивный приказ не вмешиваться в их игру. На передаточной машине о любом инциденте ему сигнализирует прекращение ее работы. Он предупреждает об этом своего наладчика или бригадира...»⁴³.

Уровень квалификации операторов на автоматических машинах обычно крайне низок — зачастую ниже, чем даже малоквалифицированного рабочего на специализированной машине старого типа. При замене прежнего оборудования автоматическим на заводах Форда для переподготовки рабочих понадобилось от 4 до 24 часов. По мнению представителей компании «Форд мотор», «операторам или наблюдателям автоматического оборудования вообще не требуется специальной квалификации»⁴⁴.

Простота труда операторов на автоматах в значительной мере является в условиях капитализма результатом сознательного подчинения технического развития интересам экономии на стоимости рабочей силы. Автоматизация рассматривается как средство сократить не только абсолютную численность рабочих, но и сферу применения квалифицированного, т. е. более дорогого труда. Как отмечает автор одного из американских исследований, «машиностроители не смогут продать оборудование в сколько-нибудь крупных масштабах, если оно требует от оператора или ремонтного рабочего особо высокой квалификации. Поэтому усилия конструкторов постоянно направлены на упрощение органов управления и функции обслуживания оборудования...»⁴⁵.

Не отрицая подобные факты, многие западные социологи полагают, что низкая индивидуальная квалификация рабочих, обслуживающих автоматическое оборудование, как бы компенсируется свойственной им «соци-

⁴³ A. Touraine. L'évolution du travail ouvrier aux usines Renault, p. 115.

⁴⁴ К. Венсан, Р. Гроссен. Курс на автоматизацию. М., 1959, стр. 132.

⁴⁵ J. Bright. Automation and Management. Boston, 1958, p. 175.

альной ответственностью», необходимостью сознательно-го отношения к своей работе, от которой прямо, непосредственно зависит функционирование всего производства. Именно эта ответственность является, согласно концепции Турена, одним из основных исходных пунктов развития того нового типа рабочего сознания, который порождается автоматизацией. Спору нет, дороговизна автоматического оборудования, тесная взаимозависимость всех участков автоматизированного производства требуют от рабочего особой сосредоточенности в труде, неукоснительно четкого и бесперебойного выполнения своих функций. Капиталистические предприятия пытаются выработать соответствующее отношение рабочих к труду с помощью различных систем зарплаты, в которых величина заработка ставится в зависимость не от личной квалификации рабочего, но от значения обслуживаемого им участка в производственном комплексе и от таких его качеств, как «внимание», «аккуратность», «прилежание» и т. п. (подробнее об этом — в следующей главе). С другой стороны, именно на автоматизированных предприятиях наиболее широкое распространение получает политика «человеческих отношений», ставящая одной из своих целей воспитать у рабочего чувство «социальной ответственности» за порученный ему производственный участок. Кое-где для персонала организуются специальные лекции, курсы, дающие рабочим представление о технике и технологии данного производства: предполагается, что в результате рабочий будет более сознательно и добросовестно относиться к своему труду.

Нет, однако, никаких серьезных оснований смешивать подобные направления предпринимательской политики с реальным процессом развития рабочего сознания. Ведь даже понимая возросшую роль своего труда в производственном процессе, оператор автоматизированного производства остается неквалифицированным тружеником; ни его знания, ни характер его труда не позволяют ему существенно приблизиться к пониманию обслуживаемой им сложной техники, к господству над ней, в определенном смысле он еще более отчужден от техники, чем «специализированный» рабочий механического производства, который все же в каких-то пределах может воздействовать на работу машины. Присущая капиталистическому производству тенденция к расширению сферы

применения простого, неквалифицированного труда тормозит реализацию тех возможностей обогащения содержания труда, которые объективно заложены в автоматической технике.

Чувство «рабства», зависимости от машины, которое питалось и питается условиями «частичного» труда, не устраняется, таким образом, и с развитием автоматизации.

Поэтому было бы крайне преждевременным видеть в автоматизации в условиях капитализма эффективное средство преодоления тех противоречий, которые порождаются частичным трудом и связанных с ним психологических явлений. А именно эта идея лежит в основе теории «интеграции» рабочего в капиталистическом производстве как главного социального и психологического последствия автоматизации.

Все сказанное отнюдь не означает, что автоматизация ведет к процессу абсолютной деквалификации рабочих. Можно вполне согласиться с критикой этого тезиса, содержащейся в ряде советских исследований⁴⁶. На наиболее высоких стадиях автоматизации появляется необходимость в высококвалифицированных операторах, управляющих крупными производственными комплексами. Такие рабочие, например в нефтеперерабатывающей промышленности, следят за сигнализацией на центральных контрольных пунктах и регулируют производственный процесс в соответствии со сложной системой правил, знание которых предполагает довольно высокий уровень общей культуры и специальной технической подготовки. В некоторых производствах наблюдается тенденция к слиянию функций оператора и квалифицированного наладчика оборудования. Так, по мнению группы предпринимателей французской химической промышленности, оператор-аппаратчик будущего — это «квалифицированный рабочий, который хорошо знает свое оборудование, общие способы производства данной отрасли промышленности, способы употребления различных реактивов и опасности, которые от них исходят, способен производить текущий уход и, при необходимости, мелкий срочный ремонт до прибытия специализиро-

⁴⁶ См., например, Н. П. И в а н о в, Указ. соч.; «Современный рабочий класс капиталистических стран». М., 1935.

важных рабочих по уходу»⁴⁷. С другой стороны, в некоторых отраслях получает распространение совмещение одним и тем же рабочим ряда производственных функций. Например, по данным одного из французских исследований, на ряде предприятий химической промышленности в цехах с комплексной автоматизацией растет число рабочих, владеющих несколькими смежными специальностями⁴⁸. Такой рабочий широкого профиля должен обладать немалыми специальными знаниями и определенным интеллектуальным развитием, позволяющим ему решать меняющиеся в течение рабочего дня производственные задачи; поэтому его подготовка требует достаточно широкого общего и технического образования.

Следует вместе с тем еще раз подчеркнуть, что, поскольку речь идет о производственных цехах, о квалификации рабочих-операторов, подобные тенденции проявляются на современной стадии автоматизации в весьма незначительной мере и главным образом в пределах отраслей непрерывного производства (химия, нефтепереработка).

Рост уровня квалификации и расширение профиля профессиональной подготовки рабочих гораздо более типичны для служб по наладке, ремонту и уходу за автоматическим оборудованием. Возрастающая сложность этого оборудования требует от обслуживающих его рабочих таких знаний и способностей, которыми не обладает квалифицированный рабочий старого типа. Как единогласно констатируют многочисленные специальные исследования, рабочий по оборудованию в автоматизированном производстве должен сочетать ручное мастерство со знанием основ механики, математики, электротехники и электроники, гидравлики. С развитием автоматизации получает распространение «комплексная профессия рабочего-ремонтника, которая содержит элементы профессий слесаря, электрика, механика, гидравлика и др. Внедрение на предприятии того или иного типа автоматического оборудования в большинстве

⁴⁷ Цит. по P. Naville. *Vers l'automatisme social?*, p. 100.

⁴⁸ Ch. Barbier. *Les structures de repartition du travail. Leurs adaptations multiples.* — «Cahiers d'étude de l'automation et des sociétés industrielles», 1964, № 3, p. 13—138.

случаев влечет за собой повышение среднего уровня квалификации персонала по уходу и ремонту. Так, по данным французской анкеты 1952—1959 гг., 54% опрошенных предприятий констатировали повышение квалификации рабочей силы в этих секторах в результате автоматизации⁴⁹.

В результате автоматизации изменяется соотношение между рабочими-операторами и рабочими по ремонту и уходу за оборудованием в пользу последних. На заводах Рено в частично автоматизированном прессовом цехе на одного ремонтника приходится 8, а на комплексной автоматической линии всего лишь 2 производственных рабочих⁵⁰. Подобные цифры иногда могут создать представление о вытеснении из автоматизированного производства малоквалифицированных рабочих-операторов и превращении персонала соответствующих предприятий в коллектив высококвалифицированных рабочих, техников и инженеров. Такое представление не подтверждается фактами: даже на наиболее автоматизированных предприятиях удельный вес неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих значительно выше, чем это наблюдается в рамках отдельных автоматических комплексов.

Наиболее реальное представление о перспективах эволюции структуры рабочей силы под влиянием автоматизации, очевидно, может дать нефтеперерабатывающая промышленность, ведь именно она обычно рассматривается как «пионер автоматизации», далеко обогнавший почти все остальные отрасли. Только за четыре года, с 1957 по 1961, удельный вес квалифицированных рабочих во французской нефтеперерабатывающей промышленности повысился с 56,1 до 68,1% (в обрабатывающей промышленности в целом — он понизился с 31,7 до 31,5%), однако около трети рабочих этой отрасли (31,1%) — неквалифицированные и малоквалифицированные труженики⁵¹. На одном из типичных крупных нефтеперерабатывающих заводов большинство рабочих занято в службах по ремонту и уходу за оборудованием, но свыше половины ремонтников и 40% рабочих, занятых в производ-

⁴⁹ P. Naville. L'automation et le travail humain, p. 76.

⁵⁰ Н. П. Иванов. Указ. соч., стр. 85.

⁵¹ «Revue française du travail», 1963, № 2.

стве,— специализированные и чернорабочие. Эти последние категории составляют 46% рабочего персонала предприятия⁵².

Таким образом, даже на весьма высоком для современной капиталистической промышленности уровне автоматизации, недостижимом для большинства ее отраслей, отнюдь не устраняются те различия между квалифицированным и неквалифицированным трудом, которые получили развитие на предшествующих фазах технического прогресса. Рабочий, чья задача заключается в том, чтобы реагировать на сигналы нажатием кнопок, и рабочий-ремонтник, знающий устройство сложнейших автоматических систем, различаются по характеру и творческому содержанию своего труда не в меньшей степени, чем «специализированный» и квалифицированный рабочий обычного механизированного производства. Поэтому столь же различны и степень их моральной зависимости от хозяев производства и их психологический облик.

На крупном нефтеперерабатывающем предприятии — комбинате Шелл в Берр ведущую роль в профсоюзной деятельности, в организации сопротивления политике дирекции играет ядро квалифицированных рабочих — электриков, механиков и т. д., сосредоточенных главным образом в ремонтных службах. Наиболее пассивная часть рабочего коллектива — операторы производственных цехов. Объясняя это различие, профсоюзные активисты комбината говорили нам, что операторы во многих случаях не имеют реальной квалификации и потому особенно дорожат своим местом (на Шелл — относительно высокая для данного района зарплата), боятся конфликтовать с начальством. Кроме того, монотонный, порабощающий личность труд подавляет их интерес к общественной жизни, нередко как бы замораживает интеллектуальное развитие. Таким образом, и на этом высокоавтоматизированном предприятии существуют те же расхождения в сознании и общественном поведении между различными по производственным функциям группами рабочего коллектива, с которыми мы встречались в более «традиционных» отраслях.

⁵² P. N a v i l l e. L'automatisme et le travail humain, p. 695.

В соответствии с теорией Турена — Малле, рабочие высокоавтоматизированного производства должны были бы по своим социальным представлениям коренным образом отличаться от рабочих механизированной промышленности. Проверить это предположение легче всего, сопоставив взгляды рабочих крупносерийной металлообрабатывающей промышленности и рабочих-нефтяников (табл. 10)

Ответы на первые два вопроса, показывают, что автоматизация не привела к какому-либо значительному качественному сдвигу в отношении основной массы рабочих к труду. Напротив, она лишь усилила настроения, характерные для работников частичного труда: еще чаще рабочие рассматривают труд только как средство заработка, еще реже испытывают интерес к нему.

Представления рабочих автоматизированного производства о социальных отношениях, об общественном положении своего класса также не отличаются какими-либо новыми особенностями. Как и металлисты, они в большинстве своем видят в капиталистах своих основных противников, понимают зависимость своего личного положения от существующих социальных условий. Новые технические условия ни в коей мере не ослабили у этой группы рабочего класса чувства эксплуатации, убеждение, что только устранение эксплуататорских отношений может принести социальную справедливость. Рабочие, считающие стачки прежде всего орудием борьбы с враждебной классовой силой, встречаются в этой группе столь же часто, как и среди металлистов. Иначе говоря, здесь вряд ли возможно найти какие-либо признаки распада представлений о классовом антагонизме между рабочими и капиталистами и «осознания индустриального общества», т. е. той психологической эволюции, которую опубликовавший эти данные А. Турен приписывает рабочим фазы «С».

Нельзя вместе с тем не заметить, что активные боевые настроения распространены среди рабочих-нефтяников в несколько меньшей степени, чем в группе металлистов. Этот факт достаточно широко известен не только по данным социологических анкет⁶³. Однако его

⁶³ О нем говорили нам секретари федераций химической и нефтеперерабатывающей промышленности ВКТ и ФДКТ.

Таблица 10

Ответы рабочих металлообрабатывающей и нефтеперерабатывающей промышленности на вопросы анкеты
(в % и численности каждой профессиональной группы) *

Вопрос	Ответ	Метал- листы	Нефтя- ники
Что важнее для Вас: труд или жизнь вне труда?	Труд	13,3	9,7
От чего зависит удовлетворение трудом?	От зарплаты	79,6	87,3
	от интереса и свободы труда	94,1	74,7
Чьи интересы больше всего противоречат Вашим?	Капиталистов	62,7	97
Чьи интересы больше всего противоречат общим интересам?	Капиталистов	13,5	18,1
Какова наиболее характерная особенность положения рабочих?	Социальная зависимость	19,5	18,1
Что означает для Вас понятие «социальная справедливость?»	Подъем жизненного уровня	31,5	18,5
	Отсутствие эксплуатации	45,3	48,2
	Уменьшение или устранение неравенства между классами	23,2	33,3
От чего зависят условия жизни: от социального положения или от личного характера?	От социального положения	54	52,8
	От личного характера	47,6	47
Что открывает больше возможностей рабочему: возвышение путем выхода из своего класса или борьба за улучшение условий жизни своего класса?	Борьба	60,3	53,6
Думаете ли Вы, что Ваша личная деятельность полезна для улучшения положения рабочих?	Полезна	58,6	37
Какова роль стачек?	Стачка — орудие борьбы с хозяевами	20,1	21,9
	Стачка — орудие защиты требований	52	44,5

* Составлена по данным: A. Touraine. La conscience ouvrière.

объяснение следует искать не в технических условиях автоматизированного производства, не в «системе труда», но в особенностях формирования рабочего класса данной отрасли и социальной политики нефтяных трестов. Нефтяники представляют собой один из наиболее «молодых» отрядов рабочего класса, в этой отрасли промышленности нет издавна укоренившихся боевых и профсоюзных традиций, очень многие рабочие являются выходцами из деревни или из мелкой городской буржуазии. С другой стороны, особенно широкое применение на нефтеперерабатывающих заводах политики «человеческих отношений», новых, непривычных для рабочих и для профсоюзных активистов систем зарплаты, различные материальные и «социальные» льготы, относительно высокий уровень заработков (работа в этой отрасли изображалась и изображается как особая привилегия) затруднили разработку таких требований и форм действия, которые могли бы вовлечь в борьбу еще непьющую в классовом отношении массу.

Пример рабочих-нефтяников показывает, что автоматизация производства, или, по терминологии французских социологов, переход в фазу «С», сама по себе не приводит ни к распаду классового сознания (как утверждает Турен), ни к его взлету на качественно новую ступень (как, видимо, думает Малле). В сознании этих более всего связанных с автоматической техникой рабочих четкость классовых, пролетарских представлений сочетается с известной пассивностью в отношениях с классовым противником. Иначе говоря, при автоматической, как и при любой другой технической базе, возможно развитие совершенно противоположных тенденций в сознании рабочих.

Теория «интеграции» рабочего в автоматизированное предприятие основана на крайней гиперболизации одной из этих тенденций. По сути дела, неквалифицированный или малоквалифицированный, т. е. получивший крайне узкую подготовку рабочий нередко оказывается прикованным к предприятию, поскольку оно выплачивает ему такую зарплату, какую он не сможет получить в другом месте. Остается неясным, почему подобное явление, которое, кстати сказать, часто наблюдается и в неавтоматизированном производстве, следует принимать за «объективный», как пишет С. Малле, про-

цесс интеграции. Не помогают делу и попытки подвести под этот процесс экономическую базу. Индивидуальная зарплата на автоматизированном предприятии, утверждает тот же автор, «целиком определяется экономическим положением предприятия... повседневная жизнь рабочего оказывается волей-неволей эффективно интегрированной в жизнь самого предприятия»⁵⁴. Но ведь даже любому рядовому рабочему известно, что его индивидуальная зарплата зависит не только от экономического положения предприятия, но и от воли цеховой и заводской администрации, от условий коллективных соглашений в рамках района и отрасли, или, говоря иначе, от силы профсоюзов, т. е. факторов, происхождение которых далеко не ограничивается пределами предприятия.

Характерно, что, призывая не смешивать «объективную интеграцию» с патернализмом, Малле фактически использует для доказательства своего тезиса обычную патерналистскую аргументацию (уровень жизни рабочих зависит от «процветания» предприятия и т. п.). На деле «интеграция» представляет собой определенное направление социальной политики крупных фирм, использующих низкий уровень квалификации и узость профессиональной подготовки части персонала в целях закрепления рабочей силы, создания спокойного «социального климата» и повышения эффективности производства. Подобная политика, несомненно, стимулируется условиями автоматизированного производства, однако, поскольку мы имеем в данном случае дело именно с политикой, а не с объективным социально-экономическим процессом, ее воздействие на сознание рабочих нельзя считать ни фатальным, ни необратимым. Исход зависит от того, насколько эффективно действуют силы, противодействующие стремлению предпринимателей «интегрировать» рабочих в предприятие, морально привязать их к данной фирме, к данному заводу.

Критика преувеличений, допускаемых авторами теории «трех систем труда», не означает, что автоматизация производства вообще не вносит ничего нового в развитие рабочего сознания. Уже рост при комплек-

⁵⁴ S. Mallet. Op. cit., p. 56.

сней автоматизации удельного веса квалифицированных и высококвалифицированных трудящихся оказывает немаловажное воздействие на идейно-психологическую атмосферу, которая складывается в рабочем коллективе, расширяет влияние в нем более культурных и сознательных рабочих. Сопоставление взглядов и представлений рабочих различных отраслей нередко выявляет относительно большую широту социального кругозора трудящихся автоматизированных производств. Из приведенного выше сравнения ответов металлистов и нефтяников видно, что трудящиеся нефтеперерабатывающей промышленности чаще понимают, что господствующий социальный антагонизм разделяет класс капиталистов не только с рабочим классом, но и с обществом в целом. Их антикапиталистические настроения относительно редко связаны с неудовлетворительным жизненным уровнем, но зато гораздо чаще, чем у других групп пролетариата — с протестом против классового неравенства. Иначе говоря, стремление к глубоким социальным изменениям определяет их сознание в гораздо большей мере, чем чисто материальные потребности.

Подобные наблюдения свидетельствуют о том, что автоматизация не столько формирует некий абсолютно новый тип рабочего сознания, сколько содействует дальнейшему развитию тех идейно-психологических тенденций, которые достаточно четко проявляются — особенно у более квалифицированных групп рабочего класса — уже на предшествующей фазе технического прогресса.

Этот вывод, нам кажется, может быть подтвержден и конкретизирован немногочисленными пока данными о взглядах и настроениях рабочих отдельных автоматизированных предприятий. В ходе обследования 1957—1959 гг. социологом Д. Лаалем был проведен довольно детальный опрос рабочих автоматического завода строительных деталей «Плакоплатр» в Вожуре (департамент Сена и Уаза). Результаты этого опроса представляют известный интерес для изучения психологических последствий автоматизации⁵⁵.

⁵⁵ P. N a v i l l e. L'automatisme et le travail humain, p. 574—630.

Бригада по обслуживанию комплексной автоматической линии завода «Плакоплатр» состоит из 14 человек (3 мастеров и 11 рабочих). Лишь один рабочий, регулирующий работу автоматической печи, обладает профессиональной квалификацией. Трое других имеют разряд «квалифицированных» только в силу ответственности выполняемых ими функций по наблюдению за работой автоматических агрегатов, требующих от них внимания и точности; их труд не предполагает ни специальных знаний, ни профессиональной подготовки. Остальные семь рабочих выполняют более или менее элементарные функции по включению, загрузке и разгрузке оборудования, наблюдению за отдельными участками производства, уборке и т. д.— все они принадлежат к категории «специализированных». Постоянный уход за оборудованием осуществляет бригада ремонтников в составе двух квалифицированных механиков и одного электрика. Из 33 рабочих-операторов, занятых в трех сменах, никто не имеет профессионального образования, и лишь 9 из них доучились в школе до 14 лет.

Непрерывный характер производства, технологическая взаимосвязанность всех его звеньев практически приводят к остановке работы в случае отсутствия одного из рабочих; ошибка или невнимание любого из них ликвидируют результаты работы всех остальных и отражаются на их зарплате. В этих условиях отпадает необходимость в административном надзоре за их трудом: приход на работу не регистрируется, поскольку оператор все равно не может оставить свой пост до прихода сменщика; мастера выполняют чисто технические, но не административные функции.

Какое отражение находят эти новые условия труда в сознании рабочих (все они трудились ранее в неавтоматизированном производстве)? 13 из 33 положительно высказываются по поводу уменьшения физической усталости, обусловленной работой на автоматическом оборудовании, но 14 рабочих жалуются на рост нервного утомления. Пятеро рабочих заявили, что их труд неинтересен, не дает настоящей профессии. Некоторые из них ссылались при этом на монотонность труда, высказывали желание перейти в ремонтную бригаду. Вместе с тем значительная часть рабочих (9 из 33) выражает удовлетворение более гибкой, «свободной» орга-

низацией труда. «Здесь хорошо то,— объяснил один из них,— что ты свободен, приход не отмечают, коль скоро договоришься с товарищами, и никто ничего не говорит, если опоздаешь на 15 минут».

Те элементы удовлетворения изменением условий и организации труда, которые встречаются у многих рабочих, никак не улучшают их отношения к «хозяевам» и к существующим социальным порядкам вообще. «Хозяева не считаются с тем, что прогресс техники должен был бы облегчить труд рабочих,— заявил один из них,— но хотят весь выигрыш удержать за собой». По словам другого, «автоматизация представляет интерес главным образом для хозяина..., а рабочий получает все ту же маленькую зарплату». Прогресс автоматизации усиливает у большинства рабочих сознание опасности безработицы. Но это сознание не является в данном случае продуктом их непосредственного опыта: на заводе «Плакоплатр» каких-либо увольнений не производилось. Угроза безработицы представляется им неизбежным результатом технического прогресса в условиях капитализма, в автоматизации они усматривают не просто развитие техники, но проявление своекорыстного стремления капиталистов заработать на сокращении рабочей силы. Видя, какой громадный рост производительности труда приносит автоматизация, рабочие не могут не сознавать разительного несоответствия между этим прогрессом и собственным положением. «Если машина делает часть работы людей,— размышляет рабочий завода «Плакоплатр»,— то хозяин должен был бы сохранить их на работе, платя им столько же и позволяя меньше работать». Противоречие между подобными естественными, «справедливыми» результатами автоматизации и реальным положением дел, разумеется, может лишь усилить у рабочих понимание эксплуататорской сущности социальных отношений, господствующих в капиталистическом производстве.

На заводе «Плакоплатр» ко времени проведения анкеты еще не созрела почва для каких-либо открытых конфликтов между дирекцией и персоналом, однако о настроениях рабочих свидетельствует тот факт, что 80% из них— члены боевого профсоюза ВКТ (мастера входят главным образом в «Форс увриер»). Такой исключительный для французских предприятий уровень

профсоюзной активности в данном случае нельзя объяснить особенностями рабочего персонала: как мы видели, подавляющее большинство рабочих не имеет ни квалификации, ни даже среднего образования. Помимо тех общих социальных настроений, развитие которых стимулировала автоматизация, здесь, очевидно, немаловажную роль сыграли объективные условия производства. По мнению многих опрошенных рабочих, труд на автоматизированном заводе укрепляет личные отношения, солидарность: «Все здесь хорошие товарищи», — заявил один из рабочих. Обслуживание автоматического непрерывного производства, где сам трудовой процесс выступает как совместная, единая деятельность группы людей, обеспечивающих работу одного и того же производственного комплекса, воспитывает у рабочих «чувство локтя», развивает личные контакты, взаимопонимание. Как уже отмечалось выше, развитие коллективизма в рабочей среде во многом зависит от того, насколько характер производственного процесса содействует сплочению рабочего коллектива. На заводах типа «Плакоплатр» существует полная взаимозависимость в труде не только внутри бригады, но и в масштабе всего предприятия: между операторами и ремонтниками, которые устраняют неполадки в процессе функционирования автоматической линии, между рабочими различных смен. Подобные условия труда существуют не только в автоматизированном производстве (например, в доменном деле), но именно при комплексной автоматизации они получают столь полное выражение.

Конечно, сплоченность рабочих в труде, развивающаяся с автоматизацией, не оказала бы заметного влияния на их общественное поведение, если бы не дополнялась достаточно ясным сознанием общности интересов рабочего коллектива перед лицом собственников средств производства. В этом отношении серьезную роль играют коллективные формы оплаты труда, применяемые на автоматизированных предприятиях. Данный вопрос имеет, однако, более широкое значение и будет рассмотрен в следующем разделе настоящей работы.

Особенности труда в автоматическом производстве содействуют не только сплочению рабочих, но и осознанию ими своей силы в отношениях с капиталистом.

Сам труд может оставаться неквалифицированным и неинтересным, но с повышением объективной ответственности каждого работника за функционирование производственного комплекса его моральное достоинство значительно возрастает по сравнению с условиями обычного «измельченного» труда. «Все здесь зависит от нас», — заявил один из рабочих завода «Плакоплатр, выражая сознание возросшей способности рабочих влиять на производственный процесс. Понятно, что подобные настроения укрепляют психологическую готовность рабочих к борьбе за собственные интересы.

Высокий уровень организованности и сплоченности персонала — характерная черта стачечного движения на автоматизированных предприятиях. На многих из них само понятие стачки существенно трансформировалось: оно означает уже не прекращение работы, но, напротив, особенно сложную и требующую тщательной организации работу. Это относится, например, к стачкам в электроэнергетической промышленности. Во время всеобщей стачки электриков в декабре 1964 г. одной из центральных было поручено снизить дневную выработку электроэнергии с обычных 400 тыс. квт. до 60 тыс. квт, чтобы обеспечить подачу тока в медицинские учреждения. Эта трудная и ответственная работа выполнялась специальной бригадой в составе девяти человек⁵⁶. Аналогичные формы принимает стачечное движение на нефтеперерабатывающих комбинатах: здесь полная остановка производства практически вообще невозможна, ибо может повлечь серьезную катастрофу. Во время стачки на комбинате Шелл-Берр в 1963 г. было решено сократить выпуск продукции. Стачка продолжалась в общей сложности два дня и закончилась победой ба-
стующих.

Подобные примеры свидетельствуют о том, что технические условия высокоавтоматизированного производства, ответственная роль, которая принадлежит в нем даже самым рядовым труженикам, образуют благоприятную почву для развития солидарности трудящихся, для воспитания в массе высокосознательного отношения к проблемам собственной организации. Но такая созна-

⁵⁶ «L'Humanité», 12.XII 1964.

тельность отнюдь не является неизбежным результатом автоматизации; для ее развития необходимы еще и иные факторы. С. Малле, характеризуя в своей книге настроение трудящихся одного из нефтеперерабатывающих заводов (фирмы Кальтекс в Амбесе), отмечает⁵⁷, что «классовое сознание, если понимать под ним чувство постоянного противоречия интересов между предпринимателем и рабочим, развито здесь выше, чем где-либо еще... Именно потому, что они осознали значение своих производственных функций и значение своего предприятия в экономике в целом, рабочие-нефтяники Амбеса сознают свою силу; именно потому, что факты доказали им их способность заставить дирекцию уступить, они не подвергаются опасности попасть в ловушку патернализма Кальтекса». Этот вполне обоснованный вывод интересен между прочим тем, что он находится в явном противоречии с общей концепцией автора. Подчеркивая значение конкретного опыта борьбы, Малле, по сути дела, выходит за рамки собственной схемы, в которой фазы развития сознания механически отождествляются с фазами технического прогресса.

Отвергая подобный схематизм, мы должны, однако, признать правомерность постановки проблемы о тех новых возможностях развития рабочего сознания, которые несет с собой автоматизация производства. Эти новые возможности создает и постепенный рост технической и общей интеллектуальной культуры рабочих, и их протест против монопольного присвоения плодов автоматизации собственниками производства, и порождаемые ею новые формы организации труда, спланивающие рабочих и помогающие им осознать свою силу. Автоматизация не заменила и, очевидно, в обозримом будущем не заменит исторически сложившийся фабрично-заводской пролетариат неким «новым рабочим классом» со своими совершенно особыми потребностями и жизненными проблемами. Даже на «ультраавтоматизированных» заводах мы обнаруживаем массу неквалифицированных, частичных трудящихся; социальная необеспеченность жизненного уровня и места в

⁵⁷ S. Mallet. Op. cit., p. 170, 171.

производстве продолжает определять положение и психологию рабочего, обслуживающего самое современное оборудование. Но автоматизация влечет за собой пусть медленные, но неуклонные сдвиги в интеллектуальном облике рабочих. Идеино-психологические последствия этих сдвигов не predetermined, но они содержат в себе значительные новые возможности развития и обогащения классового сознания рабочих.

МЕТОДЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ И ИХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА РАБОЧЕГО

Проблема антигуманного воздействия промышленного производства на личность рабочего широко обсуждается в буржуазной социологической литературе. В многочисленных книгах и статьях, посвященных этой проблеме, по сути дела, повторяются с теми или иными вариациями выводы Маркса о превращении рабочего в придаток машины, о подавлении крупным производством творческого характера труда и личных способностей рабочего, о растущем отделении умственного труда от физического. В подобных работах собрано множество фактических данных, показывающих, как развиваются все эти процессы в современных условиях. Однако те явления, которые были для Маркса продуктом использования техники в условиях капиталистических производственных отношений, в изображении подавляющего большинства буржуазных авторов предстают лишь как неизбежный результат развития самой техники, разделения и организации труда. Со времен Дюркгейма на разделение труда, обусловленное техническим прогрессом, стали возлагать главную ответственность за ущерб, наносимый личности работой на капиталистическом предприятии.

Соответственно некоторое ограничение разделения и специализации труда внутри предприятия и его подразделений, внесение большей гибкости в его организацию рассматриваются как генеральный путь «гуманизации» производства. Подобные концепции уже несколько десятков лет разрабатываются американской психосоциологией; во Франции видную роль в их распространении

сыграл автор ряда известных работ по социологии труда Жорж Фридман.

Предлагаемое буржуазной социологией решение данной проблемы отрывает антикапиталистическое сознание рабочего класса от его объективного положения в производстве. Тем самым ставится под сомнение прочность этого сознания. Если, как утверждают многие западные социологи, неудовлетворенность рабочего своим трудом обусловлена исключительно состоянием техники и организации труда, она не может быть постоянным и прочным мотивом их протеста против капиталистических социальных отношений. Этот протест в таком случае не имеет реальных корней в самом производстве, а склонность части рабочих возлагать на капитализм ответственность за антигуманный характер труда представляет собой своего рода «идеологическую фикцию», навязанную рабочему классу извне. Социологам, отстаивающим подобные взгляды, представляется очевидным, что массы не могут сколько-нибудь долго верить в возможность улучшить свое положение на производстве путем коренного преобразования существующих социальных отношений. Поскольку такое улучшение вообще неосуществимо при нынешнем состоянии техники и разделения труда, рабочие неизбежно убеждаются в иллюзорности этих надежд.

Покорность своей участи, утрата перспективы какого-либо иного положения в труде, равнодушие ко всему, что выходит за узкие рамки частной жизни, потребления, досуга — таковы, по мнению авторов этих концепций, наиболее типичные черты современного рабочего.

Во французской социологической литературе подобная система взглядов наиболее подробно развита в книге А. Андрьё и Ж. Линьона «Современный рабочий». Авторы отнюдь не склонны преуменьшать недовольство рабочих своим положением на предприятии. Это недовольство они объясняют не техникой производства и характером труда, но «особым социальным положением рабочего на месте работы — его подчиненностью»¹. Однако подчиненность рабочего предстает в их изображении только лишь как результат «иерархии власти» на

¹ A. Andrieux, J. Lignon. L'ouvrier d'aujourd'hui. Paris, 1960, p. 25, 26.

предприятии, неизбежного разделения функций между руководителями и исполнителями, т. е., по сути дела, того же разделения труда, обусловленного состоянием техники. Она никак не связана с существующим социальным строем. «Все рабочие в настоящее время убеждены,— утверждают авторы,— что всегда будет нужна административная иерархия, переходящая по логике вещей в иерархию социального положения, и что на этой лестнице человек, выполняющий производительный труд, всегда будет находиться на низшей ступени именно потому, что он выполняет этот труд, а те, кто... управляет, имеют и всегда будут иметь перед рабочими преимущества всех видов»². Оставляя пока в стороне вопрос о соответствии этого вывода фактам (в том числе и мнениям самих рабочих, приводимым в книге), отметим, что при таком подходе к проблеме подчиненности и власти на предприятии совершенно игнорируется ее связь с эксплуатацией. Именно подчиненность непосредственных производителей тем, «кто управляет», а не эксплуатация, оказывается, по Андрее и Линьону, «причиной всех бедствий рабочего: низкого вознаграждения, длительного рабочего дня, системы зарплаты, вызывающей ускоренный темп работы и истощение, принуждения, произвола и т. д.»³. Иначе говоря, организация, предполагающая подчинение рабочего бригадир, мастеру, директору в процессе труда, определяет его сознание, его недовольство и протест, независимо от цели этой организации, ее социального содержания.

Хотя Андрее и Линьон подчеркивают, что «рабочий продолжает существовать как особая социальная фигура»⁴, в их концепции по существу отсутствуют сколько-нибудь четкие критерии специфичности рабочего сознания. В самом деле, вряд ли можно считать таким критерием подчинение в труде. Врач-ассистент подчинен во время операции хирургу, второй пилот — командиру корабля, газетный репортер — заведующему отделом и главному редактору. Все эти люди могут быть недовольны существующей социальной системой, но их недовольство совсем не обязательно обусловлено подчинением

² Ibid., p. 67.

³ Ibid., p. 26.

⁴ Ibid., p. 191.

характером их труда. И наоборот, неудовлетворенность своим положением на работе далеко не во всех обстоятельствах принимает у них определенную социальную окраску. Вместе с тем вряд ли возможно представить себе рабочего капиталистического предприятия, который отделял бы в сознании свое зависимое, несамостоятельное положение в труде от социального неравноправия, от занимаемого им места в социальной системе. А свое социальное неравноправие он видит прежде всего в том, что вынужден работать на другого.

Конечно, зависимость от власти администрации, с которой рабочие сталкиваются в стенах предприятия на каждом шагу, воспринимается ими как один из наиболее непосредственных признаков их неравноправного социального положения. Подавляющее большинство рабочих, опрошенных Андре и Линьоном, на вопрос: «Что вам не нравится на предприятии?» ответили: «Подчинение, зависимость». Однако ответы рабочих обусловлены в данном случае самим характером заданного им вопроса: он мог подразумевать как сравнительную оценку конкретных факторов, создающих обстановку на месте работы, так и мнение анкетированных об их социальном положении на производстве вообще. Большинство рабочих поняли вопрос в первом значении (некоторые из них ответили, что им не нравится шум, темп работы и т. п.), но были и такие, которые пытались вложить в свой ответ более широкий смысл («мне не нравится все»). Когда же рабочим был поставлен вопрос, предполагающий общую характеристику положения их как особой общественной группы («Что такое рабочий?»), на первый план в их ответах выступили отношения эксплуатации. Вот несколько типичных суждений: «Рабочий — это плод, из которого выжимают сок, а потом бросают в мусорный ящик», «Раб, отверженный», «Современный раб, как и его предок..., он трудится не для рода человеческого, но для меньшинства, удерживающего власть и богатство. Он считает себя свободным, так как может сменить эксплуататора. Он пленник паутины, которая накрепко привязывает его к хозяину»⁵. Конкретные особенности

⁵ A. Andrieux, J. Lignon. L'ouvrier d'aujourd'hui, p. 192.

своего положения на производстве (зависимость, условия труда и оплаты, ограниченность прав и социальных гарантий и т. п.) рабочий воспринимает как следствие этих эксплуататорских отношений.

Решающую роль в осознании факта капиталистической эксплуатации играет органически присущая капиталистическому производству тенденция к повышению нормы и массы прибавочной стоимости. Как известно, она порождает целую систему мер, рассчитанных на принуждение к максимально интенсивному труду. В отличие от представителей других социальных групп, рабочий постоянно испытывает давление этой системы, и именно она формирует в его сознании образ отношений, господствующих на предприятии.

Функции непосредственного принуждения к труду выполняет на предприятии низший и средний административный персонал, представители «работы надзора». В условиях низкого уровня механизации и специализации функций рабочих мастеру в значительной мере принадлежит роль самостоятельного организатора труда внутри цеха; с развитием же узкоспециализированного, тщательно организованного сверху труда он становится главным образом представителем власти дирекции и исполнителем ее распоряжений⁶, надзор и дисциплинарные функции занимают преобладающее место в его деятельности. Как отмечал К. Маркс, «техническое подчинение рабочего однообразному движению средства труда и своеобразное составление рабочего организма из индивидуумов обоего пола и самых различных возрастов создает казарменную дисциплину, которая развивается в заверченный фабричный режим и доводит до полного развития... труд надзора, а вместе с тем и разделение рабочих на исполнителей и надсмотрщиков за трудом, на промышленных рядовых и промышленных унтер-офицеров»⁷.

Ален Турэн, исследовавший роль мастера в 40—50-х годах, приходит к выводу, что «социальная пропасть» между мастерами и рабочими не стала менее глубокой по сравнению с началом века: «Во Франции... в боль-

⁶ A. Touraine. L'évolution du travail ouvrier aux usines Renault. Paris, 1955, p. 150—155.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 434, 435.

шинстве случаев господствует самая узкая техницистская точка зрения — мастера тесно связаны с дирекцией». В качестве разительного примера антирабочей социальной позиции мастеров автор ссылается на парадоксальную ситуацию, которая создалась на некоторых национализированных предприятиях в первые годы после Освобождения. В особых политических условиях того периода дирекция предприятий пыталась сблизиться с рабочими организациями, а мастера противостояли этой тенденции, «оказывались в оппозиции и к дирекции, и к рабочим»⁸.

Поведение и психология мастеров в значительной мере определяются тем, что большинство их — бывшие рабочие, «выдвинутые» не столько за какие-либо профессиональные качества и знания, сколько за то, что их сочли подходящими для выполнения социальной функции надзора. По свидетельству Д. Моте (рабочего заводов Рено, автора книг о жизни рабочего класса), в мастера выдвигают тех, «кто более всего предан дирекции, обладает качествами шефа, руководителя, а на языке рабочих — сторожевого пса»⁹. «Привилегированное» положение мастеров (относительно высокая зарплата, право командовать и т. д.) является — и объективно, и в сознании рабочих и самих мастеров — главным образом платой за их преданность дирекции. Результаты социально-психологических обследований, проводимых на предприятиях, обычно показывают, что мастера — наиболее «конформистская» группа персонала. Они чаще других трудящихся выражают удовлетворение получаемой зарплатой, политикой дирекции, враждебны профсоюзам и стачечным выступлениям¹⁰.

Функции надзирателей и «погоняльщиков», определяющие специфический психологический облик и стиль поведения «унтер-офицеров промышленности», самым непосредственным образом выражают в глазах рабочих тот стяжательский, эксплуататорский интерес, которому служит их труд. Именно поэтому, объясняя причины своей неудовлетворенности трудом, рабочие обычно го-

⁸ A. Touraine. Op. cit., p. 160.

⁹ D. Mothé. Journal d'un ouvrier (1956—1958). Paris, 1959, p. 16, 17.

¹⁰ O. Benoit, M. Maurice. Les relations entre direction et salariés, t. I. Paris, 1960 (ronéo), p. 41, 254, 341, 358.

ворят о «шефе за спиной», который придирается к рабочему, не считается с ним. По свидетельству Андрюэ и Линьона, рабочим особенно свойственно чувство, что они вынуждены подчиняться несправедливым, необоснованным распоряжениям. Так, одна из опрошенных ими работниц заявила: «Раздражает не обязанность подчиняться приказам, когда они справедливы, но быть всегда в подчинении»¹¹. Это проводимое рабочими различие между «справедливыми» приказами и необоснованными «придирадками» показывает, что они отличают необходимое в современной промышленности техническое руководство от надзора и понукания, обусловленных не потребностями самого производства, но погоней за прибылью. Соответственно «шеф за спиной» воспринимается не столько как руководитель трудового процесса¹², сколько как представитель корыстных интересов, коренным образом враждебных рабочему.

Мастера, по замечанию одного из руководителей службы персонала заводов Рено, «обеспечивают непосредственный контакт с персоналом, и от них в значительной мере зависит улучшение трудовых отношений в цехе»¹³.

Подобный взгляд на роль мастера — относительно недавнего происхождения: в руководящих кругах французской промышленности он получил распространение лишь в послевоенный период. Идет он от американской теории и практики «человеческих отношений». Уже основатели этой теории пришли к заключению, что поведение представителей низшей администрации — один из главных факторов, определяющих отношение трудящихся к предприятию. Отсюда были сделаны и практические выводы. Логика здесь довольно простая, именно мастер наиболее непосредственно олицетворяет для рабочего гнетущую его власть хозяев производства. Следовательно, если удастся рассеять у рабочих подобное представление, психологически сблизить мастера с подчинен-

¹¹ «Cahiers d'étude de l'automation...», 1962, № 4, p. 12; A. Andrieux, J. Lignon. Op. cit., p. 83, 92.

¹² Специализированные рабочие видят в мастере человека, абсолютно чуждого бригаде как производственной единице («Sociologie du travail», 1960, № 4, p. 314, sqq.).

¹³ «Journées d'études sur les Relations Humaines dans l'entreprise». Caen, 1960, p. 184.

ными, социальные антагонизмы, раздирающие любое капиталистическое предприятие, будут значительно ослаблены.

Для достижения этой цели на многих крупных французских предприятиях применяются разработанные социологией «человеческих отношений» способы «перевоспитания» мастеров — от них требуют отказа от «авторитарного поведения», их учат советоваться с рабочими, обсуждать с ними производственные вопросы. Мастер должен основывать свою власть на силе авторитета, добиваться положения «морального лидера» производственного коллектива (подробнее о политике «человеческих отношений» см. в гл. 9 настоящей работы). По свидетельству Д. Моте, дирекция заводов Рено требует от мастера соблюдать «закон вежливости», «они с большим или меньшим успехом применяют его в ущерб старым авторитарным методам цеховых деспотов»¹⁴.

Подобный пересмотр традиционных способов командования может приносить больший или меньший эффект в зависимости от психологических особенностей и уровня развития рабочих, по отношению к которым эти способы применяются. Однако, поскольку новый «стиль поведения» мастеров не меняет, но лишь маскирует их истинные социальные функции, его психологическое воздействие всегда ограничено. Это подтверждается и конкретными исследованиями. Так, лишь 27% опрошенных рабочих одного из крупных машиностроительных предприятий, обучившего свой низший административный персонал методам «человеческих отношений», положительно отзывались о справедливости мастера и примерно треть о возможности взаимопонимания с ним¹⁵.

Таким образом, подавляющее большинство рабочих не удалось убедить в объективности и справедливости мастеров, психологически сблизить с ними. К аналогичным выводам привело исследование, проведенное на табачных фабриках: его авторы следующим образом суммируют отношение рабочих к новому стилю «командования»: «Вы говорите, что вы — друзья рабочих, но, по сути дела, хотите лишь увеличить выработку... Только

¹⁴ D. Mothé. *Militant chez Renault*. Paris, 1965, p. 32.

¹⁵ O. Benoit, M. Maurice. *Op. cit.*, p. 384, 385.

потому, что не смеее сказать об этом прямо, вы прибегаете к таким уловкам»¹⁶.

Каков бы ни был абсолютный размер заработка рабочего, повседневный опыт жизни в цехе убеждает его в том, что из него хотят выжать возможно больше труда за ту же или меньшую зарплату. В условиях частной собственности на средства производства подобная практика непосредственно формирует у трудящихся сознание эксплуатации, представление о хозяевах как органически враждебной им силе. Она же определяет их отношение к существующей организации производства, к власти хозяина или дирекции: власть эта воспринимается прежде всего как орудие давления на интересы рабочих, выжимания из них неоплаченного труда.

Непосредственное понуждение к труду — отнюдь не самое эффективное средство повышения его интенсивности. С одной стороны, представляя собой наиболее обнаженное проявление эксплуатации, оно неизбежно наталкивается на активное или пассивное сопротивление рабочих. Чтобы преодолеть это сопротивление, капиталисту пришлось бы выделять все большую долю своей прибыли на оплату труда по надзору. С другой стороны, чисто дисциплинарная система стимулирования труда рабочих может быть действенной только в том случае, если она подкрепляется реальной угрозой увольнения. Однако капиталистическое предприятие далеко не во всяких экономических и социальных условиях может широко и без ущерба для своих интересов применять это крайнее средство. Отсюда возникающая уже на ранних стадиях развития капитализма необходимость в дополнении дисциплинарного стимулирования стимулированием материальным. Последнее принимает самые разнообразные формы, но свое наиболее полное выражение находит в системе сдельной заработной платы.

Маркс прямо связывал сдельную (поштучную) заработную плату с сокращением труда по надзору и вместе с тем считал ее формой заработной платы, наиболее соответствующей капиталистическому способу производ-

¹⁶ M. Crozier, C. Eichlsky. *Le climat humain dans les manufactures de tabac de l'Etat*. Paris, 1958 (ronéo), p. 11, 13.

ства¹⁷. Последующее развитие организации труда и зарплаты на капиталистических предприятиях вполне подтвердило правильность этого вывода. Основная тенденция эволюции форм зарплаты на протяжении ряда десятилетий — разработка новых, все более разнообразных методов материального стимулирования, оплаты по количеству и качеству труда, соответствующих меняющимся техническим и социальным условиям. С появлением тейлористской «научной организации труда» под сдельщину была подведена новая база — нормирование труда рабочих, производимое с помощью хронометража. Сдельщина стала составной частью «научной» системы выжимания пота.

Дальнейший технический прогресс (внедрение конвейеров с принудительным ритмом, автоматических машин, аппаратурных процессов и т. п.) сузил сферу применения индивидуальной сдельщины и объективно увеличил значение повременной оплаты. Однако многие современные системы повременной зарплаты предусматривают зависимость заработка рабочего не только от количества проработанных им часов, но и от выработки бригады, цеха, завода, от «прилежания», «заслуг» и тому подобных качеств работника, оцениваемых администрацией предприятия. Иными словами, эти системы содержат значительный элемент сдельщины, чем они существенно отличаются от традиционной, «чистой» повременной зарплаты¹⁸. В подобных системах проявляется как отмеченная выше тенденция к использованию материального стимулирования в целях интенсификации труда, так и стремление смягчить классовые противоречия, добиться «интеграции» рабочих в предприятие.

В задачу настоящей работы не входит описание и анализ многообразных современных форм заработной платы. Ограничимся лишь изложением некоторых данных, характеризующих психологическое воздействие системы зарплаты на рабочих капиталистического предприятия.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 666.

¹⁸ Подробнее об этом см. М. Г. Мошенский. Формы и системы заработной платы в промышленности капиталистических стран. М., 1961; он же. Методы стимулирования улучшения производственных показателей на капиталистических предприятиях — «Социалистический труд», 1965, № 2.

Несмотря на развитие в ряде отраслей французской промышленности новейших повременных или, вернее, смешанных форм зарплаты, индивидуальная сдельщина продолжает оставаться одной из наиболее распространенных систем оплаты труда рабочих. По материалам обследования 1960 г. процент рабочих, получающих зарплату по выработке, в разных отраслях промышленности составлял:

Металлургия	58,2
Металлообработка и электротехническая промышленность . .	39,9
Промышленность стройматериалов, стекольная, керамическая	34,5
Химическая	27,4
Текстильная	43,
Швейная	36,33

Более всего сдельщина типична для крупного серийного производства: на предприятиях с персоналом более 100 человек она охватывает почти 40% рабочих, в то время как в обрабатывающей промышленности в целом лишь 29,7%¹⁹.

В 1957—1958 гг. в металлообрабатывающей промышленности парижского района по индивидуальной выработке оплачивалось 56% рабочих, в том числе 64,3% «специализированных» и 40,5% квалифицированных. Повременную зарплату получают в основном чернорабочие, складские рабочие, квалифицированные рабочие по наладке, контролю и ремонту оборудования, рабочие, выполняющие особенно точные, требующие высокого качества операции, а также занятые на мелких предприятиях, где нет серийного производства: характер заданий часто меняется и поэтому трудно учесть выработку²⁰. Сдельная зарплата типична для менее квалифицированных и специализированных рабочих, занятых в обработке (станочников, операторов), т. е. именно для тех «частичных» работников, которые представляют наиболее массовый слой французского пролетариата. Отношения,

¹⁹ «Revue française du travail», 1961, № 2.

²⁰ M. Guilbert. Rémunération au temps et rémunérations au rendement.— «Sociologie du travail», 1960, № 2. Повременная зарплата более всего распространена в строительстве, в полиграфической и пищевой промышленности (см. «Revue française du travail», 1961, № 2).

порождаемые современными формами сдельщины, оказывают глубокое воздействие на сознание миллионов тружеников промышленности.

Каково это воздействие? Как известно, отличительной чертой сдельщины является особо эффективная мифификация отношений купли-продажи рабочей силы. Она внушает рабочему иллюзию, будто размер его зарплаты зависит главным образом от его собственных трудовых усилий, от его способности превзойти выработку своих товарищей, и тем самым питает индивидуализм и конкуренцию в рабочей среде²¹. Если рабочий склонен связывать свой жизненный уровень не столько со своим социальным положением, сколько с собственным «усердием» в труде, его способность к осознанию и защите коллективных классовых интересов оказывается значительно ослабленной.

Казалось бы, психологическое воздействие индивидуальной сдельщины должно было бы обеспечить ей роль наиболее предпочтительной для предпринимателей формы зарплаты. Однако в действительности сдельная зарплата испытывает своего рода «моральный кризис». В предпринимательских кругах все большее распространение получают концепции, призывающие к отказу от зарплаты по индивидуальной выработке²². И дело здесь не только в изменении технических условий. Отказ толкуется как «шаг к примирению руководителей с работниками», как коренное улучшение «климата» предприятия и т. п.

Таким образом, несмотря на очевидные «преимущества» сдельщины она в конце концов стала рассматриваться как серьезная помеха к установлению «классового мира».

Подобный результат совершенно закономерен. Сдельную зарплату в условиях капитализма отличает непримиримое противоречие между ее формой и подлинной целью. Обещая большее вознаграждение за больший труд, она на деле является средством получить больше

²¹ Ж. Фриш, выполнявшая обязанности делегата персонала (от ВКТ) на одном из парижских предприятий, рассказывает, что некоторые рабочие не хотят сообщать кому бы то ни было размер своей премии («Cahiers d'étude de l'automatisme», 1962, № 4, p. 57).

²² Журнал «Sociologie du travail» посвятил специальный номер проблеме кризиса зарплаты по выработке (1964, № 2).

труда за ту же (или меньшую) зарплату. Она не могла бы удовлетворить этой цели, если бы каждое повышение средней интенсивности труда не сопровождалось соответствующим снижением оплаты за единицу произведенной продукции. Эта закономерность эволюции сдельщины была вскрыта Марксом, отмечавшим, что «поштучная плата понижается в том самом отношении, в каком возрастает число штук товара, произведенного в течение одного и того же времени, следовательно, в том самом отношении, в каком уменьшается рабочее время, затрачиваемое на одну штуку»²³. Сущность сдельщины как превращенной формы повременной зарплаты и цены рабочей силы проявляется здесь особенно ярко.

Поскольку отмеченное противоречие сдельной зарплаты непосредственно сказывается на положении рабочих, они на собственном опыте убеждаются в том, что интенсификация их трудовых усилий ведет в конце концов не к росту, а к снижению заработков. «Освоение» этого опыта рабочими развивает их сопротивление данной форме выкачивания прибавочной стоимости.

В современной капиталистической промышленности индивидуальная зарплата по выработке обычно включает в себя фиксированный минимум и надбавку, выплачиваемую в зависимости от объема перевыполнения нормы. Постоянная цель администрации предприятия состоит в увеличении норм: чем выше норма, тем более велик необходимый темп труда рабочего и тем ниже размер его зарплаты. Поэтому при данной форме зарплаты борьба развертывается прежде всего вокруг норм. Последние определяются на основе хронометража и, следовательно, величина нормы зависит в первую очередь от того, в каком темпе трудится «испытуемый» (т. е. подвергаемый хронометражу) рабочий. Своеобразная психологическая атмосфера, которая создается в цехе во время проведения хронометража, следующим образом описана П. Ролем:

«Появление хронометражиста в цехе вызывает враждебность, более или менее интенсивную, более или менее скрытую. Машины меняют тон, жесты становятся кропотливыми, рабочие старательно снижают эффективность труда». Медленнее обычного работает не только

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 23, стр. 568.

рабочий, подвергаемый хронометражу, но и его товарищи по цеху. Это делается, по словам одного из них, для того, чтобы «помочь парню, поддержать его». Другой рабочий так оценивает значение этой поддержки: «Хронометражист говорит мне: „Вы работаете медленно“, а я ему: „Работаю так же быстро, как любой другой, можете проверить“»²⁴.

Пересмотр темпов и норм очень часто приводит к возникновению стачек. Однако для борьбы вокруг этих вопросов особенно характерно, что она идет не только во время стачек, является постоянным фактом в жизни любого капиталистического предприятия. И это понятно, ибо она порождается не какими-либо эпизодическими, более или менее устранимыми эксцессами в политике предпринимателей, а основным законом жизни предприятия — стремлением к повышению прибыли. Замедление темпов труда является в руках рабочих таким оружием, которое они могут применять именно повседневно и ежедневно, в «нормальных» условиях производства, когда не возникает открытого конфликта.

Острая борьба вокруг темпов и норм характерна даже для таких предприятий, где нет профсоюза, сопротивление рабочих значительно ослаблено, господствует атмосфера страха перед хозяином. Ж. Фриш, обследовавшая одно из таких предприятий, где рабочие (в основном женщины) боялись быть затопозренными даже в простом членстве в профсоюзе, отмечает, что в цехах тем не менее существует «климат постоянной борьбы против темпов, сопровождаемой определенной оборонительной солидарностью», «во время хронометража страха уже нет»²⁵.

Непосредственный материальный интерес рабочего состоит в защите более низкой нормы, которая обеспечивает ему менее изнурительный труд и большую зарплату. Но чтобы обеспечить себе такую норму, он должен бороться за нее в самом процессе своего труда. И борьба эта далеко не легка, она требует максимального напряжения внимания и воли рабочего. Скорость многих его движений обусловлена физиологически, чтобы замедлить их, рабочему приходится преодолевать сопро-

²⁴ «Cahiers d'étude de l'automatisme...», 1962, № 4, p. 16—18.

²⁵ Ibid., p. 47—48.

тивление собственного организма. Стоит ему на какую-то долю минуты ослабить сознательный контроль, это немедленно фиксируется хронометражистом. Вот как описывает свою работу один из хронометражистов, опрошенных Ролем: «Я был рабочим и знаю трюки... Я жду, пока парень не начнет нервничать или он больше не думает обо мне какие-то мгновения. Всегда есть такие моменты»²⁶.

Именно повседневный опыт отношений в цехе формирует специфический психологический облик рабочего-сдельщика. Чтобы отстоять свой жизненный уровень и сохранить здоровье, он даже трудовые жесты подчиняет целям борьбы с хозяевами, с начальством, которое неизменно выступает как враждебная, давящая на него сила. Пока идет такая борьба, никакие заверения в «общности интересов» персонала и дирекции не могут ослабить у рабочих сознание антагонизма, порождаемого эксплуатацией.

Вместе с тем именно борьба преодолевает индивидуализм, развивает потребность во взаимной поддержке и чувство солидарности. Так, рабочий, подвергаемый хронометражу, защищает интересы товарищей и ощущает их поддержку.

Отсюда, разумеется, не следует, что раз достигнутые солидарность и способность к коллективному сопротивлению автоматически устраняют действие причин, порождающих индивидуализм и конкуренцию среди рабочих. И дело здесь не только в том, что сдельщина приучает рабочего видеть в собственных усилиях средство увеличить зарплату. Рабочий, выделяющийся высокой интенсивностью своего труда, не только обеспечивает себе на какое-то время больший заработок, но и приобретает определенный шанс на продвижение внутри предприятия (получение более высокого квалификационного разряда, перевод в бригадиры или мастера и т. п.). Для трудящихся, которые при существующих социальных отношениях зачастую не видят иных возможностей улучшить условия своей жизни и труда, подобная перспектива может представлять известную привлекательность. На этой почве в цехе нередко возникает фигура «выслуживающегося» рабочего, «подлипалы».

²⁶ Ibid., p. 21.

Такие люди, по словам одного рабочего, «покорны начальникам, распластываются перед ними так, что тошно смотреть. Когда приходит мастер, они дрожат, беспрекословно повинуются ему, работают с дикой скоростью»²⁷. Именно из числа «подлипал» цеховая администрация стремится отбирать рабочих для хронометража.

Характерно, что выслуживаются перед начальством чаще всего «новички», молодые по возрасту рабочие или выходцы из иных социальных слоев, лишь недавно попавшие на производство. На их поведении сказывается отсутствие достаточного опыта жизни в цехе, слабость связей с рабочей средой. Со временем многие из них, испытав силу солидарности, влияние товарищей по цеху, перестают отличаться по своему образу действий и психологии от основной массы рабочих.

Буржуазные экономисты и менеджеры считают главным «недостатком» сдельщины ее неспособность преодолеть сопротивление рабочих росту интенсивности труда²⁸. Даже в своей пассивной форме («торможение» темпов работы) это сопротивление обладает значительной действенной силой. В тех же случаях, когда происходит реальное увеличение темпов и норм, возникает трудно устранимая угроза развития стачечных конфликтов. Поэтому не только в автоматизированном производстве, но и на предприятиях, на которых технические условия делают возможным сохранение сдельщины, проявляется тенденция к замене ее иными формами зарплаты. Особенно широко такая замена осуществляется на предприятиях с высокой конкурентоспособностью и повышенной по сравнению с другими предприятиями зарплатой: рабочего принуждают к особо интенсивному труду угрозой увольнения, означающего для него потерю «привилегированного» материального положения.

Как же воздействуют новые формы заработной платы на характер индустриальных отношений и психологию работников капиталистического предприятия? Для от-

²⁷ «Cahiers d'étude de l'automation...», 1962, № 4, p. 22.

²⁸ «Преимущества сдельной зарплаты все чаще ставятся под сомнение: рабочие боятся, прилагая большие усилия, привести к повышению нормы» (F. Sellier. A. Tiano. Economie du travail. Paris, 1961, p. 176).

вета на этот вопрос представляют интерес результаты обстоятельного исследования Г. Кэра, посвященного организации производства и социальным отношениям на нефтеперерабатывающем заводе фирмы Шелл в Берр²⁹. Завод в Берр принадлежит к числу наиболее автоматизированных и вместе с тем «процветающих» предприятий французской промышленности. Новейшие тенденции социальной политики капитализма поэтому проявляются здесь в наиболее полном виде. С другой стороны, формы зарплаты, применявшиеся на предприятии в 50-х годах (период, к которому относится исследование Кэра), в своих основных чертах достаточно типичны для современных систем оплаты труда вообще. К числу этих основных черт принадлежит прежде всего значительный удельный вес в зарплате различных коллективных и индивидуальных премий («премии предприятия», «бригадные премии», «участие в прибылях» и т. д.). На Шелл выплачивается премия за производительность (надбавка к зарплате в пропорции, соответствующей приросту стоимости продукции предприятия), за «усидчивость» (т. е. за отсутствие пропусков и опозданий), «за заслуги» и ряд других. Одна только премия за производительность равна 22% зарплаты, а в сумме все премии составляют примерно 80% заработка рабочего.

Тарифные ставки рабочих определяются на Шелл с помощью системы показателей, учитывающих, с одной стороны, характер его труда (степень требуемой ответственности и квалификации, условия труда и т. д.), а с другой — его индивидуальные качества, в том числе знания и опыт, «профессиональное сознание», пунктуальность, прилежание, способность к экономии материалов и оборудования. В зависимости от оценки индивидуальных качеств рабочего его зарплата может повышаться или снижаться на 18—20%. Кроме того, совершенно аналогичная работа оплачивается неодинаково в различных производственных единицах предприятия: на агрегат с более высокой зарплатой переводятся особо «отличавшиеся» рабочие. Кэр закономерно сближает эту систему с «оценкой работ» (job evaluation), одним из наиболее типичных для новейших форм организации

²⁹ G. Caire. Le syndicalisme et l'automation. Aix-en-Provence, 1960.

труда методов установления тарифных ставок³⁰ (хотя официально «оценка работ» на Шелл не применяется).

Легко заметить, что формы оплаты труда, обусловленные техникой производства, тесно переплетаются в данном случае с такими методами материального стимулирования, которые направлены на психологическое «приобщение» трудящихся к интересам капиталистического предприятия и подрыв их классовой солидарности. Премия за производительность в условиях высокоавтоматизированного производства, темп функционирования которого не зависит от индивидуального темпа труда каждого рабочего, может носить лишь коллективный характер. С другой стороны, рабочий как-будто непосредственно заинтересован в повышении производительности труда всего предприятия: оно увеличивает его заработок и в то же время не грозит ему, как при индивидуальной сдельщине, повышением нормы. Таким образом, на первый взгляд, здесь не существует того источника социальных конфликтов, каким является при традиционной сдельщине вопрос о темпах и нормах. В то же время естественные при работе на автоматическом оборудовании критерии оплаты труда (оценка рабочего места) дополняются такими показателями, которые ставят зарплату рабочего в зависимость от его «лояльности» по отношению к предприятию и администрации. Оценка индивидуальных качеств рабочего и выплата ему премий, в том числе даже премии за производительность, целиком зависят от представителей администрации и используются не только в качестве вознаграждения за «усердный труд», но и как орудие в классовой борьбе (так, профсоюзных активистов неоднократно лишали причитающихся им премий). К тому же сама система индивидуальной оценки рабочего места и качеств рабочего затемняет общие интересы рабочего коллектива в его отношениях с собственниками предприятия и способствует развитию индивидуализма, стремлений к «продвижению» внутри завода. Эта ее особенность, разумеется, широко используется дирекцией: классификация рабочих мест во многих случаях носит искусственный, не обусловленный объективными техническими дан-

³⁰ См. М. Г. Мошенский, *Формы и системы заработной платы*,..., стр. 34.

ными характер, что позволяет максимально разобщать рабочих и увеличить число «ступенек», стимулирующих желание «продвижения».

Разумеется, методы материального стимулирования, применяемые при новых формах зарплаты, маскируют свою подлинную цель — увеличение доли неоплаченного труда — значительно тоньше и тщательнее, чем сдельная зарплата. Рабочему гораздо проще понять то значение, которое имеет для него хронометраж и повышение нормы, чем разобраться в смысле сложных подсчетов коллективных премий. Однако, как показывают факты, рано или поздно трудящиеся разгадывают то давление на их жизненный уровень, которое осуществляется под вывеской «общности интересов». Именно это и произошло на заводе Шелл-Берр.

Уже через год после установления премии за производительность (в 1953 г.) дирекция изменила в ущерб персоналу первоначальную формулу ее подсчета, а впоследствии был совершенно преобразован самый ее принцип. Если вначале премия определялась путем сравнения уровня производства в данном квартале с исходным уровнем, то с 1954 г. она стала начисляться в зависимости от выполнения и перевыполнения плана роста производства и производительности труда. Таким образом, плоды предшествующего роста производительности были отняты у трудящихся и целиком присвоены хозяевами предприятия. Иными словами, та закономерность, которая при обычной сдельщине выражается в увеличении норм, проявилась здесь с той же неизбежностью и лишь в несколько иной форме. Ее реальность, по сути дела, признала дирекция завода, заявив по данному поводу, что «преимущества, связанные с ростом производительности, не могут сохраняться очень долго».

Контролирующая подсчет премий «комиссия по производительности», состоящая из представителей дирекции и персонала и задуманная как орган классового сотрудничества, очень скоро превратилась, по выражению Кэра, в центр «столкновения непримиримых интересов». Представители персонала добились более регулярной (ежеквартальной) выплаты премии, решительно выступали против всех односторонних решений дирекции об изменении способов ее подсчета. Борьба, которую они вели внутри комиссии, отражала настроения основ-

ной массы рабочих предприятия. Ярким показателем этих настроений является то влияние, которое сохранила на Шелл-Берр профсоюзная организация ВКТ, неизменно боровшаяся против социальной политики дирекции и ее маневров в области зарплаты: на всех выборах в комитет предприятия и делегатов персонала кандидаты ВКТ получали в 1951—1955 гг. большинство голосов рабочих и служащих.

Изменившиеся условия производства и оплаты труда порождают и известные сдвиги в сознании, приводят к изменению средств и непосредственных целей массовой борьбы.

Коллективные премии и оценка рабочих мест разрывают связь между трудовыми усилиями рабочего и его заработком. Зарплата все в меньшей степени определяется объективными, измеримыми результатами индивидуального труда рабочего. Это обстоятельство создает, как мы видели, добавочные возможности подавления классовой солидарности: чтобы заработать больше, рабочий должен не просто трудиться с повышенной интенсивностью, но «понравиться» начальнику, что, разумеется, несовместимо с участием в коллективной борьбе. На многих «современных» предприятиях подобные формы зарплаты действительно удается использовать в качестве фактора, серьезно тормозящего развитие классовой борьбы и боевого классowego сознания. Так, дирекция автоматизированного металлургического завода фирмы Соллак в Лотарингии использует в этих целях практику «пересмотра» оценки рабочих мест тех рабочих, которые не проявляют требуемой «лояльности». Таким образом, рабочему внушается убеждение, что уровень его зарплаты зависит прежде всего от его личных отношений с администрацией. По наблюдению Ш. Бельвиля, подобная практика способствует значительному развитию индивидуализма в сознании рабочих³¹.

Нельзя вместе с тем не видеть, что те же системы зарплаты содержат и противодействующую тенденцию, в них заложены предпосылки нового развития активной и сознательной классовой солидарности трудящихся. Чем меньше заработок рабочего обусловлен количеством его

³¹ Ch. Belleville, *La nouvelle classe ouvrière*. Paris, 1963, p. 80.

собственного труда, тем в большей мере он воспринимает его как часть зарплаты всего коллектива и, следовательно, более непосредственно связывает свое материальное положение со всей совокупностью социальных отношений на предприятии. При индивидуальной сделке рабочего может возмущать размер его личной нормы, темп, навязанный ему обслуживаемой им машиной, поэтому его протест нередко направлен лишь против данной конкретной «несправедливости»³². Но изменить в пользу рабочих способ подсчета коллективной премии или систему классификации рабочих мест можно только в рамках всего предприятия, путем коллективной борьбы. Не случайно внедрение новых систем зарплаты во многих случаях сопровождается усилением боевой активности трудящихся. Так, профсоюзные активисты французских металлургических заводов констатируют, что «развитие коллективных премий увеличивает солидарность персонала и облегчает успех перебегающих забастовок»³³.

Современные формы оплаты труда не только развивают солидарность трудящихся, но и придают их повседневной борьбе большую сознательность и организованность. При традиционных системах зарплаты цели, за которые борются рабочие, формулируются с предельной простотой, кажутся само собой разумеющимися: снижение норм, повышение на столько-то процентов почасовых ставок и т. п. В этих условиях участие масс в борьбе зачастую носит пассивный характер: собственная боевая активность проявляется лишь в коллективном замедлении темпов труда либо в голосовании за стачку и последующем невыходе на работу.

Усложнение методов эксплуатации и оплаты труда значительно затрудняет выработку целей и требований, выдвигаемых в ходе массовых действий. Способу под-

³² Например, рабочий жалуется администрации предприятия на хронометриста или мастера, завывшего его норму, или доказывает, что производимая им операция ставит его, с точки зрения выработки, в менее благоприятные условия по сравнению с другими рабочими. На многих предприятиях, применяющих сделчину, такие индивидуальные (или относящиеся к небольшим группам рабочих) требования выдвигаются гораздо чаще, чем коллективные, выражающие интересы всех рабочих (J. Frisch. *Op. cit.*, p. 48, 52, 53). Понятно, что это затрудняет организацию коллективной борьбы.

³³ «Sociologie du travail», 1964, № 2, p. 162.

счета премий, применяемому дирекцией, надо противопоставить свой, разработать соответствующую интересам всего коллектива систему классификации рабочих мест, уметь аргументировать экономически свои требования, опровергнуть возражения дирекции. Естественно, что трудящиеся стремятся лучше разобраться в этих проблемах, понять, в чем именно состоят их интересы, за какие конкретные цели надо бороться. Их внимание все больше концентрируется поэтому на экономических аспектах жизни предприятия.

Исходящая от администрации пропаганда «заинтересованности» персонала в росте производительности труда играет в подобных случаях роль своего рода бумеранга. Правда, как отмечают многие наблюдатели, на заводах с коллективными премиями рабочие действительно проявляют заинтересованность в бесперебойном ходе производства: от него зависит зарплата всего коллектива. Но, слыша на каждом шагу разговоры об «автоматическом» росте премии с повышением производительности труда, рабочие испытывают растущую потребность проверить эти обещания. Так, на заводе Шелл введение премии за производительность резко повысило интерес персонала к делам предприятия. На другом автоматизированном предприятии — заводе строительных блоков «Плакоплатр» — многие рабочие выражали в ходе проводимой среди них анкеты требования вывешивать цифры месячного производства. При этом более половины опрошенных рабочих заявили, что премия за производительность начисляется совершенно произвольно. «Хозяин дает, сколько он хочет, — говорили они. ...В целом мы получаем столько же, сколько раньше»³⁴.

Коллективные формы зарплаты, ее декларируемая связь с производительностью обостряют, таким образом, внимание рабочих к экономическим аспектам взаимоотношений с предпринимателями, развивают у них понимание механизма эксплуатации. Протест против произвола дирекции в вопросах зарплаты становится столь же важным мотивом в их настроениях, сколь протест против недостаточной зарплаты и других особенностей их положения в производстве. Вместо ожидаемого «при-

³⁴ P. Naville. L'automation et le travail humain: Paris, 1961, p. 612, 613.

мирения интересов» результатом новых форм зарплаты становится более глубокое осознание социального антагонизма на предприятии.

Некоторые авторы пытаются толковать даже такие факты как проявление «интеграции» рабочих в предприятие. Но можно ли считать «интеграцией» повышение интереса к делам предприятия, которое на практике лишь усиливает у рабочих убеждение, что предприятие функционирует и управляется вопреки их интересам, что они отстранены от реального участия в плодах его экономической деятельности? Если же под «интеграцией» подразумевается активизация борьбы рабочего коллектива в рамках предприятия, то самый этот термин теряет какой-либо смысл: повседневная экономическая борьба всегда концентрировалась прежде всего на предприятии, и меняются в данном случае не сфера, а непосредственные мотивы и цели борьбы, причем это изменение никак нельзя свести к явлению «интеграции».

Сложные экономические вопросы, возникающие перед трудящимися с развитием новых форм зарплаты, можно решить в их интересах только при условии квалифицированного руководства борьбой, лишь в рамках обеспечивающих такое руководство классовых организаций. Поэтому роль этих организаций — и объективно, и в сознании масс — значительно возрастает. В результате они проявляют более глубокую заинтересованность в повседневной деятельности профсоюзов.

Опрос, проведенный на одном из заводов, где применяется система коллективных премий, показал, что большинство рабочих интересуются экономическими делами предприятия, не удовлетворено информацией, которую представляет дирекция, и внимательно следит за экономической информацией, поступающей от профсоюзов. Об информации со стороны дирекции рабочие говорят: «Невозможно проверить, откуда берутся цифры и соответствуют ли они действительности», а профсоюз, по их мнению, помогает им быть «в курсе дел предприятия»³⁵. Очевидно, интерес к экономическим аспектам жизни предприятия является в подобных случаях одним из важных источников влияния профсоюза: он удовлетворяет потребность трудящихся в объективном, не зави-

³⁵ O. Benoit, M. Maurice. *Op. cit.*, p. 183, 190, 243—245; 347.

сящем от корыстных интересов предпринимателя анализе усложнившегося механизма эксплуатации.

На большинстве французских предприятий, в том числе отличающихся высоким накалом классовой борьбы, процент членов профсоюзов относительно невелик: можно активно участвовать в стачках, но не быть членом профсоюза. Совершенно иное положение на многих высокоавтоматизированных предприятиях, применяющих новые формы зарплаты: здесь профсоюзы зачастую охватывают большинство персонала⁸⁶. Солидарность трудящихся в большей мере проявляется здесь в массовом участии в организованном рабочем движении. Новые условия труда и его оплаты порождают более сознательное, рациональное отношение работников промышленности к стоящим перед ним социальным проблемам и тем самым создают основу для роста их активности в общественной жизни.

Эволюция методов материального стимулирования является вместе с тем одним из факторов, значительно расширяющих цели повседневной экономической борьбы рабочего класса. Эксплуататорская сущность этих методов выражается, в частности, в том, что они увеличивают необеспеченность, нестабильность материального положения трудящихся. Повышение нормы или снижение различного рода премий служит в руках предпринимателей средством переложить на плечи трудящихся издержки конъюнктурных колебаний и конкурентной борьбы, сохраняя в неприкосновенности свои прибыли⁸⁷. Увеличение доли нестабильного элемента в зарплате придает все большую остроту проблеме гарантий, обеспеченности жизненного уровня рабочего класса.

Важность этой проблемы в той или иной мере всегда ощущалась рабочими массами. Уже сопротивление пересмотру норм (или расценок при поштучной зарплате) выражает их стремление обеспечить определен-

⁸⁶ В нефтеперерабатывающей промышленности членами профсоюзов являются до 70% трудящихся, в ряде других отраслей примерно — 20% («Les nouveaux comportements politiques de la classe ouvrière». Paris, 1962, p. 49, 50).

⁸⁷ На одном из заседаний комиссии по производительности завода Шелл-Берр представитель дирекции прямо заявил: «Нормально, что персонал через посредство премий испытывает на себе успехи и неудачи компании» (G. C a i r e. Op. cit., p. 136).

ный уровень зарплаты. Традиционные формы сдельной, повременной (почасовая тарифная ставка) и смешанной сдельно-повременной зарплаты (почасовая ставка плюс надбавка за перевыполнение нормы) резко ограничивают возможность борьбы за гарантированный заработок. Их основной принцип состоит как раз в отсутствии гарантий, в зависимости заработка от индивидуальной производительности и количества проработанных часов. Современная же эволюция форм оплаты демонстрирует рабочим реальность более твердо фиксированной зарплаты. Такие методы, как, например, оценка рабочих мест, влекут за собой введение помесечной зарплаты; к тому же ведет изменение квалификационной структуры, связанное с автоматизацией³⁸. Разумеется, принцип фиксированной зарплаты всячески ограничивается системой премий, но тем не менее его хотя бы и формальное признание позволяет трудящимся лучше осознать и конкретизировать свои цели в борьбе за обеспеченность жизненного уровня³⁹.

Требование последовательной «мензуализации», т. е. введения твердой, не подверженной влиянию премий месячной зарплаты, приобрело широкую популярность в рабочих массах. Во время опроса, проведенного на предприятиях металлургической промышленности, 91 % рабочих высказались за месячную зарплату, видя в ней средство «упрочения доходов»⁴⁰. Введения гарантированной месячной зарплаты требуют все основные профсоюзные объединения.

Рост доли премий в зарплате и произвол предпринимателей в вопросах оплаты труда и определения квалификационных категорий увеличивают решимость трудящихся добиться прочных гарантий достигнутого жизненного уровня. По словам профсоюзного активиста одного из металлургических заводов, «хозяева хотят обеспечить максимальную выработку: максимальный тоннаж становится нормальным... Невозможно ни под-

³⁸ В автоматизированном производстве рабочие, как правило, получают помесечную зарплату (P. N a v i l l e. Vers l'automatisme social?, p. 81).

³⁹ Например, замена сдельной зарплаты повременной в автоматизированном цехе одного из металлургических комбинатов привела к выдвижению требования о такой же замене в других цехах. В конце концов это требование было удовлетворено («Sociologie du travail». 1964, № 2, p. 174).

⁴⁰ Ibid., p. 160, 161.

считать, ни контролировать коэффициент»⁴¹. Широкую массовую поддержку приобрело выдвигаемое профсоюзами требование включить премии в базовую гарантированную зарплату. Профсоюз химической промышленности, входящий в ВКТ, еще в 1953 г. потребовал установления 20-процентной минимальной гарантированной премии. В первой половине 60-х годов профсоюзы ВКТ, Французской демократической федерации трудящихся и «Форс увриер» нефтеперерабатывающей, химической, каучуковой и ряда отраслей металлообрабатывающей промышленности развернули совместные действия в поддержку такого рода требований. Произвольным оценкам рабочих мест, квалификации и личных качеств работников организации трудящихся противопоставляют требование введения единой системы квалификационных критериев, обязательной для всех предприятий данной отрасли промышленности.

Было бы неправильно усматривать в этих направлениях массовой борьбы перспективу ликвидации всякого материального стимулирования труда. Подобная перспектива вообще утопична; без тех или иных материальных стимулов, материальной заинтересованности работников в бесперебойном и эффективном функционировании техники современное механизированное и автоматизированное производство обойтись не может. Выше уже отмечалось, что эволюция форм оплаты труда в определенной мере отражает объективные закономерности нынешней фазы научно-технической революции⁴². В чем же тогда реальный смысл требований, выдвигаемых по вопросам форм зарплаты трудящимися капиталистической промышленности? Ответ, очевидно, состоит в том, что и по своему объективному значению, и в значительной мере субъективно — в сознании работников производства — эти требования далеко выходят за рамки своей непосредственной цели — «стабилизации» зарплаты. По существу, они направлены против неограниченной власти капиталиста и дирекции предприятия, против их монопольного права произвольно распоряжаться жиз-

⁴¹ «Sociologie du travail», 1964, № 2, p. 160, 161.

⁴² М. Мошенский характеризует эту эволюцию как «реакцию предпринимателей на объективные требования, поставленные современным развитием техники и организации производства» («Социалистический труд», 1965, № 2).

ненным уровнем трудящихся, использовать зарплату как орудие шантажа⁴³.

Премияльная система вызывает протест рабочих не только потому, что она лишает их обеспеченного заработка, но и потому, что воспринимается ими как проявление хозяйского произвола. Не случайно буржуазные теоретики современных форм зарплаты считают важным условием их эффективности обязательность для дирекции раз принятых способов подсчета, широкую информацию о них персонала, участие его представителей в «комиссиях по премиям»⁴⁴. Подобные рекомендации косвенно отражают объективную необходимость: развитие подлинной материальной заинтересованности трудящихся требует демократизации управления производством, их реального участия в решении вопросов организации труда и жизненного уровня.

На деле эти рекомендации, разумеется, не выполняются или выполняются формально. Но поскольку хозяева капиталистического производства не в состоянии отказаться от методов материального стимулирования, борьба вокруг форм зарплаты неизбежно усиливает стремление трудящихся добиться определенного контроля за осуществлением этих методов и, следовательно, подводит их к борьбе за власть на предприятии. Развитие такой борьбы в значительной мере является делом будущего, но многие ближайшие и непосредственные требования, которые уже теперь выдвигает массовое рабочее движение, не могут быть сколько-нибудь удовлетворительно осуществлены без изменения системы экономической власти. Это относится, в частности, и к требованию гарантированного жизненного уровня. Таким образом, создаются и объективные и психологические предпосылки нового расширения целей повседневной борьбы.

⁴³ Характерно, что рабочие предприятий, где существует коллективная премия за производительность, выражают в ходе опросов требование, чтобы делегаты, избираемые персоналом, реально контролировали подсчет премий (P. Naville. *Op. cit.*, p. 613).

⁴⁴ Такие идеи развивают, например, руководители французского Технического института зарплаты (см. F. Sellier, A. Tiano. *Op. cit.*, p. 182). Инициаторы введения новейших, так называемых всефакторных, систем зарплаты (ставящих ее в зависимость от отношения стоимости продукции к издержкам производства) требуют «широкого ознакомления рабочих о принципах системы и их привлечения к ее активному внедрению» (см. М. Мошенской. Указ. соч.).

ГЛАВА ПЯТАЯ

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЗРАБОТИЦЫ

Во Франции 50-х — первой половины 60-х годов уровень безработицы был сравнительно низким. Более или менее высокие темпы роста промышленного производства обусловили относительно благоприятное для рабочего класса соотношение спроса и предложения рабочей силы¹.

Положение резко ухудшилось с середины 60-х годов. 1967 год стал первым за долгое время годом массовой безработицы. В июле в стране было 400 тыс., а в декабре — 430 тыс. полностью безработных. В феврале 1968 г. число их достигло 450 тыс. Безработица распространилась на имевший ранее репутацию растущей занятости парижский район (100 тыс. безработных в начале 1968 г.) и на такую испытывавшую длительное время потребность в рабочей силе отрасль, как строительство. Число частично безработных достигло 700—800 тыс.².

В условиях высокого уровня занятости, во всяком случае в подавляющем большинстве промышленных центров и районов, решающая в жизни трудящихся проблема обеспеченной работы приобретает несколько иное содержание, чем при массовой безработице. Поскольку такие условия существовали во Франции в течение большей части изучаемого нами периода, пред-

¹ См. «Проблемы экономики и политики Франции после второй мировой войны». М., 1962, стр. 223, 224.

² «Economie et politique», 1967, № 156, p. 41; 1968, № 162, p. 81, 82; 1968, № 163, p. 97, 98.

ставляется важным уяснить, какое влияние оказали они на отношение рабочих к этой проблеме. Очевидно, что реакция рабочего класса на происходящее ныне увеличение массовой безработицы во многом зависит от его предшествующего опыта, от воспитанных этим опытом установок и представлений.

Для каждого отдельного рабочего перспектива сохранения занимаемого им места в производстве не зависит исключительно ни от абсолютного роста производства, ни даже от роста занятости. Дело в том, что в современный период оба эти процесса разворачиваются на базе научно-технической революции, порождающей два рода глубоких изменений на рынке рабочей силы. Во-первых, она ведет к очень быстрым и резким сдвигам в отраслевой структуре промышленности. Усиленный спрос на рабочую силу в новых, растущих отраслях сопровождается сокращением занятости в отраслях, удельный вес которых в экономической структуре падает («структурная безработица»). Во-вторых, техническая модернизация, более полная механизация либо автоматизация производства приводят к сокращению или полному отмиранию спроса на устаревшие профессии и уменьшению численности персонала на многих предприятиях. Даже если этот процесс не ведет известное время к резкому росту массовой безработицы, он на тот или иной период выбрасывает из производства многих рабочих («технологическая безработица»).

Следует вместе с тем учитывать, что структурные и технические сдвиги тесно переплетаются с процессом капиталистической концентрации и рационализации производства, который в современных условиях получает мощный дополнительный стимул в виде международного разделения труда в рамках Общего рынка. Ликвидация крупными фирмами и монополистическими объединениями отдельных своих предприятий и цехов в целях большей рентабельности, свертывание тех или иных производств как «неконкурентоспособных» в европейском масштабе — обычное явление в экономической жизни Франции. Если к этому добавить повторяющиеся время от времени конъюнктурные спады в тех или иных отраслях или в промышленности в целом, то многообразие факторов, снижающих стабильность положения рабочего в производстве, станет еще более очевидным.

Приведем цифры, иллюстрирующие масштабы влияния некоторых из этих факторов на положение рабочих. По официальным статистическим данным, с 1954 по 1965 гг. число занятых в различных отраслях промышленности сократилось (тыс.):

Угольная	на 71
Текстильная	на 131
Кожевенно-обувная	на 36
Швейная	на 85
Деревообрабатывающая	на 13

Наметки V плана (1966—1970) предусматривают дальнейшее сокращение числа занятых во всех этих отраслях. Так, в угольной промышленности к 1970 г. оно должно уменьшиться еще на 34 тыс., в текстильной, швейной и кожевенно-обувной в общей сложности — на 16 тыс. человек.

В 1964—1965 гг. произошло значительное сокращение занятости в некоторых отраслях, отнюдь не принадлежащих к числу «устаревших». Так, закрытие железорудных шахт и рационализация предприятий черной металлургии уменьшили численность работающих в этих отраслях на 3 тыс. человек (V план предусматривает дальнейшее сокращение); примерно на столько же уменьшилась она в автомобильной и станкостроительной промышленности³. Постоянное сокращение рабочих происходит в судостроении. Только в июне — июле и в сентябре — декабре 1964 г. лишь в порядке так называемых коллективных увольнений (одновременное увольнение с предприятия более 20 работников) работы лишалось ежемесячно не менее 3 тыс. человек (в декабре — более 6 тыс.)⁴.

Конечно, при отсутствии общего кризиса перепроизводства, уволенный рабочий не обречен фатально на длительную безработицу. Теоретически он может найти себе работу на предприятии, испытывающем потребность в рабочей силе (в том же 1964 г. государственные бюро по трудоустройству регистрировали по среднемесячным данным более 45 тыс. предложений рабочих мест, что

³ «Revue française du travail», 1966, № 1, p. 72, 73.

⁴ Ibid., 1965. № 3, p. 65.

далеко не исчерпывает всего объема спроса на рабочую силу)⁵. Однако на практике проблема сплошь и рядом оказывается гораздо более сложной. Если рабочий принадлежит к отрасли с сокращающейся занятостью, его шансы найти работу, соответствующую его специальности и квалификации, ничтожны. Если к тому же эта отрасль является преобладающей в данном районе, ему трудно найти любую, даже менее квалифицированную и хуже оплачиваемую работу. Благоприятная экономическая конъюнктура, общий рост занятости в промышленности не улучшают автоматически положение бретонского судостроителя или лотарингского шахтера, подпавшего под очередное «коллективное увольнение».

На протяжении многих лет в ряде промышленных районов существуют зоны, в которых число только официально зарегистрированных безработных составляет от 5 до 17% всех занятых. Эти зоны охватывают многочисленные города и поселки Бретани, долины Луары, промышленного Севера, Нормандии, юго-западной Франции.

Зоны массовой безработицы и снижающейся занятости обычно совпадают с теми районами, в которых преобладают «кризисные» отрасли промышленности. На севере — это текстиль и угледобыча, в Бретани — судостроение, в ряде районов юго-запада — различные отрасли легкой промышленности. Положение на рынке труда обостряется здесь растущим притоком молодежи, а также ищущих работы в промышленности бывших крестьян.

Безысходность, отсутствие каких-либо реальных перспектив обеспеченной работы, определенного места в жизни — наиболее характерная черта положения трудящихся «кризисных» районов. Чувство безнадежности, страха перед будущим, собственной отверженности в обществе — типичные психологические последствия подобных социальных условий. Аккумуляция этих настроений в течение многих лет нередко порождает глубокое расстройство психической жизни личности. Так, социолог С. Московичи, изучавший социальные последствия длительного кризиса традиционной промышленности голов-

⁵ Ibid., p. 53.

ных уборов в департаменте Од (юго-западная Франция), отмечает широкую распространенность неврозов, бессонницы и тому подобных заболеваний среди рабочих этого района⁶.

Длительный кризис занятости, обусловленный упадком исторически сложившейся экономической структуры отдельных районов — отнюдь не единственная форма, в которую воплощается угроза безработицы. В условиях концентрации растущего объема экономической власти в руках монополий судьба десятков тысяч трудящихся может внезапно и резко измениться в результате решения, принятого по тем или иным «экономическим» соображениям в высших сферах промышленности и финансов. Характерный пример — так называемое дело Бюль. Технически передовое предприятие, производящее высококачественные электронно-счетные машины, в 1964 г. внезапно сократило производство и объявило о предстоящем массовом увольнении персонала. Причины? Бюль не испытывал никакого кризиса сбыта продукции, но финансировавшие его банки стали сомневаться в возможностях успешной конкуренции его в будущем с гораздо более мощной американской компанией «ИБМ». Возникли финансовые трудности, которые, как отмечала левая печать, отражали борьбу монополистических групп за контроль над компанией⁷. Так на заводе, принадлежащем к одной из наиболее перспективных отраслей промышленности, возникла атмосфера беспокойства и неуверенности; сотням трудящихся, в том числе обладающим высокой и редкой квалификацией, угрожала потеря работы.

Сложная, анархичная игра интересов господствующих в экономике групп вносит, таким образом, элемент непрочности, необеспеченности в положение даже тех групп рабочего класса, которые заняты в наиболее «процветающих» отраслях промышленности и на предприятиях. Резко возросшие темпы технического прогресса постоянно ставят под сомнение ценность квалификации и профессионального опыта рабочего, общественную необходимость конкретного вклада, вносимого им в произ-

⁶ «Annales», 1966, № 5, p. 1165—1171.

⁷ Дело закончилось переходом Бюль в собственность американской компании «Дженерал Электрик».

водство. Поскольку же этот прогресс направляют и используют силы, которым совершенно чужда забота о целесообразном использовании трудового потенциала каждого отдельного человека, его место в производстве не гарантировано ни его собственными способностями к работе, ни даже объективными потребностями производства. Иррациональная, бессмысленная растрата человеческих способностей — факт, с которым трудящиеся постоянно сталкиваются в условиях капиталистического производства. «Персонал,— отмечали в своей резолюции трудящиеся завода Бюль,— заявляет, что... значение физического и интеллектуального потенциала, который он представляет, неоспоримо, что перспективы развития электроники ни в коей мере не соответствуют спаду, созданному в настоящее время»⁸. И тем не менее был и спад, была и перспектива массового увольнения.

Этот антигуманный иррационализм особенно ярко выражается в тенденции капиталистических предприятий увольнять прежде всего пожилых трудящихся, обладающих большим производственным опытом и отличающихся, как правило, высоким качеством работы, но менее способных обеспечивать максимальную интенсивность труда. Он проявляется и в менее прочном положении в производстве неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих; использованию их для выполнения более квалифицированного труда мешает нежелание предприятий тратить средства на их обучение. Однако ни молодость и здоровье, ни высокая квалификация не дают гарантии обеспеченной работы. В 1954 г. 48% безработных составляли люди моложе 35 лет⁹. В 60-х годах примерно 80 тыс. лиц от 25 до 49 лет ежегодно остаются без работы по 3 месяца и больше¹⁰. В 1962—1964 гг. 18—22% безработных составляли квалифицированные рабочие и более 6% — техники и инженеры¹¹.

Все сказанное в значительной мере объясняет, почему в обстановке так называемой «полной занятости» страх

⁸ «L'Humanité», 4.II 1964.

⁹ «Traité de sociologie du travail», vol. I, Paris, 1961, p. 316.

¹⁰ «Revue française du travail», 1966, № 1, p. 278.

¹¹ «Revue française du travail», 1965, № 3, p. 90.

перед безработицей испытывают многие рабочие, которым реально ни разу не угрожало увольнение¹². Нарастающий поток изменений в технических условиях производства и вообще в окружающем его мире рабочий часто воспринимает как потенциальную угрозу, поскольку социальный опыт подсказывает ему, что все эти изменения никак не соотносятся с его интересами, с рациональным использованием его физических и интеллектуальных сил и легко могут обратиться против него. Как показывают данные различных опросов, рабочие, даже благоприятно оценивая отдельные аспекты технического прогресса (например, облегчение условий труда), связывают с ним вместе с тем усиление риска безработицы. Так, более половины рабочих, отвечающих на вопрос анкеты Страсбургского института труда о влиянии технического прогресса на их жизнь, говорили об опасности безработицы¹³. 30% текстильщиков, опрошенных в 1959—1960 гг. в Лилле, Рубе и Туркуэне, считают безработицу главным последствием автоматизации¹⁴. Сходные оценки техническим изменениям дают и рабочие большинства других отраслей¹⁵.

Непрочность положения рабочего, порождаемые ею беспокойство и неуверенность, разумеется, связаны не только с угрозой полной потери работы. Для некоторых слоев трудящихся подлинным бичом является частичная безработица, резко снижающая уровень их материальной жизни (8% рабочих-текстильщиков работали в 1964 г. неполную рабочую неделю¹⁶). Для многих рабочих последствием структурных сдвигов и технической модернизации является не увольнение, но деквалификация, переход на менее квалифицированную и хуже оплачиваемую работу. На верфи «Шантье де Л'Атлантик» в Сен-Назере молодых квалифицированных рабочих, об-

¹² По данным опроса 1959 г., 55% французов ожидали роста безработицы в ближайшие годы. Сходное убеждение высказали в 1961 г. 43% юношей 16—24 лет. («Population», 1960, № 2; «Les 16—24 ans», p. 142).

¹³ R. Kaës. Les ouvriers français et la culture. Paris, 1962, p. 384.

¹⁴ D. Lahalle et N. Lowit-Fratellini. Les attitudes ouvrières en face du progrès technique...—«Cahiers d'étude de l'automatisme...», 1962, № 3, p. 211, 212.

¹⁵ См., например, P. Naville. L'automatisme et le travail humain, p. 614, 615, 626, 627.

¹⁶ «Revue française du travail», 1965, № 1, p. 144.

ладавших профессиональным дипломом, после окончания строительства очередного пакетбота поставили подметать цеха¹⁷.

Непрочность положения в производстве вообще сливается на практике с непрочностью материального положения рабочих, которая связана и с низким уровнем заработков многих из них, и с постоянными колебаниями покупательной способности, и с ростом доли нефиксированных выплат в зарплате. К этому присоединяются еще изменения в условиях жизни и в потребностях (более комфортабельное и, следовательно, дорогое жилье, товары длительного пользования, покупаемые в кредит, удаление места работы от места жительства, проблема ухода за детьми, когда оба супруга работают, и т. д.). Для людей, обладающих ограниченными материальными возможностями и закабаленных изнурительным трудом, подобные изменения становятся новым источником беспокойства и неуверенности в завтрашнем дне. Усложнение повседневной жизни, взаимодействуя с теми экономическими и социальными условиями, которые определяют положение рабочего класса, зачастую ограничивает жизненные перспективы рабочего новыми материальными и психологическими барьерами. «Большинство рабочих, — сказал, объясняя это явление один из них, — поглощено прогрессом и заботами, которые он создал. Люди нуждаются в отдыхе»¹⁸. Эта связь между «прогрессом» и растущим стремлением к «отдыху», к «спокойствию» весьма симптоматична.

Таким образом, уже нарастание темпов технических и социальных изменений увеличивает потребность трудящихся в определенных гарантиях, в защите от разного рода «случайностей», угрожающих им в условиях капиталистических отношений. Сама эта потребность не представляет собой совершенно нового психологического явления. Безработица или ее угроза всегда вызывали острый протест в пролетарской среде; выступления против машин на заре промышленной революции были одной из наиболее ранних и примитивных форм борьбы рабочих за стабильность своего положения в производ-

¹⁷ «L'Humanité», 7.III 1964.

¹⁸ R. K a ē s. Op. cit., p. 58.

стве. Но современный рабочий осознает эту потребность иначе, чем предшествующие поколения рабочего класса.

Надо прежде всего учитывать, что ухудшение индивидуального положения рабочего в результате полной или частичной потери работы, утраты квалификации и т. п. не влечет для него таких тяжелых последствий, как в прошлом веке и даже еще в 20—30-х годах нашего столетия. В борьбе за свои права французский рабочий класс добился развития разветвленной системы социального обеспечения. Пособия по полной и частичной безработице, возмещения за увольнение (введенные в 1967 г.), семейные пособия, составляющие значительную долю доходов рабочих семей, имеющих детей,— все эти «социальные» выплаты в той или иной мере компенсируют нестабильность заработной платы рабочих, позволяют им как-то существовать во время поисков новой работы или сокращения рабочей недели ниже нормального уровня.

В условиях научно-технической революции и недостатка рабочей силы в различных сферах производства изменилось отношение правящих в экономике кругов к проблеме трудовых ресурсов. Все более несостоятельной оказывается традиционная ориентация на стихийно действующий рынок труда как на единственный источник рабочей силы. Интересы капиталистической экономики, да и просто элементарная логика экономического развития, настоятельно требуют таких организационных мер, которые позволили бы использовать трудящихся, высвобождающихся в результате технической модернизации и сокращения производства в отдельных отраслях, на тех участках, где ощущается нужда в дополнительной рабочей силе.

Попытки регулирования рынка труда и занятости, планомерной профессиональной подготовки и переподготовки рабочей силы в соответствии с потребностями экономики тесно связаны в послевоенной Франции с бурным развитием государственно-монополистического капитализма. Значительное расширение деятельности государства в данной области, разумеется, обусловлено не только особенностями экономической конъюнктуры, но и определенными социально-политическими интересами: стремлением ликвидировать те очаги «социальной напряженности», обострения классовых противоречий,

которые обычно создаются массовыми увольнениями и ростом безработицы. Послевоенное законодательство присвоило государству широкие функции в вопросах трудоустройства и регулирования увольнений. Оно предусматривает обязательную регистрацию как спроса предприятий на рабочую силу, так и ищущих работу в государственных органах по рабочей силе. Последние должны заниматься трудоустройством безработных, причем при отсутствии вакантных мест в данном департаменте или районе учитывается спрос на рабочую силу в масштабе всей страны (так называемое трудоустройство на расстоянии). Увольнение в принципе может быть произведено лишь с разрешения этих органов.

В 1967 г. в целях улучшения организации трудоустройства было учреждено Национальное агентство занятости.

Широкое развитие получила деятельность государства в области профессиональной подготовки рабочей силы для промышленности и строительства. В рамках пятилетних планов экономического развития определяются перспективы сокращения и роста занятости по отраслям и районам, объем потребностей в дополнительных контингентах работников различных профессий. На этой основе разрабатываются планы общего и профессионального образования через государственные учебные заведения.

Значительное внимание уделяется переподготовке трудящихся устаревающих профессий—она осуществляется в государственных центрах профессионального обучения взрослых, так называемой ФПА (FPA — Formation Professionnelle des Adultes). Кроме того, для предприятий, самостоятельно организующих профессиональную переподготовку своих рабочих и служащих, предусмотрены налоговые льготы, при известных условиях им предоставляются субсидии для этой цели из специальных государственных и полугосударственных фондов. Так, созданный в 1954 г. Фонд экономического и социального развития выплачивает субсидии предприятиям, которые переобучают своих работников в связи с технической модернизацией или концентрацией, либо готовят для своих нужд трудящихся, уволенных с других предприятий. Национальный фонд занятости, учрежденный в декабре 1963 г., должен предоставлять пособия трудящимся, потерявшим работу и обучающимся новым

профессиям или вынужденным в связи с переменой места работы переехать в другой район. Тот же фонд при определенных условиях выплачивает частичные возмещения трудящимся районов «с тяжелой ситуацией занятости», которые вынуждены в результате коллективных увольнений работать за зарплату ниже той, какую они получали до увольнения, а также безработным этих районов старше 60 и моложе 65 лет, т. е. не достигшим пенсионного возраста и практически не имеющим возможности найти новое место. В систему государственных мероприятий по регулированию занятости входит также предоставление субсидий и премий тем компаниям, которые основывают новые предприятия в районах массовой безработицы.

Независимо от реальной эффективности системы социального обеспечения и государственного регулирования занятости (о ней речь пойдет немного ниже), эти институты вносят новые элементы в трудовые отношения, в социальное положение рабочего класса. Хотя многие из соответствующих мероприятий подчинены на практике интересам крупнейших капиталистических компаний, они вместе с тем служат косвенным признанием права на труд, на социальные гарантии жизненного уровня трудящихся и их места в производстве. В одном из официальных документов, посвященных вопросам профессиональной переподготовки, она характеризуется как средство добиться того, «чтобы увольнения, которые иногда становятся неизбежными из-за технических и структурных изменений либо из-за международной конкуренции, не приводили к невосполнимым потерям для трудящегося»¹⁹. Подобные ссылки на «человеческие мотивы» тех или иных государственных экономических мероприятий не являются лишь голой демагогией. Они отражают нынешнее соотношение социальных сил, которое оказывает вполне реальное влияние и на деятельность государства, и на политику многих предприятий. Так, журнал «Дирексьон дю персонал», орган Национальной ассоциации директоров и шефов персонала, подводя итоги обсуждению вопроса о методах «переро- ориентации» сокращаемых по экономическим и техни-

¹⁹ «Notes et études documentaires», № 3104, 9 juillet, 1964, p. 7.

ческим причинам работников, рекомендует предприятиям придерживаться принципа гарантированной занятости. Это означает, что предприниматель должен по возможности не прибегать к увольнениям, а предоставлять трудящимся, занимавшим ликвидируемые рабочие места, другую работу на своем предприятии или же «за неимением лучшего» увольнять свой персонал, подыскав ему место на других предприятиях²⁰.

Автор данной работы имел случай наблюдать практическое применение этого рецепта в связи с закрытием одного из цехов завода Пежо в парижском предместье Ла Гарен. Всем рабочим, которым предстояло увольнение, дирекция компании предложила перейти на работу на заводы Пежо в Сошо-Монбельяре. Поскольку рабочие отнеслись к этому предложению отрицательно, шеф персонала предприятия пытался найти для них работу на «Ситроене» и других парижских автомобильных заводах.

Легко понять, что та общая идеологическая атмосфера, с которой вынуждены считаться даже руководители капиталистических предприятий, оказывает серьезное влияние и на настроения рядовых рабочих. Характеризующее эту атмосферу общественное признание прав трудящихся на обеспеченную работу, на определенные гарантии против воздействия на их положение стихийных экономических сил побуждает их воспринимать отсутствие или недостаточность таких гарантий как ненормальное и устранимое явление. Между тем с подобным противоречием между «гуманистическими» лозунгами и посулами и реальной общественной практикой они встречаются буквально на каждом шагу.

Принцип государственного контроля занятости, который в соответствии с духом социальных преобразований, последовавших за Освобождением, должен был ограничивать произвол предпринимателей в вопросах найма и увольнения рабочих, оказался в дальнейшем совершенно выхолощенным. Как отмечает исследователь проблем занятости во Франции П. Демондьон, решение государственных органов о запрещении увольнения представляет собой крайне редкое исключение. Оно прини-

²⁰ «Direction du personnel», № 93, octobre 1965, p. 45, 46.

мается лишь в тех случаях, когда увольнение «не обосновано экономически» (например, только что произведен наем новых работников; рабочие, выполняющие те же производственные функции, что и увольняемые, работают сверхурочные часы, увольнение является санкцией за участие в стачке).

Таким образом, наиболее распространенный мотив увольнения — интересы рентабельности предприятий — не ставится под сомнение государственным контролем. Но даже в тех редких случаях, когда государственные органы запрещают увольнение, их решение оказывается малодейственным: суды, рассматривая апелляции предпринимателей, большей частью признают такие решения незаконными, невыполнение предпринимателями даже подтвержденных судом решений не влечет за собой каких-либо санкций²¹.

Не обладая гарантиями против увольнения, рабочий на практике мало защищен и от его материальных и моральных последствий. Пособия по безработице не спасают рабочего и его семью от резкого снижения жизненного уровня. Сумма всех пособий возмещает, например, безработному специализированному рабочему Парижского района менее половины его прежней зарплаты²².

Но и такой вариант можно отнести к числу оптимальных: получение пособий ограничено целым рядом условий и в 1967 г. их получали лишь 25—30% безработных.

Как отмечает П. Демондьон, принцип возмещения по безработице состоит в том, чтобы «побудить безработного с помощью скромного размера пособия ... как можно скорее найти профессиональное занятие»²³. В этом отношении показательно, что пособия фондов по безработице не выплачиваются безработным, отказавшимся от работы, предложенной государственными органами по рабочей силе. Но что могут предложить эти органы? Вопреки официальному принципу обязательной регистрации вакантных мест, предприниматели в большинстве случаев предпочитают обходиться без их услуг,

²¹ P. Demon d i o n. Les problèmes de l'emploi. Paris, 1960, p. 79—86.

²² «Economie et politique», 1967, № 156, p. 11.

²³ P. Demon d i o n. Op. cit., p. 180.

рассматривая подобный способ рекрутирования рабочей силы как злостное покушение на свою власть на предприятый. «Это что-то вроде профсоюзной организации, пытающейся пристроить своих безработных». «Обращаться в обязательном порядке в бюро по рабочей силе — это немного пахнет Советами», — заявляли парижские заводчики, отвечая на вопросы анкеты по проблемам найма, проводившейся одним из социологических институтов²⁴.

Понятно, что количество и качество рабочих мест, которые проходят через эти бюро, никак не соответствуют реальному спросу на рабочую силу; зачастую речь идет о местах с наименее благоприятными условиями труда и зарплаты. К тому же сеть бюро по трудоустройству совершенно недостаточна (она развита во Франции значительно меньше, чем в других странах Общего рынка), что создает дополнительные трудности для обращающихся в них. В этих условиях лишь небольшая часть безработных ищет работу через бюро (менее четверти, по данным обследования 1960 г.), остальные обращаются к объявлениям о найме или действуют с помощью личных связей²⁵.

Таким образом, потерявший работу в конечном счете вынужден либо под угрозой лишения пособия по безработице браться за первое место, которое ему предложат в бюро по трудоустройству, даже если оно хуже оплачивается и менее квалифицированно по сравнению с его прежней работой, либо положиться на волю случая и надеяться, что ему повезет самому найти «приличное» место.

Столь же ограничены и случайны шансы рабочего приобрести новую профессию, пользующуюся спросом на рынке труда. Согласно данным Комиссии по рабочей силе Генерального комиссариата планирования, в профессиональной переподготовке нуждается ежегодно около 350 тыс. человек (учитывая рабочих, потерявших место, и бывших крестьян, могущих работать в промышленности). Между тем в 1964/65 учебном году центры ФПА

²⁴ M. Guilbert, N. Lowit, M. Roussel. La pratique de l'embauche dans quelques industries de la région parisienne.—«Sociologie du travail», 1964, № 1, p. 46.

²⁵ «Revue française du travail», 1966, № 1, p. 267.

подготовили около 38 тыс., а к 1970 г., т. е. к концу V плана, число мест в них должно возрасти лишь до 74,5 тыс.²⁶. Ненамного улучшает дело система обучения новым профессиям непосредственно на предприятиях, осуществляемая с финансовой помощью государства. В 1965 г. на таких основаниях обучалось 15,8 тыс. человек²⁷. Лишь немногие наиболее крупные предприятия имеют свои собственные учебные центры и курсы. В этих условиях приобретение новой профессии для многих рабочих остается совершенно нереальным делом. Например, в одном из центров «структурной безработицы» Сен-Назере производственные курсы для взрослых принимают 100 человек из 800 кандидатов²⁸.

Доступность производственного обучения для взрослого рабочего резко ограничена также связанными с ним материальными жертвами. В ФПА обучение продолжается 6 месяцев, и в течение этого периода учащийся получает стипендию, примерно соответствующую минимальной зарплате. Из этой мизерной суммы невозможно оплачивать повседневные расходы, которые для многих рабочих стали жизненной нормой. Не случайно подавляющее большинство (более 80%) учащихся ФПА — люди в возрасте до 25 лет и более половины — 17 — 20 лет²⁹ (хотя в эти центры принимаются лица до 35 лет). Для семейного рабочего жить на стипендию ФПА — почти то же, что оставаться полгода без постоянной работы. Значительное снижение зарплаты обычно ожидает и рабочего, обучающегося на предприятии. Государство пытается найти выход из этого положения путем предоставления специальных пособий на обучение в размере 80 — 90% зарплаты, но, по признанию министра труда Грандвалля, относящемуся к 1965 г., практика этих пособий развивается «довольно медленно»³⁰.

Выход, который чаще всего предлагается трудящимся, потерявшим работу, — переезд в район, где существует спрос на рабочую силу. Государство поощряет подобное решение, предоставляя специальные премии за переезд.

²⁶ «Revue française du travail», 1966, № 1, p. 275—277.

²⁷ Ibid., p. 293.

²⁸ «Les Temps Modernes», 1964, № 219—220, p. 327.

²⁹ «Notes et études documentaires», № 3104, 9.VII, 1964, p. 7, 23.

³⁰ «Revue française du travail», 1965, № 3, p. 65.

V план экономического развития предусматривает переселение 270 тыс. человек из Бретани, 300 тыс.— с промышленного Севера и из долины Луары, 140 тыс.— из Нижней Нормандии³¹.

Документация, исходящая из официозных и предпринимательских кругов, буржуазная экономическая литература полна рассуждениями о необходимости повысить «географическую мобильность» рабочей силы, жалобами на традиционную привязанность французских рабочих к своему городу или департаменту.

Французский рабочий в большинстве случаев действительно стремится избежать переселения. И дело здесь не только в привязанности к месту. «Географическая мобильность» рабочего ограничена прежде всего скудостью его материальных ресурсов. Переезд связан для него с поисками новой квартиры по средствам, что в условиях дороговизны жилья и дефицитности более дешевых квартир почти всегда оказывается трудно разрешимой проблемой. Многие рабочие, живущие в сельской местности, в небольших городках или в предместьях, имеют собственные домики, то ли с трудом приобретенные ценой многолетних материальных жертв, то ли унаследованные от родителей. Продать такой дом, не имея никакой гарантии, что удастся не хуже устроиться на новом месте, рабочий соглашается лишь под давлением крайней необходимости. Упоминавшиеся уже рабочие парижского завода Пежо, отказавшиеся от предложения администрации переехать в Сошо, ссылались главным образом именно на трудности с жильем. Если же рабочий все же вынужден переехать, он часто оставляет дома семью, надеясь или перевезти ее к себе, когда окончательно устроится, или в конце концов вернуться обратно. «Я собираюсь уехать вместе с несколькими товарищами,— заявил корреспонденту газеты «*Le Monde*» один из безработных молодых рабочих Сен-Назера.— Так меньше буду чувствовать себя не дома. Куда? — Не имеет значения. Как можно ближе. Я ведь женат и хотел бы время от времени видеться с женой. Раз в месяц или раз в два месяца...»³².

³¹ «*Le Nouvel Observateur*», 1966, № 59, p. 6.

³² «*Le Monde*», 8.II 1964.

Ухудшение жилищных условий, расстройство семейной жизни — к этим последствиям переезда сплошь и рядом присоединяется еще и общее снижение жизненного уровня. Оно связано с потерей производственного стажа, приобретенного на старом месте работы: рабочий-переселенец обычно оплачивается по низшей ставке своей квалификационной категории³³. Следует к тому же учитывать, что большая часть переселенцев до недавнего времени переезжала в Парижский район, где было больше шансов устроиться на работу (из 334 тыс. новых рабочих мест, создание которых предполагается по V плану, 140 тыс. приходится на Парижский район)³⁴, но где вместе с тем стоимость жизни примерно на 20% выше, чем в провинции. В свете этих фактов понятно, что премия, выплачиваемая за переезд, не может компенсировать того риска и лишений, с которыми связано переселение. Не случайно Комиссия по рабочей силе Комиссариата по V плану в числе прочих мер стимулирования «географической мобильности» предлагает удвоить размер премии для семейных переселенцев (в настоящее время она составляет 1000—2000 фр.)³⁵.

Французский социолог Сарруй считает существенным препятствием профессиональной и географической мобильности низкий уровень образования и общей культуры рабочих, что лишает их «автономии, позволяющей самостоятельно ориентироваться в мире, сделать выбор... Инженер,— замечает он в этой связи,— без труда меняет предприятие..., ибо его образование позволяет ему легко переезжать с места на место и быстро приспосабливаться к новой работе. Шахтеры Алеса, напротив, отказались переехать в Лотарингию»³⁶.

Несомненно, что узкий характер профессиональной подготовки и производственного опыта большинства рабочих вынуждает их с опаской воспринимать перспективу поисков работы в незнакомом городе или районе, в новой для них отрасли промышленности. Верно и то, что отсутствие широкого образования и культуры психоло-

³³ «Revue française du travail», 1966, № 1, p. 48.

³⁴ «Le Nouvel Observateur», 1966, № 59, p. 6.

³⁵ «Revue française du travail», 1966, № 1, p. 47, 48.

³⁶ G. Sarrouy. Le perfectionnement du personnel dans les entreprises en France. Paris, 1961, p. 43.

гически ограничивает динамизм личности, развивает известную скованность, снижает способность индивидуальных поисков новых путей в жизни. Но подобные моменты далеко не исчерпывают психологическую природу сопротивления рабочих переселению.

Естественная привязанность к родным местам играет в эмоциональной жизни человека тем большую роль, чем менее доступны ему такие источники радости и душевного равновесия, как творческий, интеллектуально содержательный труд, приобретение новых знаний, вообще культурный и профессиональный рост. Общение с родной, привычной природой, со старыми друзьями, прогулки по полюбившимся местам, вечера в давно знакомом кафе — все это приобретает для рабочего особую ценность именно потому, что его жизнь слишком бедна иными радостями, слишком мало способна удовлетворять потребность в положительных эмоциях, свойственную любой человеческой личности. И если бретонец, отказываясь переселиться в глубь страны, говорит о своей любви к морю, а аквитанец ссылается на теплый климат своей земли, то речь идет не только о привычке: природа — одно из немногих ярких впечатлений их повседневного существования и поэтому воспринимается ими как нечто органически необходимое. Конечно, инженер, обладая гораздо более широкой сферой профессиональных интересов и вообще большими жизненными возможностями, легче способен пожертвовать специфической атмосферой данного города или района, завязанными в нем личными связями.

Привязанность рабочих к месту их жизни можно рассматривать, таким образом, как особое выражение органических эмоциональных потребностей личности, во многом обусловленное социальным положением рабочего класса. Вместе с тем в этой черте рабочей психологии в современных условиях проявляется протест против социального гнета, стремление к большей свободе от власти господствующих в обществе сил. Сопротивлению рабочих против переселения особую силу придает то обстоятельство, что они воспринимают его не столько как результат собственного добровольного решения, сколько как нечто принудительное, навязанное им сверху. «Нет, мы не позволим нас экспатриировать», — заявил в феврале 1964 г. один из сен-назерских рабочих корреспон-

денту еженедельника «Экспресс»³⁷. Сам термин «экспатриация» (выселение с родины) в данном случае весьма показателен. Отказ от переселения вырастает в сознании многих рабочих в борьбу за элементарное человеческое право «жить дома», против всестороннего подчинения их судеб своекорыстным, чуждым им интересам сильных мира сего.

Приведенные факты и соображения позволяют оценить влияние сложившегося в рассматриваемый период состояния занятости и социальной обеспеченности на сознание рабочих масс. Несмотря на относительно небольшие масштабы безработицы, развитую систему социального обеспечения и государственно-монополистического регулирования занятости, значительная часть рабочих воспринимала свое положение в производстве как непрочное, испытывала угрозу потери работы, деквалификации, резкого снижения жизненного уровня. В условиях высокой занятости острота данной проблемы определяется для большинства рабочих не существованием массовой безработицы, не угрозой голода и крайней нищеты, но отсутствием гарантий существующих условий жизни и труда. Современный рабочий все больше нуждается не в любой работе, но в такой работе, которая обеспечивала бы ему удовлетворение известного минимума его сегодняшних материальных и моральных потребностей.

Это обстоятельство само по себе еще не предопределяет характер реакции рабочих на угрозу их месту в производстве; оно может питать различные социально-психологические тенденции. Условия неблагоприятной экономической конъюнктуры в отрасли нередко развивают в рабочей среде чувство беспомощности перед лицом надвигающейся угрозы, своего рода «комплекс неполноценности» данной профессиональной группы. Стремление сохранить работу и определенный уровень потребления может усилить в подобной психологической атмосфере моральную зависимость от предпринимателя: рабочий надеется избежать увольнения или частичной безработицы путем «лояльного» поведения, увеличения интенсивности своего труда и т. д. Эти тенденции чаще проявляются среди рабочих, недавно пришедших в промышлен-

³⁷ «L'Express», 13.II 1964, p. 9.

ность из других социальных слоев, а также наименее квалифицированных и имеющих узкую специализацию трудящихся; в особо неблагоприятных экономических и социальных условиях они распространяются в довольно широких группах рабочего класса (например, в 50-х годах такого рода настроения получили некоторое развитие среди рабочих текстильщиков).

Использование угрозы безработицы для материального и морального давления на рабочий класс — вообще говоря, традиционная черта предпринимательской политики. Однако в современных условиях следование этой традиции наталкивается на растущие трудности. В значительной мере они обусловлены важными сдвигами в настроениях масс, распадом обычных представлений о безработице как о фатальном, необоримом зле.

В подобном «просвещении» трудящихся известную роль играют государственно-монополистические методы регулирования занятости. Это регулирование ставит одной из своих задач в интересах развития капиталистической экономики в целом ограничить иррациональную растрату рабочей силы, смягчить остроту социальных проблем, порождаемых техническим прогрессом и концентрацией производства. Но в осуществлении этих целей оно постоянно наталкивается на сопротивление отдельных монополий и групп буржуазии, ставящих ближайшие интересы выкачивания максимальной прибыли в кратчайшие сроки выше далеко идущих планов рациональной реорганизации капитализма. Сплошь и рядом государство уступает этим интересам, подменяет широко задуманные социальные маневры половинчатыми и паллиативными с точки зрения самой этой реорганизации мерами. Яркий пример — умножение числа различных учреждений и фондов, призванных бороться с безработицей, и одновременно стимулирующие ее рост меры по «ослаблению напряженности на рынке труда», включение роста безработицы (до 340 тыс. человек) в показатели V плана экономического развития, а также определение 600-тысячной армии безработных в качестве ее «нормального» максимума.

В такого рода фактах нельзя не видеть проявления противоречия между объективной потребностью современного производства в централизованном планировании и анархией частнокапиталистической системы экономи-

ческих отношений. В сфере трудовых ресурсов и занятости развитие этого противоречия привело к резкому отставанию профессиональной подготовки и переподготовки рабочей силы от потребностей экономики, к одновременному росту хронической безработицы в одних районах и дефицита рабочей силы — в других.

Трудящиеся, которые становятся жертвами подобных противоречий и диспропорций, не могут не воспринимать их как ненормальные и противоестественные. Те вопиющие недостатки государственного регулирования занятости, которые непосредственно отражаются на их положении (трудность получить новое профессиональное образование и связанные с ним материальные лишения, вынужденное переселение и т. п.) представляются им тем более нетерпимыми, что они со всех сторон слышат разговоры об «экономическом процветании», о недостатке квалифицированных кадров, о потребности промышленности в более образованных и культурных работниках, о необходимости экономического развития отсталых районов. В этих условиях безработица из стихийного бедствия превращается в недопустимую нелепость. Всеобщее распространение получает понимание реальной возможности обеспечить работой всех, кто в ней нуждается. Потребность рабочего в обеспеченном месте в производстве приобретает, таким образом, дополнительный стимул; опыт государственного регулирования занятости, развитие социального обеспечения придали ей более четкий, целенаправленный характер: стало яснее, как, какими средствами можно избежать безработицы и ее последствий.

Настроения рабочих все чаще отличаются более, чем когда-либо раньше, непримиримым отношением к угрозе безработицы и вместе с тем большей склонностью к поддержке конкретных экономических решений, способных ее предотвратить.

Эти настроения наложили яркий отпечаток на борьбу против безработицы в ряде «кризисных» районов и отраслей.

В условиях кризиса занятости рабочий лишь очень редко может найти «индивидуальный выход» из угрожающей ситуации. Судьба каждого здесь особенно тесно связана с судьбой всех и самым непосредственным образом зависит от результатов коллективной, организован-

ной борьбы в защиту занятости и жизненного уровня. Поэтому в представлениях рабочих о своем будущем ведущую роль приобретает «коллективный проект», в котором личные перспективы неразрывно связываются с перспективами группы — всей массы трудящихся предприятия, отрасли, района. Подобная ориентация сознания часто создает психологическую почву для особенно высокого развития пролетарского коллективизма, солидарности, организованности.

Как отмечают конкретные социологические исследования, во многих «кризисных» районах профсоюзы имеют особенно прочную опору в рабочей массе³⁸. Выступления трудящихся этих районов отличается высокая степень единства и организованности, подлинно массовый характер борьбы. Так, в ходе забастовки шахтеров весной 1963 г. было достигнуто невиданное прежде единство профсоюзов. Межпрофсоюзные стачечные комитеты фактически руководили всей жизнью в шахтерских поселках, принимали меры по обеспечению технической безопасности в шахтах, организовывали частичное возобновление производства для снабжения населения газом. О высокой организованности бастовавших шахтеров свидетельствует неудача всех попыток дирекции и властей спровоцировать какие-либо инциденты.

Те же особенности характеризуют выступления судостроителей Нормандии и Прованса, рудокопов и металлургов Лотарингии. Массовый характер выступлений, высокий боевой дух трудящихся, единство выразились в широком развитии таких форм борьбы, как стачки, сопровождающиеся занятием заводов или шахт, многотысячные демонстрации и марши. В марше в Тулоне, организованном в феврале 1966 г. в знак протеста против закрытия верфи в Ла Сэн, приняла участие по меньшей мере половина взрослого населения города³⁹. Столь же широкий характер носили манифестации трудящихся Сен-Назера в 1960, 1964 и 1967 гг.

В подобных движениях часто объединяются представители самых разнородных социальных групп и общественно-политических течений. В забастовке угольщиков

³⁸ См., например, S. Moscovici. *Reconversion Industrielle et changements sociaux, un exemple: la chapellerie dans l'Aude*. Paris, 1961.

³⁹ «Le Nouvel Observateur», № 66, 1966, p. 8.

весной 1963 г. активно участвовали инженеры. В классовых боях в Сен-Назере весной 1967 г. ведущую роль сыграли техники, чертежники, служащие и низший административный персонал верфей «Шантье де л'Атлантик», выдержавшие трудную двухмесячную стачку⁴⁰. Под влиянием забастовки рудокопов Трие в декабре 1963 г. в Меце были созданы Генеральные штаты, принявшие манифест в защиту железорудного бассейна и лотарингской металлургии. В них приняли участие представители всех профсоюзов, всех партий, кроме правящей, муниципалитетов, организаций коммерсантов и т. п.⁴¹ В Комитеты по защите занятости, создававшиеся в Атлантической Луаре в начале 1964 г., входили представители всех профсоюзов, компартии, СФИО, Объединенной социалистической партии, МРП, мэры многих коммун⁴². Степень единства, достигнутая в ходе борьбы за занятость в департаменте Вар в начале 1966 г., характеризуется следующим фактом: в созданный здесь «Комитет защиты и развития экономики Вара» вошли представители решительно всех социальных групп, за одним исключением — местных промышленников⁴³. В стороне от таких движений не остается обычно и церковь. Осенью 1964 г., в момент подъема борьбы против увольнений судостроителей Ла Сэн, во всех церквях департамента читалось пасторское послание епископа Тулона, в котором он осуждал владельцев верфей⁴⁴. Впоследствии некоторые представители высшей церковной иерархии принимали участие в маршах протеста.

Над колоннами рабочей демонстрации в Ла Сэн можно было видеть рядом лозунги «Нет безработице!» и «Вар хочет жить!». Широкий социальный и политический состав движения наглядно демонстрирует рабочему обществу его непосредственных интересов с интересами всего населения города или района, всей массы занятых в данной отрасли промышленности. А это обстоятельство побуждает его более широко представлять себе собственные интересы; ведь, если угроза его месту на работе

⁴⁰ «L'Humanité», 4.V 1967.

⁴¹ «L'Humanité», 3.I 1964.

⁴² «Le Monde», 30.I 1964.

⁴³ «Le Nouvel Observateur», № 66, 1966, p. 8.

⁴⁴ Supplément a «L'Union des Métallurgistes», № 178, avril 1965, p. 64.

и жизненному уровню отождествляется с угрозой для целого района или целой отрасли промышленности, наиболее эффективным средством защиты становится борьба за радикальное улучшение существующей экономической ситуации. Социальная обстановка такого рода локальных кризисов облегчает восприятие рабочими подобного вывода, даже если и не все они осознают его в столь логической форме. Иначе говоря, создаются благоприятные психологические предпосылки для объединения личных стремлений и чаяний вокруг «коллективного проекта», обладающего позитивным и конкретным социально-экономическим содержанием.

Нельзя ограничиваться только оборонительной борьбой против увольнений, надо бороться за реальные экономические меры, обеспечивающие занятость, — такой взгляд приобрел в последние годы большое влияние в рабочем движении «кризисных» районов, отразился в его требованиях и лозунгах. Обычным в выступлениях судостроителей, металлургов, шахтеров стало, например, требование обучения увольняемых трудящихся за счет предпринимателей или государства новым профессиям при сохранении 80—90% заработной платы. В принципе, как уже говорилось, практика такого обучения существует, но борьба идет за ее расширение, за предоставление максимальному числу рабочих мест в учебных центрах.

В ряде случаев в ходе массовой борьбы за гарантии занятости выдвигаются и гораздо более широкие требования. Например, организации металлистов Атлантической Луары требуют национализации судостроения, развития в департаменте сети металлургических и станкостроительных предприятий. В Лотарингии местные организации компартии и ВКТ выдвинули программу развития металлургической промышленности, рассчитанную на значительный рост национального производства стали⁴⁵. Конечно, на пути развития массовой борьбы за подобные цели существуют немалые трудности. На одном из митингов в Сен-Назере местный профсоюзный лидер «Форс увриер» заявил по поводу предложения о создании новых заводов в районе: «Это не касается рабочего

⁴⁵ «France Nouvelle», № 1089, 31.VIII 1966, p. 12.

класса»⁴⁶. Подобные установки, очевидно, отражают настроения части рабочих, которым пока что трудно понять связь между борьбой за традиционные непосредственные цели (против увольнений, за зарплату и т. п.) и за прочные гарантии будущего. Однако общая тенденция развития рабочего сознания выражается как раз в распаде узкосектантских представлений и росте стремления рабочего класса решить в свою пользу все насущные экономические и социальные проблемы.

В 1967—1968 гг. проблема занятости по своему значению далеко выходит за рамки отдельных районов и отраслей. Рост массовой безработицы стал одним из главных источников резкого обострения классовых противоречий, которое привело к майской стачке 1968 г. Еще во время забастовок протеста и манифестаций, предшествовавших майским событиям, широкую поддержку рабочих получили требования запретить предприятиям увольнения без трудоустройства обязать компании, проводящие концентрацию или модернизацию создавать новые рабочие места⁴⁷. Эти требования, отражающие стремление трудящихся навязать буржуазии проведение мер, действительно обеспечивающих занятость, заняли важное место в лозунгах майских боев.

Опыт борьбы с безработицей, ранее приобретенный рабочими отдельных отраслей и районов, становится, таким образом; достоянием всего рабочего класса. Создается благоприятная почва для перерастания этой борьбы в массовое движение за реформы, ограничивающие произвол монополистического капитала.

⁴⁶ «Les Temps Modernes», 1963, № 219-220, p. 320.

⁴⁷ «Economie et politique», 1967, № 156, p. 13.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЖИЗНЕННЫЙ УРОВЕНЬ И СОЗНАНИЕ. МОТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

Каждый рабочий твердо знает, что труд для него — источник существования. Однако между трудом рабочего и средствами его жизни возвышается фигура собственника средств производства — капиталиста. Материальные результаты труда воплощаются для рабочего в заработной плате, которую он получает от капиталиста в обмен на свою рабочую силу. Поэтому в сознании рабочего размер заработной платы — и, следовательно, степень удовлетворения им и членами его семьи своих жизненных потребностей — зависит в первую очередь от воли капиталиста или его представителя на производстве.

Главная и решающая для рабочего функция его труда неизбежно связана в его представлениях с ролью капиталиста, «хозяина», «шефа» как силы, определяющей, что именно принесет ему его труд. Иначе говоря, в условиях капиталистического производства восприятие работником материальных результатов труда неотделимо от сознания им социальных отношений между капиталистом и рабочим. Независимый товаропроизводитель может объяснять низкий уровень своих доходов стихией рынка, игрой каких-то непонятных ему сил. Рабочий воспринимает низкую, не удовлетворяющую его нормальных потребностей зарплату как следствие своего подчинения капиталисту, присвоения собственником средств производства продукта его труда. Поэтому уже элементарные отношения купли-продажи рабочей силы содержат в себе важнейшую предпосылку осознания рабочими капиталистической эксплуатации, коренной противоположности своих интересов интересам капиталистов.

Несомненно, однако, что эта общая, вскрытая марксизмом закономерность развития пролетарского сознания, проявляется в различных исторических условиях по-разному. На осознание рабочими эксплуатации оказывают влияние такие факторы, как размер реальной зарплаты, ее соотношение со стоимостью рабочей силы, или, вернее говоря, поскольку речь в данном случае идет об отражении экономических категорий в сознании,— соотношение зарплаты со стоимостью предметов потребления, воспринимаемых рабочим как необходимые. Каковы же специфические особенности воздействия этих факторов в условиях современного капиталистического производства? В чем сознание капиталистической эксплуатации, свойственное современному рабочему, отличается от сознания, существовавшего на более ранних этапах развития капитализма?

При ответе на эти вопросы важно, очевидно, правильно оценить значение характерных для нашей эпохи изменений в структуре потребления и образе жизни рабочего класса. Быть может, природу таких изменений лучше всего позволят понять непосредственные наблюдения очевидцев.

Более 50 лет назад французские публицисты Леон и Морис Бонеф, проводя обследование условий труда и жизни рабочих, посетили, в частности, крупнейшие центры текстильной промышленности севера Франции — Лилль, Рубе, Туркуэн. Обходя жилища рабочих, они повсюду встречались с потрясающей нищетой их обитателей. Наиболее типичной, судя по описанию Бонефов, была рабочая семья, «которая, питаясь овощами и картофелем..., не в состоянии восстановить силы, потраченные на работе, и кормить детей». Обычные жилищные условия рабочих семей — «одна комната, без достаточного воздуха и света, на трех, четырех, восьмерых человек». В такой комнате стирается и сушится белье, родители и дети спят вместе на одной кровати, часто без простынь. Естественные последствия таких условий жизни — массовый туберкулез, высокая детская смертность (почти половина детей погибала от недоедания и различных болезней).

Жена одного рабочего, больная туберкулезом, на вопрос, чем она объясняет свою болезнь, ответила: «Нищетою. Совсем маленькой я уже работала на фабрике

тюля... С тех пор как я вышла замуж, я никогда не была сыта»¹.

В книге современного французского автора Ш. Бельвиля описывается жизнь текстильщиков того же района в 50-х — начале 60-х годов. Бельвиль рассказывает, как в течение 15 послевоенных лет семьи рабочих Рубе и Туркуэна одна за другой покидали трущобы и переселялись в современные дома. Переселение в новые квартиры повлекло за собой развитие новых потребностей. Понадобилась мебель, предметы хозяйственного обихода и комфорта. Эти вещи приобретались, в соответствии с распространенной практикой, в кредит. К тому же квартплата в новых домах значительно выше, чем в старых. В результате рабочие семьи все больше экономят на питании. По наблюдению одного школьного врача, у детей рабочих, переехавших в новые дома, ухудшается режим питания, слабеет здоровье. В конце 50-х годов в связи с сокращением занятости в текстильной промышленности в районе Рубе — Туркуэн широкое развитие получила частичная безработица (в 1958—1959 гг. многие рабочие трудились 32 часа в неделю). Связанное с этим резкое падение зарплаты поставило многие рабочие семьи на грань катастрофы. Часть из них была вынуждена вернуться в трущобы. Другие, стремясь любой ценой удержаться в новой квартире, платят часть квартплаты, урезая все остальные расходы. У них отключают газ, электричество, горячую воду. «Так, со свечой, поставленной на потухший телевизор, со стиральной машиной, служащей баком для грязного белья, многочисленные семьи рабочих-текстильщиков живут в своих новых квартирах с потенциальным комфортом, который их зарплата не позволяет им использовать»².

Конечно, уровень жизни текстильщиков Рубе и Туркуэна далеко не тот, что 50 лет назад. Но и в новых условиях перед ними постоянно возникает старая проблема: как совместить удовлетворение своих насущных жизненных потребностей с несоответствующей им низкой заработной платой? Потребности, воспринимаемые как все более необходимые, еще сильнее обостряют эту проблему.

¹ L. et M. Bonneff. *La vie tragique des travailleurs*. Paris, 1914, p. 22—29.

² Ch. Belleville. *La nouvelle classe ouvrière*. Paris, 1963, p. 121—127.

Можно представить себе состояние людей, которые ценой лишений получили более удобную квартиру, газ, теплую воду, уже почувствовали перемену в условиях жизни и в конце концов вынуждены расстаться со всем этим, вернуться к старому.

Пример текстильщиков Рубе — Туркуэна отражает один из вопиющих парадоксов современного капитализма. Рабочий покупает телевизор и холодильник, а его дети недоедают! Развитие производительной силы труда формирует новые потребности, создает новый быт, внешне совершенно непохожий на образ жизни рабочего начала века, но элементарные жизненные потребности далеко не всегда удовлетворяются в полной мере.

Подобные факты находятся в резком противоречии с широко распространенной теорией, утверждающей, что рост производительных сил в капиталистическом обществе неизбежно ведет к смягчению классовых противоречий. Например, известный французский социолог Р. Арон, признавая существование противоречия между требованиями рабочих в области зарплаты и стремлением промышленников к прибыли, приходит к выводу, что это противоречие не является непримиримым, поскольку «накопление производительных сил влечет за собой повышение зарплаты». Для современного рабочего класса, по мнению Арона, характерно «принятие целого и протест против деталей»³.

Описанные выше события в жизни текстильщиков Рубе — Туркуэна как раз совпали по времени с кампанией технической модернизации и повышения производительности труда, развернувшейся в текстильной промышленности. Социологи, изучавшие в 1959—1960 гг. результаты этой кампании, констатировали, что «преимущества, которые должны были получить рабочие вследствие роста производительности, ускользнули от них, ибо повышение зарплаты и премий лишь компенсировало рост стоимости жизни»⁴. Какое же «удовлетворение» могли испытывать рабочие, для которых в ряде случаев оказалось невозможным даже сохранить уже достигнутый уровень жизни? Отвечая на вопросы, заданные со-

³ R. Aron. *La lutte de classes*. Paris, 1964, p. 139, 229.

D. Lahalle, N. Lowit-Fratellini. *Les attitudes ouvrières en face du progrès technique.* — «Cahiers d'étude de l'automation...», 1962, № 3, p. 232.

циологами, большинство опрошенных текстильщиков отрицали какое-либо улучшение своего положения в результате роста производительности труда. Многие из них ссылались при этом на увеличение утомительности труда, не сопровождающееся каким-либо ростом реальной заработной платы. Вот некоторые типичные высказывания: «Вся выгода достается хозяину»; «Прогресс никогда не бывает в интересах рабочего»⁵. Такого рода настроения, конечно, невозможно свести к «протесту против деталей».

Эволюция условий жизни рабочих Рубе — Туркуэна, разумеется, только частный пример. Изменения в материальном положении различных групп рабочего класса определяются сложными и подчас противоречивыми процессами, которые не могут быть сведены к какой-либо простой однозначной формуле. Тем не менее этот пример отражает некоторые общие тенденции, характерные для эволюции материального положения французского рабочего класса.

Мы не располагаем достаточно точными данными, позволяющими судить о том, в какой степени реальная заработная плата в различных отраслях французской промышленности удовлетворяет потребности рабочих и их семей. Для определения прожиточного минимума во Франции применяется либо так называемый типичный бюджет чернорабочего Парижского района, исчисленный в 1953 г. Высшей комиссией по коллективным договорам, либо соответствующие бюджеты профсоюзных организаций, также относящиеся к 1953 г. или даже к еще более ранним годам. Между тем, как отмечает А. Ноло, автор исследования о жизненном уровне рабочего класса, с тех пор «потребности изменились и возросли... Сравнивая, начиная с 1953 г., среднюю месячную зарплату с месячными потребностями, можно было бы сказать, в какой пропорции удовлетворяются потребности каждый год. Эта пропорция составила бы индекс удовлетворения потребностей, который дал бы гораздо более точное представление об эволюции уровня жизни... Но мы не располагаем в настоящее время бюджетом потребностей...»⁶.

⁵ Ibid., p. 202, 203, 210—212.

⁶ H. Nolleau. Les prix, le pouvoir d'achat, la production, la productivité depuis 1949.— «Economie et politique», suppl. au № 113 (1963).

О неприменимости бюджета 1953 г. к современным условиям свидетельствует хотя бы тот факт, что в нем не учтены расходы на хозяйственную электроаппаратуру, ныне получившую широкое распространение в быту (не говоря уже об индивидуальных средствах транспорта, о расходах на приемник, телевизор и т. п.).

Тем не менее сравнение заработной платы даже с этим весьма низким и уже устаревшим жизненным минимумом все же позволяет сделать некоторые существенные наблюдения. Так, в 1957 г., когда был достигнут самый высокий за 50-е годы уровень реальной зарплаты, средненациональная зарплата рабочего составляла 121% прожиточного минимума, причем для мужчин это соотношение равнялось 131, а для женщин — 84%. Средний доход рабочей семьи с двумя детьми, в которой работали и муж, и жена, составлял к началу 1958 г. 116% ее прожиточного минимума, если же жена не работала — всего 73% ⁷.

Эти данные, очевидно, свидетельствуют о том, что значительная часть французских рабочих получила со второй половины 50-х годов возможность удовлетворять какие-то потребности, выходящие за рамки прожиточного минимума 1953 г. Но для многих из них подобное расширение потребления оставалось недоступным. В особенности это относится к многодетным семьям с одним работающим, неквалифицированным рабочим, к рабочим провинциальных районов с низким минимумом заработной платы. Не следует забывать, что средние цифры не отражают всего многообразия конкретных ситуаций. Так, если средняя зарплата чернорабочего в Париже составляла в 1957 г. 112% прожиточного минимума, то провинциального чернорабочего — лишь 92%. Даже средняя зарплата квалифицированного рабочего не могла обеспечить официальный прожиточный минимум семьи из четырех человек; чтобы превысить этот минимум, необходимо было работать также и жене ⁸. В 1963 г. 23% рабочих получали зарплату ниже официального прожиточного минимума ⁹.

⁷ См. «Проблемы экономики и политики Франции после второй мировой войны». М., 1962, стр. 237, 239.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

Об определенном росте потребления и жизненного уровня французского рабочего класса свидетельствует динамика реальной заработной платы (табл. 11).

Т а б л и ц а 11

Эволюция покупательной способности почасовой зарплаты французского рабочего в 1952—1966 гг. (1952 г.=100) *

Год	На основании индекса стоимости жизни ВКТ	На основании средней от всех индексов стоимости жизни, применяемых негосударственными (профсоюзными и другими) организациями
1953	100,2	102
1954	108,2	106,4
1955	116,1	113,3
1956	122,5	116,5
1957	126,3	119,1
1958	122,0	113,8
1959	119,6	113,9
1960	120,8	115,8
1961	122,1	117,5
1962	123,2	118,3
1963	125,7	120,3
1964	128,0	123,7
1965	131,6	127,1
1966, июль	133,4	128,9

*«Economie et politique», 1967, № 153-155, p. 155.

Приведенные данные отражают лишь изменения в покупательной способности почасовой зарплаты. Между тем заработки рабочих росли во многих случаях также за счет увеличения рабочей недели. Во французской обрабатывающей промышленности средняя продолжительность рабочей недели поднялась с 44,3 час. в 1949 г. до 46,3 час. в 1957 г. и до 47,1 час. в 1962 г.; оплата сверхурочных (т. е. более 40 часов в неделю) часов и премий за производительность с 1957 г. составляет 19—21% к

почасовой зарплате¹⁰. Поэтому реальная месячная зарплата рабочих зачастую снижается медленнее, а растет быстрее, чем реальная почасовая зарплата. Например, покупательная способность месячной зарплаты рабочего, исчисленная на основании индекса ВКТ, составила в 1953 г. 82,4% и в июле 1966 г. 115,7% от уровня 1938 г., а почасовая зарплата соответственно 71,7% и 95,5%¹¹.

Выше уже говорилось, что психологическое восприятие рабочим материальных результатов труда зависит от того, в какой степени получаемая им заработная плата позволяет ему удовлетворять свои потребности. С этой точки зрения рост реальной зарплаты, т. е. увеличение объема товаров и услуг, которые становятся доступными рабочему, сами по себе не могут служить показателем растущего удовлетворения потребностей. По словам К. Маркса, «наши потребности и наслаждения порождаются обществом; поэтому мы прилагаем к ним общественную мерку, а не измеряем их предметами, служащими для их удовлетворения. Так как наши потребности и наслаждения носят общественный характер, они относительны». Поэтому рост доступных рабочему наслаждений может сопровождаться падением доставляемого ими общественного удовлетворения¹².

Рост общественных потребностей в целом и рост потребностей рабочего класса в частности представляют собой объективную закономерность, присущую развитию капитализма¹³. Вскрывая механизм этого процесса, К. Маркс указывал, что «быстрый рост производительного капитала вызывает столь же быстрое возрастание богатства, роскоши, общественных потребностей и общественных наслаждений»¹⁴. Иначе говоря, развитие производительных сил — материальная основа и источник роста общественных потребностей.

В современных условиях, когда развитие капиталистического производства происходит на базе научно-технической революции, рост общественного богатства

¹⁰ Н. Nollet u. Op. cit., p. 24. Почасовая ставка увеличивается на 25% за каждый час свыше 40 час. в неделю и на 50% — за каждый час свыше 48 час.

¹¹ «Economie et politique», 1967, № 153—155, p. 156.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 6, стр. 446.

¹³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 101.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 6, стр. 446.

идет особенно быстрыми темпами. Объем продукции французской промышленности возрос к 1965 г. более чем в 3 раза по сравнению с 1938 г.¹⁵ Одна из важнейших черт современного этапа развития производительных сил — громадное расширение массового, серийного производства товаров индивидуального потребления. Этот процесс захватил как относительно новые, так и некоторые более «старые» товары, ранее представлявшие собой предметы роскоши. Происходит массовое вторжение в быт крупной электрохозяйственной аппаратуры, телевизоров, автомобилей, началось массовое индустриальное жилищное строительство. Одновременно значительно расширились каналы воздействия на психологию потребителя — капиталистическая реклама получила возможность в невиданных ранее масштабах использовать средства массовой коммуникации. Все это значительно изменило ту «общественную мерку», на основе которой рабочий определяет свои потребности.

Сдвиги в условиях труда и жизни рабочих также стимулировали развитие в их среде новых потребностей. Как уже отмечалось в литературе, эти сдвиги, растущая интенсификация труда, повышение в ряде случаев требований, предъявляемых к профессиональным качествам работника, изменения в размещении промышленности и удаление места работы от места жилья во многом меняют условия воспроизводства рабочей силы и повышают ее стоимость¹⁶.

Все эти обстоятельства объясняют те относительно быстрые темпы, которые характеризуют нынешний этап эволюции потребностей рабочего класса.

Современная квартира с бытовыми удобствами становится для рабочего столь же элементарной жизненной потребностью, как еда и одежда. Так же воспринимает он все более необходимые в быту электрохозяйственные аппараты, средства отдыха и развлечения, дающие разрядку после изматывающего нервную систему труда.

¹⁵ «Economie et politique», № 153-155, 1967, p. 157.

¹⁶ Н. Nolleau. Reflections sur la notion de besoins.— «Economie et politique», 1967, № 153-155; О. Сальковский. Империалистическая интеграция и эксплуатация пролетариата.— «МЭ и МО», № 3, 1965; Г. Дилленгоки. «Общество потребления» и классовое сознание пролетариата.— «МЭ и МО», № 7, 1965. См. также гл. 7 настоящей работы.

Индивидуальное средство передвижения — автомобиль — тоже превращается в элемент его жизненного стандарта. Последнее обстоятельство — излюбленный аргумент сторонников теории «единого типа потребления», будто бы установившегося в капиталистическом обществе. В действительности мотивы приобретения и способы использования автомобиля рабочими семьями во многом отражают условия материальной необеспеченности и социального неравенства, определяющие положение рабочего класса.

Несомненно, отдаленность места жилья от места работы и удлиненный рабочий день нередко превращают автомобиль в первостепенную необходимость, в средство сэкономить хоть немного времени на отдых после работы. В подобных случаях ради покупки и содержания автомобиля рабочий часто жертвует удовлетворением других своих бытовых и культурных потребностей. «Для меня машина — средство экономить час в день на дороге, — сказал нам высококвалифицированный парижский рабочий. — На автобусе я еду на работу 45 минут, на машине — 15. Поэтому я предпочел машину телевизору».

Однако сплошь и рядом место автомобиля в «иерархии потребностей», его психологическое значение не соответствуют его реальной потребительной стоимости. Так, рабочий нередко покупает автомобиль, еще не имея сносных жилищных условий, а купив — не использует его по прямому назначению: чтобы убыстрить и облегчить повседневное передвижение к месту работы. В одном из парижских предместий мы видели подержанные малолитражки, стоящие у домов обитателей «бидонвилля» — жалких лачуг, сделанных из фанеры, жести, старых автобусов. По свидетельству одного из руководящих деятелей Французской демократической федерации труда Детраза, рабочий часто жертвует образованием своих детей ради приобретения и содержания автомобиля, которым он пользуется два месяца в году из-за дороговизны бензина и ремонта¹⁷. Это подтверждается и статистическими данными: 62% рабочих, имеющих автомобиль, используют его только для прогулок¹⁸.

¹⁷ «Les nouveaux comportements politiques de la classe ouvrière». Paris, 1962, p. 185.

¹⁸ «Etudes et conjoncture», 1964, № 9, p. 57.

Помимо реальных потребностей, коренящихся в условиях труда и жизни рабочих, на желание приобрести автомобиль большое влияние оказывает общий «стандарт потребления», установившийся в капиталистическом обществе. А стандарт этот обусловлен не столько рационально обоснованной системой потребностей, сколько интересами сбыта рентабельной (с точки зрения капиталистического производства) массовой продукции. Восприимчивость ряда рабочих к подобным нормам потребления, во многом мистифицирующих их реальные потребности, усиливается моральными аспектами социального неравенства: в автомобиле иной раз видят признак социального престижа, как-то компенсирующий психологическую зависимость и подчиненность общественного положения человека¹⁹. К моральным мотивам современных материальных потребностей рабочих мы еще вернемся в другом месте.

Наиболее явное внешнее проявление эволюции потребностей рабочих — рост потребления ими современных товаров длительного пользования, который во Франции стал особенно заметным с середины 50-х годов (табл. 12).

Таблица 12

Обеспеченность рабочих семей товарами длительного пользования *

Год и месяц	Процент рабочих семей, имеющих				
	автомобиль	телевизор	холодильник	стиральную машину	пылесос и электрополотер
1953, май	8	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
1954, декабрь	Нет данных	0,9	3,3	8,5	6,3
1960, апрель	24,4	14,1	22,1	27,2	24,7
1965, декабрь	47,8	51,5	62,6	47,7	42,1

* Institut National de la Statistique et des Etudes Economiques. Quelques données statistiques sur l'équipement des ménages en janvier 1965, p. 3; «Etudes et conjoncture», suppl. au № 5, 1966.

¹⁹ По словам одного из рабочих, лишь когда он едет в своей машине, с ним обращаются вежливо: «Я навожу справки о дороге..., флик (полицейский) подбегает, рука у фуражки — он думает, что имеет дело с «мсье» (A. A n d r i e u x, J. L i g n o n. L'ouvrier d'aujourd'hui. Paris, 1960, p. 34).

Вместе с тем приведенные данные показывают, что в середине 60-х годов более чем половине французских рабочих был недоступен набор современных товаров длительного пользования. В тот же период неудовлетворительные жилищные условия, жизнь в квартирах, лишенных удобств, продолжали оставаться уделом большинства рабочих семей. По материалам обследования конца 1962 г., лишь 45% семей мастеров и квалифицированных рабочих и 28% мало- и неквалифицированных рабочих имели в квартирах горячую воду, соответственно 40 и 25% — ванну, душ или умывальник. 82% семей мастеров и квалифицированных рабочих и 88% семей мало- и неквалифицированных не имели в квартирах центрального отопления²⁰.

По своим темпам и масштабам процесс приобретения рабочими новых товаров намного опережает рост реальной заработной платы. Поэтому в большинстве случаев удовлетворение новых потребностей связано для рабочей семьи с покупками в кредит и ростом задолженности. По данным обследования 1962 г., 54% мастеров и квалифицированных рабочих и 66,3% мало- и неквалифицированных рабочих, обладателей крупных бытовых электроприборов, приобрели их в кредит. 60,6% квалифицированных рабочих, имеющих автомашины, также купили их в рассрочку (при этом 68% автомобилей, принадлежащих рабочим, куплены в подержанном состоянии)²¹.

Именно этим объясняется рост доли выплат по кредитам в расходах рабочих семей.

Бремя задолженности по кредитам тем более велико, чем ниже уровень семейных доходов. В начале 60-х годов рабочая семья из четырех человек с доходом значительно выше среднего (1600 фр. в месяц) выплачивала по кредитам ежемесячно 45—50 фр., а семья со средним доходом 1000 фр.—56—65 фр.²² Стремление удовлетворить новые потребности побуждает рабочего трудиться сверхурочно, что ведет к переутомлению и к преждевре-

²⁰ «Etudes et conjoncture», 1965, № 10.

²¹ Ibid., p. 39.

²² M. Bouvier-Ajam, G. Mury. Les classes sociales en France, t. II, p. 475—482.

менному изнашиванию организма²³. Для многочисленных рабочих семей относительно обеспеченный минимум оказывается возможным лишь при условии, что работает жена²⁴. Тем более сложной становится для них проблема ухода за детьми, которая сплошь и рядом оборачивается трудно разрешимой альтернативой: либо примириться с материальной нуждой, экономить во всем, либо пренебречь нормальным воспитанием детей.

Для психологического восприятия рабочим материальных результатов своего труда имеет значение не только динамика реальной зарплаты в течение более или менее длительного периода, не только степень ее соответствия потребностям, но и степень ее стабильности, колебания реальной зарплаты на протяжении относительно коротких промежутков времени. На практике рост номинальной зарплаты никогда не происходит параллельно росту цен: ее повышение происходит каждый раз под влиянием борьбы трудящихся или (значительно реже) увеличения официального минимума зарплаты, идет скачками и с определенным отставанием от роста стоимости жизни. Отсюда явление, называемое некоторыми экономистами «зубьями пилы»: каждому повышению реальной зарплаты предшествует ее снижение, которое далеко не всегда компенсируется последующим повышением. Вот, например, как эволюционировала средняя реальная зарплата в 1959—1960 гг. в частном секторе (I.IV.1957 г. = 100)²⁵:

1959 г.		1960 г.
январь	92,9	январь 91,6
апрель	91,5	апрель 92,2
июль	92,4	июль 93,0
октябрь	91,4	октябрь 91,9

²³ Рабочие предприятий авиационной промышленности Тулузы так объясняли в 1956—1957 гг. необходимость сверхурочной работы: «Без дополнительных часов трудно связать концы с концами... Нельзя сказать, что без них было бы нечего есть, на питание хватало бы, но одеваться было бы невозможно». «Я предпочел бы работать меньше дополнительных часов, но я жертвую охотно своим досугом, чтобы в доме ни в чем не было недостатка» («Sociologie du travail», 1963, № 1, p. 48).

²⁴ Число работающих женщин — матерей одного ребенка возросло с 1954 по 1962 гг. на 51%, матерей двух детей — на 83% («L'Express», 1965, № 717, p. 40).

²⁵ Данные на 1 число каждого месяца [«Economie et politique», suppl. au № 113 (1963), p. 52].

Нетрудно понять психологические последствия этого «зубчатого» изменения покупательной способности рабочих семей. Рабочий приобретает те или иные товары (часто в кредит), переселяется в новую, более дорогую квартиру, строит планы отпуска, исходя из размера своих реальных доходов на сегодняшний день. Он не знает, что произойдет с этими доходами через месяц или через полгода. Каждое его действие как потребителя связано с чувством неуверенности. Через какое-то время цены поднимаются, и баланс его бюджета, а вместе с тем и уже, казалось бы, достигнутый жизненный уровень оказывается под угрозой. Как выплачивать взносы по кредиту, квартирную плату? Надо принимать новые решения, на чем-то экономить...

В целом, даже независимо от общей тенденции изменений в реальной зарплате на протяжении ряда лет, напряженность бюджета остается характерной чертой повседневной жизни рабочих семей. Ее основной источник — несоответствие заработной платы нынешнему уровню их потребностей. Особенно тяжелую финансовую проблему создает для рабочих необходимость оплаты жилья, «приличной», т. е. достаточной по площади и обеспеченности современными удобствами квартиры. В ходе беседы с профсоюзными активистами одного из типичных парижских промышленных предместий — Курнев — выяснилось, что квартплата вместе со стоимостью коммунальных услуг составляет здесь 42—54% зарплаты малоквалифицированного и 28—36% — высококвалифицированного рабочего (при 49-часовой рабочей неделе). В промышленном городке Ножан-ле-Ротру (департамент Эр и Луара) за квартиру в стандартном доме, входящем в систему так называемых жилищ с умеренной квартплатой (Н. Л. М.—организации, финансируемые государством, муниципалитетами и предпринимателями, созданные для развития массового жилищного строительства), надо платить около 400 фр. в месяц, а заработок малоквалифицированного рабочего-металлиста составлял здесь в 1965 г. 650—750 фр.

В подобных условиях ни известный рост реальной заработной платы, ни изменения в структуре потребления не устраняют причин неудовлетворенности рабочих своим материальным положением. Напротив, расширение потребления может даже усиливать эту неудовлетворен-

ность. В условиях хотя бы и очень медленного роста зарплаты рабочему кажется все более возможным приобретение материальных благ, которые ранее представлялись ему недоступной роскошью. Он становится восприимчивее к рекламе и создаваемому ею стандарту потребления.

Иначе говоря, рост зарплаты содействует кристаллизации, осознанию рабочим новых потребностей. Но тем острее его разочарование, когда он обнаруживает противоречие между этими потребностями и узкими рамками своего бюджета.

В буржуазной социологии стало своего рода трюизмом утверждение, что по мере роста зарплаты и расширения объема потребления рабочих они перестают чувствовать себя эксплуатируемым классом, все более «интегрируются» идеологически в капиталистическое общество. Однако, даже если абстрагироваться от всех других сторон положения рабочего класса и иметь в виду только восприятие рабочими зарплаты, мы обнаруживаем в рабочей среде совершенно иные настроения. В этом отношении весьма показательны различные опросы французских рабочих, проводившиеся в конце 50-х годов, т. е. в период, когда изменения в условиях материальной жизни рабочего класса стали особенно очевидны. Важно отметить, что речь идет о рабочих крупных предприятий металлообрабатывающей и электротехнической промышленности (в том числе расположенных в парижском районе), для которых характерен относительно высокий уровень заработной платы.

Вот выводы социологов, проводивших эти опросы: «Рабочие массы обычно думают, что капиталистический строй, живущий эксплуатацией рабочих, предполагает если не голодную зарплату..., то, по меньшей мере, недостаточную зарплату»²⁶. «Чувство эксплуатации живуче в рабочем классе»²⁷.

Разумеется, нельзя искать основу подобных представлений (как это делают иные социологи) только во влиянии «традиционной психологии» французского рабочего

²⁶ A. Andrieux. J. Lignon. L'ouvrier d'aujourd'hui. Paris, 1960, p. 135.

²⁷ P. Rolle. Attitudes ouvrières et situation de travail.— «Cahiers d'étude de l'automatisme...», 1962, № 3, p. 151.

класса. Их главный источник — собственный повседневный опыт трудящихся. А этот опыт постоянно воспитывает у них сознание зависимости жизненного уровня от соотношения сил между буржуазией и рабочим классом. Отсюда понимание необходимости коллективной борьбы как главного средства защиты и повышения жизненного уровня. Те или иные уступки в области зарплаты, вырванные у капиталистов, показывают рабочим массам необходимость дальнейшей борьбы за новые уступки, завоеванные позиции становятся плацдармом новых боев. Пример Франции обнаруживает достаточно ясно несостоятельность теорий о «затухании классовой борьбы» и «изживании стачек» в условиях высокой экономической конъюнктуры и роста производства.

Было бы, однако, неправильно думать, что изменения в заработной плате вообще не оказывают никакого воздействия на сознание трудящихся. Характер этого воздействия в немалой степени зависит от объема и темпа изменений, от положения на предприятии и в отрасли промышленности, от общей социальной обстановки. Следует также учитывать весьма значительные различия в уровне зарплаты между отдельными группами рабочего класса. Помимо различий, обусловленных квалификацией и ситуацией в каждой конкретной отрасли промышленности, сохраняется значительный разрыв между оплатой труда мужчин и женщин, между зарплатой в разных районах.

В июле 1966 г. средний почасовой заработок высококвалифицированного рабочего парижского района, трудящегося в отрасли с максимальной зарплатой, составлял 6,51 фр., а в ряде провинциальных районов средний почасовой заработок неквалифицированной работницы отрасли с минимальной зарплатой был равен 2,18 фр.²⁸

На автомобильном заводе Пежо среднемесячный заработок малоквалифицированного рабочего составлял в 1964 г. около 670 фр., а в таких районах, как Вандея или Крез, 300 фр. считались неплохой месячной зарплатой. В течение десятилетия 1955—1965 гг. от 300 до 500 тыс. французских трудящихся, в том числе чернорабочие, тек-

²⁸ «Economie et politique», 1967, № 153—155, p. 143.

стильщики и швейники многих провинциальных предприятий получали заработную плату, не превышающую официально установленного минимума²⁹, что практически означает полунищенский жизненный уровень.

Наряду с относительно статичными различиями в уровне зарплаты (определенными коэффициентом, официально установленным для каждой квалификационной категории и для каждого географического района) в условиях высокой экономической конъюнктуры и научно-технической революции действуют еще и некоторые специфические факторы, от которых зависят особенности динамики заработной платы отдельных групп рабочего класса. Эти факторы, несомненно, оказывают существенное влияние на материальное положение, а нередко и на психологию многих рабочих.

К числу таких факторов относится, во-первых, высокий спрос на квалифицированную и особенно высококвалифицированную рабочую силу, в большой степени связанный с внедрением новой техники и появлением новых специальностей в промышленности. Этот спрос обуславливает более быстрый рост номинальной зарплаты квалифицированных рабочих по сравнению с мало- и неквалифицированными. Так, только с 1 июля по 1 октября 1962 г. средняя почасовая зарплата чернорабочего в Париже возросла на 1,9%, квалифицированного и высококвалифицированного рабочего — на 2,3%³⁰.

Во-вторых, уже отмечавшееся выше значительное увеличение рабочей недели в ряде отраслей промышленности обуславливает рост заработков рабочих за счет повышенной оплаты дополнительных часов. Именно рабочие, трудившиеся более 48 часов в неделю, добивались наиболее высокой зарплаты³¹.

Под влиянием этих факторов некоторые слои рабочих в относительно меньшей степени испытывали «зубчатые» колебания реальной заработной платы, характерные для положения основной массы трудящихся. Рост цен не столь сильно угрожал бюджету этих слоев, их потребе-

²⁹ «L'Express», 1965, № 716, p. 38.

³⁰ «Revue française du travail», 1962, № 4.

³¹ «Нет предприятий с хорошей — что касается зарплаты — репутацией, — отмечает Бельвиль, — которые не добились бы ее в момент, когда рабочая неделя на них превышала 50 часов» (Ch. Belleville. Op. cit., p. 32).

ние отличалось большей стабильностью. С другой стороны, под воздействием тех же процессов на какой-то период упрочилось «привилегированное» (в отношении уровня зарплаты) положение рабочих, в первую очередь квалифицированных, ряда предприятий, принадлежащих к быстро развивающимся отраслям промышленности. Например, средний годовой заработок рабочего нефтеперерабатывающей промышленности составил в 1960 г. 10477 фр., в то время как в обрабатывающей промышленности в целом он был равен всего лишь 6029 фр.³²

Отдельные, правда, незначительные по удельному весу группы рабочего класса приближаются по своему материальному положению — и, следовательно, образу жизни — к слоям населения, стоящим на значительно более высоких ступенях социальной лестницы. Так, в 1960 г. группа населения с годовым доходом 10—20 тыс. фр. включала 8,6% рабочих и 36,1% лиц высшего административно-технического персонала³³. Рабочий, принадлежащий к подобной, более высоко оплачиваемой группе, приобретает возможность, не урезывая себя в необходимом, удовлетворять новые бытовые и культурные потребности своей семьи: жить в удобной квартире, пользоваться телевизором, проводить отпуск в туристическом путешествии.

Понятно, что относительная материальная обеспеченность такого рабочего превращает его в объект особо интенсивного идеологического воздействия. С одной стороны, его уровень жизни ему представляют результатом пресловутой «гармонии интересов» на предприятии. Ведь если он зарабатывает больше, чем рабочие других предприятий, то кому он этим обязан, как не «своему» предприятию, т. е. в конечном счете умелой политике фирмы, ее заботе о благе персонала. С другой стороны, в тех же идеологических целях используются привлекательность и доступность форм потребления, символизирующих буржуазный жизненный стандарт, «среднее благополучие». Труд на капиталиста становится легче изображать как труд рабочего на себя: этот труд дает ему возможность жить как инженер или чиновник («почти

³² «Annuaire statistique de la France», 1962, p. 369.

³³ Ibidem.

как буржуа!»), интересно отдыхать, покупать много новых и красивых вещей. Каналы, через которые распространяются подобные представления, многочисленны и разнообразны: от внутризаводских газет, издаваемых дирекцией, до коммерческой рекламы на страницах массовой прессы. Эффект этой пропаганды, разумеется, не предопределен заранее, сплошь и рядом она терпит полный провал, однако невозможно отрицать ее способность оказывать известное влияние на некоторые группы рабочих.

У аппаратчика на нефтеперерабатывающем предприятии Шелл, зарабатывающего в полтора раза больше рабочего такой же квалификации на соседнем заводе, преимущества «своего» предприятия могут притупить сознание эксплуатации, чувство, что он трудится на другого. Лотарингский металлург, работавший в 1962 г. по 50—60 часов в неделю, воспринимал чрезмерный труд не только как дополнительное бремя, но и как средство заработать на новую квартиру с горячей водой и газом.

Реальная перспектива хотя бы таким образом улучшить свою жизнь могла в той или иной степени ослабить его протест против усилившейся эксплуатации. Например, некоторые из этих рабочих отрицательно относились к идее стачки, опасаясь, что она помешает им оплатить их новые расходы³⁴.

Все это, конечно, не означает, что относительно высокая зарплата и определенный образ жизни автоматически порождают слой рабочей аристократии, чуждый интересам и сознанию основной части рабочего класса. Напротив, многочисленные факты, о которых шла речь в третьей главе книги, доказывают, что квалифицированные и вообще лучше оплачиваемые рабочие образуют один из боевых и активных отрядов французского пролетариата. Необходимо лишь учитывать, что специфические условия эволюции потребления некоторых групп рабочего класса питают иногда представления о зависимости жизненного уровня от положения и политики предприятия, от индивидуальных трудовых усилий рабочего и т. п. А такие представления широко используются

³⁴ Ch. Belleville. Op. cit., p. 75.

господствующим классом для того, чтобы затушевать в сознании рабочих главные факторы роста жизненного уровня: расширение необходимых потребностей, изменившееся соотношение сил между буржуазией и пролетариатом.

Влияние подобных мистифицированных представлений, несомненно, имеет свои границы. Стремление к максимальной прибыли, определяющее деятельность капиталистического предприятия, неизбежно проявляется в политике зарплаты и рано или поздно приходит в открытое столкновение с потребностями рабочих. Иллюзия «постоянного роста жизненного уровня» рассеивается как дым, и антагонизм классовых интересов обнаруживается во всей своей грубой силе.

Шинный завод Клебер-Коломб долгое время пользовался репутацией предприятия с высокой зарплатой и «гармоничными» социальными отношениями. «На Клебер-Коломб не бывает стачек» — любили повторять представители дирекции. Но в начале 1964 г. финансовое положение предприятия несколько ухудшилось, что немедленно отразилось на уровне зарплаты. Характерно, что рабочие тем острее реагировали на этот факт, что он противоречил обычным рекламным заявлениям дирекции. «Наша зарплата, — говорил один из них, — не относится больше к высшей группе. Дирекция больше не прибегает к сравнениям с соседними заводами». Казалось бы, за годы «процветания» Клебер-Коломб усиленно распространяемая идея «общности интересов», «общности судьбы» предприятия и персонала могла в какой-то степени укорениться в сознании рабочих. Но попытка дирекции спекулировать на этой идее с тем, чтобы убедить рабочих взять на себя часть трудностей предприятия, принять участие в выплате его долгов, окончилась полным провалом. «Мы платим долги хозяев, — говорили рабочие. — Завод-то ведь не наш». Короче говоря, они отказались воспринять относительное снижение своего жизненного уровня иначе, чем как усиление эксплуатации, выражающее своекорыстные интересы хозяев. Относительно благоприятные условия оплаты труда не смогли в конечном счете ослабить у них понимание антагонизма, вытекающего из отношений собственности на предприятии. Первое же осязаемое проявление этого антагонизма в политике зарплаты обострило настроения

протеста: в апреле 1964 г. на Клебер-Коломб развернулось стачечное движение³⁵.

Следует учитывать, что в современных условиях на отношение рабочих масс к вопросам зарплаты воздействуют некоторые относительно новые факторы. Немалое значение имеет, в частности, развитие государственно-монополистического регулирования зарплаты (например, введение с 1952 г. «межпрофессионального гарантированного минимума зарплаты»), а также увеличение в доходах трудящихся доли различных социальных выплат (семейных пособий и т. п.), размеры которых также регулируются в государственном масштабе. Как бы капитализм ни использовал государственное регулирование в интересах давления на жизненный уровень рабочего класса, оно является вместе с тем вынужденным признанием определенных объективных, не зависящих от условий каждого отдельного предприятия критериев «нормальной», «справедливой» зарплаты (ее зависимости от уровня цен, от размера семьи и т. п.). А даже такое, хотя бы и весьма формальное и абстрактное, признание неких общественных норм оплаты труда все больше побуждает рабочих оценивать размеры зарплаты более широким общественным масштабом, сопоставлять ее с зарплатой на других предприятиях и в других отраслях промышленности. Подобное сопоставление нередко становится важным мотивом борьбы за повышение заработной платы. Так, непосредственным поводом крупнейшей стачки горняков весной 1963 г. было отстаивание роста их номинальной зарплаты от ее роста в других отраслях промышленности. Тот же мотив вообще характерен для выступлений трудящихся национализированного сектора (железнодорожников, электриков, связистов), поскольку средний уровень их зарплаты ниже, чем в частном секторе.

С другой стороны, рабочие, в том числе высокооплачиваемые, все чаще протестуют против усиливающегося неравенства доходов, против колоссального роста капиталистической прибыли, который не находится в сколько-нибудь ощутимом соответствии с ростом реальной заработной платы. Резкое повышение производительности

³⁵ «L'Humanité», 14.IV 1964.

труда, связанное с современной научно-технической революцией, не прошло незамеченным для широких рабочих масс. В какой-то мере этому способствовала пропаганда самой буржуазии, стремившейся путем вовлечения рабочего класса в кампанию роста производительности добиться ослабления его боевой активности. Эта пропаганда привлекла внимание рабочих к распределению доходов, полученных от роста производительности, и тем самым увеличила их стремление добиться его использования в своих интересах. Выше уже говорилось о кампании роста производительности в текстильной промышленности Севера и об отношении рабочих к ее результатам. Их настроения вынудили влиятельный в этом районе христианский профсоюз текстильщиков порвать весной 1960 г. соглашение об участии в кампании «производительности», выдержанное в духе «классового сотрудничества».

Развитие этих сдвигов в представлениях рабочих ведет к тому, что абсолютная величина жизненного уровня утрачивает значение главного фактора, определяющего осознание ими капиталистической эксплуатации. Растущее влияние на это осознание оказывают другие факторы: во-первых, неустойчивость положения трудящихся в сфере потребления и несоответствие роста доходов росту потребностей; во-вторых, переутомление, вызванное сверхурочной работой и растущей интенсивностью труда; в-третьих, все более ясно осознаваемый контраст между реальным положением рабочего класса и громадными возможностями улучшения условий его жизни, которые создает научно-техническая революция и рост производительности труда. Психологическое воздействие этих факторов может проявляться, в частности, в условиях относительно высокого или растущего жизненного уровня. Оно отражается в мотивах и целях экономической борьбы, порождает все более тесную взаимосвязь требования повышения зарплаты с более широким комплексом требований, затрагивающих различные стороны положения трудящихся на предприятии.

Одной из заметных вех в развитии этой тенденции явилась забастовка на автомобильных заводах Пежо (Сошо-Монбельяр) весной 1965 г. Принадлежа к числу предприятий с относительно высокой зарплатой, заводы

Пежо практиковали в 1962 г. удлиненную рабочую неделю (47,5 часов). В последующие годы длительность рабочей недели неоднократно колебалась, что отрицательно отражалось на заработках персонала. Стачка разразилась в ответ на решение дирекции вновь увеличить рабочую неделю (равную 40 час. в 1964 г.) до 46,5 часов с мая 1965 г. Это мероприятие должно было повлечь за собой рост заработков, но рабочие уже перестали воспринимать переутомление от сверхурочной работы как необходимую жертву, приносимую во имя сохранения «приличной» зарплаты. Они потребовали возвращения к 40-часовой рабочей неделе без снижения зарплаты (путем повышения почасовой ставки). В основе этого требования лежало осознание сверхурочного труда как сверхэксплуатации, осуществляющейся в своекорыстных интересах хозяев. С другой стороны, конъюнктурные колебания продолжительности рабочей недели, которые дирекция попыталась возвести в закон деятельности предприятия³⁶, показали рабочим непрочность жизненного уровня, который они уже склонны были рассматривать как постоянный и нормальный. Отсюда стремление отстоять достигнутый жизненный уровень независимо от конъюнктурных интересов капиталиста и вопреки им.

Другая существенная черта стачки на заводах Пежо — ее непосредственная связь со стремлением рабочих воспрепятствовать монопольному присвоению капиталистом плодов роста производства. Стачка началась в период подготовки завода к выпуску новой серийной модели автомобиля, вокруг которой дирекция развернула шумную рекламную кампанию. Увеличение рабочего времени было преподнесено персоналу как необходимость, вытекающая из подъема деловой активности, из потребностей производства новой модели. Рабочие вняли призыву дирекции принять во внимание положение предприятия, но сделали это на свой лад. Они сопоставили рост производства и прибылей с тем фактом, что их зарплата, несмотря на увеличение рабочей недели, возросла менее, чем на 1%. Это сопоставление

³⁶ Директор предприятия Тейлор заявил во время забастовки, что сезонный характер автомобильной промышленности делает неизбежными колебания рабочей недели в течение года.

придало дополнительную силу их требованиям, а угроза, созданная стачкой своевременному выпуску новой модели, увеличила эффективность борьбы³⁷.

Мотивы, определившие возникновение стачки на заводах Пежо, весьма характерны для эволюции требований рабочих ряда отраслей промышленности в середине 60-х годов. Важнейшая социально-психологическая предпосылка этой эволюции — более глубокое осознание массой механизма капиталистической эксплуатации, тех возможностей роста жизненного уровня, которые создают современные производительные силы. Такое осознание развивается на основе нового опыта рабочего класса как в сфере отношений на производстве, так и в области потребления. Поскольку у трудящихся разных профессий и отраслей промышленности этот опыт неодинаков, указанные тенденции не могли развиваться равномерно во всех группах рабочего класса. Характерно, например, что выдвинутый профсоюзами в первой половине 60-х годов лозунг борьбы за сокращение рабочей недели (40-часовая неделя, оплачиваемая как 48-часовая) вначале нашел массовую поддержку главным образом в отраслях с наиболее высокой зарплатой (в нефтеперерабатывающей, машиностроении). Хуже оплачиваемым трудящимся чрезмерный труд нередко кажется единственной гарантией определенного жизненного уровня, те же, чье материальное положение лучше, более способны соизмерять величину заработка с объемом и условиями труда. Таким образом, рост жизненного уровня, содействуя осознанию новых потребностей, выступает как один из существенных факторов, расширяющих мотивы и цели требований. Он увеличивает решимость трудящихся добиваться таких условий жизни, которые ранее могли казаться им недоступными.

Цели экономической борьбы рабочего класса во многом определяют формы его боевой активности. Пока речь идет только о достижении или защите жизненного уровня, эти формы в большой степени зависят от того, за какой жизненный уровень идет борьба. Рабочий, зарплата которого приближается к физическому преде-

³⁷ «L'Humanité», 14—17.IV 1965; «Le Monde», 15.IV 1965; «L'Express», 1965, № 722, 723.

лу стоимости рабочей силы или даже находится ниже него, иначе воспринимает свое материальное положение, чем рабочий, чей уровень потребления находится выше этого предела, включает потребности, определявшиеся Марксом как социальный или исторический элемент стоимости рабочей силы. В первом случае даже незначительное колебание реальной зарплаты нередко превращается для наемного труженика в вопрос жизни или смерти. Во втором случае снижение или повышение зарплаты может, например, означать большую или меньшую возможность добиться сносных жилищных условий, благоустроить быт, лучше одеваться или больше отдыхать. В обоих случаях речь идет об удовлетворении необходимых потребностей, но потребность в обеде для себя и своих детей ощущается иначе, чем потребность в газовой плите или телевизоре. Отсюда и различные формы протеста. У рабочего, постоянно живущего на грани голода, взрыв боевых настроений связан с сознанием невозможности жить в существующих условиях и часто является непосредственной реакцией на новое ухудшение этих условий, делающее положение рабочего совершенно невыносимым; он борется, потому что ему уже нечего терять. Его протест нередко выливается в отчаянную самоотреченную борьбу: трудные многомесячные стачки, жестокие бои с полицией, бесконечные жертвы и лишения. Тяжесть этих жертв и лишений, казалось бы, несоизмерима с весьма ограниченной подчас целью борьбы — например, защитой существующей (крайне низкой) заработной платы, но рабочий лишен возможности выбора: его положение в случае проигрыша безнадежно, у него нет других средств добиться победы.

Завоевание пролетариатом новых позиций в борьбе за жизненный уровень, за влияние в общественно-политической жизни накладывает определенный отпечаток на психологию рабочих масс. Постепенно размывается почва для настроений отчаяния и безнадежности. Недостаточное удовлетворение возросшего круга потребностей — как бы ни были они сами по себе важны и необходимы — не воспринимается как угроза самой жизни рабочего и его семьи. Неудовлетворительные, но все же более сносные условия существования сравнительно реже порождают безграничное ожесточение, вызываю-

щее к жизни самые суровые и трудные формы борьбы. Протест против этих условий не становится менее резким и упорным, но он принимает более рациональный характер: рабочие соизмеряют средства борьбы с ее целями, с объективной обстановкой, стремятся добиться большего ценой меньших жертв.

Все эти сдвиги в сознании отражаются и на развитии форм экономической борьбы, в частности на длительности стачек. В 1901—1914 гг. на каждого стачечника приходилось от 9 до 22 забастовочных дня в год, а в 1954—1963 гг. — от 1 до 5 дней³⁸. Одна из характерных особенностей боевых выступлений французского пролетариата в первой половине 60-х годов — широкое применение кратковременных чередующихся забастовок, в каждой из которых нередко участвует лишь часть персонала данного предприятия (например, рабочие одного цеха, определенной технической службы и т. д.). Такие забастовки могут продолжаться сутки или всего лишь несколько часов, но само их чередование серьезно дезорганизует производство, снижает или вообще приостанавливает выпуск продукции. Например, в 1960 г. в течение трех недель, пришедшихся на период наибольшего подъема забастовочного движения, на крупных заводах Шоссон, Томсон, Дассо, СНЕКМА и др. отмечалось по 50 забастовок³⁹. Во время упоминавшихся выше событий на заводах Пежо функционирование производственного комплекса прекращалось на полтора часа сначала два, а затем три раза в день, в результате предприятие выпускало на 1500 машин меньше, чем предусматривалось планом⁴⁰. Потери предпринимателей при такой форме движения весьма велики, а трудящиеся получают большую часть обычной зарплаты, ведь каждый из них бастует сравнительно непродолжительное время. К тому же момент развертывания забастовок часто приурочивается к периоду, когда предприятие выполняет крупный заказ. Все это придает значительную эффективность борьбе трудящихся,

³⁸ В. Далин. Стачки и кризис синдикализма в современной Франции. М.—Л., 1935, стр. 212; «Revue française du travail», 1964, № 2, p. 119.

³⁹ «Economie et politique», 1962, № 95.

⁴⁰ «L'Express», 1965, № 723.

увеличивает силу их давления на господствующий класс.

Возможность подобных рациональных и эффективных действий коренится в особенностях современного производства, в растущей взаимозависимости всех его звеньев. Прекращение работы на одном участке производственного потока может затормозить деятельность всего предприятия, а в некоторых случаях от определенной группы предприятий зависит нормальное функционирование всей экономики. Так, однодневные забастовки трудящихся французских электростанций, принадлежащих национализированной компании «Электрисите де Франс», неоднократно выводили из строя фактически всю промышленность, нанося серьезный урон частному капиталу. В подобных случаях небольшая часть рабочего класса способна своей борьбой оказывать давление на весь капиталистический класс данной страны.

С другой стороны, широкое применение таких форм борьбы прямо связано с нынешним уровнем организованности рабочего класса. Они были бы невозможны без тщательной организации массовых действий, позволяющей правильно определить их последовательность, контролировать в ходе забастовки производственный процесс. Эти функции выполняют профессиональные союзы, которые все чаще выступают как высококвалифицированные и компетентные в производственных вопросах центры руководства экономической борьбой. Возросшая способность профсоюзов возглавлять новые направления борьбы, разрабатывать все более гибкую и эффективную тактику — характерная черта нынешнего этапа развития рабочего движения. Однако вся эта деятельность профсоюзов была бы невозможна, если бы она не находила опоры в настроениях и требованиях самих масс.

Более глубокое и конкретное понимание механизма эксплуатации, различных каналов ее воздействия на жизненный уровень помогает рабочему более конкретно и рационально оценивать объективно существующие возможности борьбы против этого механизма.

Обогащение методов классовой борьбы пролетариата не означает изживания длительных упорных стачек, мощных массовых демонстраций и тому подобных форм боевых действий. Такие формы наиболее адекватно выражают

нетерпимость масс к существующему положению, решимость добиться его радикального изменения. Частичные материальные уступки современный рабочий класс способен вырывать, не прибегая к подобным средствам, но он не может обойтись без них, когда стремится резко изменить в свою пользу соотношение общественных сил.

Именно такое стремление развивается в рабочем классе под влиянием рассмотренных выше сдвигов в мотивах и целях его экономической борьбы. Расширение этих целей за пределы небольшого повышения ставок и тарифов не могло рано или поздно не привести к острому столкновению с буржуазией, отнюдь не готовой идти на более серьезные уступки. Чтобы вырвать подобные уступки, предстояло резко усилить нажим на господствующий класс.

Во второй половине 60-х годов в рабочей массе крепнет чувство неизбежности такой решительной схватки. Этому содействовали некоторые дополнительные обстоятельства. В данный период значительно активизируется государственно-монополистическая политика «экономии» на доходах трудящихся во имя повышения конкурентоспособности французской промышленности на «Общем рынке». Проведенная в 1967 г. реформа системы социального обеспечения увеличила размер взносов трудящихся и урезала некоторые пособия. Одновременно был сведен на нет демократический принцип управления органами социального обеспечения, что лишило трудящихся возможности оказывать влияние на их деятельность. Эти меры ухудшили баланс 15 млн. семейных бюджетов и были восприняты массами как покушение на наиболее стабильный источник их доходов.

В том же году миллионы рабочих ощутили на своем положении сдвиг в общем направлении движения реальной заработной платы. Под влиянием роста цен покупательная способность средней зарплаты вновь стала снижаться. В начале 1968 г. реальный среднемесячный заработок рабочих упал до уровня 1957 г.⁴¹ Этот уровень — один из наиболее высоких за последние 15 лет (он был превзойден лишь в 1964—1966 гг.), но сам факт ухудшения покупательной способности был воспринят с небывалой

⁴¹ «L'Humanité», 26.11 1968.

прежде остротой. Нараставшее возмущение проявилось в шести общенациональных «днях действий» против «антисоциальных законов» и за экономические требования (май 1967 — январь 1968 г.). В мае 1968 г. оно вылилось в поразительное по своей мощи забастовочное движение, охватившее около 10 млн. трудящихся и более чем на месяц парализовавшее экономическую жизнь страны.

В том, что пишется и говорится на Западе по поводу забастовки мая — июня 1968 г., нередко звучат ноты недоумения и растерянности. Многим она представляется парадоксальным и труднообъяснимым явлением. Кажется непонятным, почему самое крупное во всем послевоенном капиталистическом мире боевое массовое движение рабочих развернулось если и не в абсолютно благополучной, то во всяком случае в более или менее «обычной» экономической ситуации. Поражает контраст между преобладанием чисто экономических, «количественных» требований, выдвинутых рабочими, и необычайной остротой и размахом их борьбы (занятие заводов, длительность забастовки и т. д.).

Подобные недоумения демонстрируют кризис определенных традиционных представлений об источниках напряженности социальных отношений и боевой активности рабочего класса. Забастовку мая — июня невозможно объяснить одними лишь экономическими причинами. Она выразила недовольство масс всей совокупностью условий жизни и труда. Они боролись не просто за повышение заработной платы, но за кардинальное улучшение этих условий.

Генеральный секретарь профсоюза ВКТ завода Рено — предприятия, сыгравшего ведущую роль в забастовочной борьбе мая — июня, — следующим образом характеризует настроения рабочих в канун стачки: «Вопреки тому, что можно было бы думать, это недовольство больше было связано с условиями труда в цехах, чем с требованием крупного повышения зарплаты...»⁴². Сами рабочие заводов Рено, отвечая на вопрос о причинах стачки, редко ссылались на низкий жизненный уровень. Они говорили о тяжелых условиях труда, о слишком длинном рабочем дне, вынуждающем тех, «кто живет далеко», проводить

⁴² «Démocratie nouvelle», juin — juillet 1968, p. 83.

12—13 часов вне дома, о несправедливости распределения доходов предприятия («вся прибыль идет государству, это ненормально»), о слишком высоком пенсионном возрасте⁴³.

Настроения рабочих Рено в общем характерны для тех трудящихся, чье материальное положение перед забастовкой приближалось к среднему для рабочего класса жизненному уровню или превосходило его. Несомненно, что для низкооплачиваемых слоев рабочего класса большее значение имели иные, чисто материальные мотивы борьбы. Именно в интересах этих слоев было выдвинуто требование об установлении минимума зарплаты в 600 фр. в месяц (до забастовки примерно 4 млн. человек зарабатывали меньше этой суммы). Но забастовка мая — июня как раз и отличалась тем, что она слила в единое боевое движение различные мотивы и источники социального протеста, цели и стремления различных групп пролетариата.

Лишь при очень поверхностном подходе эти разнородные стремления могут быть сведены к элементарному желанию более высокой зарплаты. Прежде всего, в отличие от многочисленных стачечных выступлений предшествующих лет, стачка мая — июня 1968 г. неразрывно связала требование повышения зарплаты с требованием сокращения рабочей недели до 40 час. Иначе говоря, рабочий класс добивался такого повышения своего жизненного уровня, которое предполагало существенное снижение степени капиталистической эксплуатации. Широкую популярность в ходе забастовки приобрели требования введения обязательного минимума зарплаты не только в национальном масштабе, но и для отдельных предприятий, отраслей, профессий (например, 1000 фр. в месяц в автомобильной промышленности), роста номинальной зарплаты в зависимости от роста цен. Такого рода требования для некоторых категорий трудящихся означали реальное улучшение их материального положения, а для всей их массы — гарантию определенного жизненного уровня, ограничение произвола капиталистов и государства.

⁴³ «Démocratie nouvelle», juin-juillet 1968; «Le Monde», 29.V 1968; «Le Nouvel Observateur», 1968, № 187, p. 20.

Забастовка мая — июня 1968 г. занимает особое место в истории французского и не только французского рабочего движения. Она явилась крупнейшим актом экономической борьбы рабочего класса, выразившим не только его неудовлетворенность своим жизненным уровнем, но и сознательный протест против всего комплекса социальных условий реализации этого жизненного уровня. Забастовка показала, что острота и напряженность социальных отношений в капиталистическом производстве не могут быть «сняты» с помощью чисто материальных уступок и возрастают по мере осознания рабочим классом таких проблем, как соответствие жизненного уровня возможностям производства и количеству выполненного труда, принципы распределения, характер экономической власти. Этот новый тип экономической борьбы представляет громадную опасность для современного капитализма, ибо резко сужает поле его социального маневра, демонстрирует неэффективность разработанных им методов ослабления классовых противоречий.

Майская забастовка была важнейшим компонентом потрясшего страну политического кризиса, в ходе ее неоднократно выдвигались политические лозунги и требования. Но по основным своим целям, как они понимались и ее руководителями и большей частью рядовых участников, она все же оставалась забастовкой экономической. Причины, по которым она не переросла в политическое движение, нуждаются в особом анализе, в данном же случае нам важно констатировать, что преимущественно «экономический» характер требований не ослабил накал и напряженность борьбы. В этом как раз ярче всего и отразился тот факт, что «частичные» требования ощущались самими массами как выражение общего протеста против существующих условий. Расширение и усложнение мотивов социального протеста, характеризующие развитие современного пролетарского сознания в целом, накладывает все более заметный отпечаток на отношение рабочих масс к проблемам жизненного уровня. Эти проблемы осознаются ими во все более тесной связи с коренными проблемами их положения в капиталистическом производстве. Тем самым создаются новые существенные предпосылки для перерастания экономической борьбы в борьбу за устранение эксплуататорских отношений.

СИСТЕМА ПОТРЕБНОСТЕЙ РАБОЧЕГО

Сдвиги в уровне и структуре массового потребления, о которых говорилось в предыдущей главе, сказались не только на формах и направлениях экономической борьбы рабочего класса. Переплетаясь со многими другими экономическими и социальными процессами, эти сдвиги оказывают глубокое воздействие на массовое сознание. Понять, в чем именно заключается их воздействие, чрезвычайно важно для уяснения особенностей психологии личности современного рабочего.

Как мы видели, условия формирования личности рабочего создают предпосылки для кристаллизации в его сознаний разнородных жизненных стремлений. Самое общее представление о типах этих стремлений позволяют составить результаты одной из анкет середины 50-х годов. Отвечая на вопрос: «Что значит преуспеть в жизни?», 43% опрошенных говорили об улучшении профессионального и особенно материального положения и 48% так или иначе отождествили успех со «спокойствием»¹. Эти цифры, разумеется, не могут служить сколь-нибудь адекватным отражением всего многообразия личных стремлений рабочих. Поскольку и вопрос, и, следовательно, ответы на него носили крайне общий характер, за однозначными по классификации анкеты ответами мог скрываться весьма различный смысл. Однако эти данные, какими бы приблизительными и неточными они ни были, все же свидетельствуют о существовании в рабочем классе двух, близких по численности групп, различающихся основной ориентацией своих стремлений и проектов. Чувство беспокойства, тревоги, стремление избавиться от постоянной неуверенности, обеспечить себе

¹ A. Touraine. La conscience ouvrière. Paris, 1966, p. 138.

какое-то прочное положение в жизни — вот что определяет отношение доброй половины рабочих к своему завтрашнему дню.

Источники подобных настроений многообразны. Материал, приведенный в предшествующих разделах, свидетельствует о том, что элемент непрочности, необеспеченности присутствует в самых различных сферах жизни рабочего класса, начиная с профессиональной подготовки, получения и сохранения работы и кончая оплатой труда и удовлетворением основных материальных потребностей. Подобные проблемы могут приобрести для рабочего — особенно если ему не удастся получить обеспечивающее надежное положение в производстве профессиональное образование, — решающее значение уже в самом начале его сознательной жизни.

Ответы рабочих на вопрос об «успехе» позволяют заключить, что «спокойствие» ощущается многими из них как доминирующая моральная потребность, подавляющая или по меньшей мере отодвигающая на задний план все иные помыслы и стремления².

Значительная часть рабочих отождествляет «успех», лучшее будущее не столько с большим спокойствием, обеспеченностью существующих условий жизни, сколько с абсолютным улучшением своего материального положения и места в производстве (профессиональный рост). Разумеется, дифференциация этих двух типов представлений об «успехе» в известной мере условна. Более высокая зарплата и квалификация означают вместе с тем и большую прочность жизненного уровня и рабочего места, лучшую защищенность их от меняющихся внешних условий и, следовательно, большее моральное спокойствие. Однако выбор подобной перспективы все же свидетельствует об определенной ориентации личных потребностей и стремлений: беспокойство о завтрашнем дне, неуверенность в будущем как бы отступают в сознании на задний план, а на передний выдвигается желание добиться большего в жизни.

Под влиянием сдвигов в образе жизни, развития социального обеспечения, роста занятости и спроса на рабо-

² «Тема спокойствия, — пишет, комментируя эти данные А. Турен (Op. cit., p. 139). — означает добровольное или чаще вынужденное ограничение удовлетворением непосредственных потребностей: надо избежать нищеты, прежде чем думать об улучшении своего положения».

чую силу во многих отраслях, расширения системы общего и профессионального образования значительная часть рабочих стала проявлять своего рода умеренный оптимизм в оценке эволюции своего положения и возможных перспектив. 57% рабочих, опрошенных социологами Страсбургского института труда, ответили утвердительно на вопрос, улучшают ли социальные и экономические последствия технического прогресса жизнь рабочего. Они ссылались, в частности, на уменьшение физической нагрузки в труде, увеличение свободного времени, на рост помощи по линии социального обеспечения и семейные пособия, на большую доступность развлечений (телевизор). При этом примерно половина давших подобный ответ делала оговорки вроде следующей: «Да, прогресс улучшает участь рабочего, но в то же время рабочий платит за него риском безработицы, недостаточным заработком»³.

Подобные настроения, более всего типичные для квалифицированных и лучше оплачиваемых рабочих, для трудящихся особенно быстро растущих отраслей, несомненно, оказывают серьезное влияние на личные стремления и проекты. Они содействуют тому, что «экономическое и профессиональное возвышение» осознается как возможное и становится непосредственной целью рабочего, его личный проект приобретает позитивный характер.

СООТНОШЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНЫХ И ДУХОВНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ

О каком же именно «возвышении» идет речь? Те возможности, которые открылись перед многими рабочими в обстановке благоприятной экономической конъюнктуры и известных успехов массовой борьбы за более высокую зарплату, естественно, усилили их стремление к улучшению материальных условий жизни. Интенсивность этого стремления определяется как появлением и развитием новых потребностей, так и неудовлетворительным жизненным уровнем широких слоев рабочего класса.

Приведенные выше (см. гл. 6) данные характеризуют масштабы и темпы изменений в уровне и структуре по-

³ R. Kaës. Les ouvriers français et la culture. Paris, 1962, p. 383, 384, 452, 466.

требления рабочих семей. В данном случае нас интересует прежде всего их воздействие на личность рабочего, на ориентацию его стремлений и проектов. Желание переехать в новую квартиру, обзавестись холодильником или автомобилем само по себе еще никак не определяет психологический облик человека. Рабочему, независимо от размеров его заработка, не грозит развращающее «чрезмерное потребление», его осуществимые цели в этой области обычно не выходят за рамки нормальных человеческих потребностей.

Опасность кроется в другом. Новая квартира, товары длительного пользования не достаются рабочему легкой ценой. Путь к «жизненному стандарту» занимает годы, он проходит через лишения и жертвы, требует напряженного труда и тщательных подсчетов каждой копейки.

Морис Хальбвакс, исследовавший психологию французских рабочих первых десятилетий нашего века, отмечал свойственную им тенденцию экономить на жилье и мебели, а все, что оставалось сверх необходимых расходов, тратить на развлечения и одежду⁴. Подобный стиль жизни, обусловленный прежде всего материальной необеспеченностью рабочего класса (рабочий не мог мечтать о хорошей квартире, о домашнем комфорте), не предполагает, конечно, каких-либо «долгосрочных планов» в области потребления. Обеспечив себя и семью жизненно необходимым, рабочий мог купить себе новую куртку и пойти в ней на какую-нибудь вечеринку, либо за отсутствием средств ограничиться только вечеринкой, а то и просто лишней рюмкой в бистро. Все это не требовало особого напряжения мыслей и воли.

Современный рабочий большей частью экономит на одежде, а досуг проводит в семье. Новые формы потребления и досуга обходятся ему, однако, дороже и в материальном и в психологическом плане: их реализация растягивается во времени, требует от него предварительной подготовки, сознательной деятельности, единственная цель которой — приобретение вещей. А это значит, что он вынужден в той или иной мере включать такое приобретение в свои жизненные планы, сосредотачивать на нем свои помыслы и интересы.

⁴ M. Halbwachs. La classe ouvrière et les niveaux de vie. Paris, 1912, p. 11, 444.

Трудная повседневная борьба за «жизненный стандарт» может развить своего рода «приобретательский комплекс», при котором покупка новых вещей становится главной целью и радостью в жизни, занимает доминирующее положение в личном проекте. Конечно, психология приобретательства типична главным образом для буржуазных и мелкобуржуазных слоев, но нельзя не видеть, что именно трудность для рабочего добиться удовлетворительных условий жизни, усилия, которые он прилагает к этому, придают особую эмоциональную окраску, «радость обладания» символам его скромного материального «благополучия».

О реальности этих психологических тенденций свидетельствуют высказывания самих рабочих. Характерен, например, такой факт. Отвечая на вопрос анкеты Страсбургского института труда о целях культуры, 29% опрошенных рабочих высказали убеждение, что культура — это прежде всего средство достичь более высокого жизненного уровня. «Культура, — заявил один из них, — помогает лучше жить материально: больше зарабатывать, и это отражается на всем жизненном уровне». По мнению другого, «цель культуры — повышение материального уровня и стандарта: она позволяет продвинуться и твой уровень растёт во всех отношениях»⁵. Подобные представления о культуре, несомненно, отражают определенную систему ценностей, сложившуюся в индивидуальном сознании. Материальные блага, жизненный стандарт занимают в ней господствующее положение, а духовные, интеллектуальные ценности играют подчиненную функциональную роль, рассматриваются главным образом в утилитарном плане.

Характерно, что многие более развитые в идейном и культурном отношении рабочие ясно видят ту опасность духовного обеднения, которую такая направленность сознания несет их товарищам по классу. «Рабочие, — говорит один из них, — стремятся больше к материальным благам, автомобилю, развлечению... И потом люди сидят все вместе на дорогах со своими транзисторами. Это отупляет». «Во Франции — это болезнь, — сказал пожилой рабочий-химик. — Отцы семейств покупают слиш-

⁵ R. K a ë s. Op. cit., p. 321.

ком много вещей — телевизор, машину, не думая о своих детях» (т. е. об их образовании. — Г. Д.) ⁶.

Подобная направленность интересов может в тот или иной период стать решающей в психологической ориентации личности, сформировать в ней более или менее прочные установки, которые сказываются на восприятии многих явлений окружающей жизни. Одно из крайних проявлений таких установок — отказ рабочего от участия в стачке из страха не внести очередной взнос по кредитам. Подобные настроения были присущи многим рабочим после переезда в новые квартиры и покупки в кредит мебели и электрохозяйственных аппаратов ⁷.

Было бы, конечно, неверно думать, что стремление рабочих расширить объем своего потребления обязательно ведет к развитию «потребительской психологии». Как мы уже видели, оно является важным стимулом организованной массовой борьбы за более высокий и прочный жизненный уровень. Осознание собственных потребностей в неразрывной связи с общими, классовыми интересами становится — независимо даже от содержания этих потребностей — источником развития коллективистского сознания, которое в той или иной мере предполагает определенную готовность к жертвам, к подчинению своих непосредственных личных планов и интересов целям и дисциплине коллективной борьбы. Рабочий, который является сознательным участником этой борьбы, подпадает под ее психологически-эмоциональное воздействие: сам факт победы, отступления классового противника зачастую радует его сильнее, чем принесенные ею несколько лишних франков. Коллективный характер борьбы ограничивает, таким образом, влияние «потребительских» интересов, нередко лежащих в ее основе.

Тем не менее борьба за более высокую зарплату, идущая в условиях высокой экономической конъюнктуры, не всегда способна целиком включить индивидуальные материальные потребности в рамки единого «коллективного проекта». Как уже говорилось, такой проект особенно эффективно подчиняет себе индивидуальную психологию в ситуациях, сопряженных с постоянной угрозой безра-

⁶ Ibid., p. 458, 495.

⁷ Ch. Belleville. La nouvelle classe ouvrière. Paris, 1963, p. 65.

ботицы и снижения жизненного уровня, когда у рабочего нет возможностей улучшить свой заработок собственными, изолированными от коллективных действий путями. В растущих же отраслях, в промышленных районах, где существует спрос на разнообразную рабочую силу, такие возможности у него сплошь и рядом имеются — это прежде всего сверхурочная работа на своем предприятии либо «на стороне» (такая практика «двойной» работы широко распространена, например, среди лотарингских металлургов). По наблюдениям профсоюзных активистов, именно заработок от сверхурочной работы обычно используется для приобретения товаров длительного пользования. Нередко существует и возможность перехода на другое предприятие, где зарплата выше или где просто можно «делать» больше сверхурочных часов. На многих предприятиях парижского района ежегодная текучесть рабочей силы достигала в начале 60-х годов 40%, а на некоторых даже 100%⁸.

Высокая производственная активность, связанная с нею конкуренция между предпринимателями за рабочую силу, вообще говоря, упрочивает позиции рабочего класса в борьбе за жизненный уровень. Однако такого рода ситуация увеличивает возможности не только успешных коллективных действий, но и индивидуальных способов повышения заработка. Используя подобные способы, рабочий может привыкнуть рассчитывать на собственную «удачу» — особенно если он измеряет ее лишь суммой своей получки. Многие рабочие, часто переходящие с завода на завод, проявляют равнодушие к деятельности профсоюзов и к коллективным действиям⁹. Понятно, что если узость индивидуальных целей (лучший заработок, достижение «стандарта») дополняется столь же узкоиндивидуальными средствами их реализации, человеку особенно трудно выйти в своих планах и стремлениях за пределы бесконечной погони за лишним франком, за теми или иными материальными приобретениями. Индивидуализм и чисто «потребительская» ориентация проекта — взаимосвязанные и взаимообусловленные стороны определенного типа сознания.

⁸ «Sociologie du travail», 1963, № 1, p. 45.

⁹ A. Andrieux, J. Lignon. L'ouvrier d'aujourd'hui. Paris, 1960, p. 167.

«Потребительство» нельзя рассматривать лишь как явление индивидуальной психологии. Эта психологическая тенденция стимулируется и закрепляется сложной, разветвленной системой идеологического воздействия современного капитализма. Спекулируя на реальных изменениях в структуре массового потребления, рабочему и вообще «рядовому человеку» внушают определенный жизненный идеал, который оформляется «теоретически» концепцией «общества потребления». В соответствии с ней современная цивилизация предоставляет любому человеку возможность потреблять растущий ассортимент материальных благ и, таким образом, жить полноценной жизнью в часы и дни, свободные от работы. Поэтому сама работа, а вместе с ней социальное положение человека, его место в производстве уже не имеют для него сколько-нибудь существенного значения. Он превращается в «нового человека досуга—спорта, телевидения, отпусков»¹⁰, представителя некоего единого типа потребления, для которого «все более и более чуждым становится миф о рабочем классе и классовой борьбе со всеми его доктринальными и словесными выражениями»¹¹.

Концепция «общества потребления» призвана обосновать необходимость и эффективность определенного направления социальной политики, которое становится все более типичным для современного капитализма. Политика эта строится на том расчете, что приобщение более или менее широких слоев трудящихся к бладам современной материальной цивилизации позволит ограничить их интересы узкой сферой домашнего комфорта, развлечений, досуга, отвлечь их внимание от коренных проблем социального положения, от общественно-политической борьбы. Именно с этим расчетом связаны «теоретические» попытки вывести идейный облик современного рабочего из психологии потребителя.

Как мы видели, подобные расчеты не совсем лишены реальных оснований. И тем не менее в основе своей они несостоятельны и иллюзорны. Дело не только в том, что, гипертрофируя некоторые реальные психологические тенденции, концепция «общества потребления» игнори-

¹⁰ G. Haurdin. Une civilisation des loisirs. Paris, 1961, p. 9.

¹¹ H. Janul. In: «Les cahiers internationaux de sociologie», v. 29, 1960.

рует остроту классовых противоречий как раз в той сфере, из которой она черпает свои аргументы. Реализация материальных потребностей трудящихся — отнюдь не гармоничный и равномерный процесс; при современном капитализме она, как и при капитализме «традиционном», не исключает материальной необеспеченности, неразрывно связана с напряженной массовой борьбой за жизненный уровень и, следовательно, сама по себе не устраняет в массах сознания антагонизма классовых интересов.

Иллюзорность этой концепции состоит еще и в том, что она рассматривает мотивы потребления как некую автономную величину, независимую от социального положения людей, от места того или иного класса в системе общественного производства. Между тем природу «потребительской ориентации» некоторых слоев рабочего класса нельзя понять, исходя лишь из анализа ее внутреннего психологического механизма (включение материальной потребности в «долгосрочный проект», эмоциональная привлекательность «жизненного стандарта», обусловленная его новизной, относительной — подлинной или иллюзорной — доступностью, формирование «приобретательских» установок и т. п.).

Подобный анализ никак не объясняет различий в ориентации проектов и социальных установок внутри рабочего класса, не позволяет оценить реальные возможности и границы развития указанной психологической тенденции. Почему, например, один рабочий мечтает главным образом о собственной машине, а его товарищ по цеху озабочен больше всего укреплением профсоюза? Действительно ли их потребности диаметрально противоположны или они имеют какую-то общую базу? Может ли и при каких условиях психология первого перестроиться по типу второго? На эти и аналогичные вопросы нельзя ответить, ссылаясь лишь на врожденные индивидуальные различия, на действие тех или иных психологических механизмов. Нужно еще понять, почему в каждом конкретном случае действует именно данный, а не какой-либо другой механизм, а для этого необходим анализ объективных социальных условий существования личности, изучение их влияния на развитие и «торможение» различных психологических тенденций.

В этом плане «потребительскую ориентацию» проектов следует рассматривать прежде всего как психологическую реакцию на отсутствие каких-либо иных, более содержательных жизненных перспектив. Уже в детские и отроческие годы условия жизни и представления окружающей среды побуждают будущего рабочего особенно высоко, иногда выше чего-либо другого, оценивать значение материального достатка, а опыт первых лет его трудовой жизни сплошь и рядом закрепляет подобную ориентацию, ибо показывает ему неосуществимость планов сколько-нибудь серьезного профессионального роста, невозможность развития интеллектуальных способностей, удовлетворения в труде. «Я очень надеялся, — рассказывает 25-летний квалифицированный сварщик — продвинуться, но я вижу, что это очень трудно. Нужно много усилий и лишений не бог весть из-за чего»¹². Рабочий, пришедший к подобному выводу, часто воспринимает известное расширение материального потребления как единственно реальную перспективу «роста».

Семейная жизнь, которая, как уже говорилось, оказывается для большинства рабочих главной (а для многих и единственной) сферой удовлетворения моральных потребностей, становится вместе с тем важным стимулом «потребительских» проектов. Более или менее «стабилизировавшись» в производстве, составив отчетливое представление о скромном «потолке» своих жизненных возможностей, рабочий обзаводится семьей и на ней сосредотачивает свои заботы и помыслы. Но семья — это не только дети, которых надо кормить и одевать, это не только необходимость платить за квартиру и за электрохозяйственную аппаратуру, особенно нужную, когда работают оба супруга (ситуация, весьма типичная для рабочей среды). Семья — это еще «очаг», домашний уют, где только и можно найти покой, радость, душевное равновесие¹³. Чем большую психологическую ценность приобретает домашний комфорт и досуг в семей-

¹² A. Andrieux, J. Lignon. Op. cit., p. 74.

¹³ «Досуг рассматривается рабочими прежде всего как возможность проводить время в семейном кругу, больше видеть детей, пользоваться домашним комфортом. Он с трудом мыслится без участия всей семьи» (J. Larrue. *Loisirs ouvriers et participation sociale*. — «Sociologie du travail», 1963, № 1, p. 63). Это наблюдение сделано автором на основе опроса тулузских рабочих.

ном кругу, тем более важно улучшить их «материальную базу»: создать дома приятную обстановку, завести телевизор, а, если возможно, и автомобиль для семейных поездок в выходные дни и в отпуск и т. д.

Здесь следует опять же оговориться, что речь идет, так сказать, о «среднестатистическом» рабочем: мечты многих хуже обеспеченных рабочих семей не идут дальше сносной квартиры, а наиболее обездоленные молодые рабочие — те, кто не имеет ни профессии, ни обеспеченной работы — вообще не решаются обзаводиться семьей¹⁴. В каждом конкретном случае проекты покупок определяются, конечно, уровнем доходов рабочей семьи, но так или иначе типична тенденция к расширению именно семейного потребления. Причем под влиянием неудовлетворительных материальных условий жизни эта тенденция иной раз принимает внешне парадоксальные формы. Социолог Жаннина Ларрю рассказывает, что в квартирах тулузских рабочих ей приходилось видеть телевизор, поставленный в кухне без водопровода¹⁵. В подобных фактах наглядно отражается то свойственное многим рабочим стремление как-то приукрасить свою повседневную жизнь, которое в условиях широкого вторжения на рынок новых средств комфорта и досуга выдвигает их на ведущее место в иерархии личных потребностей.

«Каждого, — заявил один из рабочих, говоря о заботах своих товарищей, — и особенно молодых одолевают трудности жизни и куча потребностей. Они хотят квартиру, машину, хозяйственные аппараты... И у них нет денег»¹⁶.

Видимо, не случайно подобная направленность стремлений приписывается в данном случае прежде всего молодым семейным рабочим. Молодым семьям чаще всего приходится начинать свой путь к «жизненному стандарту» с «нулевой точки»: им еще предстоит приобрести весь тот комплекс материальных благ, который необходим для «нормальной» жизни. Между тем их финансовые возможности, как правило, особенно ограничены. Естественно, что процесс сколачивания семейного очага

¹⁴ По данным анкеты ЖОК — P. Idlart. Les jeunes travailleurs de 15 à 25 ans dans la France d'aujourd'hui. Paris, 1963, p. 59.

¹⁵ J. Larrue. Op. cit., p. 48.

¹⁶ R. Kés. Op. cit., p. 453.

с особой силой концентрирует их помыслы на материальных проблемах. И вместе с тем потребность в каком-то «движении вперед», в «росте», которую человек вообще острее всего испытывает в молодости, нередко удовлетворяется — за неимением других возможностей — именно путем расширения достатка. Небольшое увеличение заработка, новая покупка легко становятся в подобных условиях предметом гордости. По наблюдению П. Идьяра, многие молодые рабочие придают большое значение росту своего заработка «хотя бы на несколько су в месяц», ибо для них это — мерило роста, необходимое, чтобы «чувствовать себя полноценным человеком»¹⁷.

Уже из сказанного видно, что потребительская ориентация проектов в значительной мере представляет собой специфическое, обусловленное социальным положением рабочих выражение их глубинных моральных потребностей. Чисто материальные и довольно примитивные по своей форме потребности на поверку обладают гораздо более сложным духовным содержанием. Из этого, однако, отнюдь не следует, что непосредственные материальные формы выражения подобных потребностей вообще не имеют самостоятельного значения и выступают просто как более или менее случайный «компенсатор» неосуществимых стремлений личности. Иначе говоря, если, например, потребительский проект является для многих рабочих вообще единственно возможным личным позитивным проектом, это еще не значит, что им безразлично, какие именно материальные блага включает этот проект. Утверждать подобное — значило бы приписывать рабочим психологию бессмысленного накопительства, носителю которой безразлично, что накапливать, и который потребительные стоимости воспринимает просто как символ богатства и социального престижа. Такого рода психологическая ориентация тоже выражает некие искаженные моральные потребности, но потребности, совершенно чуждые положению и условиям жизни рабочего класса.

Столь же неверно было бы рассматривать нынешние материальные потребности рабочих как некий автоматический слепок с того стандарта потребления, который навязывает им реклама и вообще современная «массовая

¹⁷ P. Idjart. Op. cit., p. 62.

цивилизация». Эти потребности невозможно понять, оставаясь в рамках тех социологических концепций, в соответствии с которыми в обществе середины XX в. преобладает «человек, ориентированный извне»¹⁸. Спору нет, «навязанное потребление» — явление вполне реальное: распространяемые с помощью современных средств массового воздействия стандарты потребления оказывают огромное влияние на индивидуальную психологию (в том числе и на психологию рабочего), прежде всего на структуру и иерархию потребностей. Однако сила этого влияния «извне» была бы необъяснима, если бы оно не отвечало определенным психологическим тенденциям, идущим «изнутри», из глубин индивидуального сознания.

Что же в современном стандарте массового потребления позволяет воплощать не только чисто материальные, но и духовные потребности личности? Ответ, по-видимому, состоит в том, что домашний комфорт, автомобиль и прочие элементы этого стандарта не только облегчают и упрощают повседневный быт, ускоряют передвижения, но и создают новые возможности более разнообразного и насыщенного досуга. А именно досуг в современных условиях становится для все более широких слоев населения главным, если не единственным возможным источником удовлетворения духовных потребностей.

Теоретики «общества потребления» и «цивилизации досуга» видят лишь одну объективную предпосылку этого процесса: расширение арсенала средств досуга, обусловленное научно-техническим прогрессом. Между тем психологическая привлекательность подобных средств коренится не только в их собственных «технических» свойствах, но и в социальных условиях жизни человека, в условиях его трудовой деятельности, так или иначе определяющих его желания в области досуга. Эволюция потребностей рабочих ярко отражает эту зависимость поведения в свободное время от характера труда и социального положения личности.

В социологической и психологической литературе достаточно широко освещались проблемы влияния современных форм индустриального труда на формы досуга.

¹⁸ Некоторые из этих концепций рассматриваются в кн.: Ю. А. Замошкин. Кризис буржуазного индивидуализма и личность, М., 1965, стр. 211 и сл.

Резкий рост интенсивности труда и в особенности увеличение нервно-психической нагрузки на организм рабочего делает все более необходимым для него наряду с физическим отдыхом достаточно полную разрядку нервной системы. Спокойная, обеспеченная известным уровнем комфорта домашняя обстановка, возможность уезжать, менять обычную атмосферу в нерабочие дни и во время отпуска, вообще «отключаться» — все это становится существенным условием восстановления его нормальной работоспособности. Однако стремление рабочих к более полноценному досугу имеет под собой не только физиологическую, но и глубокую социально-психологическую основу. Бессодержательность труда, его однообразие и монотонность, зависимое, подчиненное положение рабочего на производстве побуждают его придавать особую ценность своему досугу¹⁹.

Вот как отвечают тулузские металлисты на заданный им вопрос о смысле досуга: «Забыть будние дни», «Убегать от повседневной работы», «Разогнать тоску», «Это хорошая разрядка, она нужна, когда делаешь скучную работу», «Досуг — это спокойствие, думаешь о рыбе, об удочке и не спрашиваешь себя, что будешь делать завтра». И еще: «Досуг — это когда делаешь, что хочешь»; «В цехе нужно подчиняться дисциплине, а снаружи я сам себе господин»²⁰.

Досуг как бегство, забвение, досуг как свобода — в подобных представлениях явно звучит стремление личности хоть в какой-то мере восстановить тот ущерб, который наносят ей технические и социальные условия труда. Ее потребность в самовыражении, в самостоятельных, не продиктованных «сверху» проявлениях, будучи подавленной в сфере трудовой деятельности, тем с большей интенсивностью ищет себе выхода в сфере досуга.

Стандарт потребления предлагает элементарную форму удовлетворения этой потребности. Уютная квартира позволяет легче забыть о совсем «неуютной» обстановке цеха, вместе с тем она дает своему владельцу чувство «хозяина», организатора собственного домашнего быта.

¹⁹ См., например, J.-P. Meunard. Les loisirs: une affaire sérieuse.— «Cahiers du communisme», 1964, № 11, p. 57—74.

²⁰ J. Larrue. Op. cit., p. 59; Idem. Personnalités ouvrières et loisirs.— «Journal de psychologie normale et pathologique», 1964, № 3, p. 317.

Телевизор перепосит человека в иной мир, куда более интересный, чем его собственный. Поездка за город, путешествие на собственной машине дают иллюзию свободы. Человек двигается, куда он хочет, по собственной воле выбирает город, где он остановится, место, где раскинет палатку. Как это резко контрастирует с условиями производственной жизни, где нет никакого выбора, где за спиной стоит «шеф» и все определено раз и навсегда.

Обследование, проводившееся Ж. Ларрю в 1956—1957 гг. среди рабочих Тулузы, показало, что для большинства их собственный дом и особенно возможность уезжать — наиболее насущные потребности в области досуга. На вопрос, как они хотели бы улучшить свой досуг, если бы у них было больше времени и денег, 83% опрошенных заявили, что они путешествовали бы, купили бы автомобиль, ездили бы каждый год к морю и т. п. Примерно каждый третий рабочий ответил, что он приобрел бы собственный дом или по крайней мере новую мебель. 18% высказали желание чаще ходить в кино или театр и 5% — больше читать и вообще расширять знания. Примечательно относительно незначительное место, уделяемое зрелищам и культурным формам досуга. В общем оно соответствует реальному использованию свободного времени этой группой рабочих. Если 73% опрошенных уезжали из города во время отпуска, то лишь 34% посещали регулярно кино и 14% читали художественную литературу. Это обстоятельство, очевидно, связано с тем, что зрелища и чтение воспринимаются главным образом как пассивное развлечение, дающее возможность забыть-ся лишь на несколько часов. «Чтение,— сказал один из рабочих,— это разрядка, оно позволяет забыть будничную жизнь». «Кино?— заявил другой,— Я хожу в него по привычке. Я люблю сесть и смотреть все равно что, лишь бы оно давало отдых. Важно провести два часа»²¹. Зато досуг, проводимый в путешествии, в деревне, у моря дает подлинное переключение, чувство иной, действительно человеческой жизни.

Обследование Ларрю относится к периоду, когда потребление современных товаров длительного пользования еще не получило широкого распространения в рабочей

²¹ J. L a r r u e. *Loisirs ouvriers*, p. 56, 59, 61.

среде. В 1956—1957 гг. многие тулузские металлисты жили в трущобах, лишь 6,6% опрошенных рабочих имели автомобили (это в несколько раз ниже средненационального процента рабочих—владельцев автомобилей в середине 60-х годов). У многих не хватало средств на личную одежду. Но даже в условиях низкого жизненного уровня, недоступности для рабочих некоторых элементарных материальных благ они остро ощущали потребность в обогащении содержания своего досуга. И если в своем большинстве они отождествляли такое обогащение главным образом с приобретением новых вещей и расширением своих личных материальных возможностей, то это не меняет основного факта: материальная потребность выступает в данном случае в значительной мере как выражение потребности духовной. Даже чисто потребительский проект, ориентация на расширение материального потребления тесно связаны с эволюцией духовных и моральных потребностей рабочего класса.

Конечно, такую рода ориентация представляет собой искаженную, мистифицированную форму удовлетворения моральных потребностей. Анализируя данные об использовании свободного времени большинством тулузских металлистов, Ж. Ларрю справедливо отмечает, что «самовыражение превращается в самозабвение», развитие обочивается анестезией, ...обладание становится бегством»²². Досуг, в котором рабочий инстинктивно ищет путь к развитию своей личности, на практике усиливает его обезличивание.

ПОДАВЛЕНИЕ ИЛИ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ?

К подобным выводам в общем довольно часто приходят социологи, изучающие досуг и культурное потребление массовых слоев населения. С этим связано и более или менее широко распространенное в западной социологической литературе представление о фатальном, неодолимом процессе упадка личности. Оно основано примерно на следующих посылах: измельчание и бюрократи-

²² J. L a r r u e. Personnalités ouvrières..., p. 317.

зация подавляющего большинства видов трудовой деятельности направляют помыслы и стремления рядового человека в сферу досуга, но в ней он подпадает под неодолимое влияние обезличенной материальной цивилизации и оупляющей «массовой культуры». Таким образом, личность окончательно лишается каких-либо возможностей для своего самовыражения и свободного развития и обречена на полное опустошение и тотальное духовное подчинение правящей элите.

Подобные представления, вообще говоря, довольно типичные для критических по отношению к современному капитализму направлений западной социологии, несомненно, имеют под собой реальную почву: они отражают, правда в гипертрофированном и одностороннем виде, одну из наиболее острых и сложных проблем современного общественного развития. Тот факт, что современный капитализм усиливает тенденцию «тотального» подавления личности, сам по себе не вызывает сомнения. Вопрос состоит, в сущности, в том, насколько глубоко и всеохватывающе ее воздействие, имеет ли оно границы. Ответ зависит в значительной мере от того, как оценить сопротивляемость самой личности этим разрушительным процессам, ведь отпор, который дают им организованные общественные и политические силы, не может быть эффективным, если он не опирается на потребности, достаточно интенсивно выраженные в индивидуальной психологии.

Односторонность «пессимистических» концепций эволюции личности как раз и заключается в том, что они рассматривают человека главным образом как пассивный объект воздействия внешних факторов. От внимания их авторов ускользает сложный процесс взаимодействия устойчивых унаследованных или воспитанных собственным опытом психических черт и новых влияний. Между тем именно этот процесс исключает абсолютную «запрограммированность», однозначность воздействия на сознание таких, например, факторов, как господствующие в обществе нормы материального стандарта, досуга, культурного потребления. Его конкретные результаты зависят от психологических особенностей данного человека и, следовательно, от его индивидуальной «истории». Поэтому вряд ли можно найти удовлетворительное решение вопроса, ограничиваясь установлением общей тенденции,

говоря о закабалении личности «вообще», вне связи с конкретными условиями ее существования и развития.

В этом отношении довольно показательны наблюдения, содержащиеся в цитированных исследованиях Ж. Ларрю. Подавляющее большинство рабочих отчуждено от каких-либо форм интеллектуального развития, их конкретные стремления носят главным образом материально-потребительский характер, их досуг бессодержателен и обезличен — все эти выводы верны, поскольку речь идет о психологических тенденциях, преобладающих в данной группе рабочего класса, находящейся в определенных объективных условиях. Однако они не исчерпывают ни всей реальной сложности внутреннего мира этих рабочих, ни возможностей развития иных тенденций. Так, из конкретных данных, приведенных автором, выясняется, что выбор рабочим тех или иных форм досуга отнюдь не означает, что они соответствуют его осознанному духовным потребностям. Один из опрошенных, которого Ларрю считает типичным для обследованной ею группы, не читает ничего, кроме детективов, однако, сообщая об этом, тут же добавляет, как бы оправдываясь: «Раньше я читал другие книги, более содержательные романы, даже классиков». Почему же он не читает их теперь? Или почему его товарищи, мечтающие посещать «настоящий» театр, смотрят лишь пустые фильмы или оперетты?

Главная причина коренится в условиях их труда и материальной жизни. 98% тулузских металлистов работали в 1956—1957 гг. больше «узаконенной» 40-часовой рабочей недели, многие по 60 и больше часов. «Без сверхурочных часов, — объясняли они — трудно связать концы с концами». «При 40 часах работы жить невозможно». Неизбежный результат такого труда — переутомление, вынуждающее рабочего к бездеятельному пассивному отдыху: зачастую он просто не способен на какое-либо умственное или физическое усилие²³.

С другой стороны, многие средства культурного развития большинству этих рабочих недоступны. «Я хотел бы посещать лекции и заниматься каким-либо умственным трудом, но для этого нужно время и деньги»; «Я хотел

²³ J. L a r r u e. *Loisirs ouvriers...*, p. 58, 59.

бы ходить в театр, но там "нужно быть прилично одетым"; «Я очень люблю музыку, но не занимаюсь ею: для этого надо принадлежать к буржуазии». Подобные желания сплошь и рядом оцениваются рабочими как неосуществимые и потому не находят никакого отражения в их личных проектах: человек лишь мечтает о занятиях музыкой, а на деле озабочен тем, чтобы скопить денег на холодильник. Его потребности как бы располагаются на двух уровнях, одним из них открыт какой-то реальный выход, другим так и суждено оставаться мечтой.

В условиях жизни и труда, типичных для данной группы, «реализуемые» потребности чаще всего связаны с материальным потреблением, а чисто интеллектуальным и духовным запросам труднее всего найти воплощение. Как констатирует Ларрю, рабочие гораздо острее ощущают неудовлетворительность своего жизненного уровня, чем недоступность образования и культуры²⁴. Но это явление — лишь результат обусловленного их экономическим и социальным положением подавления духовных потребностей.

«Потребительская» ориентация не обязательно тождественна, таким образом, полной духовной опустошенности личности, она нередко выражает лишь подавление, а не отмирание иных, «нематериальных» стремлений. И даже если эти стремления живут лишь в глубинах индивидуального сознания они все же в той или иной степени предохраняют личность от полного подчинения жизненным нормам, навязываемым ей «обществом потребления». Стойкость и уровень развития ее глубинных интеллектуальных и моральных потребностей, а следовательно — и сила ее сопротивления духовному закабалению не определены раз и навсегда: они зависят от многих обстоятельств, могут возрастать или уменьшаться с изменением окружающих условий.

Пример тулузских рабочих показывает, какое отрицательное воздействие на развитие этих потребностей оказывает гнет материальных условий. Малоквалифицированные, т. е. наименее обеспеченные, рабочие нередко вообще ничего не видели в жизни, кроме изнурительного и бессодержательного труда (у каждого третьего рабо-

²⁴ J. L a r r u e. *Loisirs ouvriers...*, p. 58.

чего этой группы свободного обработы времени хватало лишь на сон и еду). Однако, условия материальной жизни не детерминируют всецело структуру интересов и потребностей. Так, в каждой квалификационной (т. е. в той или иной степени однородной по уровню зарплаты и условиям труда) группе более или менее значительное меньшинство рабочих систематически читало художественную или научно-популярную литературу (9% малоквалифицированных, 27% квалифицированных низшего и 41% высшего разряда), остальные ограничивали круг своего чтения прессой и детективами. Некоторые рабочие оценивали расширение знаний, культурное и интеллектуальное развитие как первую потребность в области досуга.

Психологический облик этих наиболее развитых рабочих представляет особый интерес. Характерно, что по материальным возможностям и образу жизни они не отличаются от большинства своих товарищей. Их выделяет прежде всего активное отношение к жизни и, в частности, к досугу («отдыхать — это не значит ничего не делать», — говорит один из них), стремление к самостоятельному отбору и оценке явлений культуры, наконец, богатство интеллектуальных и эстетических интересов. Все они много читают, в особенности научно-познавательные книги, художественную литературу. Чтение для них — не способ развлечения, но прежде всего путь к расширению умственного кругозора («Видишь больше того, чем живешь в данный момент»). В кино они смотрят лишь художественно ценные фильмы, не любят американских боевиков. Один из них в свободное время рисует, некоторые увлекаются «серьезной» музыкой. 32-летний малоквалифицированный рабочий случайно попал на фортепианный концерт, «открыл» классику и стал мастерить самодельный проигрыватель, чтобы «по-настоящему образовать себя» в этой области. Мечта одного из этих рабочих — «получить более глубокое образование, больше читать, путешествовать и увидеть много вещей»; другой, по его словам, ищет в досуге возможности «собственного развития».

Те психологические черты, которые отличают этих рабочих от большинства их товарищей, нельзя объяснить какими-то особо благоприятными условиями их развития. Они работают с детских лет. Один из них начал

свою трудовую жизнь чернорабочим, другой вынужден был бросить начальную школу до окончания и, чтобы кормить младших братьев и сестер, пошел работать грузчиком. Обрывки знаний, полученные в школе, встречи с людьми, которые «открыли им глаза» на те или иные культурные ценности (с учителем, сумевшим интересно рассказать об архитектуре, с товарищем — любителем музыки), сыграли определенную роль в ориентации их интересов. Однако, решающее влияние на их формирование оказали крупные социально-политические события. По рассказам самих этих рабочих, боевые забастовки времен Народного фронта, подъем массового демократического движения в послевоенные годы совершили коренной переворот в их сознании. «В тот период, — говорит один из них о времени Освобождения, — был расцвет идеалов, размышление было потребностью».

Опыт массовой борьбы против существующего порядка вещей выступает в данном случае как решающий источник перестройки личности. Именно в результате этого опыта она приобретает стойкую моральную сопротивляемость воздействию антигуманных материальных условий и социальных норм. Осознание возможностей борьбы, преобразующей привычный мир, и тем более непосредственное участие в ней развивают самостоятельность и активность личности и тем самым пробуждают ее разнородные духовные потребности и стремления. Момент массового подъема, радикального обновления общественных горизонтов может пройти и остаться далеко позади, но его психологические последствия нередко продолжают действовать — человек изменился, он почувствовал, что можно жить полнее, его поведение и интересы уже не замыкаются в рамках стандартов, диктуемых материальными условиями.

Выше уже говорилось о специфическом влиянии массовых движений на структуру индивидуальной психологии. Очевидно, это влияние может выражаться не только в развитии коллективистского сознания, но и в обогащении личных потребностей, в развитии интеллектуальных и культурных запросов. Впрочем, оба эти аспекта психологического воздействия массовой борьбы тесно связаны друг с другом. Осознание личных интересов в связи с коллективными сосредоточивает внимание на проблемах, выходящих за границы «повседневности».

расширяет умственный кругозор. В этом смысле примечательно наблюдение Ларрю, что рабочих, участвовавших в свое время в юношеском движении, обычно отличает относительно высокий культурный уровень и склонность к содержательным, активным формам досуга²⁵.

Опыт участия в массовых движениях и организациях, конечно, неодинаков у рабочих различных возрастов, предприятий, районов. Многие из них вообще не имеют такого опыта. Если выйти за национальные границы, различия окажутся еще более резкими: далеко не во всех капиталистических странах рабочий класс имел, например, тот богатый социально-политический опыт, какой приобрели французские рабочие только лишь в 30—40-х годах нашего века. И тем не менее в целом рабочим как социальной группе свойственно большее, чем у многих других классов и слоев, чувство коллективизма, умение и способность отстаивать общие интересы. Эту черту классовой психологии необходимо иметь в виду, оценивая эффективность тех форм морального закабаления и разложения личности, которые характерны для современного капитализма.

Моральные нормы и ценности, связанные с осознанием коллективных пролетарских интересов, предполагают определенный социальный нонконформизм, настроенность, если не враждебность, по отношению к нормам и ценностям, исходящим «сверху». Даже подчиняясь в той или иной степени этим нормам, рабочий все же сохраняет элемент внутренней независимости: превратить его психологически в робота, в покорного, целиком манипулируемого потребителя стандартизованных материальных благ и массовой культуры при прочих равных условиях все же труднее, чем человека, по своему социальному положению изолированного от коллективных действий и привыкшего к полной зависимости от воли «начальства» либо других внешних обстоятельств. Конторский или торговый служащий, мелкий чиновник или коммивояжер оказываются в подобных условиях в общем чаще, чем индустриальный рабочий.

Ни материальная бедность, ни изнурительный и бессодержательный труд не определяют фатальным образом

²⁵ J. L a r r u e. Personnalités ouvrières..., p. 327

структуру потребностей человека. Рабочие, о которых рассказывает Ларрю, отличаются от большинства не просто более высоким культурным уровнем — гнет жизненных условий оказался не в состоянии извратить их духовные потребности, обуздить и стандартизировать идеалы. Значение их примера очевидно: он иллюстрирует богатство возможностей развития и самоутверждения, заложенных в личности рядового рабочего, его способность противостоять обезличиванию.

И все же в рамках той группы рабочих, которая является в данном случае объектом исследования, такие примеры предстают как исключение. Подчеркивая это обстоятельство, Ларрю заключает, что самостоятельное развитие личности рабочего зависит в конечном счете от случая. Но не кроются ли за внешней случайностью личных судеб некие общие закономерности? Существуют ли какие-либо более или менее стойкие тенденции, характеризующие современный этап эволюции материальных и духовных потребностей рабочих?

КУЛЬТУРНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ РАБОЧИХ

Для изучения этих вопросов значительный интерес представляют результаты проводившейся в 1958—1961 гг. группой социологов Страсбургского института труда во главе с А. Каэсом анкеты об отношении рабочих к культуре. Анкета охватывала рабочих 14 предприятий, принадлежавших к различным отраслям промышленности и находившихся в различных географических районах.

Она, следовательно, более репрезентативна и дает основание для известных сопоставлений. К ее результатам в значительной мере примыкают также данные анкеты по тем же вопросам, проведенной в 1964 г. среди рабочих и профсоюзных работников некоторых промышленных центров «Группой социальной этнографии», возглавляемой П.-А. Шомбар де Ловом ²⁶.

Данные анкет свидетельствуют о крайней неоднородности культурных потребностей и уровней культурного

²⁶ R. Kaës. Op. cit.; P. H. Chombart de Lauwe et autres. Images de la culture. Paris, 1966.

развития рабочих. Исходя из этого, Каэс разделил всю массу опрошенных на пять групп, различающихся по своему культурному уровню — от «очень низкого», до «очень высокого». Критерием каждой являются формы и содержание досуга. Так, к группе «очень низкого» уровня отнесены рабочие, тратящие свой отдых только на сон. Рабочие, предпочитающие чисто пассивные формы досуга (в общем аналогичные тем, которые Ж. Ларрю обнаружила у большинства тулузских металлистов) — спортивные зрелища, отдых в собственном садике (его имеет 41% опрошенных рабочих) и т. п. — отнесены к группе «низкого» уровня. Группа «среднего» уровня включает людей, которые регулярно посещают кино, слушают музыкальные радиопередачи, читают газеты. Рабочих, выделенных в группу с «высоким» культурным уровнем, отличает любознательность и разнообразие интересов: они могут любить спорт, с удовольствием мастерить что-нибудь по дому, но в то же время читают романы и книги по технике, ходят в театр. Наконец, в группу «очень высокого» уровня отнесены рабочие, которые часы досуга посвящают какой-либо активной деятельности, например самообразованию или учебе на вечерних курсах, музыке или живописи, профсоюзной или политической работе. Для них в особенности характерно стремление к расширению знаний: они посещают лекции, участвуют в дискуссиях. Обе последние группы отличаются самостоятельностью суждений по поводу источников массовой информации и культуры; они не пассивно, а критически воспринимают содержание газетных статей, телевизионных и радиопередач.

Вот как выглядит численное соотношение между группами разного культурного уровня (процент ко всем опрошенным) ²⁷:

«Очень низкий»	10
«Низкий»	34
«Средний»	23
«Высокий»	18
«Очень высокий»	15

²⁷ R. Kaës. Op. cit., p. 85.

При всей (очевидно, неизбежной) приблизительности подобной типологии культурных уровней и потребностей, ее применение все же позволило выявить весьма существенный факт — человек, испытывающий более или менее осознанную потребность в саморазвитии, в расширении своего умственного и культурного кругозора, человек, чьи интересы и стремления выходят за рамки материального потребления, — отнюдь не исключительная фигура для французского рабочего класса.

Конечно, интеллектуальная и культурная жизнь большинства рабочих крайне обеднена, их досуг носит большей частью пассивный и «развлекательный» характер. Но, как показывают результаты анкеты, это далеко не всегда означает, что он лишен вообще всякого интеллектуального содержания. Казалось бы, например, что кино в условиях засилья на экранах бессодержательных, лишенных какой-либо художественной ценности фильмов, может, самое большее, удовлетворять потребность рабочего в нервно-психической разрядке. Однако данные анкеты рисуют несколько иную картину. «Мы были поражены, — отмечает Каэс, — масштабом интереса к тем фильмам, которые смотрят, чтобы «узнать что-то о жизни», «об обществе», интересом к «справедливости». 57% кинозрителей-рабочих предпочитают чисто развлекательным фильмам картины, ставящие современные социальные проблемы, реалистические фильмы, «показывающие вещи, какими они есть» (например, «Сильные мира сего»), документальные фильмы, киноинсценировки известных романов и пьес, фильмы по искусству. Но и любители более «легких» фильмов не всегда мотивируют свой выбор только желанием «отдохнуть», «развлечься». Так, тех, кто предпочитает исторические и библейские «супер-боевики», привлекает роскошь обстановки и костюмов, но вместе с тем возможность приобрести какие-то исторические сведения. Даже поклонники приключенческих картин говорят, что им нравится смотреть, как «побеждают слабые и справедливые»²⁸.

«Развлечение, — замечает Каэс, — часто связано с вкусом к знанию». Действительно, и в пассивных, физиологически необходимых и часто единственно доступных

²⁸ R. Каэс. *Op. cit.*, p. 143.

формах досуга рабочие сплошь и рядом ищут удовлетворения интеллектуальных потребностей.

Как и у тулузских металлостов, такие потребности у многих развиваются подспудно, не выражаясь в их поведении. Большинство (62%) опрошенных утвердительно ответили на вопрос: «Имеются ли в настоящее время проблемы, которыми Вы интересуетесь?». Значительное место среди этих проблем занимают те, которые так или иначе связаны с материальными заботами рабочих: эволюция заработной платы и стоимости жизни, экономическое положение предприятия и отрасли, социальное страхование и т. д. Однако еще более широко распространен интерес к научно-техническим проблемам, часть рабочих интересуется литературой и искусством, политикой, морально-философскими проблемами. Но лишь меньшинство их высказало желание глубже ознакомиться с вопросами, которые в принципе их интересуют²⁹. Большинство (56%) опрошенных интересуется историей, но в ходе опроса не обнаружилось ни одного рабочего, который был бы готов изучить интересующий его исторический период³⁰. Пробудившаяся интеллектуальная потребность не находит, таким образом, отражения в какой-либо активной деятельности. Очевидно, что тех трудящихся, в досуге которых преобладают «разрядка» или бездумное развлечение, от более развитых рабочих часто отличает не столько характер и общая направленность духовных потребностей, сколько степень и формы их проявления. Как сказал один из рабочих, «у нас нет времени ни на что, у нас нет времени жить, но стремление (к культуре) существует»³¹.

Какими же факторами обусловлены уровень осознанных культурных потребностей рабочих, их культурное развитие в целом? Судя по результатам анкеты, более культурные рабочие в общем чаще встречаются в крупных городах (Париж и его предместья, Лион, Марсель), на предприятиях, принадлежащих к технически передовым отраслям промышленности (электроника, синтетическая химия), среди более квалифицированных и лучше

²⁹ Ibid., p. 196, 197.

³⁰ Ibid., p. 196, 203.

³¹ P. H. Chombart de Lauwe. Op. cit., p. 141.

оплачиваемых групп рабочего класса (например, печатников). Низкий уровень зарплаты и квалификации, работа в отрасли, где производятся массовые увольнения (например, в текстильной промышленности), особо тяжелые условия труда обычно совпадают с зонами слабого культурного развития рабочих.

Влияние условий труда и жизни тесно переплетается с влиянием социальной, идеологической и культурной атмосферы района или предприятия. Например, в Лотарингии, где рабочие-металлурги живут в изолированных от культурных центров небольших городках и поселках, где в местной жизни велико влияние церкви и крупных трестов, трудящимся особенно затруднен доступ к образованию и подлинной культуре. Напротив, в Парижском и Лионском районах, где источники культуры (театры, музеи, концерты) ближе к рабочим, где профсоюзы, комитеты предприятий, коммунистические муниципалитеты немало делают для культурного развития рабочих, их возможности в этой области гораздо шире. На северо-востоке Франции среди опрошенных рабочих лишь 29% было отнесено к группам «высокого» и «очень высокого» уровня, и 46% — к «низкому» и «очень низкому», а для лионского района доли этих групп составили соответственно 44 и 27%.

Как показывают результаты анкеты, хорошая библиотека на предприятии или театральные спектакли, доступные рядовым трудящимся, способны резко усилить их интерес к культурным ценностям. Однако в конечном счете возможности интеллектуального развития рабочего зависят от совокупности всех элементов окружающей его жизненной обстановки, среди которых решающую роль играют материальные условия жизни и труда. Человек, задавленный бедностью или работающий по 10—12 часов в сутки, редко способен надолго сосредоточить внимание на проблемах, не связанных с повседневной борьбой за существование; в досуге и развлечениях он ищет прежде всего «забвения». На вопрос анкеты, может ли рабочий повысить свой культурный уровень, 31% опрошенных ответил отрицательно и 17% высказали мнение, что хотя в принципе такие возможности имеются, реализовать их слишком трудно. Подавляющее большинство ответивших отрицательно ссылались на материальные и физиологические трудности: 39% — на недо-

статок денежных средств, 28% — на отсутствие свободного времени, 12% — на чрезмерное утомление. Вот несколько типичных высказываний: «В настоящее время рабочие задавлены материальными заботами и трудностями, они работают сверхурочно, чтобы больше заработать и иметь меньше хлопот»; «Люди нуждаются в отдыхе»; «Есть другие заботы, главное — сохранить работу»; «У нас слишком много забот о завтрашнем дне, о детях, о своей работе»³².

Условия жизни и труда рабочих часто мешают им использовать даже в общем доступные культурные ценности. Так обстоит, например, дело с чтением. 34% опрошенных рабочих вообще никогда не читают книг, а 36% читают менее пяти книг в год. Объясняя это обстоятельство, рабочие относительно редко ссылаются на дороговизну книг (10% тех, кто не читает их), на трудности доставать их (3%) либо на нелюбовь к чтению (12%). Библиотеки и практика массовых дешевых изданий сделали книгу предметом, доступным большинству трудящихся, а потребность в чтении достаточно широко распространена в рабочей среде. Основные причины, резко снижающие возможность удовлетворения этой элементарной культурной потребности, по оценкам самих рабочих, — недостаток времени (46%) и усталость от работы (21%), к которым нередко присоединяются плохие жилищные условия, отсутствие необходимой изоляции дома (8%).

Эти данные в целом подтверждают те закономерности, которые можно было проследить уже на более узком материале опроса тулузских металлистов. Хотя уровень развития личности рабочего не является простой функцией его материального положения и зависит еще от ряда иных факторов, в большинстве случаев минимум взаимосвязанных материальных условий, охватывающих жизненный уровень, обеспеченность рабочего места, объем свободного от работы времени, интенсивность труда, жилищные условия и т. д., образует необходимую предпосылку его интеллектуального и культурного роста. Осознанное стремление к такому росту, его реализация в сфере досуга более всего возможны в тех слу-

³² R. K a e s. Op. cit., p. 452, 458.

чаях, когда человек чувствует себя в этой сфере более или менее свободным от физиологических последствий своего труда и от моральной нагрузки насущных забот.

Уровень развития культурных запросов влияет не только на конкретное поведение в сфере досуга. В значительной мере он определяет структуру потребностей человека, ориентацию его личности, то место, которое занимают в его сознании «нематериальные ценности». В представлениях рабочих о культуре отражаются различные, иной раз диаметрально противоположные типы их ценностной ориентации.

Отвечая на вопрос, случается ли ему говорить со своими товарищами о культуре, один из рабочих заявил: «Нет, она не приносит пользы. Нет смысла задумываться о никчемных вещах». Пожилая текстильщица из Лилля так определила содержание культуры: «Грамота и счет — этого достаточно». В наиболее отсталых в смысле экономического положения и культурного уровня рабочих районах — на северо-востоке и юго-западе — примерно половина опрошенных полагает, что содержание культурного багажа, нужного рабочему, исчерпывается элементарными школьными знаниями. Нетрудно заметить, что эти рабочие оценивают культуру в чисто утилитарном плане — потребность в ней они ощущают лишь в той мере, в какой считают ее полезной для решения насущных материальных проблем: «Она помогает устроиться в жизни, полезна для профессии и положения». Подобный взгляд на культуру выражает подавленность личности, сознательное ограничение потребностей. «Нет, у меня нет амбиций», — так ответил один из рабочих на вопрос, случается ли ему говорить о культуре.

Однако лишь 29% опрошенных оценили культуру главным образом как средство повысить жизненный уровень, лучше и прочнее устроиться в жизни. В сознании другой части рабочих подобное «утилитарное» представление тесно переплетается с мотивами, отражающими более широкие потребности. «Культура, — говорит один из них, — необходима, она развивает ум..., информирует, помогает избавиться от трудностей». По словам квалифицированной работницы обувной фабрики, культура дает «лучшее положение в жизни, обеспеченное место, работу, которая нравится». В подобных оценках, несомненно, проявляется уже более высокий уровень

духовных запросов: они отражают осознанную потребность в интересном труде, в знаниях, в обогащении интеллектуальной жизни. Но вместе с тем они показывают, что этим рабочим еще трудно отделить удовлетворение таких потребностей от улучшения материальных условий жизни: интеллектуальное развитие рассматривается одновременно и как самоцель, и как средство «избавления от трудностей».

Данные анкет позволяют выявить и такие представления о культуре, в которых она выступает как ценность, имеющая собственное, не обусловленное ее утилитарными функциями значение. По словам 40-летнего квалифицированного строителя, «некоторые пополняют свои знания..., чтобы больше зарабатывать, но для меня это не самое важное» (подчеркнуто мною.— Г. Д.). Надо позволить каждому творить. Владея культурой, уже не тащишься на буксире, но свободно принимаешь на себя ответственность»³³. А по мнению квалифицированного рабочего-химика, чтобы повысить культурный уровень, надо «иметь возможность зарабатывать на жизнь, получать приличную зарплату. Без этого возникает искушение приобретать знания ради зарплаты, а не для того, чтобы учиться, совершенствоваться»³⁴.

Эти рабочие четко отмежевываются от «утилитарного» отношения к культуре, удовлетворительный жизненный уровень для них — необходимая предпосылка, а не цель культурного роста. Иными словами, они не только вполне сознательно отделяют свои духовные потребности от материальных, но и отводят этим духовным потребностям наивысшее место в системе жизненных ценностей. Речь идет, разумеется, не об аскетическом пренебрежении к «материальной стороне» жизни, а об отказе придавать ей доминирующее значение в мотивах и жизненных целях. Подобная психологическая тенденция, очевидно, относительно редко принимает в индивидуальном сознании столь четкую и ясно выраженную форму. Однако в той или иной мере она отражается в представлениях о культуре, распространенных в широких слоях рабочего класса.

³³ P. H. Chombart de Lauwe. Op. cit., p. 138.

³⁴ R. Käss. Op. cit., p. 481.

Как констатирует Каэс, понятие «культура» рабочие чаще всего отождествляют с широкой «энциклопедичностью» знаний. «Культура» не должна быть специализированной, — сказал квалифицированный рабочий-химик, — она включает самые разные вещи, позволяет отвечать на самые разные вопросы..., делает ум более гибким». Другие говорили об «общих и разнообразных знаниях» — от техники до литературы и политики, о «знакомстве с несколькими профессиями».

Какие же именно интеллектуальные потребности обуславливают такое понимание культуры? С одной стороны, «разносторонние знания» чаще всего рассматриваются рабочими как средство «быть в курсе», «иметь информацию» о событиях и явлениях окружающего мира³⁵. С другой стороны, знания нужны для того, чтобы избежать пассивного, некритического восприятия информации, самостоятельно разбираться в ней, проникать в суть явлений. «Понимать события, улавливать их смысл», — определяет цель культуры один из рабочих. Парижский краснодеревщик считает, что «культура — это знание того, как возникает явление, как оно развивается и почему... Всегда нужно искать «почему»..., понимать, воспринимать критически; тогда мозг не усыплен и обращаешь больше внимания на вещи и на людей». По мнению молодого рабочего-химика, «культурный парень знает, почему он работает. Необразованный человек живет в замкнутом мире и не понимает того, что он делает». Работница бумажного завода на юге Франции полагает, что «быть культурным значит обладать критическим умом, чтобы уметь отличать правду от лжи».

Подобные суждения показывают, что потребность в расширении интеллектуального кругозора тесно переплетается с потребностью в «понимании», в самостоятельности суждений и оценок. Но эти потребности имеют и более глубокое психологическое содержание — внутреннее сопротивление обезличиванию, превращению человека в лишенный всякой интеллектуальной самостоятельности «винтик». Идеал свободного, всестороннего развития личности — таков подлинный смысл подобных представлений рабочих о культуре и знаниях.

³⁵ R. Kaës. Op. cit., p. 286, 300.

Судя по данным анкеты, этот гуманистический идеал получил широкое распространение в рабочей среде и нередко выступает в четкой, ясно осознанной форме. Отвечая на вопросы о целях культуры, многие рабочие говорили, что она «дает большую автономию и свободу», «помогает личности развиваться во всех отношениях». По словам одного из них, культура «позволяет не быть рабом или роботом, внутренне расти, а не оставаться ничтожным колесиком». Другой видит в культуре средство превратить Homo faber в Homo sapiens. Такие, иной раз поражающие глубиной и содержательностью оценки культуры в общем не особенно отличаются по своему смыслу и направленности от многих внешне примитивных, но не менее выразительных суждений. «Культура, — сказал, например, малоквалифицированный рабочий-пищевик из Марсея, — это то, что нужно знать, чтобы не быть насекомым». Как и его более развитые товарищи, он видит в культуре средство преодолеть униженное положение личности, «очеловечить» человека.

Итак, протест против «роботизации», против опустошения и стандартизации интеллектуальной жизни и вместе с тем стремление к самостоятельному, рациональному познанию окружающего мира, внутренней связи явлений и событий — таковы те черты психологии рабочих, которые отражаются в их представлениях о культуре. Подобные черты, разумеется, присущи не всем рабочим, но, как показывают данные анкеты, они не представляют какого-либо исключения и в общем весьма типичны.

Какова же объективная почва этих, по всей видимости очень стойких психологических тенденций? Почему именно рабочий, чьи интеллектуальные запросы, казалось бы, обречены быть подавленными под грузом изнурительного труда и материальных забот, столь ясно сознает их? Об одном из важнейших источников такого сознания уже говорилось выше: коллективизм, в той или иной мере присущий психологии рабочих. Интенсивность товарищеских отношений, основанных на общей работе и общих интересах, создает внутри рабочего коллектива атмосферу откровенности, доброжелательства, бескорыстия, в которой человек особенно легко и охотно делится с другими своими мыслями, впечатлениями, знаниями. Профсоюзные активисты обычно упоминают чувство со-

лидарности, бескорыстия, очень непосредственные, искренние отношения в качестве отличительной особенности рабочей среды³⁶. Понятно, что такая атмосфера содействует взаимному интеллектуальному обогащению.

Многие рабочие, опрошенные сотрудниками Страсбургского института труда, прямо связывали «жизнь в коллективе» с повышением культурного уровня. На работе, говорили они, «учишься понимать людей», «спорить и обмениваться мыслями с товарищами»; «благодаря жизни в коллективе, приобретаешь профессиональное сознание». Это особенно важно для тех рабочих, которые не имеют возможности иными путями пополнять свои знания. По словам одной пожилой работницы, «людям, никогда не работавшим вне дома, чего-то не хватает, они не знают рабочей среды, товарищества. Беседы во время работы — это средство культуры»³⁷.

Подобные высказывания свидетельствуют, в частности, о том, что непосредственные контакты с товарищами по работе отнюдь не утратили в нынешних условиях значения одного из основных источников культурной и социально-политической информации. На вопрос: «Где вы получаете сведения по проблемам культуры?» 30% опрошенных ответили: «На работе», 25% — «В семье», 6% назвали различные культурные и политические организации, в которых они состоят, и только 3% — средства массовой коммуникации: радио, газеты, журналы, телевидение³⁸.

Через личные контакты осуществляется влияние на массу классовых рабочих организаций. Партийный или профсоюзный активист, цеховой делегат часто выделяется своим культурным уровнем и осведомленностью по сравнению с большинством своих товарищей по цеху (Каэс отнес к «очень высокому» культурному уровню 26% опрошенных профсоюзных активистов и только 13% рядовых членов профсоюза и 10% неорганизованных рабочих). Поэтому в рамках малой группы, образуемой коллективом цеха или бригады, он нередко завоевывает авторитет «знающего человека», к нему прислушиваются, у него ищут ответ на неясные вопросы. В ходе

³⁶ P. H. Chombart de Lauwe. Op. cit., p. 159.

³⁷ R. Kaës. Op. cit., p. 338.

³⁸ Ibid., p. 273.

опроса многие рабочие называли того или иного профсоюзного активиста в качестве примера культурного человека. По словам одного из опрошенных, он узнает о том, что его интересует, у своего делегата, который «в отличие от большинства, знает, что происходит на заводе и в районе»³⁹. Внимание теоретиков и практиков политики «человеческих отношений» к проблеме лидерства в малой группе во многом связано с попытками ослабить это влияние профсоюзных активистов, заменить его «моральным авторитетом» представителей администрации.

Сведения и представления, воспринимаемые рабочим от его непосредственного окружения, в той или иной степени проникнуты классовыми критериями и мерками и неизбежно расходятся поэтому с конформистским содержанием «массовой информации». А подобное противоречие между различными источниками информации так или иначе развивает настороженность к готовым оценкам, критическую направленность ума и тем самым увеличивает потребность личности в самостоятельном понимании окружающего мира. «Распространяется недоверие ко всему написанному, ко всякой информации, — характеризует Д. Моте настроения парижских рабочих. — Когда спрашивают: «Откуда ты это знаешь?», ответ: «Я об этом читал» или «Я это видел в кино» может вызвать взрыв хохота... Пресса, радио, кино, все средства информации лгут»⁴⁰. Отрицательное отношение некоторых групп рабочих к «массовой информации» выступает здесь как своего рода коллективная норма, предохраняющая личность от интеллектуальной пассивности. Ибо скептическое восприятие «готовой» информации — первая ступенька к самостоятельным поискам истины.

Но влияние коллектива, его интересов и настроений — не единственный источник интеллектуальных и культурных потребностей рабочего. Большую, а во многих случаях решающую роль в пробуждении и развитии этих потребностей играет специфический опыт его трудовой деятельности. Как показывают данные анкет,

³⁹ Ibid., p. 271, 310.

⁴⁰ D. M o t h é. Journal d'un ouvrier. Paris, 1959, p. 123, 124.

интерес к научно-техническим и профессиональным проблемам распространен в рабочей среде шире, чем какие-либо другие интересы, причем чаще, чем в других случаях, он носит активный характер, выражается в готовности глубоко ознакомиться с соответствующей проблемой (например, такое желание высказали 42% интересующихся наукой и техникой и лишь 20% интересующихся социально-экономическими проблемами)⁴¹. Та же «иерархия интересов» отражается в характере литературы, предпочитаемой рабочими. Из числа рабочих—читателей журналов 20% читает научно-популярные, 10% — профессионально-технические и радиолубительские, 9% — профессионально-технические издания. Эти цифры выглядят довольно значительными, если учесть, что чтение таких журналов требует определенного умственного напряжения и распространено, однако, в общем не меньше, чем чисто «развлекательное» чтение (28% читают иллюстрированные еженедельники и 7% — детективные журналы). 45% рабочих — читателей книг систематически читают научно-техническую литературу — их лишь ненамного меньше, чем читателей «полицейских» романов (50%)⁴².

Большинство (51%) опрошенных рабочих положительно ответило на вопрос: «Может ли труд быть источником культуры?» (лишь 28% дали отрицательный ответ). Типичные мотивы положительных ответов: «Труд может дать возможность творить, изобретать»; «Всегда есть новые технические проблемы, которые нужно решать» и т. д. Многие рабочие видят в «лучшем освоении профессии» основную цель культурного роста. Высококвалифицированный рабочий предприятия точной механики так определил свое понимание культуры: «Я — за такую культуру, которая говорит о труде и которая увеличивает профессиональную компетентность рабочих. Труд — это главное»⁴³.

Распространенность подобных настроений и интересов поразительным образом противоречит бессодержательному, нетворческому характеру трудовой деятельности

⁴¹ R. K a ē s. Op. cit., p. 196.

⁴² Ibid., p. 151—154, 166.

⁴³ Ibid., p. 322, 334—337, 426.

большинства рабочих. Можно, конечно, предположить, что такое отношение к труду присуще главным образом рабочим высоких квалификаций, поскольку в их производственных функциях значительное место занимают инициатива и профессиональное мастерство. Однако это не совсем так. Правда, в группе высококвалифицированных доля тех, кто считает труд источником культуры, наиболее велика (77%), но тот же взгляд разделяет значительная часть просто квалифицированных и даже «специализированных» рабочих (соответственно 57 и 44% этих квалификационных групп).

В ходе опроса Страсбургского института труда одновременно с вопросом: «Может ли труд быть источником культуры?», рабочим был поставлен более конкретный вопрос: «Является ли Ваш труд для Вас источником культуры?». Сравнение ответов на оба вопроса позволяет в какой-то мере объяснить природу взглядов рабочих на культурную роль труда (табл. 13):

Т а б л и ц а 13

Мнения рабочих о труде как источнике культуры
(в % к численности профессиональных групп) *

Ответ	Занятые в								
	типо- графии	меха- ниче- ской про- мыш- ленно- сти	элек- тро- нике	обув- ной про- мыш- ленно- сти	пище- вой про- мыш- ленно- сти	метал- лур- гии	бу- маж- ной про- мыш- лен- ности	сши- тет- ческой химии	текс- тиль- ной про- мыш- ленно- сти
Труд может быть источником культуры . . .	77	65	61	48	48	46	41	36	29
Их труд являет- ся для них ис- точником куль- туры	73	65	49	28	28	37	33	22	20

* R. Kaës. Op. cit., p. 151—154.

Как видим, у многих рабочих общее представление о положительном влиянии труда на развитие личности не соответствует их собственному трудовому опыту. Это

Несоответствие мало или совсем не наблюдается у печатников и рабочих механической промышленности. В обоих случаях речь идет о трудящихся высокой квалификации, выполняющих разнообразную и сложную работу. Механическая промышленность была представлена в анкете двумя небольшими предприятиями (завод текстильных машин и завод точной механики), выпускающими мелкосерийную или несерийную продукцию и сохраняющими традиционные организацию и приемы производства. Напротив, у рабочих электронной промышленности (крупное предприятие, выпускающее радио- и телевизионные передатчики, радары), хотя большинство их (75%) является квалифицированными, реальное содержание труда довольно часто противоречит представлению о заложенных в нем возможностях. Еще более характерно это противоречие для сознания рабочих предприятия синтетических тканей и, особенно, пищевиков (сахарный завод). Правда, ввиду преобладания здесь малоквалифицированного труда по наблюдению за работой агрегатов, вообще лишь меньшинство этих рабочих ощущает какую-либо связь между трудовой деятельностью и возможностями культурного роста.

Несмотря на различия в характере труда и квалификационном составе, производственный опыт рабочих, представляющих последние три отрасли, имеет одну общую черту. Все они трудятся в современном, оснащенном по последнему слову техники производстве (выпуск особо сложной, основанной на новейших научных достижениях продукции в электронике; высокая степень автоматизации на заводе синтетических тканей и на сахарном заводе). Мир сложной, поражающей воображение техники и научных открытий постоянно окружает здесь рабочего, он неразрывно связан с этим миром, но вместе с тем чаще всего отчужден от него; функционирование, внутреннее устройство машин и агрегатов, природа самой продукции сплошь и рядом остаются ему непонятными. Атмосфера современного производства пробуждает его интеллектуальные интересы и концентрирует их на технических и научных проблемах, именно поэтому он нередко видит в индустриальном труде средство культурного развития, однако обнаружить такие возможности в своей собственной работе ему значительно труднее. По словам работницы завода синтетических

тканей, она не может использовать работу для собственного развития, так как не знает «производства в целом», не знает, «как изготавливают нейлон». Рабочий завода электроники полагает, что «следовало бы знать, почему производится данная работа, для чего служит изготавливаемая деталь». Другой рабочий того же предприятия думает, что культурное развитие в труде состоит «в контакте с техникой, не связанной с собственной профессией: нужно знать электронику в целом»⁴⁴. Интеллектуальные потребности этих рабочих приобрели совершенно конкретную направленность — они стремятся прежде всего лучше, полнее познать технику и технологию окружающего производства, выйти за узкие пределы своей трудовой функции.

Иначе формируются представления о труде у рабочих, занятых в более «традиционных» производствах. В одних случаях, как, например, в текстиле, где «измельчание» и специализация труда давно уже достигли максимального уровня, подавляющее большинство вообще не видит в нем средства культурного развития. На обувной фабрике, где полная механизация и конвейер введены относительно недавно, в сознании рабочих еще живы традиции индивидуального мастерства, унаследованные от предшествующих поколений. Поэтому значительная их часть высоко оценивает культурную роль труда вообще, но не своей собственной бессодержательной и монотонной работы. И, наконец, как уже говорилось, рабочие особенно высокой квалификации, носит ли она «современный» (как в электронике или химии) или «традиционный» (как во многих других отраслях) характер, чаще всего черпают представление о такой роли труда из личного производственного опыта. Так, 64% высококвалифицированных рабочих положительно ответили на вопрос, является ли для них их труд источником культуры⁴⁵.

При всей неоднородности конкретных факторов, влияющих на отношение рабочих к труду, инстинктивное или осознанное стремление к более полной, интел-

⁴⁴ R. Kaës. Op. cit., p. 339, 352.

⁴⁵ Ibid., p. 346.

лектуально содержательной производственной деятельности, к свободному созиданию и творчеству выступает как типичная черта рабочей психологии. Вопреки растущему отчуждению рабочих от техники, сфера материального производства продолжает стимулировать их интеллектуальные запросы и потребности. Создается впечатление, что коренная особенность жизненного опыта любого рабочего — его непосредственное участие в производстве, в созидании реальных вещей оказывает влияние на структуру его личности, как-то обогащает его внутренний мир. Его труд может сводиться к автоматическому повторению одних и тех же движений, но потребности, некогда пробужденные первыми контактами с производством либо в период профессиональной учебы, не отмирают совсем. Человек вообще редко полностью утрачивает психические свойства, воспитанные его собственным опытом. А у рабочего интерес к процессу созидания, потребность в его понимании и более полном «освоении» поддерживаются не только прошлым опытом, но и его личным, хотя бы и узко ограниченным участием в этом процессе, всей окружающей его обстановкой производства. Даже испытывая в полной мере моральный и физический гнет «измельченного», бессодержательного труда, он зачастую инстинктивно ищет каких-то возможностей приложить к работе свой интеллект, сделать ее более интересной. В ходе опроса Страсбургского института труда 30% «специализированных» рабочих заявили, что их труд является для них источником культуры. Кажется поразительным — откуда могут черпать такое отношение к труду люди, выполняющие функцию «придатка к машине»? По словам этих рабочих, они пытаются «лучше узнать машину», расширяют свои технические знания, обращаясь с вопросами к механикам и «шефам»⁴⁶. Выполняемая ими работа не требует от них таких знаний, но в том-то и дело, что ее монотонность и бессодержательность не подавляют полностью их потребность в осмысленном труде, а интерес к обслуживаемой ими технике дает какой-то выход этой потребности.

Воздействие на психологию рабочего его роли «созидателя», производителя материальных благ не только

⁴⁶ R. K a ē s. Op. cit., p. 337.

стимулирует его интеллектуальные потребности, но и придает некую «тональность», «стиль» всей его системе мышления. Люди, вышедшие из рабочей среды, профсоюзные активисты, нередко довольно точно определяют эту специфику сознания рабочих, когда речь заходит об их отношении к культуре. Так, в публикации анкеты «Группы социальной этнографии» приводится следующее высказывание одной из опрошенных: «Есть люди, которые размышляют, исходя из идей. Люди из моей среды восприимчивы к методу мышления, который исходит из фактов... Им свойственна простота выражения, делающая жизнь более ясной. Я часто бываю обескуражена сложностью мысли, с которой сталкиваюсь в другой среде — у интеллигентов, буржуа...». Сходную мысль высказал один из профсоюзных работников: «Жизнь рабочей среды отличается большой непосредственностью, конкретностью выражения. Это связано с ручным трудом»⁴⁷.

Конкретность языка отражает конкретность, реализм мышления. Объяснение этих качеств мысли характером труда вполне оправдано: человек, имеющий дело с материальными вещами, сам производящий их, знающий свойства преобразуемого им материала, приучается улавливать реальную, конкретную связь явлений. Абстрактные понятия не имеют для него самодовлеющего, независимого от реального опыта значения. Он до конца воспринимает и усваивает их, лишь проверив практикой. «Открыв мир в слове,— говорит Жан-Поль Сартр,— я долго принимал слово за мир»⁴⁸. Рабочему такая опасность грозит меньше, чем человеку, живущему в «мире слов». «Мы заботимся о конкретном..., сталкиваясь с проблемой, мы рассматриваем ее в связи с нашими собственными условиями» — эта характеристика интеллектуальных интересов рабочих принадлежит работнику ВКТ⁴⁹. На вопрос о содержании культуры многие рабочие отвечали: «Культура — это не книги, но то, чему учит жизнь». «Надо исходить из реального,— разъяснил один из них эту точку зрения,— из того, что видишь, кни-

⁴⁷ Р. Н. Chombart de Lauwe. Op. cit., p. 158, 159.

⁴⁸ Ж.-П. Сартр. Слова.— «Новый мир», 1964, № 11, стр. 88.

⁴⁹ Р. Н. Chombart de Lauwe. Op. cit., p. 158.

ги помогают, но они и искажают действительность, быть культурным — значит понимать реальность»⁵⁰.

Реализм и конкретность мышления во многом питают то стремление к рациональному познанию мира, которое, как мы видели, ярко проявляется в культурных запросах рабочих. Вместе с тем эти черты интеллекта повышают его самостоятельность в отношении готовых норм и оценок, навязываемых современной «массовой информацией», способность ее критического восприятия и осмысления. Однако сугубо конкретный способ мышления, отождествляющий «реальное» с непосредственно, эмпирически воспринимаемым, с тем, «что сам видишь», по неизбежности ограничен, нередко он оборачивается узостью кругозора.

По свидетельству профсоюзного работника, «рабочий чувствует, что он знает слишком мало..., культура для него — это потребность в обогащении своих знаний, чтобы лучше понять то, что происходит вокруг него». Но такому пониманию мешает ограниченность понятий рабочего, его возможностей выражать и развивать свою мысль. Профсоюзный делегат одного из предприятий считает, что в социальной среде, к которой он принадлежит, «размышление невозможно, потому что люди не привыкли мыслить». Подобные высказывания отражают потребность, которую смутно испытывают многие рабочие. Например, их нередко беспокоит бедность собственного языка: «Что у нас плохо, так это язык, надо обратить на него внимание»; «Моя среда имеет свой словарь, но он беден, его нужно обогатить; нельзя мыслить без словаря»; «Человек, получивший начальное образование, употребляет только несколько сот слов, он говорит всегда одно и то же и об одном и том же»⁵¹. В этих признаниях рабочих звучит острая неудовлетворенность доступным им «инструментарием» мышления и познания.

Очевидно, познание только через собственный конкретный опыт в общем соответствует лишь тому уровню интеллектуальных потребностей рабочих, который обусловлен сравнительной ограниченностью и простотой окружающего их мира. Пока знание производства приобре-

⁵⁰ R. Kaës. Op. cit., p. 296.

⁵¹ P. H. Chombart de Lauwe. Op. cit., p. 149, 159, 160.

талось путем практического освоения техники и профессионального мастерства, пока социальная жизнь воплощалась в зримые формы непосредственных отношений с капиталистом, такой способ познания еще мог давать рабочему относительно целостную и стройную картину действительности. С усложнением производства и всей социально-экономической организации понимание внутренней связи явлений, с которыми контактирует рабочий, проникновение в суть процессов, участником и объектом которых он является, все в большей мере требует от него способности к абстрактному мышлению. Предметное, конкретизированное мышление формирует психологическое предрасположение, склонность к рациональному познанию мира. Но в современных условиях оно не воспринимается рабочим как достаточное орудие такого познания.

Это противоречие полнее всего проявляется в той самой производственной сфере, которая наиболее непосредственно влияет на интеллектуальные потребности рабочего. Его собственная трудовая практика все реже дает ему сколько-нибудь полное знание производства. Нажимая на рычаги и кнопки современной машины, реагируя на ее сигналы, он действует в соответствии с системой инструкций, но не знает, что происходит внутри машины и в чем состоит производственный процесс в целом. Такого знания у него нет не только из-за узости его трудовых функций; единственно доступный ему чувственный, визуальный способ познания техники сплошь и рядом оказывается несостоятельным. Путем простого наблюдения нельзя понять работу «электронного мозга», разобраться в устройстве сложного автоматического агрегата либо усвоить, как нефть превращается в синтетическое волокно. Все это требует определенных теоретических, «книжных» знаний, навыков абстрактного мышления.

Даниэль Моте рассказывает, как реагируют рабочие завода Рено на появление новой машины. Все окружают машину, рассматривают, пытаются понять ее устройство, но бесполезно: ее тайной владеет лишь начальник цеха. Однажды один из рабочих так выразил общее настроение: «Надо было бы дать нам возможность полностью овладеть машиной, а то мы уходим вечером так же, как пришли утром, — пустые, все так же лишенные

знания, все так же не ведающие ничего о том, что давит на нас»⁵².

Естественное стремление «освоить» окружающую технику сплошь и рядом оборачивается у рабочего чувством неполноценности своих знаний, своих способностей. Рабочий-металлург, отвечая на вопрос о возможности использовать труд как орудие культуры, сказал, что такие возможности дает изучение техники, но, добавил он, «интеллектуальный уровень рабочего должен быть для этого уже достаточно высоким». «Мы живем в невежестве», — заявил один из опрошенных, имея в виду ограниченность научно-технических знаний рабочих. Подавляющее большинство (78%) их убеждено в необходимости таких знаний, «чтобы понимать», «чтобы не отставать от времени»⁵³. Научно-технический прогресс, усложнение «технической среды», окружающей рабочего, увеличивая его отчуждение от производства, является вместе с тем одним из важнейших факторов развития интеллектуальных потребностей рабочего класса.

Но это далеко не единственный фактор. Так же действует на сознание трудящихся вся совокупность общественных изменений, все более усложняющих картину окружающей действительности, все более затрудняющих ее понимание «рядовым человеком». Подобные трудности питают подчас чувство растерянности, собственного бессилия — уловить какую-либо связь в беспорядочном потоке явлений. «Трудно, — пишет, выражая эти настроения Д. Моте, — приобрести целостное представление о вещах в нашем обществе. Это еще более трудно для рабочего, от которого организация мира остается скрытой как нечто таинственное, подчиненное магическим и неизвестным законам. Наш горизонт ограничен той частичкой работы, которую нам поручают... Организация мира кажется организацией нашего невежества»⁵⁴.

Но именно осознание собственного «невежества» выступает как необходимая ступень в развитии интеллектуальных потребностей, как мощный психологический стимул культурного и интеллектуального роста. «Надо

⁵² D. M o t h é. Militant chez Renault. Paris, 1965, p. 12.

⁵³ R. K a ë s. Op. cit., p. 293, 337, 364, 365.

⁵⁴ D. M o t h é. Journal d'un ouvrier, p. 7.

развиваться. Мы не знаем достаточно, что происходит в современном нам мире». Подобный, весьма типичный для рабочих взгляд (другие опрошенные выражали ту же мысль короче: «Надо жить вместе со своей эпохой»⁵⁵) показывает, как индивидуальное сознание преодолевает тенденцию к пассивному подчинению «организации невежества». Стремление к расширению знаний выступает как реакция личности на ее растущую изоляцию от внешнего мира.

Конечно, такая реакция возникает далеко не во всяких условиях. Наряду с суждениями о необходимости знаний и культуры, мы нередко встречаем в рабочей среде совершенно иные настроения. «Я поставил вопрос (о культуре),— рассказывает один из рабочих,— на моей стройке. Культура, сказали ребята,— это не для нас, это для интеллигентов»⁵⁶. По мнению другого рабочего, его товарищи не придают большого значения подобным вопросам. Среди них есть и такие, «для которых важны только деньги»⁵⁷. Очевидно, если значительная часть рабочих преодолевает подобные настроения, то это связано не только с воздействием на сознание общих процессов, происходящих в окружающем мире, но с какими-то особенностями их собственной «истории». Производственно-технические и общественные отношения стимулируют потребность в расширении кругозора и знаний, но, чтобы получить полное развитие, она должна еще найти себе опору в реальном опыте личности.

Показательно, что, говоря о необходимости больших знаний, многие рабочие объясняют ее теми изменениями, которые произошли в их собственной жизни. Они отмечают, что «рабочий изменился», что он «прогрессировал», что «рабочие хотят подняться выше, чем их отцы». 39% опрошенных Страсбургским институтом труда, считают, что они приобрели реальную возможность повышать свой культурный уровень. Таким образом, рост интеллектуальных потребностей осознается самими рабочими как результат определенных сдвигов в их собственном положении.

⁵⁵ R. Kaës. Op. cit., p. 365.

⁵⁶ P. H. Chombart de Lauwe. Op. cit., p. 140.

⁵⁷ R. Kaës. Op. cit., p. 276.

О каких же изменениях идет речь? Вот один из типичных ответов: «Условия жизни рабочих улучшаются. Жизнь трудна, но дело идет к лучшему. Можно подумать и о культуре»⁵⁸. Повышение жизненного уровня и упрочение занятости — в той мере, в какой они становятся достоянием более или менее широких слоев трудящихся, — облегчают кристаллизацию их моральных и интеллектуальных устремлений. Большая свобода от материальных проблем, ослабление их психологической значимости означает и большую свободу развития духовных потребностей личности.

Однако относительная материальная обеспеченность сама по себе, разумеется, не ведет к росту культуры. Направленность интеллектуальных потребностей человека, его возможности найти истинную, не мистифицированную форму их удовлетворения — в значительной мере результат полученного им образования. Недостаточное образование обычно фигурирует среди главных трудностей «освоения» культуры, называемых самими рабочими. Вместе с тем многие из них ссылаются на рост образования как на источник развития культурных потребностей своего класса.

Эту последнюю мысль вполне подтверждают результаты анкеты Страсбургского института труда (табл. 14).

Они убедительно показывают, насколько расширяется круг интересов и возможности интеллектуального развития с ростом образования.

«Культура — это образование, — сказала, отвечая на вопросы анкеты, одна из опрошенных. — Всю свою жизнь я ощущала недостаток образования, и многие вещи чужды мне потому, что у меня нет необходимой базы для их понимания»⁵⁹. Весьма характерно, что как раз те рабочие, которым удалось получить относительно высокое образование, острее всего ощущают собственную необразованность и чаще других видят в ней главное препятствие к культурному росту⁶⁰. Этот, на первый взгляд, парадоксальный факт вполне закономерен: более полное образование развивает интеллектуальные потребности, но удовлетворять их рабочему все равно трудно. Ведь

⁵⁸ R. Kaës. Op. cit., p. 377, 452, 466.

⁵⁹ P. H. Chombart de Lauwe. Op. cit., p. 140.

⁶⁰ R. Kaës. Op. cit., p. 230, 231.

Таблица 14

Культурные интересы рабочих

(в % к численности групп с различным уровнем образования) *

	Не получившие законченного начального образования	Получившие законченное начальное образование	Получившие образование более высокого уровня
«Очень высокий» культурный уровень	6	13	22
Систематически читают журналы, книги	9	22	30
научно-популярные журна- лы **	1	22	38
профессионально-техничес- кие журналы	3	9	22
политические журналы	3	4	17
классическую художествен- ную литературу	9	20	35
научно-техническую лите- ратуру (книги)	5	16	27
книги по искусству	10	27	35

* R. Каёс. Op. cit., p. 94, 162, 166.

** С этой графы и ниже даются проценты не к численности всей группы, а к той ее части, которая систематически читает какие-либо журналы и книги.

доступное ему образование всегда ограничено довольно низким потолком. Так, под влиянием относительно длительного посещения школы у него развивается вкус к серьезному чтению, но его знания все еще недостаточны, чтобы свободно разбираться в научной и сложной по языку литературе.

Расширение объема интеллектуальных и культурных запросов — одно из наиболее заметных последствий роста образовательного уровня рабочих. При всех вопиющих (и еще усугубленных последней реформой) недостатках действующей во Франции системы образования такой рост — в общем характерное для последних двух десятилетий явление. Особенно значительное влияние на культурный облик рабочего класса оказывает обязательное образование до 14-летнего возраста, ставшее более

или менее повсеместным. Каэс смог отнести к группе «очень высокого» культурного развития лишь 5% рабочих в возрасте старше 46 лет и 9% в возрасте 31—46 лет. Зато в эту группу попал почти каждый пятый (19%) рабочий моложе 31 года⁶¹. Очевидно, продление обязательного образования до 16 лет, несмотря на узость общей подготовки, которая остается уделом будущих рабочих, будет содействовать дальнейшему развитию этой тенденции.

Сдвиги в образе жизни и характере социальных связей рабочих также играют немалую роль в формировании новых культурных потребностей. Переселение рабочих семей в новые жилые кварталы, поездки в отпуск, туризм ведут к умножению их контактов с представителями социальных групп, обладающих более высоким культурным уровнем.

Этот процесс принимает тем более широкие масштабы, что одновременно растет массовый слой трудящейся интеллигенции, которая мало чем отличается от рабочих по жизненному уровню, живет, отдыхает и развлекается там же, где они. Непосредственно на производстве отношения между рабочими и представителями технической интеллигенции тоже нередко становятся более близкими — это особенно типично для тех отраслей, где по условиям производства техники и инженеры не уступают по своей численности рабочим и трудятся бок о бок с ними (например, на электростанциях, в электронике и т. д.) Взаимопроникновение различных социальных групп широко развивается даже на уровне семьи: обычными стали браки между рабочими и служащими (в 26% семей рабочих, охваченных анкетой Страсбургского института труда, жены—служащие)⁶²; как уже говорилось, примерно треть взрослых детей рабочих принадлежат к другим социальным категориям. Все эти процессы значительно расширяют источники культурной информации рабочих. Вот несколько типичных ответов на вопрос той же анкеты. «Где или от кого вы узнаете о тех или иных проблемах культуры?» — «От техников и служащих, они образованнее нас»; «От инженера, он знает о

⁶¹ R. Kaës. Op. cit., p. 93.

⁶² Ibid., p. 51.

самых разных вещах»: «Одна из моих дочерей — учительница; образование — прекрасная вещь»; «От моего брата, который работает техником на телевидении; он знает все»; «От моего друга-инженера»; «От моего друга-учителя»⁶³.

Систематические контакты с более образованными людьми, споры, обмен мыслями, несут в себе особую силу непосредственного эмоционального воздействия и потому подчас более, чем что-либо другое, способны пробудить в человеке новые интересы, открыть доселе неведомые ему горизонты. Вместе с тем они повышают тот минимум культуры, который необходим для полноценного общения с окружающими. Характерно, что именно потребность в таком общении нередко выступает как наиболее непосредственный стимул культурного роста. Отвечая на вопрос о целях культуры, многие рабочие говорили, что она «позволяет встречаться с культурными людьми», «поддерживать беседу». «Рабочий, — сказал один из опрошенных, — уезжая в отпуск, общается с людьми более высокого уровня; цель культуры — не быть стесненным в разговорах с ними»⁶⁴. Подобное, несколько наивное представление о культуре значительно богаче по своему психологическому содержанию, чем это может показаться на первый взгляд; оно отражает стремление современного рабочего преодолеть ту социальную изоляцию, которая хотя и в более «мягких», менее резких, чем раньше, формах продолжает давить на его жизнь, особенно в области образования и культуры. Расширение социальных связей рабочего разрушает почву сектантских предрассудков, вообще свойственных изолированным, как бы «замкнувшимся в себе» общественным группам, рассеивает предубеждение против созданных в другой социальной среде культурных ценностей.

Правда, это предубеждение, питаемое объективным фактом реальных классовых различий, еще сквозит в настроениях части рабочих. Некоторые из них считают, что, поскольку «рабочие не такие, как остальные», им нужна своя, особая культура. «Рабочие должны остаться рабочими», — мотивировала эту точку зрения пожилая

⁶³ Ibid., p. 271, 272.

⁶⁴ Ibid., p. 286, 323.

текстильщица из Лилля. Однако подобное мнение выразило лишь незначительное меньшинство (9%) опрошенных. 29% говорили о необходимости отбора более близких и понятных рабочим культурных ценностей, чтобы дать им возможность постепенно подойти к освоению всего богатства культуры, и 37% резко высказались против вообще какой бы то ни было «культуры для рабочих». Вот несколько типичных мотивировок: «Не замыкать рабочих в их классе»; «Это увеличило бы нашу изоляцию»; «Опера „Тоска“ существует для всех». Подобные ответы чаще всего давали лучше образованные рабочие, члены и активисты профсоюзов, а также люди моложе 30 лет⁶⁵. Таким образом, господствующая тенденция состоит в стремлении преодолеть классовую изоляцию в области культуры.

Это стремление естественно стимулирует дальнейшее расширение социальных связей рабочего класса. Выход из социальной изоляции — не только предпосылка, но и следствие культурного роста. «Сближение с интеллигенцией» многие рабочие прямо называют целью культуры. Некоторые добавляют, что сближаясь с культурными людьми, «становишься как все». Интеллигентность превращается в рабочей среде в своего рода потребность, начинает восприниматься как норма и жизненный идеал.

КУЛЬТУРНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ И НАПРАВЛЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ

Подобные тенденции знаменуют собой глубокие изменения в психологическом облике рабочего класса. Вековые нужда и гнет, недоступность образования и культуры не могли не наложить свою мрачную печать на развитие его сознания. Обычные последствия нищеты и невежества — неспособность связать свои насущные заботы с более широкими общественными проблемами, равнодушие к любому явлению, которое не затрагивает непосредственных, эмпирически очевидных интересов человека или его социальной группы.

Обогащение культурных потребностей рабочих не только расширяет их умственный кругозор, оно порождает

⁶⁵ R. Kaës. Op. cit., p. 423—431.

дает новый, более высокий тип осознания связей между личностью, ее социальной группой и обществом, между «я» и другими людьми, более острое ощущение человеческой общности. По мнению квалифицированного рабочего — профдеlegates от ВКТ, «рабочий партикуляризм не должен развиваться... В рабочей среде существует общее стремление к человеческому братству, к очеловечиванию человека через его универсализацию... Культура — хорошее средство, чтобы ограничить нашу тенденцию к классовой специализации»⁶⁶.

Один из рабочих так объяснил, почему он против «уврьеризма»: «Я хочу знать мир таким, как он есть, но не только с моей точки зрения рабочего. Солнце восходит для всех»⁶⁷. По мнению многих опрошенных, цель культуры состоит в том, чтобы «позволить людям лучше узнать друг друга», «найти свое место в коллективной жизни». 50-летний рабочий кондитерской фабрики так определил цели культуры: «Она позволяет нам знать образ мышления людей науки... и вообще всех людей... размышлять также о проблемах жизни... Повышение культурного уровня дает людям широту мысли: вместо заимствования готовых решений, они приобретают способность дискутировать о более широких проблемах. Культурный человек способен понимать людей, которые живут и думают иначе, чем он сам. Он начинает заботиться о том, чтобы не стеснять тех, кто отличается от него своим образом жизни»⁶⁸.

Стремление к знанию, таким образом, органически связано с утверждением определенных нравственных норм. Потребность в большей интеллектуальной культуре влияет и на культуру поведения и на культуру человеческих отношений. Внимание и интерес к другим людям, уважение к их вкусам и мнениям формируются у рабочего уже под непосредственным влиянием атмосферы товарищества, жизни в коллективе. Рост его культурных потребностей, расширение его социальных связей приводят к еще большему развитию этих черт сознания. А оно в свою очередь открывает новые возможности интеллектуального и культурного обогащения личности.

⁶⁶ P. H. Chombart de Lauwe. Op. cit., p. 157, 158.

⁶⁷ R. Kaës. Op. cit., p. 427.

⁶⁸ P. H. Chombart de Lauwe. Op. cit., p. 149, 151.

Чем с бóльшим интересом, непредвзятостью человек относится к другим людям, тем меньше он склонен принимать непонятное ему за нечто «ничто», «ненужное». Многие рабочие, отвечая на вопросы анкеты, говорили, что им непонятны те или иные явления современного искусства (например, живопись Пикассо), но объясняли это непониманием отсутствием достаточных знаний, опыта («Чтобы по-настоящему понять картины,—сказал один из рабочих,—надо каждый день по крайней мере несколько минут рассматривать их») ⁶⁹. Подобная позиция в корне отлична от присущей косному, ограниченному уму склонности измерять ценность людей и вещей лишь меркой собственного понимания. Человек, сказавший себе: «Я знаю слишком мало, чтобы понять и оценить это», в определенном смысле перешел Рубикон, он выработал в самом себе решающую предпосылку собственного духовного развития—предпосылку, без которой невозможен интеллектуальный динамизм личности, процесс сознательного, активного познания мира.

Без нее невозможна и вообще какая бы то ни была свобода, самостоятельность мышления. Чем меньше человек сознает неполноценность собственного умственного багажа, тем охотнее он принимает чужие мысли за свои и тем, следовательно, больше он подвержен их пассивному, некритическому восприятию. Поэтому самоизоляция от всего богатства культуры, от всей полноты знаний чаще всего оборачивается незащищенностью от внешних идейных влияний, от воздействия готовых, легче всего усвояемых представлений, стандартных, простеньких «истин», по различным каналам поступающих в индивидуальное сознание. Сами рабочие подчас великолепно улавливают эту связь между сектантски ограниченной интерпретацией культуры и стандартностью, несамостоятельностью интеллектуальной жизни. По словам одной из опрошенных, «рабочие прекрасно понимают то, что существует для всех; надо просто дать им возможность выбирать. Пусть каждый выражает себя в том, в чем хочет. Если создать для нас специальную культуру, каждый будет обязан подчиняться ей и будет похож на остальных». «У рабочих разные вкусы,—говорит другой,—

⁶⁹ R. K a ё s. Op. cit., p. 225.

все, что они хотят, нельзя предвидеть заранее. Например, некоторым не нравится Сартр, а я его очень люблю»⁷⁰. В этом стремлении к собственному независимому выбору культурных ценностей, в этом протесте против навязанных, равняющихся на некий «средний» стандарт форм культуры нельзя не видеть одной из наиболее ярких особенностей, характеризующих нынешний этап развития духовных потребностей рабочего класса. Поиски большей интеллектуальной свободы — таков глубокий социально-психологический смысл этих все более укореняющихся в рабочей среде настроений.

Очевидно, лишь учитывая динамику и структуру духовных потребностей современного рабочего, можно правильно оценить воздействие на его сознание средств массовой коммуникации. Концепция, приписывающая этим средствам неограниченную способность определять психологическую направленность личности, стандартизировать ее нормы и знания, фактически исходит из представления об индивидуальном сознании как о некоей tabula rasa, сыром материале, из которого при умении можно изготовить любой фабрикат. Гораздо ближе к истине те, кто подобно Райту Миллсу, считают, что система убеждений индивида «является в некотором роде функцией его жизненного положения плюс непосредственных контактов с другими людьми, плюс его подверженности средствам массового воздействия»⁷¹. К этому можно было бы добавить, что речь идет не об арифметической сумме различных влияний, но об их диалектическом взаимодействии; информация, поступившая через каналы массового воздействия, отбирается и перерабатывается сознанием в соответствии с потребностями, воспитанными жизненным опытом индивида, его социальными контактами и т. п. Конечно, она способна влиять на эти потребности, придавать им определенное направление, но лишь в рамках, обусловленных теми устойчивыми убеждениями, стремлениями и нормами, которые сформировались у человека под влиянием его собственной «истории».

Несомненно, что восприятие «массовой информации»

⁷⁰ Ibid., p. 429.

⁷¹ C. Wright Mills. White Collar. New York, 1951, p. 334.

занимает все более видное место в повседневной жизни французских рабочих, все в большей мере заполняет их досуг. В последние годы ведущую роль в этом процессе приобрело телевидение. К концу 1965 г. больше половины рабочих семей имели телевизоры⁷². Телевидение стало в этой среде более распространенным источником развлечения и информации, чем, например, книга. Но люди, проводящие вечера у телеэкрана, по-разному используют этот источник, неодинаково реагируют на него. Одни смотрят все подряд, захваченные потоком мелькающих образов, бессильные произвести какой-либо самостоятельный отбор. Среди телезрителей-рабочих, охваченных анкетой Страсбургского института труда, таких оказалось 35%. Другие (30%) выбирают развлекательные передачи — трансляции спортивных состязаний, «легкие» фильмы и т. д. И еще 35% используют телевизор как средство образования и культуры: они смотрят концерты, лучшие художественные кинокартины, проявляют особый интерес к документальным фильмам и репортажам, дискуссиям и театральным постановкам⁷³.

Разумеется, подобное разнообразие реакций отражает пестроту, «многоплановость» самих телепередач. На программы телевидения влияют весьма разнородные идейные тенденции. С одной стороны, оно несомненно, выполняет идеологические функции, соответствующие интересам и целям государственно-монополистического капитализма. Эти цели определяют и его политическую ориентацию, и тот комплекс мещанских, «потребительских» жизненных идеалов и норм, которые накладывают свой отпечаток на содержание развлекательных, да и многих информационно-познавательных передач. Бездумное, пассивное восприятие телевизионной информации более всего благоприятствует эффективности подобной идеологической обработки: нужные представления и нормы, внушаемые исподволь, не в лоб, в основном путем образного, эмоционального воздействия, запечатлеваются в сознании тем легче, чем меньше оно расположено к активной критической переработке увиденного и услышанного.

⁷² «Etudes et conjoncture», 1966, № 5.

⁷³ R. K a ē s. Op. cit., p. 134—136.

С другой стороны, поскольку во Франции телевидение принадлежит государству, оно не носит коммерческого характера⁷⁴. В этих условиях художественная и научная интеллигенция имеет немалые возможности влиять на содержание программ; в них в той или иной мере отражаются богатые традиции демократической культуры страны. Поэтому французский телезритель в общем находится в более благоприятных условиях, чем, например, телезритель американский. На телеэкране нередко демонстрируются лучшие отечественные и зарубежные кинофильмы прошлых лет, инсценировки классических и наиболее выдающихся современных литературных произведений, театральные спектакли. 12,5% телевизионного времени (по двум каналам) уделяется культурно-образовательным передачам⁷⁵.

Таким образом, телевидение — это наиболее «современное» и мощное из средств массовой коммуникации — может в одно и то же время выступать и как фактор духовного обнищания и стандартизации, развития умственной пассивности и конформизма, и как орудие интеллектуального и культурного роста. Характер его воздействия зависит и от содержания программ, и от интеллектуального уровня и психологического склада телезрителя. Развитие интеллектуальных потребностей рабочих увеличивает способность к самостоятельному, критическому «просеиванию» массовой информации, повышает их иммунитет против тенденциозной пропаганды и против оглуляющей пустоты и безыдейности, сплошь и рядом распространяемых с голубого экрана.

Но если интеллектуальный уровень человека влияет на восприятие им телевизионной информации, то существует и обратная зависимость — ее усвоение в конечном счете во многом содействует росту его интеллектуального уровня. Рабочих, находящихся на относительно низких ступенях культурного развития, телевидение вводит в непосредственный, зрительный контакт с такими явлениями, проблемами, событиями, о которых они до того вообще не знали либо имели самое смутное представле-

⁷⁴ Положение несколько изменилось в 1967 г., когда часть телевизионных передач была подчинена целям коммерческой рекламы.

⁷⁵ «Economie et politique», № 151, 1967, p. 46.

ние. Оступляющая подчиненность телеэкрану, неспособность к критически-выборочному восприятию программ — во многом естественная реакция сознания на новый для него источник информации, на вторжение в привычную домашнюю обстановку множества образов часто совершенно неведомого и чуждого ему мира. Преодоление этой реакции требует известного процесса адаптации. Как отмечается в специально посвященном проблемам радио и телевидения выпуске журнала «Экономика и политика», нельзя преувеличивать «магическую силу образа», видеть в ней «черту, органически присущую кино и телевидению... На деле речь идет о преходящем явлении, частично обусловленном новизной этого средства передачи и непривычными формами техники съемок»⁷⁶. По мере «освоения» сознанием новых средств коммуникации они становятся для него прежде всего тем, чем, собственно, и являются по своей объективной сущности — источником информации. Причем для рабочего телевизионная информация обладает особой ценностью, поскольку она преподносит ему новые сведения в той самой конкретно-чувственной форме, которая зачастую более всего соответствует складу его мышления, его возможностям познания. Конкретизируя, вводя в сферу его непосредственного наблюдения явления, выходящие за пределы его собственного опыта, оно облегчает ему путь от конкретно-предметного к абстрактному мышлению. Говоря о преимуществах телевидения, рабочие подчеркивают, что «оно живое, реальное; видишь то, что происходит», что с его помощью «можно узнавать и судить самому, именно потому, что видишь». Другие отмечают, что телевидение «дает знания, которые невозможно приобрести другим способом, например репортажи с места событий»⁷⁷. В самой природе телевидения заложены познавательные элементы, которые не могут быть полностью устранены даже весьма тенденциозной ориентацией программ: документальная точность факта, передача его не через «третьи руки», не в чьей-либо субъективной интерпретации, а непосредственно его визуальное восприятие. Поэтому оно не только расширяет круг

⁷⁶ «Economie et politique», № 151, 1967, p. 115.

⁷⁷ R. K a ě s. Op. cit., p. 137.

фактов, привлекающих интерес и внимание (газетное сообщение, оставшееся незамеченным или показавшееся маловажным, может приобрести для человека совершенно иное значение, облекшись в зримую форму телепередачи), но и увеличивает возможность их самостоятельной оценки.

В целом современные процессы технического и социально-экономического развития, связанные с ними изменения в образе жизни, материальном и культурном потреблении рабочего класса, в его образовательном уровне и характере социальных связей порождают определенные сдвиги в структуре личных потребностей рабочих. Тенденции этих сдвигов в настоящее время неоднозначны и во многом противоречивы; объективные различия в положении отдельных групп и слоев рабочего класса обуславливают возможность неоднородных психологических реакций на сходные по своей общей направленности изменения «жизненной обстановки». Однако, как свидетельствует приведенный выше материал, одна из важнейших тенденций состоит в росте удельного веса интеллектуальных потребностей, которые могут ощущаться и как смутное желание больших знаний и общей культуры, и как вполне осознанное стремление к рациональному познанию окружающего мира, к всестороннему развитию собственного интеллекта и свободы мышления. Интеллектуально содержательная, «более интересная» жизнь приобретает для растущего числа рабочих такую же психологическую значимость, как материальная обеспеченность и моральное спокойствие.

Эти новые потребности вступают по мере своего развития во все более резкое противоречие с социальным положением большинства рабочих, с их местом и ролью в производстве. Как отмечает Д. Моте, рабочие, дольше учившиеся в школе и обладающие более широкой культурой, проявляют способности к умственной деятельности, которые они не могут применить в своей работе. Их труд разительно отличается от социальной и культурной жизни вне стен завода, «требующей инициативы, иного круга понятий и новых форм мышления», от труда тех людей, которых они видят на экранах кино и телевидения. Поэтому рабочему младшего поколения, «контраст между гражданской и заводской жизнью кажется более жестким, чем старым рабочим... Он оценивает и изме-

ряет свое положение иными мерками, чем трудящийся 1900 г., который, будучи слишком поглощен своей работой, обладал лишь урезанными и фрагментарными знаниями»⁷⁸.

Как мы видели, выход своим интеллектуальным и культурным потребностям многие рабочие ищут в сфере досуга. Однако даже наиболее содержательные и активные формы досуга не могут психологически заменить им содержательного труда. Дело не только в том, что рабочий проводит на заводе большую часть своей жизни и отдает труду львиную долю своей физической и умственной энергии. Его интеллектуальная жизнь в свободное от работы время в лучшем случае оказывается чем-то вроде продолжения школьного обучения: он удовлетворяет свою любознательность, приобретает новые знания и культурные навыки, развивает ум и художественный вкус, но все это никак не увеличивает его возможностей прилагать свои интеллектуальные способности к практике, к созидательной творческой деятельности. А между тем такая деятельность тем более необходима человеку, чем выше уровень его интеллектуальных запросов, чем шире его умственный кругозор. Обогащение культурной жизни рабочих в конечном счете может лишь увеличить их неудовлетворенность своим положением в системе капиталистических общественных отношений.

⁷⁸ D. M o t h é. Militant chez Renault, p. 85.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПОТРЕБНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОЖИДАНИЯ

ПЛАНЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РОСТА

Сдвиги в структуре личных потребностей, естественно, накладывают свой отпечаток на жизненные цели рабочих, на их индивидуальные проекты. Как свидетельствуют данные социологических исследований, многие из них отождествляют «успех в жизни» с улучшением положения на производстве, «профессиональным ростом»¹. Конечно, желание повысить профессиональную квалификацию, занять более высокое место в производственной иерархии может отражать разнородные потребности: более содержательный труд обычно означает и более высокий жизненный уровень. Однако подобная ориентация стремлений все же свидетельствует скорее о тесном переплетении материальных и духовных потребностей (и интересная, и хорошо оплачиваемая работа), чем о преобладании первых над вторыми. В ее основе лежит все та же мечта о «более интересной жизни», которая в сознании современного рабочего так или иначе связана с существенным изменением его положения в труде.

Обстановка, сложившаяся во французской промышленности под влиянием научно-технической революции и различных структурных сдвигов, в определенной мере содействует кристаллизации планов «профессионального роста». Возросший темп технических изменений и развитие новых отраслей увеличивают, как уже отмечалось, потребность в «современной» квалифицированной рабочей силе, в работниках новых специальностей. На ряде

¹ A. Touraine. La conscience ouvrière. Paris, 1966, p. 138.

участков производства возникают «узкие места» — обнаруживается резкий недостаток квалифицированных специалистов. Так, по данным анкеты, проведенной в конце 1961 г. на предприятиях горнодобывающей и металлообрабатывающей промышленности, они имели 28 тыс. вакантных рабочих мест, причем более половины из них составляли места квалифицированных рабочих, техников и чертежников, которых нанять значительно труднее, чем неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих. Еще более острый недостаток в квалифицированных рабочих и техниках испытывают предприятия нефтеперерабатывающей и химической промышленности. Подготовка специалистов из молодежи, оканчивающей средние технические заведения или обучающейся на предприятиях после окончания общеобразовательной школы, постоянно отстает от нужд производства. Как констатировала Комиссия по рабочей силе Генерального комиссариата по плану, к концу осуществления V плана — в 1970 г. — «число молодых дипломированных специалистов — особенно тех, кто обладает дипломами технического образования, — по-прежнему будет совершенно недостаточным по сравнению с потребностями»².

Создавшиеся условия побуждают государственные органы и руководителей ряда предприятий осуществлять определенные меры для подготовки квалифицированных рабочих, техников из менее квалифицированных работников, уже трудящихся на производстве. Такие меры стимулируются также «социальными» соображениями, используются как одно из наиболее эффективных орудий «человеческих отношений» и «интеграции рабочего в предприятие».

«Образование и продвижение» рабочих западная индустриальная социология рассматривает как средство «включить их в иерархию и таким образом существенно изменить их социальное положение на предприятии»³.

В годы V Республики лозунг «социального продвижения» приобрел значение официальной государственной политики. Ему посвящен специальный закон от 31 июля

² G. Sarrouy. Le perfectionnement du personnel dans les entreprises en France. Paris, 1965, p. 44; «Revue française du travail», 1966, № 1, p. 34.

³ J. D. Reynaud. Structure et organisation de l'entreprise. In: «Traité de sociologie du travail», v. 2, p. 91.

1959 г., предусматривающий различные меры по профессиональному переобучению взрослых трудящихся, в частности по подготовке инженерно-технических кадров без отрыва от производства, помощь государства предприятиям, организующим такое обучение, учреждение Координационного комитета по социальному продвижению под председательством премьер-министра. Тот же лозунг принят на вооружение некоторыми крупными предприятиями. Так, химический концерн Пешинэ провозглашает своей целью «создать возможности для полного развития людей, которые оказали доверие фирме, поступив к ней на работу, и помочь каждому достичь собственного потолка»⁴. Другие предприятия рекламируют предоставляемые ими «возможности продвижения» различными многообещающими формулами (например: «Когда мы нуждаемся в директоре, мы нанимаем разно-рабочего»). Один из наиболее видных французских специалистов по «политике персонала», Р. Ватье, советует предприятиям из соображений «социального мира» готовить необходимых им квалифицированных специалистов путем выдвижения членов собственного персонала, даже когда есть возможность нанять их на стороне. В противном случае, замечает он, «дирекция рискует остаться непонятой»⁵.

Необходимо вместе с тем учитывать, что политика «образования и продвижения» наталкивается на серьезные препятствия, заложенные в самой природе современного капиталистического производства, и неизбежно принимает поэтому ограниченный и противоречивый характер. Механизация производства и развитие разделения труда внутри предприятия воздвигли трудно проходимые барьеры на пути от низкой к высокой квалификации, барьеры, которые отнюдь не устраняет нынешняя фаза технического прогресса. В маломеханизированном производстве многие неквалифицированные рабочие обладали реальной перспективой профессионального роста: трудясь в тесном контакте с квалифицированными, выполняя при них роль подручных, они могли постепен-

⁴ G. Sarrouy. Op. cit., p. 113.

⁵ R. Vattier. Développement de l'entreprise et promotion des hommes. Paris. 1960, p. 13.

но перенимать у них «секреты мастерства», осваивать практически более сложные, квалифицированные операции. Иное дело современное высокотехнологизированное предприятие, на котором «специализированные» рабочие, обслуживающие поток, выполняющие расчлененные, «частичные» операции, чаще всего сосредоточены в особых цехах и резко изолированы и по характеру труда и территориально от квалифицированных станочников, работающих по индивидуальным заданиям, от специалистов по оборудованию и т. п. В такой же, а нередко и в еще большей изоляции от сферы квалифицированного труда обычно находятся операторы автоматизированного производства. В этих условиях подготовка рабочих к выполнению более сложных производственных функций относительно редко может осуществляться в ходе самого производства: она требует специального обучения, выходящего рабочего из процесса создания прибавочной стоимости. Отсюда возникает проблема расходов на обучение, которая оказывается серьезным препятствием для реализации потребностей в квалифицированной рабочей силе.

С развитием государственно-монополистического капитализма в решении этой проблемы растущее участие принимает государство; профессиональная переподготовка трудящихся в соответствии с нуждами частно-капиталистической экономики становится одной из его функций. Однако масштабы деятельности государства в этой области все еще крайне ограничены и позволяют удовлетворять лишь небольшую часть нужд промышленности в квалифицированных рабочих и техниках. По подсчетам плановых органов, даже после намеченного на 1970 г. повышения числа мест в школах профессионального обучения взрослых (ФПА) до 74,5 тыс. (по сравнению с 51,5 тыс. в 1965 г.) это число будет составлять лишь 21% от объема потребностей. К тому же ФПА до настоящего времени готовит специалистов лишь для немногих отраслей промышленности (главным образом строителей и металлургов). Условия материального обеспечения учащихся (стипендия в размере ниже зарплаты чернорабочего) позволяют поступать в школы в основном лишь молодым людям, не имеющим семьи: только 10—15% от общего контингента учащихся составляют лица старше 25 лет. Поэтому школы практически готовят значительно

меньше специалистов, чем позволяет их и без того ограниченная «пропускная способность» (в 1964/65 учебном году из 51,5 тыс. учебных мест было заполнено около 38 тыс.).

Наряду с повышением профессиональной квалификации рабочих ФПА занимается, как уже говорилось, переподготовкой безработных, а также обучает промышленным профессиям бывших крестьян, вынужденных оставить сельское хозяйство. Лишь половина учащихся — бывшие неквалифицированные и малоквалифицированные рабочие. Окончить ФПА — это вовсе не значит получить более квалифицированную профессию. Так, 42% выпускников 1955 г. приобрели в результате обучения специальность, дающую им право на тот же, а иногда даже на более низкий квалификационный разряд, чем тот, который они имели до поступления в школу. И, наконец, рабочие, окончившие ФПА, не получают твердых гарантий трудоустройства. По данным на 1958 г., только 60—65% выпускников ФПА работали по приобретенной в школах специальности⁶.

Ввиду слабого развития государственной системы профессионального обучения многие сторонники идеи «социального продвижения» полагают, что основная работа в этой области должна осуществляться непосредственно на предприятиях. Но здесь сплошь и рядом вступает в действие логика «немедленной рентабельности», побуждая экономить на переподготовке рабочей силы. Расходы на такую переподготовку нередко воспринимаются предпринимателями как жертва, абсолютная необходимость которой им далеко не всегда очевидна. Как отмечает в своем докладе Комиссия по рабочей силе Генерального комиссариата по плану, наиболее трудная проблема развития обучения на предприятиях состоит в предоставлении учащимся свободных часов или отпуска для учебы без снижения их зарплаты⁷. Существующее законодательство никак не способствует решению этой проблемы: по закону от октября 1966 г. предприятия должны предоставлять трудящимся отпуск для учебы продолжительностью до одного года, в течение этого

⁶ «Revue française du travail», 1966, № 1, p. 42, 43; 1960, № 1, p. 3—32; «Notes et études documentaires», № 3104, 9 juillet 1964.

⁷ «Revue française du travail», 1966, № 1, p. 43.

срока они продолжают получать «социальные» выплаты и за ними сохраняется стаж, однако закон не предусматривает выплаты учащимся части зарплаты. Понятно, что для рабочего учеба на таких условиях нереальна.

По данным опроса, проводившегося в 1963 г. на 124 предприятиях, лишь 32,3% из них имеют службу профессионального образования (18% всех предприятий с численностью персонала до 500 человек, 23,5% — с персоналом 501—1000 и 57,5% предприятий с персоналом более 1000 человек)⁸. По материалам статистического обследования 1964 г., число рабочих, получивших дополнительное образование в 1959—1963 гг., составляет около 4% рабочего класса⁹.

Таким образом, только малая часть трудящихся промышленности располагает какими-то возможностями повышать уровень своего профессионального образования на предприятиях. В большинстве отраслей и на основной массе мелких и средних предприятий рабочим практически закрыт доступ к сколько-нибудь значительному росту квалификации. Как констатирует Ж. Д. Рейно, движение за профессиональное образование «охватывает во Франции лишь наиболее крупные и активные предприятия. Было бы утопичным думать, что в ближайшем будущем произойдет трансформация, способная ликвидировать существующее положение»¹⁰.

Наличие на предприятии более или менее развитой системы образования персонала еще не означает, что каждый рабочий имеет реальную возможность занять соответствующее его способностям и знаниям место в производстве. Вопреки ширококвещательным лозунгам, образование далеко не всегда рассматривается на практике как средство «профессиональной карьеры» рядовых трудящихся. Его непосредственной целью сплошь и рядом является воспитание у персонала способности быстро приспособливаться к новой технике, что становится особенно важным в условиях ускорения темпов технического прогресса. Поскольку каждое техническое нововведе-

⁸ «Sociologie du travail», № 4, 1963, p. 405.

⁹ Подсчитано по «Etudes et conjoncture», № 42, 1967, p. 66, 67 (данные не учитывают лиц, родившихся ранее 1918 г., а также начавших или прекративших трудовую деятельность в 1959—1963 гг.).

¹⁰ J. D. Reynaud. Op. cit., p. 91.

ние может повлечь за собой появление качественно иных видов труда, предприятие в принципе заинтересовано в создании «на всякий случай» определенного резерва рабочей силы, обладающей тем минимумом технических знаний, который необходим для быстрого овладения новыми методами работы¹¹. «Экономическое развитие, технический и технологический прогресс,— отмечается в одном из документов, принятых Генеральной ассамблеей Национального совета французского патроната (в январе 1966 г.),— влекут за собой быстрый рост спроса на людей, лучше образованных и более способных прино-
равливаясь к меняющимся условиям производства и рынка труда»¹².

Далеко не последней по значению целью образования является воспитание у работников более добросовестного и ответственного отношения к труду, «трудовой морали». По словам президента одной из крупных французских компаний, «вы не сможете купить энтузиазм, инициативу, лояльность, дух сотрудничества. Вам придется добиваться этих вещей»¹³. А именно «эти вещи» становятся все более необходимыми капиталистическим предприятиям в условиях дороговизны техники и повышения требований к точности работы. В ходе обучения рабочему стремятся внушить представление о важности его производственных функций и тем самым побудить более внимательно и сознательно выполнять их.

Понятно, что все эти цели образования сами по себе не предполагают выдвижения получающих его работников на более высокие посты в производственной иерархии. Р. Ватье определяет образование на предприятии как «комплекс мер, способных привести людей и группы в состояние компетентно выполнять свои нынешние (разрядка моя.— Г. Д.) функции, а также те, которые будут им доверены»¹⁴. Ж. Сарруй предлагает систему пяти критериев для оценки «социальных» результатов образования: лишь один учитывает рост числа квалифицированных кадров, подготовленных на предприятии, остальные — это сокращение текучести рабочей силы и про-

¹¹ R. V a t t i e r. Op. cit., p. 52.

¹² Цит. по «L'Ecole et la Nation», 1966, № 153, p. 11.

¹³ G. S a r r o u y. Op. cit., p. 136.

¹⁴ R. V a t t i e r. Op. cit., p. 50.

пусков работы, числа административных санкций и даже количества рабочих дней, потерянных из-за стачек¹⁵.

Общее представление о связи дополнительного образования, получаемого после начала трудовой деятельности, с профессиональным и квалификационным ростом, дают результаты обследования, проведенного в 1964 г. Национальным институтом статистики и экономических исследований. По этим данным, 35,1% разнорабочих, повысивших свой образовательный уровень в 1959—1964 гг., стали специализированными, 24,5% — квалифицированными рабочими или мастерами, 3,5% — техниками и 8,8% остались разнорабочими. Из «специализированных» рабочих менее одного процента обучавшихся стали техниками, 36,1% — квалифицированными рабочими или мастерами и половина осталась в прежней квалификационной категории. Из квалифицированных рабочих 9,9% получивших дополнительное образование стали техниками, а 84,6% остались рабочими либо в лучшем случае «поднялись» до положения мастеров¹⁵.

Выборочное обследование, проведенное в начале 60-х годов на крупных предприятиях парижского района, показало, что на многих из них «продвижение» производится главным образом на основании так называемых «моральных» критериев — «доброй воли», дисциплинированности, готовности поддерживать «хороший климат» на предприятии, услужливости; оно используется как орудие психологического давления, как приманка, с помощью которой воспитывается «лояльность» по отношению к администрации. «Социальному миру» здесь придается гораздо большее значение, чем повышению технических знаний персонала^{15б}.

Сравнительно широкие возможности образовательного и профессионального роста открываются перед трудящимися тех предприятий, которые выпускают нестандартную продукцию и вынуждены по условиям производства уделять значительное внимание научно-исследовательским работам. Для таких предприятий характерен рост

¹⁵ G. Sarrouy. Op. cit., p. 253.

^{15а} «Etudes et conjoncture», 1967, № 2, p. 66—67.

^{15б} C. Durand. La signification des politiques de formation et de promotion.— «Sociologie du travail», 1963, № 4, p. 316—328.

удельного веса инженеров, техников, чертежников, квалифицированных рабочих, значительную часть которых им приходится готовить собственными силами. Так, на обследованном социологами М. Морисом и О. Бенуа крупном заводе электротехнического оборудования, работающем главным образом по несерийным заказам, к концу 50-х годов инженерно-технические и административные кадры составляли вместе со служащими 44% персонала, 62% рабочих были квалифицированными. 18% инженеров, 52% механиков и 55% чертежников являлись ранее рабочими этого предприятия. 52% квалифицированных рабочих низшего разряда (ОР 1) и 32% — среднего разряда (ОР 2) были ранее «специализированными» или разнорабочими. В общем каждый четвертый рабочий за время работы на предприятии «продвинулся» в более высокую профессиональную категорию (в том числе 2% стали инженерами и 7% — техниками); более половины разнорабочих и «специализированных» стали квалифицированными. Однако ни один неквалифицированный или малоквалифицированный рабочий не смог достичь высшего квалификационного разряда (ОР 3), «потолок» для их «продвижения» является средний разряд¹⁶.

В условиях крупносерийного, хотя бы и технически передового, производства барьеры, разделяющие различные уровни квалификации, гораздо более высоки. В этом отношении характерен пример заводов Рено, обладающих разветвленной системой профессионального обучения и проводящих широко рекламируемую политику «продвижения» персонала. О том, как выглядит эта система на практике, рассказывает Д. Моте. По его словам, «у специализированного рабочего мало шансов стать квалифицированным, а квалифицированный рабочий лишь в исключительных случаях становится мастером. Рабочий никогда не становится техником».

Продвижение рабочих оказывается в подобных условиях возможным лишь в узких пределах данной квалификационной группы. Для «специализированных» речь может идти при этом не о повышении реальной квалификации, но главным образом о переходе на несколько

¹⁶ O. Benoit, M. Maurice. Les relations entre direction et salariés. Paris, 1960, p. 7, 9, 136—140.

выше оплачиваемое рабочее место. Эти различия в оплате носят в основном искусственный характер, их цель — внести в рабочую среду раскол и вызвать стремление выслужиться перед начальством.

На заводах Рено, как и на многих других предприятиях, право на более высокий квалифицированный разряд рабочий приобретает в результате сдачи профессионального экзамена. Для «специализированного» рабочего, не имеющего ни теоретических, ни сколько-нибудь существенных практических профессиональных знаний, такие экзамены — вещь, как правило, недоступная. В основном их сдают квалифицированные рабочие, желающие перейти из разряда P1 в P2 или из P2 в P3. Но и для них экзамен порой очень труден из-за теоретических вопросов, с которыми они не имеют возможности в достаточной мере познакомиться, а их место в производстве и характер труда после присвоения нового разряда обычно меняются весьма незначительно. «Трудность экзамена, — отмечает Моте, — несоизмерима с работой, которая должна выполняться впоследствии. Это часто заставляет колебаться, когда решаешь вопрос, сдавать ли экзамен. Некоторые вынуждены пересдавать его раз шесть, прежде чем перейти в высшую категорию (на это уходит несколько лет), хотя фактически они уже давно выполняют работу этой категории».

Вопреки внешней объективности экзамена, его успешная сдача зависит от отношений рабочего с начальством, от поддержки заведующего цехом или какого-либо другого «влиятельного лица»¹⁷. Характерно, что рабочие организации нередко выступают против системы экзаменов, отмечая, что они не учитывают практический профессиональный опыт работника и вместе с тем не устраняют фаворитизма. Например, когда этот вопрос дебатировался на заседании Комитета предприятия заводов Сюд Авиасьон, представители профсоюзов указывали, что люди, «имеющие низший разряд..., годами выполняют работу высших разрядов», но не могут выдержать экзамены, так как у них нет знаний в области математики или теории сопротивления материалов. Экзамен, отмечалось на заседании, не объективен: «если не хотят,

¹⁷ D. M o t h é. Journal d'un ouvrier. Paris, 1959, p. 14, 154.

чтобы человек поднялся на более высокую ступень, с экзаменом или без него, ему не дадут этого сделать»¹⁸.

Отсутствие возможностей теоретического образования становится в современных условиях решающим препятствием на пути профессионального роста рабочих. О том, как малы эти возможности даже в условиях наиболее крупных, технически передовых и выпускающих самую «современную» продукцию предприятий, свидетельствует пример тех же заводов Сюд Авиасьон. На этом крупнейшем национализированном предприятии авиационной промышленности у рабочих, посещающих вечерние профессиональные курсы и в связи с этим уходящих с работы за 15—30 минут до конца смены, производятся значительные вычеты из зарплаты (5 франков за каждый день посещения курсов плюс 5% премиальных надбавок). Компенсацию этим рабочим некоторое время выплачивал комитет предприятия, причем дирекция упорно отказывалась от предложений профсоюзов отнести эти расходы за счет предприятия¹⁹.

Таким образом, лозунги «социального продвижения» и образования работников промышленности очень мало соответствуют — во всяком случае, поскольку речь идет, о рабочих, — реальной действительности капиталистических предприятий. Предприятия, где более или менее значительная часть рабочих на деле может систематически учиться, повышать квалификацию и приобретать профессии техников и инженеров, составляют редкое исключение. В подавляющем большинстве случаев рабочим вообще закрыт доступ к образованию, или же новые знания, получаемые на предприятии, не меняют существенно их производственных функций.

Любая система профессионального образования и «продвижения», организуемая предприятием, подчинена непосредственным экономическим и «социальным» интересам его хозяев. Личные способности работника она принимает в расчет лишь постольку, поскольку они соответствуют этим интересам; для нее имеют значение лишь потребности предприятия, но отнюдь не потребно-

¹⁸ Sud-Aviation. Projet de Procès Verbal. Réunion du Comité Central d'Entreprise. 8 janvier 1965, p. 17—30.

¹⁹ Ibid., 4 janvier 1961, p. 1, 2.

сти общества в целом. Это основополагающее обстоятельство накладывает свою печать и на характер образования, и на перспективы трудового пути работника, и на обеспеченность его места в производстве. Обычно профессиональную подготовку и переподготовку стремятся строить таким образом, чтобы получивший его работник мог выполнять соответствующие функции только на данном предприятии. Это помогает решить проблему стабильности рабочей силы, сократить ее текучесть и вместе с тем увеличить зависимость работника от предприятия, добиться его «моральной интеграции». Так, в ходе одного из опросов рабочих химической промышленности 45% опрошенных высказали убеждение, что они не смогли бы найти работу на другом предприятии, и 67% заявили, что не собираются переходить на другой завод²⁰.

Понятно, что реальность квалификации и материальное положение подобного узкого специалиста неразрывно связаны с экономической конъюнктурой, с положением предприятия на рынке, с характером проводимой на нем технической модернизации. В результате конъюнктурных или технических изменений его профессиональные знания легко могут оказаться неприменимыми, ненужными производству. Анархический характер капиталистической экономики, ведущая роль в ней противоречивых частнопредпринимательских интересов значительно снижают объективную общественную ценность образования, получаемого на предприятии; зачастую оно усиливает нестабильность, необеспеченность положения работника в производстве. Р. Ватье описывает неквалифицированных рабочих, отказывающихся повышать квалификацию, поскольку в соседнем цехе квалифицированным рабочим недавно был понижен разряд. В другом рассматриваемом им случае машиностроительная компания увольняет подготовленных ею сварщиков, так как не имеет работы для них, а через шесть месяцев в связи с изменением конъюнктуры вынуждена нанимать рабочих той же профессии²¹.

Ватье считает подобные «казусы» результатом «оши-

²⁰ «Sociologie du travail», 1965, № 3, p. 263.

²¹ R. V a t i e r. Op. cit., p. 17, 36.

бок», допущенных предприятиями, на деле же в них скажутся не столько чьи-либо субъективные просчеты, сколько органические пороки капиталистической системы хозяйства.

Классовые интересы хозяев капиталистической промышленности побуждают их использовать «образование и продвижение» для психологической и идеологической обработки трудящихся в духе «интеграции» и классового сотрудничества. В зависимости от особенностей положения предприятия относительное значение экономических и «социальных» целей этой политики может варьироваться. Однако социально-идеологические мотивы всегда присутствуют в ней в той или иной мере. Они могут выступать в форме грубого подкупа (продвижение как награда за «лояльность», дисциплинированность, участие в стачках) и в более замаскированном, «утонченном» виде (например, продвижение в зависимости от стажа работы на предприятии, призванное воспитать «привязанность» к фирме, стремление избежать трений, ведущих к увольнению). «Изменение позиций персонала», «способа понимания им авторитета начальников» вообще считается одной из основных целей «образования и продвижения»²².

В целом возможности и условия профессионального роста рабочих определяются весьма разнородными и противоречивыми факторами, поэтому противоречиво и их психологическое воздействие на рабочий класс. Крепнущее в рабочей среде стремление к обогащению содержания трудовой жизни, к расширению технических знаний и кругозора, подспудный, но заметный рост требований, которые современный рабочий предъявляет к собственному будущему,— все эти психологические тенденции, очевидно, стимулируются реальной и широко признаваемой потребностью в более образованных и квалифицированных работниках, интенсивной рекламой «социального продвижения». Однако, развиваясь, эти тенденции могут по-разному влиять на психологический облик рабочего, на его мировоззрение и поведение. В значительной мере это влияние зависит от конкретного опыта его жизни на предприятии.

²² Ibid., p. 57, 62.

Часть рабочих — в первую очередь более молодые и те, кто занят в растущих и развивающихся отраслях производства, — убеждаются в реальной возможности «профессиональной карьеры». Выше уже цитировались данные обследования трудовых отношений на крупном предприятии электротехнического оборудования (в публикации обследования оно фигурирует под условным наименованием «Жермен»). Относительно благоприятные условия для профессионального роста рабочих, существующие на «Жермен», сказываются на их представлениях о своем будущем. 42% опрошенных рабочих полагают, что у них есть значительные шансы «продвинуться» на предприятии. Свой оптимизм они мотивируют хорошими перспективами предприятия («фирма растет», «это большой завод»), а также собственными успехами в труде и учебе («работая и учась, можно преуспеть»). По словам одного из опрошенных, его надежды на продвижение основаны на хорошей оценке его работы и на его личных способностях²³.

Подобные суждения показывают, что личный проект профессионального роста, основанный на вере в благоприятные возможности «продвижения», существующие на предприятии, создает определенную почву для развития индивидуалистических и конформистских настроений. Надежда на собственные силы и способности, конечно, далеко не тождественна индивидуализму. Однако в условиях капиталистического предприятия планы «продвижения» редко могут базироваться только на такой надежде. Реализация этих планов возможна лишь в том случае, если способности рабочего будут признаны и по достоинству оценены теми, от кого непосредственно зависит его профессиональное будущее, т. е. администрацией предприятия. Именно таким признанием индивидуальных заслуг работника, а вовсе не чисто объективными критериями и беспристрастными правовыми нормами регулируется в конечном счете «продвижение». Поэтому, хотя некоторые рабочие и ссылаются на собственные знания и способности как на залог лучшего будущего, на деле они в подавляющем своем большинстве понимают, что одни эти качества не обеспечат им профессионально-

²³ O. Benoit, M. Maurice. Op. cit., p. 160, 161.

го роста. Отвечая на вопрос, от чего зависит продвижение, лишь 17% рабочих назвали «профессиональную компетентность». Около трети опрошенных считает основным фактором продвижения «умение защитить себя», и более половины — «протекцию, «блат»²⁴. Если учесть, что 42% тем не менее верят в возможности своего продвижения, становится очевидным, что многие из них рассчитывают не только на собственные профессиональные данные, но и на свою способность получить поддержку влиятельного лица либо вообще как-то добиться признания своих заслуг. Понятно, что подобные представления могут породить индивидуалистическую психологию «устройства», желание «пробиться» тем или иным путем.

Система продвижения, таким образом, толкает рабочего на путь улучшения «отношений с начальством». С другой стороны, поскольку объективные возможности «продвижения» связываются в сознании рабочего с его принадлежностью к данному предприятию, они могут в свою очередь ослабить его моральную независимость по отношению к предприятию и его хозяевам. Непосредственная зависимость этих возможностей от «процветания» и роста предприятия побуждает рабочего в какой-то степени отождествлять свои надежды на лучшее будущее с судьбой предприятия. А это ослабляет его сопротивление эксплуатации, социальному и моральному гнету.

Все сказанное, разумеется, не означает, что рабочий, строящий планы профессионального роста, непременно подпадает под идеологическое влияние хозяев производства, становится носителем конформистской психологии. Речь идет лишь о психологических тенденциях, стимулируемых политикой «образования и продвижения на предприятии». Несомненно, однако, что под влиянием указанных выше факторов эти тенденции получают определенное развитие в рабочей среде. Показателен, например, такой факт, установленный исследованием Бенуа и Мориса: вера рабочего в возможность «продвижения» обычно отрицательно сказывается на его интересе к деятельности профсоюзов и на его активности в клас-

²⁴ Ibid., p. 152.

совых конфликтах²⁵. О том же свидетельствуют результаты опроса, проведенного М. Морисом среди рабочих химической промышленности — активистов, членов исторонников профсоюза ФДКТ. Неорганизованные рабочие гораздо чаще верят в возможность продвижения, чем члены и активисты профсоюзов²⁶. По данным анкеты середины 50-х годов, надежда на улучшение собственного положения путем коллективной классовой борьбы в наименьшей степени распространена среди нефтяников, т. е. рабочих той отрасли, где в этот период активнее всего стала проводиться политика «продвижения»²⁷.

Подкуп части рабочих путем предоставления им привилегированного положения в производственной иерархии — явление далеко не новое в социальной тактике капитализма. Но при традиционной системе «продвижения», мало связанной с потребностью предприятия в квалифицированных рабочих, действенность этой тактики резко ограничена. В подобных случаях положение рабочего слишком явным образом зависит от его отношений с начальством. «Чтобы подняться на более высокую ступеньку, — замечает Моте, — недостаточно быть на хорошем счету у дирекции, не участвовать в стачках и иметь протекцию, ... нужно иметь более сильную протекцию, чем у других, и устранить опасных конкурентов. Лучшие средства для этого — наушничество и клевета». Человек, практикующий подобные средства, легко распознается и окружается атмосферой всеобщего презрения. «Это осуждение оказывает настолько действенное давление, что самые ярые индивидуалисты вынуждены ему подчиняться. Рабочий, который открыто наушничает, оказывается в таком враждебном климате, что его жизнь становится невыносимой. В цеху мы проводим большую часть нашей жизни, человеческие отношения имеют здесь большое значение. Каждый жест внимательно оценивается: если рабочий свыше десяти минут дружески болтает со своим мастером, он рискует приобрести репутацию «подлипалы». Эта молчаливая

²⁵ O. Benoit, M. Maurice. Op. cit., p. 345.

²⁶ M. Maurice. Déterminants du militantisme et projet syndical des ouvriers et des techniciens. — «Sociologie du travail», 1965, № 3, p. 259.

²⁷ A. Touraine. Op. cit., p. 289.

мораль в значительной мере тормозит продвижение рабочих путем выслуживания»²⁸.

Условия «продвижения» на современном предприятии с быстро меняющейся квалификационной структурой рабочей силы придают тактике подкупа гораздо более замаскированный и утонченный характер. Подкуп здесь в большей мере опосредствован объективными потребностями производства, связан с образованием и профессиональными качествами работника, «продвижение» охватывает более широкие группы персонала, нередко представляется доступным для большинства. Элемент «выслуживания», «доброй воли» по отношению к администрации поэтому проявляется в поведении «продвигаемых» в менее грубой и явной форме, он труднее различим рабочим коллективом. Тем большую опасность приобретают в подобных условиях индивидуалистические и конформистские тенденции части рабочих.

Психологическое воздействие «политики образования и продвижения», однако, отнюдь не ограничивается развитием этих тенденций. Различные социально-психологические исследования, проводившиеся среди французских рабочих, обнаружили парадоксальный, на первый взгляд, факт: оптимизм в отношении возможностей профессионального роста испытывают совсем не те рабочие, которые имеют наибольший реальный опыт «продвижения». Например, угольщики, лишенные сколько-нибудь существенных перспектив улучшения профессионального положения, более «оптимистичны», чем электрики и газовщики, среди которых доля «продвинувшихся» относительно высока²⁹. В рамках отдельных отраслей и предприятий эта зависимость прослеживается еще более четко. Так, 45,5% «специализированных», но лишь 15,4% квалифицированных рабочих газовой и электроэнергетической промышленности считают, что успех в жизни зависит от собственной работы и деятельности, т. е. полагаются на возможности индивидуального продвижения. На предприятии «Жермен» наиболее «оптимистично» настроены квалифицированные рабочие низшего разряда (OP1); они уже перешагнули трудный рубеж,

²⁸ D. M o t h é. Op. cit., p. 16—18.

²⁹ A. T o u r a i n e. Op. cit., p. 142, 208.

отделяющий «специализированных» от квалифицированных и надеются в будущем получить «средний и высший разряд (ОР2 и ОР3). Рабочие же ОР2 и особенно ОР3 более пессимистически оценивают свои шансы на «продвижение»: переход в категорию чертежников и тем более техников представляется очень трудным и в общем малореальным делом³⁰. Опрос, проведенный среди рабочих химической промышленности — членов и сторонников ФДКТ, показал, что большинство тех, кто за время своей трудовой деятельности улучшил свое профессиональное положение, не верят в возможности дальнейшего «продвижения»³¹.

Представления рабочего о перспективах своего профессионального роста, таким образом, связаны с уровнем его квалификации, определяются в какой-то мере той «ступенькой», которой он достиг в своей «профессиональной карьере». Большинство находящихся на низшем уровне, особенно малоквалифицированные трудящиеся крупносерийного производства и «традиционных» отраслей, убеждены в отсутствии таких перспектив. Однако под влиянием научно-технического прогресса и связанных с ним сдвигов в официально провозглашаемой политике патроната и правительства значительная часть рабочих смутно чувствует какие-то изменения, открывающие путь к росту образования, к более содержательному труду и повышению социального статуса. Это чувство полнее всего развивается у рабочих, которым удалось перешагнуть первые «ступеньки» на пути повышения квалификации, а также у трудящихся тех отраслей, в которых политика «образования и продвижения» принята на вооружение относительно недавно и сопровождается особенно широкой рекламой (так обстояло дело в конце 50-х годов в угледобыче и нефтепереработке). Чем дальше продвигается рабочий по лестнице квалификационных разрядов и категорий, тем больше убеждается он в существовании определенного потолка этого продвижения. Лишь в немногих случаях он может подняться выше положения рабочего высокой квалификации, стать средним «кадром» (мастером, техником) и совсем

³⁰ O. Benoit, M. Maurice. *Op. cit.*, p. 163.

³¹ M. Maurice. *Op. cit.*, p. 259.

редко — инженером³². Многие рабочие даже самых «передовых» отраслей условиями своего труда и жизни обречены на еще более низкий «потолок». Круг, таким образом, замыкается. Не только отсутствие каких бы то ни было возможностей профессионального роста, но и максимально благоприятные для капиталистической промышленности условия «продвижения» наталкивают рабочего на трудно проходимые классовые границы. Они одинаково реальны и для не имеющих никакого профессионального образования «специализированного» рабочего, стоящего у конвейера, и для высококвалифицированного станочника или ремонтника. «После 30 лет для нас уже невозможен никакой рост, никакое развитие в труде», — говорил автору парижский рабочий, который за десять лет работы на заводе Сюд Авиасьон проделал путь от низшего до высшего квалификационного разряда. Дальнейших перспектив у него нет, как нет и у подавляющего большинства трудящихся той же, что и у него, квалификации.

Одним из существенных психологических последствий опыта «продвижения» является обостренное чувство разочарования и неудовлетворенности. Р. Ватье призывает администрацию предприятий учитывать «новые аппетиты и потребности, порождаемые образованием». «Какие бы ни принимать предосторожности, — замечает он, — персонал будет ожидать, если не требовать, материальных преимуществ, ... повышения удовлетворения от труда, роста профессионального и социального престижа»³³. Это симптоматичное признание вполне подтверждается данными конкретных социологических исследований.

По наблюдению Бенуа и Мориса, «шансы продвижения обостряют требовательность по отношению к предприятию и ощущение препятствий»³⁴, ведут к усилению оппозиционных настроений. А. Турен, сопоставляя ответы рабочих нескольких отраслей на вопрос о возможностях образования для различных социальных групп, отмечает, что в наиболее «процветающих» отраслях силь-

³² Это явствует из приведенных выше статистических данных.

³³ R. V a t i e r. Op. cit., p. 57.

³⁴ O. B e n o i t, M. M a u r i c e. Op. cit., p. 411.

нее сознание неравенства этих возможностей и «препятствий социальной мобильности»³⁵.

Те границы, на которые рабочий наталкивается в своих попытках осуществить проект индивидуального «продвижения», укрепляют в нем убеждение, что он является жертвой социального неравенства. Это убеждение живет даже в сознании тех относительно немногочисленных рабочих, которым удастся стать техниками или подняться еще выше. Проведенное социологом И. Легу исследование личных проектов учащихся учебных заведений, готовящих техников химической и электротехнической промышленности, показало, что те из них, кто происходит из рабочей среды, как правило, не надеются в будущем стать инженерами — этому препятствует их материальное положение (такую надежду питают 34,9% будущих техников буржуазного и мелкобуржуазного происхождения и лишь 10,9%³⁶ лиц, происходящих из рабочих). По данным социально-психологического обследования учащихся вечерних курсов, готовящих без отрыва от производства инженеров из представителей среднетехнического персонала, в последние годы обучения большинство их испытывает чувство апатии и разочарования. Они убеждены в том, что не получают места на производстве, соответствующего их знаниям, поскольку дипломы курсов, входящих в систему «продвижения», оцениваются ниже дипломов технических институтов. По их мнению, более высокие функции в производстве — «результат не учебы, но предопределения», прежде всего социального происхождения человека³⁷.

Характер и условия образования, организуемого предприятием, во многом противоречат глубинным личным потребностям рабочего. Образование для него — прежде всего залог большей интеллектуальной и социальной свободы. На деле же узость получаемых знаний и специализации теснее привязывает его к предприятию, еще больше подчиняет его интеллектуальные способности чуждым ему интересам хозяев производства. Эти аспекты «образования и продвижения на предприятии» вызы-

³⁵ A. Touraine. Op. cit., p. 207.

³⁶ Y. Legoux. Formations et aspirations chez les techniciens de la chimie et d'électronique. — «Cahiers d'étude de l'automatisme...», 1962, № 4, p. 155.

³⁷ G. Lajoie, in: «Sociologie du travail», 1963, № 4, p. 419, 420.

вают особенно острый протест в рабочей среде. По данным исследования Н. де Мопеу, чем дольше рабочий трудится на предприятии, тем больше он убеждается в том, что хозяева побуждают его к учебе, руководствуясь лишь своими непосредственными интересами, но всячески ограничивают возможности профессионального образования, как только возникает опасность, что другие предприятия смогут воспользоваться подготовленными таким образом кадрами. Понимание этих мотивов предпринимательской политики уменьшает стремление к профессиональному образованию и «продвижению» — оно уступает место желанию уйти с предприятия³⁸.

Это наблюдение, очевидно, свидетельствует о том, что сопротивление порабощению оказывается во многих случаях психологически более сильным фактором, чем потребность в профессиональном росте, покупаемом ценой личной свободы.

В ходе опросов большинство рабочих высказывается против нынешней системы образования на предприятиях, оценивая ее как орудие закабаления личности. «Культурная организация в рамках предприятий, — заявила одна из опрошенных, — редко бывает бескорыстной... Я против культурной деятельности, направленной на то, чтобы извлечь из каждого максимум умственной энергии для пользы предприятия, ибо это ведет к уничтожению человека»³⁹. По признанию одного из теоретиков «образования и продвижения» — Г. Берже, рабочие часто воспринимают деятельность предприятия в этой области как средство сверхэксплуатации⁴⁰. Таким образом, опыт образования на предприятии нередко становится для рабочих дополнительным источником сознания антагонизма, определяющего их отношения с хозяевами и администрацией.

Разочарование в проекте индивидуального «продвижения» на предприятии порождает сложную гамму психологических реакций. По общей своей направленности они, несомненно, противоположны тому конформизму по

³⁸ N. de Maupéou. Jeunes ouvriers et promotion. — «Sociologie du travail», 1963, № 4, p. 362, 363.

³⁹ P. H. Chombart de Lauwe et autres. Images de la culture. Paris, 1966, p. 149.

⁴⁰ G. Sarrouy. Op. cit., p. 98.

отношению к предприятию, который пытается возвращать политика «образования и продвижения». В данном факте наиболее наглядно проявляется противоречивый характер воздействия этой политики на рабочий класс: соблазняя одни его группы и слои радужными перспективами «возвышения», она тем ярче демонстрирует другим, лучше познавшим ее на собственном опыте группам своекорыстную классовую сущность своих целей.

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И РАБОЧЕЕ СОЗНАНИЕ

Политика «образования и продвижения» является одним из тех факторов, которые, выражая связанные с научно-технической революцией сдвиги в общественной обстановке, в конечном счете усиливают стремление рабочих к профессиональному, социальному и культурному росту. Это стремление, как мы уже имели случай убедиться, по природе своей далеко не однозначно. В нем воплощается широкий круг потребностей современного рабочего. Расцвет материальной жизни, спокойствие, личные свобода и достоинство, интересный труд, разнообразный и содержательный досуг — все эти идеалы переплетаются в мечтах, надеждах и проектах, определяющих отношение рабочих к своему завтрашнему дню. Реальная действительность вновь и вновь разрушает эти проекты, но она уже не может уничтожить те духовные потребности, которые пробудились и развились в индивидуальном сознании. Беспрепятственный профессиональный рост позволил бы удовлетворить их наиболее непосредственным и полным образом. Сознание невозможности такого роста побуждает рабочего искать какой-то иной выход этим потребностям, какие-то иные перспективы их удовлетворения.

В результате подобных поисков нередко рождается проект, в действительности противоречащий подлинному содержанию породивших его духовных запросов, извращающий и мистифицирующий их. Этому благоприятствует смутное, непоследовательное осознание многими рабочими своих собственных потребностей, во многом обусловленное их сложным взаимопереплетением и многообразием. Рабочий отчетливо знает, что завтра он не

хочет жить так, как живет сегодня. Но как именно он хочет жить? Идеал будущего не создается на пустом месте. Он конструируется либо как развитие, расширенная экстраполяция положительных, приемлемых для человека элементов настоящего, либо как полярное противопоставление этому настоящему, его негатив. Первый путь связан для рабочего с возможностями профессионального роста, с развитием тех творческих способностей и интересов, которые уже пробуждены в нем опытом его трудовой деятельности. Коль скоро такие возможности отсутствуют, «лучшее будущее» легко может принять в сознании форму чистой антитезы настоящему. «Настоящее» — это социальное положение рабочего, лишаящее его жизнь свободы и творческого содержания, приковывающее его к нижним ступеням общественной лестницы. Поэтому наиболее примитивная, наиболее инстинктивная реакция на бесперспективность индивидуального «возвышения» в процессе собственной трудовой деятельности — это стремление вообще порвать с положением рабочего.

В ходе опроса многие рабочие так определяли жизненный идеал: «Повысить свое общественное положение»; «Не быть рабочим»; «Не оставаться внизу». Двадцатичетырехлетняя неквалифицированная текстильщица заявила, что для нее цель культуры «стать кем-нибудь... например, инженером»⁴¹.

В подобных настроениях потребность в интеллектуально содержательной жизни как бы растворяется в стремлении к «подъему» как таковому, к возвышению социального статуса. Молодая работница, очевидно, хотела бы стать инженером не из интереса к внутреннему содержанию этой профессии, но потому, что фигура инженера олицетворяет для нее нечто противоположное ее собственному положению (он — «кто-то», она — «никто»). Однако эта психологическая тенденция в значительной мере является именно результатом извращения недостаточно еще осознанных духовных потребностей: внешний признак лучшей, т. е. более содержательной, жизни — «социальный статус» гиперболизируется и превращается в самоцель; выход из положения рабочего представ-

⁴¹ R. Kaës. Les ouvriers français et la culture. Paris, 1962, p. 322, 323.

ляется достаточным средством освобождения от социальных рамок, сковывающих развитие личности.

Еще ярче это извращение проявляется в проектах обзаведения собственным делом (кафе, лавкой, ремонтной мастерской). Об их распространенности в рабочей среде известное представление дают результаты анкет. По данным исследования Мориса, 63% опрошенных им рабочих-химиков, голосующих за ФДКТ, 72% членов и 49% активистов этого профсоюза хотели бы стать хозяевами собственного дела. Правда, большинство их считает такую перспективу нереальной, но доля тех, кто действительно собирается сменить участь рабочего на положение мелкого буржуа, все же достаточно высока (соответственно 20, 24 и 13% для каждой из групп опрошенных)⁴². Анкета Андре и Линьона, проведенная среди 58 рабочих одного из крупных предприятий металлообрабатывающей промышленности, выявила, что 20 из них (34,5%), в том числе 3 разнорабочих, 8 мало-квалифицированных и 9 квалифицированных, намереваются, накопив денег, завести собственные торговые или ремонтные предприятия⁴³. Разумеется, приведенные цифровые данные нельзя считать сколько-нибудь репрезентативными для рабочего класса в целом, но все же они, очевидно, отражают достаточно типичную психологическую тенденцию.

Весьма характерно, что мотивы подобных проектов не связаны с материальными соображениями. Молодые парижские рабочие, желающие завести собственное дело, ссылаются на невозможность «профессиональной карьеры»⁴⁴. Рабочие-химики, мечтающие о таком же будущем, придают моральным факторам в труде (ответственность, развитие личности) большее значение, чем материальному вознаграждению. Напротив, те из них, кто не хочет менять своего положения, объясняют это нежеланием терять свой заработок. Материальное положение мелкого буржуа в современных условиях зачастую хуже и менее гарантировано, чем положение квалифицированного рабочего. Главный мотив, побуждающий рабочего копить деньги на приобретение кафе или мастерской, —

⁴² M. Maurice. Op. cit., p. 264.

⁴³ A. Andrieux, J. Lignon. L'ouvrier d'aujourd'hui. Paris, 1960, p. 104.

⁴⁴ N. de Maupéou. Op. cit., p. 349.

стремление к независимости. Сами они говорят, что их цель — «стать хозяином самому себе»⁴⁵.

Выше уже отмечалось, что подобные проекты — реакция на приниженное, подчиненное положение рабочего в системе производственных отношений. Вместе с тем относительно широкая распространенность этого стремления к «бегству» от капиталистического производства, видимо, отражает растущую в рабочем классе потребность в большем личном достоинстве и большей личной свободе. Но и в данном случае идеал свободы лишен собственного конкретного содержания, он воплощается в форму простого негатива и потому неизбежно мистифицируется. Положение мелкого предпринимателя дает «свободу» от непосредственного подчинения иерархической организации, но отнюдь не свободу для развития личности, ее творческих сил и способностей, вообще той «подлинно человеческой жизни», о которой мечтают рабочие. Эта «свобода» иллюзорна, ибо она на деле лишь заменяет один тип зависимости другим, заботы мелкого хозяйчика морально закабаляют личность не в меньшей, а то и в большей степени, чем подчиненный труд на промышленном предприятии. Но рабочему такая форма «свободы» нередко представляется наиболее доступной — стать «самостоятельным» хозяином все же легче, чем, например, инженером или врачом.

Идеал «бегства», несомненно, отражает индивидуалистическую ориентацию личности. Если разочарование в возможностях «продвижения» на производстве разрушает конформистские (по отношению к предприятию) тенденции сознания, то оно далеко не всегда ведет к отмиранию индивидуализма. Проект ухода из своего класса в мир мелкого предпринимательства выражает протест личности против социального и морального гнета капиталистического производства, но это протест человека-одиночки, психологически изолированного от перспектив коллективной борьбы за социальное освобождение. Он свидетельствует об отсутствии или слабом развитии классового сознания. Как показывают исследования ряда французских социологов, проекты обзаведения собственным делом более всего типичны для рабочих кре-

⁴⁵ M. Maurice. Op. cit.; A. Andrieux, J. Lignon. Op. cit.

стьянского и вообще мелкобуржуазного происхождения⁴⁶. Очевидно, недостаточный опыт участия в классовой борьбе, слабое влияние на индивидуальное сознание пролетарских коллективистских традиций создает — при прочих равных условиях — относительно благоприятную почву для проекта «продвижения» в положение мелкого буржуа.

В подавляющем большинстве случаев такой проект оказывается еще менее реальным, чем планы значительного «продвижения» на производстве. Об этом свидетельствует прежде всего динамика удельного веса слоя мелкой городской буржуазии в социальной структуре. Процесс «выталкивания» из сферы мелкого предпринимательства намного превышает по своим масштабам переход в нее людей из иных социальных слоев. Так, из сыновей владельцев мелких торговых и ремесленных предприятий (с числом наемных работников до 5), вошедших в состав самостоятельного населения в 1959—1964 гг., лишь 23,7% остались предпринимателями, а рабочими стали 46 200 человек, или 37,6% этой группы. Между тем лишь 4 тыс. (1,1%) сыновей рабочих (несамостоятельных к 1959 г.) стали за этот период мелкими предпринимателями⁴⁷.

Объективные изменения в социальной структуре отражаются и в субъективных представлениях рабочих. Более двух третей опрошенных М. Морисом неорганизованных рабочих, которые хотели бы «работать на себя», считают это невозможным. По словам одного из рабочих, фигурирующих в анкете Андре и Линьона, раньше он надеялся завести собственное дело, но теперь на это не рассчитывает — «нужно много денег». Другому удалось приобрести маленькую галантерейную лавочку, но впоследствии он вынужден был ликвидировать свое дело⁴⁸. В конечном счете, мелкособственнические устрем-

⁴⁶ M. Maurice. Op. cit., p. 264, 265; A. Touraine, O. Ragazzi. *Ouvriers d'origine agricole* Paris, 1961. По данным Андре и Линьона (Op. cit., p. 115), из 20 опрошенных ими рабочих, намеревающихся изменить свое социальное положение, 15 — дети мелких собственников, крестьян, ремесленников, служащих, причем четверо были торговцами или ремесленниками прежде, чем стать рабочими.

⁴⁷ «Etudes et conjonctures», 1967, № 2, p. 84.

⁴⁸ M. Maurice. Op. cit., p. 264; A. Andrieux, J. Lignon. Op. cit., p. 111, 116.

ления для рабочего — чаще всего лишь мечта, своеобразная психологическая компенсация неудовлетворенности реальной жизнью.

Жизненный опыт рабочего одну за другой рассеивает подобные иллюзии, с возрастом ему все более очевидной становится бесперспективность собственной судьбы. Выше уже говорилось, какое психологическое значение приобретают в этих условиях эмоциональные и моральные аспекты семейной жизни. С неудовлетворенной потребностью в лучшем будущем очень часто происходит то же самое, что с другими потребностями рабочего — она находит выражение в сфере семейных отношений, связанные с ней планы и надежды переносятся на будущее детей. Проекты образовательного, профессионального, социального роста детей получили в последние годы широкое распространение в рабочих семьях. Несомненно, это явление связано с отражением в сознании (причем отражением нередко преувеличенным) реальных сдвигов в экономическом положении рабочего класса, в возможностях образования широких слоев населения, в социальной и квалификационной структуре. Многие рабочие полагают, что не они сами, но их дети смогут воспользоваться плодами тех положительных изменений, которые происходят в жизни их класса. 77% опрошенных Страсбургским институтом труда ответили положительно на вопрос: «Думаете ли Вы, что культурная жизнь Ваших детей будет богаче Вашей?» — «Я готов на все жертвы, чтобы продвинуть моих детей», — заявил один из них; «Я не хочу чтобы они (дети) оставались там, где я. Я хочу, чтобы они поднялись выше»; «Я сделаю все, чтобы мои дети достигли иного положения, чем я», — говорили другие⁴⁹.

Подобные планы в отношении детей, очевидно, воспроизводят уже знакомые нам проекты индивидуального «возвышения». И в том и в другом случаях мы имеем, в сущности, дело с одной и той же психологической тенденцией: с растущим в рабочей среде стремлением к социальной мобильности, с влиянием этого стремления на систему ценностей и ожиданий личности. Правильное понимание смысла данной тенденции имеет первосте-

⁴⁹ R. K a ř s. Op. cit., p. 465, 466.

пенное значение для выяснения особенностей современного рабочего сознания. В западной социологии она чаще всего рассматривается как показатель распада классового сознания, отмирания пролетарского мировоззрения, сочетавшего «рабочую гордость», высокую оценку социальной роли и достоинства своего класса с верой в перспективу его коллективного социального освобождения. Проект «продвижения» за пределы рабочего класса (идет ли речь о самом рабочем или его детях) действительно может развивать индивидуалистические устремления, ограничивающие психологическое приобщение личности к своему классу, к целям его борьбы. Однако потребность в «возвышении», стремление к большей социальной мобильности далеко не всегда имеет такой смысл.

Интересные данные по этому вопросу содержат результаты анкеты середины 50-х годов. Рабочим был задан ряд вопросов, касающихся образования и профессий, которые они хотели бы дать своим детям, а также профессий, которые они считают наиболее «достойными уважения».

Вот как распределились ответы рабочих Парижского района на эти вопросы (в %) ⁵⁰:

Собираются дать детям законченное среднее образование	55,5
Образование в профессиональной школе	36,1
Хотели бы, чтобы дети стали рабочими	24,1
Хотели бы, чтобы дети стали служащими, учителями, техниками, инженерами и т. п.	20,0
Считают наиболее достойными уважения рабочие профессии . . .	20,7
Считают наиболее достойными уважения профессии служащих и т. п.	26,2
Считают, что нельзя выделить профессии, наиболее достойные уважения	38,2

Как видим, одна часть опрошенных переносит на детей негативный идеал «не быть рабочим» и склонна к признанию более высокого социального достоинства «нерабочих профессий». Другая, тоже довольно значительная, часть, напротив, считает рабочие профессии наибо-

⁵⁰ A. Touraine. Op. cit., p. 191.

лее достойными уважения. Эти расхождения во взглядах обусловлены, очевидно, различиями в уровне квалификации и содержании труда, а также степенью влияния на индивидуальную психологию традиционных пролетарских представлений. Деквалификация многочисленных видов индустриального труда не может не ослаблять в широких группах рабочего класса традиционное «профессиональное сознание» и связанную с ним «рабочую гордость». В том же направлении действует обновление состава рабочего класса за счет лиц непролетарского происхождения. На рабочих же высокой и более «традиционной» квалификации, особенно происходящих из пролетарской среды, подобные факторы оказывают наименьшее влияние.

Однако в общем лишь меньшинство опрошенных склонны считать какие-то профессии более достойными уважения, чем другие, многие же принципиально отказываются от сравнительной оценки «достоинства» профессий и социальных статусов. Подобная позиция весьма симптоматична — она отражает объективный процесс сближения экономического и социального положения различных слоев трудящихся, их места в производстве. Рабочий все чаще не имеет оснований считать, например, служащего или мелкого «кадра» каким-то особо привилегированным лицом либо, напротив, видеть в нем человека, играющего в производстве и обществе менее достойную роль, чем та, которая выпала на его собственную долю. Характерно, что именно в парижском районе, где вообще выше, чем в других местах, уровень культурного развития рабочих, где новые социальные явления развиваются раньше и полнее, чем в провинции, подобные представления о статусах и профессиях распространены наиболее широко (38,2% опрошенных, а в провинциальных индустриальных центрах — 27—30%).

В свете этого представления легче понять истинную сущность наиболее типичных проектов социальной мобильности.

Из приведенных данных опроса следует, что образование, которое получают дети, интересует их родителей гораздо больше, чем будущая профессия детей, или, вернее, их социальный статус. В самом деле, подавляющее большинство опрошенных (91,6%) имеют определенные планы образования для своих детей, но лишь менее

половины мечтают для них о какой-то конкретной профессии. Особенно характерно, что число стремящихся дать своим детям среднее образование почти втрое превышает число тех, кто хотел бы обеспечить им «нерабочий» социальный статус.

Очевидно, что в проекте «возвышения» для детей чисто «престижные» мотивы, стремление к новому социальному статусу ради него самого играют ведущую роль гораздо реже, чем желание обеспечить им достаточно высокий образовательный и культурный уровень. Образованность рассматривается — в плане личной судьбы человека — прежде всего как возможность освобождения от пут малоквалифицированной, низкооплачиваемой и бесперспективной профессии, как необходимое условие более свободного выбора жизненного пути. Отвечая на вопрос о целях культуры, один из рабочих сказал, что она повышает материальный жизненный уровень, делает возможным «продвижение». «Уровень растет во всех отношениях, — добавил он, — и образование, и все остальное». Другой рабочий считает, что культура позволяет «лучше понять жизнь и лучше пользоваться ею», «не быть невежественным, находиться на том же уровне, что все, и возвышаться»⁵¹. В подобных оценках культуры и образованности раскрывается подлинный психологический смысл «возвышения»: речь идет о всестороннем росте, о более полном удовлетворении как материальных, так и интеллектуальных потребностей, о разрыве с таким положением, при котором завтрашний день ничем не отличается от сегодняшнего и вчерашнего. Именно завоевание возможностей такого роста, а не изменение своей или своих детей классовой принадлежности, является для большинства рабочих основным мотивом их стремления к «продвижению», к большей социальной мобильности.

В каком отношении находится это стремление к классовому самосознанию? Отвечая на этот вопрос, очевидно, необходимо учитывать, какое именно самосознание имеется в виду. Распад традиционной «рабочей гордости» («Мир держится на рабочем») ведет во многих случаях не к росту чувства социальной приниженности

⁵¹ R. Kaës. Op. cit., p. 321.

(«люди нерабочих профессий достойны большего уважения»), но к пониманию близости положения и судеб рабочих и других массовых слоев трудящихся. Это понимание обуславливает и определенные сдвиги в классовом самосознании. Так, на заданный в ходе той же анкеты вопрос: «Кто входит в рабочий класс?» — 41,3% рабочих, происходящих из рабочих семей, ответили: «Люди физического труда, рабочие», а 26,8% отнесли к рабочему классу либо всех лиц наемного труда, либо людей низкого жизненного уровня, либо вообще «массу»⁵². Особенность последней группы, очевидно, состоит в том, что основным критерием классовой идентификации для нее служит не характер труда, а социальное положение человека. Было бы неверно усматривать в таком взгляде признак отсутствия классового самосознания. Он свидетельствует лишь о несвязанности этого самосознания с сознанием профессиональной общности, с представлением о рабочем классе как о четко очерченной и замкнутой группе работников физического труда. В подобном разрыве между классовым и профессиональным самосознанием следует видеть явление того же порядка, что и отказ от оценочного сопоставления рабочих и нерабочих профессий. И в том, и в другом случаях рабочий, не переставая чувствовать себя рабочим, не отделяет себя резкой гранью от трудящихся иных профессий и социальных групп. Поэтому и проект социальной мобильности совсем не обязательно означает для него уход из «своей» социальной среды в какой-то совершенно иной, абсолютно отличный от нее мир. Вообще по своему внутреннему содержанию этот проект чаще всего не сводится к возвышению социального статуса. Но даже предполагая такое возвышение, он вовсе не противоречит с фатальной неизбежностью системе ценностей, выражающих классовое сознание. Так, рабочий, сумевший дать своей дочери образование, которое обеспечивает ей профессию учительницы, восхищается ее знаниями, но совсем не чувствует себя отделенным от нее какой-либо моральной границей (см. выше, стр. 293). И он, и она могут быть тесно связаны психологически и идеологически с рабочим классом, жить его коллективными интересами и стремлениями.

⁵² A. Touraine. *Op. cit.*, p. 237.

Ослабление психологической обособленности от других общественных групп может лишь развивать в рабочей среде склонность к социальной мобильности. Переход в категорию «белых воротничков» уже не кажется какой-то противоестественной аномалией, он предстает просто как нормальный результат полученного образования. Но эти новые представления приходят в резкое противоречие с реальными возможностями профессионального, социального или культурного роста. «В жизни идешь от разочарования к разочарованию», — заявил один из рабочих, отвечая на вопрос, есть ли у него планы на будущее. «Нет, средства есть только у буржуа», — сказал другой⁵³. Сознание социального неравенства, ощущение классовых границ укрепляются и усиливаются по мере того, как рабочий убеждается в неосуществимости вообще каких бы то ни было индивидуальных проектов, в полном отсутствии личных перспектив. Переноса свои планы и надежды на будущее своих детей, он вновь сталкивается с теми же социальными барьерами, которые познал на своем собственном опыте.

Несмотря на некоторое снижение классовых барьеров, лишь очень ограниченное число детей рабочих переходит в более «высокие» социальные группы (табл. 15). Большинство сыновей рабочих (67,6% квалифицированных и разнорабочих, 70,9% специализированных) остаются рабочими, причем сыновья мало- и неквалифицированных рабочих чаще всего начинают свой трудовой путь «специализированными» или разнорабочими, т. е. не получив профессионального образования. Девушки из рабочих семей обычно становятся работницами (большой частью мало- или неквалифицированными) либо мелкими служащими: продавщицами, машинистками и т. п. Менее 10% детей рабочих, причем в большинстве случаев квалифицированных, удается «возвыситься» до положения техника, административного работника, учителя, а инженерами, врачами, преподавателями средней и высшей школы становится лишь менее 2% (всего в рассматриваемой группе их 8200 из 788 тыс.)⁵⁴.

⁵³ A. Andrieux, J. Lignon. Op. cit., p. 117, 120.

⁵⁴ «Etudes et conjoncture», 1967, № 2, p. 84, 85.

Таблица 15

Социальное положение лиц рабочего происхождения, вошедших в состав самостоятельного населения Франции в 1959—1964 гг.
(в % к численности детей рабочих каждой профессиональной группы) *

Положение отца	Высшие кадры		Лица свободных профессий		Средние кадры **		Служащие		Квалифицированные рабочие		«Специализированные» рабочие		Разнорабочие	
	сы-новья	дочери	сы-новья	дочери	сы-новья	дочери	сы-новья	дочери	сы-новья	дочери	сы-новья	дочери	сы-новья	дочери
Квалифицированный рабочий	1,8	0,9	—	—	12,8	5,9	10,1	32,7	34,5	8,1	21	20,4	12,1	9,5
«Специализированный» рабочий	0,9	—	—	—	5,4	8,6	14,3	25,5	26,2	12,5	39	24,4	5,7	9,7
Разнорабочий	4,6	—	—	—	—	3	14,8	24,3	30,1	16,9	16,2	16,9	21,3	16,9

* «Etudes et conjoncture», 1967, № 2, p. 84, 85.

** В категорию «средние кадры» входят в основном техники, мастера, учителя начальной школы, средний административный персонал.

«Дети рабочих идут на завод вместо школы»; «Слишком трудно добиться стипендий, они плохо распределяются»; «Рабочий никогда не сможет продвинуться выше. Это его судьба», — так оценивают многие рабочие возможности образования для своих детей⁵⁵.

Подобные оценки показывают, как в сознании современного рабочего его личная (и его детей) судьба связывается с местом, занимаемым им в социально-классовой структуре. Для рабочего прежних поколений наиболее очевидными признаками его классовой принадлежности были крайняя материальная бедность, особый характер труда и образа жизни. В настоящее время эти традиционные черты пролетарского положения в той или иной мере утратили бывшее психологическое значение. Их место в массовом сознании постепенно заменяет неравенство жизненных возможностей, в особенности в области образования, интеллектуального содержания жизни, личного будущего. Оно неизбежно заставляет рабочего остро чувствовать зависимость своей личной судьбы от социального положения своего класса. Поэтому в современных условиях проблема социальной мобильности становится для рабочих одним из важнейших источников классового самосознания.

Сознание принадлежности к обделенной, поставленной в неравноправные, несвободные условия социальной группе может по-разному ориентировать психологическую направленность личности. Во многих случаях оно развивает чувство социальной обреченности и тесно связанные с ним настроения безысходности, личной и общественной пассивности. «Я просто живу, — говорит 25-летний квалифицированный рабочий, — я не ломаю себе голову... У меня была надежда, когда я был чернорабочим, но теперь я вижу, что всегда то же самое. Я плюю на все. Я думаю только о том, чтобы работать, есть, жить помаленьку»⁵⁶.

Классовое сознание, которое развивается на основе подобных настроений, может быть лишь пассивным сознанием общей судьбы и общих невзгод, в нем отсутствует или слабо выражено конкретное и позитивное

⁵⁵ R. Kaës. Op. cit., p. 467, 476.

⁵⁶ A. Andrieux, J. Lignon. Op. cit., p. 119.

понимание общих классовых интересов, готовность эти интересы отстаивать.

Однако и при таком типе сознания вынужденное ограничение собственных потребностей («прожить как-нибудь», «не ломать себе голову») тесно сочетается с острой неудовлетворенностью существующим положением. Поскольку же это положение осознается как общее для рабочего класса в целом, неудовлетворенность выступает как зачаточный элемент социального протеста, фактор психологического приобщения личности к организованной классовой борьбе. Невозможность индивидуального «продвижения» демонстрирует рабочему необходимость «продвижения» коллективного. Реальность и непосредственность этой связи между бесперспективностью личной судьбы и активным коллективистским сознанием подтверждают конкретные социологические исследования. Так, опрос, проведенный М. Морисом, показал, что рабочие, не верящие в шансы собственного «продвижения», особенно часто становятся активными работниками профсоюза. Это позволило ему прийти к выводу, что для рабочих «отсутствие социальной мобильности является фактором, благоприятным для развития коллективного сознания»⁵⁷. Характерно, что понятие «коллективного продвижения» в качестве антитезы индивидуальному имеет широкое распространение в рабочей среде⁵⁸.

Одной из примечательных особенностей событий мая—июня 1968 г. была солидарность рабочих с требованием демократизации образования, выдвинутом студенческим движением. Студенты, говорили корреспонденту газеты «Монд» рабочие парижского предприятия, «должны были бы прийти на завод, чтобы узнать наше мнение о реформе университета. Это нас интересует, ибо рабочий идет на жертвы, посылает своего сына в школу и хочет, чтобы он потом нашел работу»⁵⁹. По словам пожилого рабочего завода Рено, «требования студентов справедливы, ... наши дети в один прекрасный день тоже станут студентами»⁶⁰.

⁵⁷ M. Maurice. Op. cit., p. 256.

⁵⁸ P. H. Chombart de Lauwe. Op. cit., p. 144.

⁵⁹ «Le Monde», 30.V 1968.

⁶⁰ «Démocratie nouvelle», juin-juillet 1968, p. 42.

Проблему «завтрашнего дня» современный рабочий все чаще связывает с большими возможностями социальной мобильности, образовательного и культурного роста для своего класса. Такие возможности рабочие чаще всего представляют себе не «вообще», а вполне конкретно, делая упор на тех изменениях, которых следовало бы добиться. Отвечая на вопросы анкеты Страсбургского института труда, 84% опрошенных внесли предложения о конкретных мерах, обеспечивающих рост культуры и образованности рабочего класса. 54% назвали в числе таких мер демократизацию образования, доступность его для рабочих на всех уровнях, справедливую систему стипендий, увеличение обязательного образования («все должны доходить до бакалавра», — как сказал один из опрошенных), 35% говорили об организации лекций, курсов, кружков для рабочих по всем вопросам, 31% — о расширении числа библиотек, культурных центров в муниципалитетах и кварталах, о театрах и кино-клубах, доступных рабочим⁶¹.

Подобные предложения отражают не только нынешние потребности рабочих, но и определенный уровень осознания ими их классовых интересов. Восприятие личных моральных и интеллектуальных потребностей как коллективных и обусловленная этим конкретизация интересов рабочего класса в данной области знаменуют собой одну из наиболее существенных тенденций развития рабочего сознания.

Громадное значение этой тенденции состоит в том, что она создает предпосылки для серьезного расширения целей повседневной борьбы рабочего класса. До настоящего времени проблемы образования, культуры, профессионального роста, социального достоинства находят в коллективных организованных действиях гораздо меньшее отражение, чем «традиционные» требования в области зарплаты и условий труда⁶². Здесь сказывается и

⁶¹ R. K a ё s. Op. cit., p. 474.

⁶² Как отмечал Ш. Раво, докладчик на созванной ВКТ в октябре 1966 г. конференции по вопросам профессионального образования, «этим вопросам не придавали первостепенного значения. Конечно, кое-где уделяли внимание так называемому профессиональному ученичеству — защищали права учеников. Некоторые корпорации — печатники, электрики, железнодорожники — по традиции наблюдали за тем специфическим образованием, которое дает-

большая сложность этих проблем, мешающая четкому формулированию конкретных требований, и их масштабность, как правило выходящая за рамки предприятия и отрасли, и, наконец, отсутствие у самой рабочей массы привычки и опыта борьбы за подобные цели. Наиболее распространенная форма массового выступления — стачка — гораздо больше приспособлена для защиты экономических интересов трудящихся, чем для борьбы за возможности образовательного и профессионального роста. Поскольку такого рода проблемы приобретают все большее значение для широких слоев рабочих, создается реальная опасность разрыва между повседневной деятельностью рабочих организаций и расширившимися потребностями масс. По замечанию одной из работниц, опрошенных Группой социальной этнографии, «без требования культуры все сводится к борьбе за лишний франк в почасовой зарплате»⁶³. «Лишний франк», конечно, всегда нужен рабочему, но подобная ограниченность целей борьбы нередко оставляет у него чувство неудовлетворенности, направляет его интеллектуальные и моральные стремления на путь индивидуальных поисков «лучшего будущего».

Осознание самими трудящимися своих новых коллективных потребностей — важный шаг в преодолении этого разрыва. Оно создает почву для развития массового движения за широкие социальные цели. Программы демократических реформ в области образования и культуры, выдвигаемые в настоящее время национальными политическими и профсоюзными организациями рабочего класса, несомненно, играют в этом процессе важную организующую роль. Показательна программа по вопросам профессионального образования, сформулированная ВКТ в октябре 1966 г. Она включает требования о продлении обязательного образования до 18 лет, о политехнизации профессионального образования, значительном расширении системы ФПА и увеличении материального обеспечения учащихся (примерно в 1,5 раза), организа-

ся в пределах корпорации. Конечно, занимались... и общими проблемами технического образования, но рассматривали их как относящиеся лишь к компетенции специалистов-преподавателей». («Le Peuple», 1966, № 763, p. 17).

⁶³ P. N. Chombart de Lauwe. Op. cit., p. 139.

ции профессиональных курсов для работающих без уменьшения зарплаты, изменения системы стипендий и ряд других. ВКТ требует всемерного ограничения влияния частных предприятий на организацию профессионального образования и расширения контроля государства и профсоюзов⁶⁴. Нетрудно убедиться, что эти требования совпадают с требованиями, идущими «снизу», созревающими в сознании самих масс.

Вряд ли имеет смысл предугадывать, в каких именно организационных формах будет разворачиваться в дальнейшем массовая борьба по вопросам образования, культуры, социальной мобильности. Формы эти могут родиться лишь в практике самой борьбы. Очевидно, однако, что их эффективность во многом зависит от органического сочетания задач, возникающих на общенациональном уровне, и тех, которые решаются в рамках отраслей, районов и отдельных предприятий. В этом отношении несомненный интерес представляет опыт выступлений профсоюзов по вопросам квалификационного роста и профессионального образования на предприятиях. Эти вопросы занимают значительное место в деятельности многих комитетов предприятий, и нередко вокруг них разворачиваются массовые действия. Один из рабочих завода Сюд Авиасьон в Ла Курнев рассказывал автору, как он и несколько его товарищей получили высший квалификационный разряд в результате стачки: соответствующее требование было предъявлено администрации наряду с обычным требованием о повышении зарплаты. Значение подобных выступлений состоит, в частности, в том, что они приучают рабочих связывать перспективы своего профессионального роста не с протекцией и хорошими отношениями с начальством, но с коллективной борьбой, с деятельностью классовых организаций. Контроль профсоюзов за образование и продвижением на предприятии — одно из типичных требований, которые выдвигают рабочие в ходе опросов по проблемам профессионального образования. Подобные настроения создают необходимые социально-психологические предпосылки для развития массового движения за демократизацию образования и тому подобные демократические реформы.

⁶⁴ «Le Peuple», 1966, № 763, p. 24.

Развитие новых потребностей, рост интеллектуального и культурного уровня трудящихся ведут к существенным сдвигам в системе социальных ожиданий, характеризующих массовое сознание. Этот процесс оказывает немало-важное влияние на мотивы массовой революционности, на общественные идеалы рабочего класса.

Еще в первых десятилетиях нашего века самым сильным стимулом революционности пролетариата был протест против непосредственно материальных проявлений капиталистической эксплуатации. От будущего общественного строя ожидали свободы, равенства, справедливого распределения материальных благ, часто не вкладывая в эти понятия более конкретного содержания. Запечатлевшийся в массовом сознании образ социализма в общем был довольно абстрактной антитезой существующего общества.

В условиях, когда положение основной массы пролетариата характеризовалось вопиющей материальной необеспеченностью и резкой социально-культурной изоляцией, безрадостная перспектива изнурительной повседневной борьбы за кусок хлеба нередко компенсировалась в сознании верой в счастливую жизнь в некоем более или менее неопределенном будущем. В пролетарской массе было довольно широко распространено убеждение, что «однажды все изменится», ожидание внезапного и полного социального освобождения. Даже если это представление и имело более или менее сильно выраженный привкус мессианизма и утопии, оно во многих случаях стимулировало участие рабочих в активной революционной деятельности, в классовых организациях и коллективных действиях.

Новый исторический опыт, усложнение производственной и общественной организации, изменения в условиях жизни пролетариата — все это значительно расширило кругозор рядового рабочего и ослабило иррациональные тенденции его сознания. Ему стала яснее сложность проблем общественного развития, невозможность разрешить их единым ударом. Да и сами эти проблемы во многом изменились. Сдвиги в структуре потребностей рабочих приводят к тому, что мотивы недовольства постепенно перемещаются из сферы материальной жизни

в сферу социального положения и социальных функций личности. Подобные проблемы во все большей степени влияют на общественные идеалы рабочего класса.

Характерно, что представление о социализме непосредственно связано у многих рабочих с равенством жизненных возможностей, демократизацией образования и культуры.

Молодой рабочий-электрик, отвечая на вопрос о конкретных мерах повышения образованности и культуры рабочих, говорил о вечерних курсах и сокращении рабочего времени, а в качестве «лучшего решения» назвал «изменение режима». «Теперь нельзя ничего довести до конца,— объяснил он,— нужен социализм». Рабочие, побывавшие в социалистических странах, называли в качестве положительного примера существующую там систему образования, в частности профессиональные курсы и лекции за счет предприятия. Металлург, посетивший Польшу, отметил, что там «способные люди имеют полную возможность получить образование, к какому бы социальному классу они ни принадлежали»⁶⁵.

Стремление к росту и активизации социальной роли личности отчетливо звучит в размышлениях многих рабочих о путях освобождения своего класса. «Надо, чтобы рабочие,— говорит пожилой машиностроитель,— взяли на себя ответственность: их мозги на что-нибудь годятся. Надо дать рабочему возможность свободно выражать себя — теперь он этого не может».

По мнению 33-летнего «специализированного» автомобилестроителя, «рабочий должен быть информирован об экономической и социальной жизни предприятия, принимать решения вместе с руководителями... Необходимо участие в управлении».

Несколько иначе выразил ту же мысль другой рабочий автомобильной промышленности: «Рабочий должен участвовать в управлении, иметь больше возможностей выражать свое мнение по проблемам жизни нации... быть способным управлять коллективно»⁶⁶.

Было бы, разумеется, явным преувеличением утверждать, что подобный идеал самостоятельности личности,

⁶⁵ R. Kač s. Op. cit., p. 476, 495.

⁶⁶ Ibid., p. 489.

ее ответственности в производстве и обществе столь ясно осознан основной массой рабочих. «Я нигде не встречал рабочих-неактивистов,— сообщает Ж. Дуар,— которые стремились бы управлять своим заводом вместе с хозяином: «Мы-де на это не способны». Они гораздо больше хотят получить прибавку к зарплате»⁶⁷.

Однако уже сегодня даже подавленный условиями существования и сознанием своего «невежества» рядовой труженик сплошь и рядом испытывает потребности, в которых в эмбриональной, инстинктивной форме проявляется стремление к социально-активной жизни. Так, 70% опрошенных Страсбургским институтом труда, считают нужным повысить ответственность рабочих в труде. И если, мотивируя это, они большей частью говорили о том, что «ответственность» повысит интерес к труду, делает его приятнее, то многие вкладывают в данное понятие гораздо более широкое содержание: «Рабочие должны взять свою судьбу в собственные руки», «Приобрести ответственность в труде в экономической, социальной, культурной жизни»⁶⁸.

Осознание такого рода потребностей и идеалов сопряжено с известными трудностями, нередко оно носит противоречивый характер. Небезынтересное, хотя и весьма одностороннее, отражение этих противоречий мы находим в уже цитировавшихся книжках Д. Моте. Квалифицированный рабочий завода Рено, человек, связанный в прошлом с левацко-синдикалистскими группировками, а ныне активист ФДКТ, Моте, несомненно, высказывает взгляды, сформировавшиеся не без влияния этих идеологических тенденций. Тем не менее его мысли отражают определенные черты реального опыта французского рабочего, какие-то стороны проблем, возникающих перед рабочим движением.

По мнению Моте, положение рабочих характеризуется в настоящее время не столько материальной нуждой, сколько «отчуждением в глубоком смысле слова». Оно выражается в том, что рабочий трудится всю жизнь как автомат, лишенный инициативы, не обладает никакой властью над всем, что его окружает, вынужден подчинять

⁶⁷ G. D o u a r t. L'usine et l'homme. Paris, 1967, p. 183.

⁶⁸ R. K a ē s. Op. cit., p. 357—360.

все свое существование силам, которые он не может контролировать. Отсюда Моте делает вывод, что отчуждение не связано с эксплуатацией. Но, подчеркивает он, рабочие не сознают проблемы отчуждения и продолжают оценивать свое положение лишь в рамках понятий эксплуатации, бедности и т. п., даже когда в действительности они никакой материальной нужды не испытывают⁶⁹.

Тот факт, что французский рабочий чаще всего считает себя объектом капиталистической эксплуатации, в общем не вызывает сомнений. Однако рассуждения Моте свидетельствуют о том, что существует реальная возможность разрыва между протестом рабочих против эксплуататорских экономических отношений и их недовольством социально-моральными аспектами своего положения. Эта возможность обусловлена растущим обезличиванием общественных отношений, определяющих положение личности. Понятие эксплуатации воспринимается сознанием как понятие персонифицированное — оно предполагает стереотип эксплуататоров-капиталистов, наживающихся на неоплаченном труде рабочих, не желающих улучшать условия их труда, подвергающих их унижительной дисциплине и т. д. Поскольку же речь идет не только о подобных явлениях, но и о препятствиях к развитию личности, об отсутствии смысла жизни, неинтересном труде, такого рода проблемы гораздо сложнее персонифицировать, связать со своекорыстными интересами определенных людей или социальных групп. Во-первых, потому, что эти интересы опосредствуются объективными требованиями технического прогресса и разделения труда, которые маскируют их влияние на положение личности. Во-вторых, сами господствующие группы с изменением структуры капиталистической собственности тоже все более обезличиваются: на предприятии рабочему все чаще противостоит не индивидуальный капиталист, а наемная администрация, выступающая как якобы беспристрастная представительница «интересов производства» и «экономической целесообразности».

⁶⁹ D. M o t h é. Militant chez Renault. Paris, 1965, p. 13—16; i d e m. Le Journal d'un ouvrier, p. 167, 168.

По всем этим причинам современному рабочему зачастую труднее, чем его отцу или деду, реально представить себе перспективу социального освобождения. Поскольку такая перспектива мыслилась прежде всего как освобождение от эксплуатации в труде, проблема, в сущности, сводилась к устранению капиталиста как социальной фигуры, к ликвидации капиталистической частной собственности. Поскольку же освобождение предполагает решение сложных проблем положения и развития личности, альтернатива капитализму нередко кажется гораздо менее ясной. Отсюда своего рода социальный пессимизм, который проявляется в настроениях части рабочих.

Другая возможная реакция на те же процессы роста потребностей и усложнения механизма общественных отношений — абсолютизация моральных аспектов отчуждения, ведущая, как это видно на примере взглядов Моте, к утрате четкого сознания эксплуатации. В настоящее время такие представления совершенно не типичны для французских рабочих (как это признает и сам Моте), но они могут усиливаться в тех или иных группах рабочего класса по мере роста жизненного уровня и уменьшения значения чисто материальных проблем.

Рациональное «оконкречивание» социальных и моральных аспектов отчуждения, осознание их подлинных связей с существующей системой экономических отношений — таков наиболее надежный путь преодоления подобных тенденций. Некоторые западные социологи принимают социальный пессимизм за основную черту мировоззрения современного рабочего и приходят на этом основании к выводу об отмирании боевого пролетарского коллективизма. Подобные концепции упускают из виду, что разочарование в перспективах коллективной борьбы может быть переходной ступенью в процессе развития рационалистического сознания, в конечном счете углубляющего и расширяющего понимание целей борьбы. Между тем этот процесс вполне реален, и в рабочей среде он проявляется наиболее наглядным образом в конкретизированном осознании собственных потребностей и интересов, в поисках рационального решения насущных для рабочего класса общественных проблем. Мы уже видели, насколько конкретно представляют рабочие свои коллективные интересы в области образования, культуры, профессионального роста.

Стремление к рациональному осознанию собственных потребностей и целей борьбы тем сильнее, чем интенсивнее сами эти потребности, чем острее ощущаются они на эмоциональном «уровне». Социальные эмоции могут выступать как важный стимул рационалистических тенденций классовой психологии.

Анализируя настроения масс в период забастовочного движения мая — июня 1968 г., трудно не задаться вопросом: почему борьба за удовлетворение весьма насущных, но все же «частичных», главным образом экономических, требований вызвала столь мощный прилив массового энтузиазма, почему, как свидетельствуют многочисленные очевидцы и участники событий, забастовка превратилась для рабочих в подлинный праздник.

Одним из психологических источников подобных настроений, несомненно, была радость освобождения, хотя бы и временного, от опостылевшей производственной рутины, от повседневного произвола и зависимости. «В течение 15 дней или трех недель, — объяснял эти настроения один из профсоюзных руководителей, — забастовщики жили в обстановке полной свободы: ни хозяина, ни мастера, иерархия исчезла. В стачечных комитетах все были товарищи, все были равны»⁷⁰.

Внезапное освобождение от устоявшихся отношений зависимости нередко ведет массу к психологическому разрыву с обычными нормами поведения, к разгулу анархистских страстей. Ничего подобного не произошло на бастовавших заводах, поведение рабочих отличалось спокойствием, организованностью, дисциплиной. В этом сказалось не только влияние классовых традиций, но и резко усилившееся в рабочей массе чувство ответственности: оказавшись в результате занятия заводов фактическими хозяевами огромного производственного потенциала, трудящиеся взяли на себя заботу о его охране, поддержании порядка на территории предприятий, организации снабжения. Руководство всей этой работой осуществляли профсоюзы, а участвовали в ней в той или иной форме широкие массы забастовщиков.

«Наши товарищи, — говорили корреспонденту «Монд» профсоюзные активисты завода СНЕКМА, — впервые

⁷⁰ «La Nouvel Observateur», 1968, № 187, p. 15.

почувствовали, что орудия производства принадлежат им или находятся под их контролем... Теперь мы чувствуем себя ответственными. За одну неделю у нас возникло ощущение, что мы стали сами собой и узнали друг друга»⁷¹. Именно впервые возникшая возможность самим управлять собственными делами придала особую эмоциональную насыщенность, «праздничность» настроениям рабочих масс.

События мая — июня 1968 г. внезапно перевели подспудную потребность масс в общественной самостоятельности и ответственности в план практических действий. Они дали временную «разрядку», выход этой потребности, продемонстрировали ее интенсивность. Однако эмоциональный накал, вызванный столь необычной ситуацией, не повел рабочих по пути иррациональных действий и решений. Он усилил в их среде интерес к проблеме власти на предприятии, но интерес этот проявился прежде всего в трезвом, серьезном размышлении.

Своеобразие момента заключалось в том, что свое решение данной проблемы настойчиво предлагали рабочим «революционные активисты» из студенческой молодежи, а также левацкие группы профсоюзного движения. Во время митингов и демонстраций, в ходе многочисленных «диалогов» и встреч между студентами и бастующими рабочими представители этих течений широко пропагандировали лозунги «самоуправления», «рабочей власти на предприятиях». Для психологии рабочих весьма характерна их реакция на подобную пропаганду.

У ворот завода Ситроэн в Париже рабочий так объяснял свою точку зрения группе студентов: «Мы за самоуправление, но это трудно, ведь понадобится обеспечить работу завода. Вопрос еще не созрел»⁷². На встрече стачечных комитетов заводов Испано-Сюиза, Сюд- и Нор-Авиасьон с представителями студенческих «комитетов действий» один из рабочих выразил свое недоумение по поводу лозунга «студенческого контроля» в университетах: «Как студенты смогут судить о том, чего они не знают?» На той же встрече ее участники-рабочие,

⁷¹ «Le Monde», 26—27.V 1968.

⁷² «Le Monde», 4.VI 1968.

высказываясь в принципе за рабочий контроль и самоуправление на предприятиях, подчеркивали, что это невозможно, пока трудящиеся не приобретут необходимой компетенции⁷³. Подобные мнения в общем весьма типичны.

Требование «рабочей власти» на предприятии, несомненно, находит отклик в стремлениях и потребностях многих рабочих, и если они тем не менее отвергают подобные лозунги, то прежде всего потому, что не верят в собственную способность осуществить их в данный момент. Но это не значит, что рабочий не примет с воодушевлением такой программы, которая предложит ему конкретные, действенные средства достижения его идеалов. Не случайно во время дискуссий со студентами многие рабочие горячо поддерживали идею «рабочих университетов», которые могли бы дать трудящимся знания, необходимые для компетентного участия в общественной жизни.

Крепнущее стремление рабочих к большему влиянию и самостоятельности на производстве и в обществе образует одну из важнейших социально-психологических предпосылок перехода современного рабочего класса на позиции активной борьбы за социализм. Стремиться к реальному участию в решениях невозможно, не ставя под вопрос власть капиталиста (или его представителей) на предприятии, власть монополистической буржуазии и буржуазного государства в обществе. Но вопрос «У кого власть?» в конечном счете есть лишь более конкретное и ближе затрагивающее личность выражение вопроса: «У кого собственность?» Поэтому утверждение потребности в «участии», выдвижение ее в ряд ведущих социальных потребностей рабочего класса содержит в себе возможность нового, более высокого развития его социалистического сознания.

Обогащенное этой потребностью «влечение рабочих к социализму» будет основано не только на непримиримой враждебности к капиталистическим порядкам, но и на осознанных положительных идеалах, оно будет выражать не только решимость освободиться от капиталистической эксплуатации, но и стремление преодолеть все

⁷³ S. Z e g e l. Les Idées de mal. Paris, 1968, p. 44—46.

формы отчуждения, создать необходимые условия для свободного и всестороннего развития человека.

Развитие такого сознания предполагает серьезную перестройку нынешнего психологического склада рабочей массы.

Зависимость от чужих решений вызывает резкий протест у рядового рабочего, но он чаще всего не уверен в своей способности «решать самому» общественные и производственные дела, над ним тяготеет чувство собственной некомпетентности. Лишь преодолев это чувство, он воспитает в себе последовательную нетерпимость к социальной зависимости, решимость отнять власть у тех, кому она принадлежит. Для воспитания подобных чувств и стремлений недостаточно, таким образом, сформулировать идеалы, выражающие стихийные стремления масс, нужно еще внушить им уверенность в осуществимости этих идеалов, в их собственной способности воплотить свои стремления в жизнь.

Рост образовательного уровня и общей культуры рабочих развивает у них психологическую склонность и способность к общественной самостоятельности и «участию в управлении». Но еще более решающую роль в этом процессе играет их собственный опыт. Как писал журнал французских коммунистов, «для каждого трудящегося личный опыт должен сделать очевидным, что его собственное активное участие в политических преобразованиях и в производстве непосредственно отражается на улучшении условий его жизни и труда, на улучшении дел на его предприятии, на развитии всей страны»⁷⁴.

Такая постановка вопроса свидетельствует о существенном изменении сложившегося прежде взаимоотношения между ближайшими и конечными целями революционного рабочего движения. В эпоху, когда массовые революционные идеалы были неясны и абстрактны, когда масса могла пойти на революцию из-за одной лишь ненависти к существующему строю, конкретная практика позитивных революционных преобразований естественно переносилась на время после революционного взрыва. В современных условиях революционная идеология тем

⁷⁴ «Cahiers du communisme», 1964, № 12, p. 48.

полнее овладевает массовым сознанием, чем яснее массы распознают зримые черты будущего общества в сегодняшних завоеваниях революционного движения. Отсюда и возникает объективная необходимость в таких ближайших целях борьбы, которые обеспечивали бы осуществление нынешних общественных стремлений трудящихся, максимально возможное в рамках существующего строя. Отказаться от выдвижения таких целей значило бы замкнуться в некоем порочном круге: с одной стороны, массовое революционное движение против данного строя невозможно, пока массы не осознали своей способности добиться подлинной свободы и демократии; с другой стороны, существующие общественные условия препятствуют такому осознанию. Выйти из этого порочного круга можно, лишь добиваясь демократических преобразований существующих общественных условий, расширяя шаг за шагом самостоятельность трудящихся, увеличивая тем самым их общественный опыт и уверенность в собственных силах. Только так и можно развить демократические требования трудящихся до такого рубежа, на котором их удовлетворение окажется уже несовместимым с существующими общественными институтами.

Идейно-психологическое значение подобных «частичных» демократических требований с новой силой подтвердило движение мая — июня 1968 г. В ходе забастовки трудящиеся добивались предоставления профсоюзам прав, гарантирующих свободу их деятельности на предприятии.

В ряде отраслей широкую поддержку получило требование демократической национализации. Во многих случаях рабочие ставили вопрос о расширении прав комитетов предприятий. Оценка подобных целей борьбы самими рабочими показывает, что весь комплекс наиболее острых для трудящихся проблем повседневной жизни развивает у них осознанное стремление к демократизации существующих отношений.

«Хозяин, — заявляли во время забастовки рабочие одного из парижских предприятий, — постоянно говорит нам: «Бюджет предприятия имеет дефицит». Но нам лгут, нас надувают. Надо, чтобы комитет предприятия получил реальные права, чтобы нельзя было перемещать, увольнять людей без нашего согласия. Нам нуж-

ны гарантии занятости, профессионального образования, повышения квалификации»⁷⁵.

Эта связь между непосредственными требованиями и расширением прав уже существующих органов рабочего контроля — комитетов предприятий весьма характерна для демократических стремлений рабочей массы. В современных условиях вопрос о деятельности заводских комитетов приобретает растущее социально-психологическое значение.

Законы 1945—1946 гг., установившие принцип обязательного избрания комитетов на предприятиях с персоналом 50 и более человек, предоставили им право получать информацию и высказывать свое мнение по всем вопросам экономической жизни предприятий, включая порядок использования прибылей. Однако чисто консультативный характер экономических прав комитетов, отсутствие необходимых гарантий соблюдения закона, наконец, скудость их материальных средств позволили предпринимателям превратить эти права в пустую формальность. Деятельность комитетов сосредоточилась в основном на управлении «социальными делами» — рабочими столовыми, культурными мероприятиями и т. д. На большинстве предприятий, на которых по закону должны существовать комитеты (на 15 500 из 24 500 в 1963 г.), они вообще отсутствуют⁷⁶.

В 1966 г. был принят правительственный законопроект, предусматривающий определенное расширение прав комитетов: получение ими более детальной и регулярной информации об экономических делах предприятия, предоставление членам комитетов 20 оплачиваемых часов в месяц для выполнения их функций и, кроме того, санкции для предпринимателей, нарушающих закон о комитетах. Одновременно членам комитетов запрещается сообщать персоналу полученную ими информацию, их обязывают соблюдать «профессиональную тайну». Таким образом, предпринята попытка использовать комитеты для развития классового сотрудничества на предприятиях: за расширение своих прав они должны платить «интеграцией» в существующую систему экономической

⁷⁵ «Le Monde», 30.V 1968.

⁷⁶ «L'Humanité», 31.III 1965.

власти. Из органа, подотчетного коллективу трудящихся, комитет пытаются превратить в бюрократический орган, стоящий над ними, объединяемый с дирекцией соблюдением профессиональной тайны, лишенный возможности опираться в своей деятельности на массовые действия. Реформа свидетельствует о том, что на нынешнем этапе борьбы вокруг прав и роли комитетов предприятий на первый план выдвигается вопрос об экономической информации, получаемой комитетом, о способах ее использования.

Характерно, что этот вопрос занимает центральное место в предложениях о расширении прав комитетов, выдвигаемых компартией и ВКТ. Так, законопроект, внесенный парламентской группой ФКП в апреле 1963 г., предусматривает обязательную публикацию предприятиями всех документов об их прибылях⁷⁷; доступность трудящимся всей экономической документации предприятия образует главную идею раздела резолюции 35 конгресса ВКТ (1965 г.), озаглавленного «За подлинное усиление экономических прав комитетов предприятий»⁷⁸.

Проблема экономической информации не случайно стала определяющим аспектом борьбы за демократизацию отношений на предприятии. От того, как решается эта проблема, зависит классовое содержание деятельности органов рабочего представительства, характер их взаимоотношений с массами. Очевидно, что проникновение рабочих представителей в «святую святых» экономической власти еще не дает гарантий демократического участия в решениях каждому рядовому труженику. Подобное участие «массового» рабочего невозможно, пока он не выработал в себе способность судить о содержании этих решений, оценивать их целесообразность. А первой предпосылкой, необходимым условием развития такой способности является осведомленность, информированность трудящихся о функционировании экономического организма. С другой стороны, эта информированность образует одну из существенных гарантий упорочения связей между массами и их организациями в условиях участия последних в системе контроля и ре-

⁷⁷ «L'Humanité» 31.III 1965.

⁷⁸ «Le Peuple», 1965, № 728-729, p. 49.

шений. Она дает организациям возможность опираться на массы, предлагая экономически обоснованные решения, выражающие их интересы, отстаивать эти решения как решения самих масс. Без такой опоры на массовые действия рабочее представительство рискует ослабить свои связи с трудящимися и подпасть в конце концов под влияние буржуазно-технократического рационализма. Борьба за подлинную демократию предполагает постоянное расширение участия «низов», рост их осведомленности и компетентности в вопросах экономической и общественной жизни.

Следует учитывать, что потребность в лучшей информированности — одно из наиболее элементарных проявлений стремления рядовых трудящихся к общественной самодеятельности, к активному участию в коллективной жизни. Очевидно, лишь всемерно содействуя удовлетворению этой потребности, можно добиться нового роста общественно-политической активности масс. Иначе говоря, ликвидация монополии правящих групп на объективную и всестороннюю информацию — необходимая ступень в развитии демократического и социалистического сознания трудящихся.

В сегодняшней Франции комитеты предприятий представляют собой именно такую организационную ячейку, которая создает наиболее широкие возможности для развития самодеятельности рабочей массы. Об этом свидетельствует реальный опыт деятельности комитетов, то влияние, которое они завоевали в широких слоях трудящихся⁷⁹.

Комитеты сумели сделать очень много для облегчения повседневной жизни трудящихся, организации их досуга, для их культурного развития, образования и отдыха их детей. Успехи комитетов в этой ограниченной, но очень важной для рабочих области показали им, что организации трудящихся могут сами, без хозяина и вопреки ему управлять коллективными делами. Тысячи рядовых рабочих и служащих прошли в комитетах школу управления, приобрели навыки организационно-хозяйственной работы.

⁷⁹ Например, по данным исследования Бенуа и Мориса, подавляющее большинство рабочих предприятия Жермен интересуется деятельностью комитета (O. Benoit, M. Maurice. Op. cit., p. 186—188).

Комитеты уже представляют собой теперь орган рабочей самостоятельности; следовательно, именно через них, используя их близость к массе, их влияние, легче всего поднять эту самостоятельность на более высокий уровень, воспитать в рабочей среде интерес к «вмешательству» в экономические дела предприятия. Но для этого необходимо, чтобы комитет и стоящая за ним масса обладали достаточно полной информацией о такого рода делах.

Разумеется, одной лишь информированности недостаточно для компетентного участия в руководстве современным производством. Идет ли речь о выборном рабочем делегате — члене комитета предприятия — или тем более о голосовавших за него рядовых пролетариях, представители капиталистической власти всегда окажутся компетентнее их в экономических и технических вопросах. В этом состоит, вероятно, наиболее сложная и острая проблема борьбы за экономическую демократию.

Классовое господство буржуазии всё реже выступает в своем первоначальном «чистом» виде, авторитарная власть собственника все теснее переплетается на практике с объективно необходимым в современном производстве компетентным экономическим и техническим руководством. Именно эта объективная необходимость является наиболее эффективным идейным козырем современного «технократического» капитализма, его доводом против экономической демократии.

Разделение функций руководителей производственного процесса и рядовых исполнителей заложено в природе современного производства. Поэтому представлять экономическую демократию как стирание граней, отделяющих экономиста или инженера от рабочего, было бы явной утопией. Роль рабочего представительства состоит отнюдь не в том, чтобы подменять научное и техническое руководство, но в том, чтобы привести это руководство в соответствие с интересами и потребностями трудящихся.

Рассматривая данную проблему, журнал ВКТ «Лепель» отмечал, что на основе научного анализа всегда вырабатываются различные варианты экономических решений и, следовательно, возникает необходимость выбора между ними. «В этот момент речь уже более не идет о том, чтобы решать, например, исходя из одного лишь критерия рентабельности, но о том, чтобы оценить соци-

альные последствия различных решений. А кто же может отрицать особенно высокую компетентность в этих вопросах представителей рабочего класса?.. Речь идет не о том, чтобы противопоставлять ученых-экономистов и рабочих, но о том, чтобы найти формы их плодотворного сотрудничества в интересах трудящихся и всей нации»⁸⁰.

Такая постановка проблемы представляется чрезвычайно точной. Выявляемая научным анализом логика экономической целесообразности составляет необходимую основу любого решения, принимаемого в области производства, но абсолютизация этой логики ведет к ее отчуждению от человеческих целей производства, к фактическому торжеству принципа «экономика ради экономики». Этот принцип вполне отвечает интересам капиталистической эксплуатации: технократический рационализм социально нейтрален лишь по видимости, на деле же он вполне совпадает с рационализмом капиталистическим, превосходно обслуживает погоню за прибылью. Дело в том, что узко экономическая целесообразность оперирует человеком как средством производства; чтобы превратить его в цель, одной такой целесообразности недостаточно, она должна быть дополнена и исправлена логикой ближайших и перспективных интересов участников производства.

Подобное «исправление» означает существенное ограничение эксплуататорски-капиталистического характера производственных отношений.

Борьба за экономическую демократию — это, по сути дела, борьба за изменение целей производства. Если научно-техническое руководство представляет прежде всего интересы производства как такового, то рабочее представительство по мере расширения своих прав может, опираясь на массу, добиваться максимально возможного сочетания этих интересов (т. е. рентабельности, производительности и т. п.) с удовлетворением материальных, интеллектуальных и моральных потребностей трудящихся.

Найти конкретные способы такого сочетания — дело далеко не простое. И вот здесь решающее значение приобретает то «сотрудничество ученых и рабочих», о кото-

⁸⁰ «Le Peuple», 1967, № 777, p. 11.

ром писал «Ле пёплъ». Важнейшая предпосылка этого сотрудничества — эволюция социальных позиций научно-технической интеллигенции, ее растущее сближение с рабочим классом. Данный процесс, исследование которого выходит за рамки настоящей работы, уже идет и в дальнейшем, несомненно, будет углубляться. Но не менее важное значение имеет другая сторона дела — рост компетентности рабочих и их представителей, позволяющий им более эффективно отстаивать свою точку зрения, облегчающий взаимопонимание и сотрудничество со «специалистами». Такой рост не может, очевидно, равномерно охватывать всю массу трудящихся. В данной связи уместно вспомнить мысль Антонио Грамши о выдвижении «интеллектуальных элит нового типа, которые вырастали бы непосредственно из массы, оставаясь при этом в контакте с массой, с тем, чтобы стать для нее тем же, что китовый ус для корсета»⁸¹.

Формирование подобных «рабочих элит» — не только условие, но и результат развития экономической демократии. Чем больше экономических прав приобретают рабочие организации, тем больше трудящихся вовлекается в повседневную общественную работу. А такая работа требует от них углубленного знакомства с конкретными техническими, экономическими, социальными вопросами, развивает их интеллектуальные и организационные способности, обучает их искусству управлять. Опыт руководства «социальными делами», накопленный комитетами предприятий, в этом отношении весьма поучителен.

Конечно, овладение «искусством управления» требует значительного роста образовательного уровня рабочих активистов, их углубленной специализации в конкретных областях. Компартия и ВКТ прилагают значительные усилия в этом направлении.

Но вместе с тем нельзя не учитывать, что уже сам процесс расширения экономических функций активистов умножает, интенсифицирует их контакты со специалистами и тем самым содействует росту их общей культуры и квалификации.

⁸¹ А. Грамши. Тюремные тетради. Избранные произведения, т. 3. М., 1959, стр. 31.

«Рабочие элиты» действуют на разных уровнях и различаются как по своей квалификации, так и по интенсивности непосредственных контактов с массой. Тем большее значение для развития демократического и социалистического сознания трудящихся имеет борьба за экономическую демократию на низших уровнях — в рамках предприятия и более мелких его подразделений. Такие формы экономической демократии, как, например, планирование, осуществляемое при участии рабочих организаций, будут привлекать тем больший интерес рядовых рабочих, пользоваться тем большей массовой поддержкой, чем лучше эти рядовые рабочие поймут сущность соответствующих экономических проблем, возможность их демократического решения. А такое понимание может воспитать у них прежде всего непосредственно доступный им опыт борьбы вокруг решений, принимаемых на уровне предприятия, вокруг прав низовых рабочих организаций. Борьба за демократическое участие на низшем, «местном» уровне представляет собой поэтому необходимое условие развития массовой борьбы за демократию в национальном масштабе. Вместе с тем она выступает как необходимое средство упрочения связей между группами рабочего представительства, действующими на «верхних этажах» общественного здания, широким рабочим активом, сражающимся на его «нижних этажах», и всей массой трудящихся.

Завоевание экономической демократии, как ее понимает революционное рабочее движение, разумеется, не может быть достигнуто в узких рамках предприятия. Концентрация экономической власти, характерная для современного капитализма, подрывает автономию отдельных предприятий: все больше важнейших решений, определяющих их судьбу, принимается на уровне крупнейших банков и корпораций, в высших сферах государственного аппарата. В этих условиях невозможно ограничить власть отдельных капиталистов, оставляя в неприкосновенности господство олигархических групп, заправляющих национальной экономикой. Поэтому демократизация жизни предприятия может быть осуществлена только в неразрывной связи с такими мерами, как демократическая национализация банков и ключевых отраслей промышленности, установление демократического планирования.

Понятно, что проведение подобных преобразований немислимо без коренного изменения классового характера государства, без реального участия представителей рабочего класса в политической власти. Но добиться такого изменения можно лишь путем политической борьбы; развитие массового политического движения за демократические цели — необходимое условие установления подлинной демократии.

Сближение целей организованной коллективной борьбы с глубинными моральными и интеллектуальными потребностями личности открывает перспективу значительного роста общественно-политической активности трудящихся. Ибо лишь общественное движение, выражающее всю совокупность стремлений рядового человека, все богатство его духовных запросов, способно по настоящему и прочно увлечь за собой массу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПСИХОЛОГИЯ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА

ОСОБЕННОСТИ БУРЖУАЗНОГО ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА РАБОЧИЙ КЛАСС

Во Франции социалистическая идеология завоевала широкие позиции в рабочем классе. Однако, как показывает исторический опыт рабочего движения, пока сохраняются капиталистические общественные условия, победы социалистической идеологии не носят окончательного и бесповоротного характера. Они не устраняют полностью противоречий, свойственных общественной психологии рабочего класса: развитие общества постоянно ставит перед ним новые проблемы, порождает в его среде новые потребности и психологические тенденции, которые, придавая этим противоречиям его сознания новую форму, нередко используются буржуазной идеологией. Соотношение сил в идеологической борьбе и, следовательно, развитие классового сознания рабочих в немалой мере зависит от того, какой из борющихся идеологий удастся предложить более убедительное решение волнующих их общественных проблем, полнее учесть их стихийные стремления и ожидания. Поэтому для понимания особенностей и перспектив современного этапа развития классового сознания пролетариата необходимо уяснить, на какие тенденции его общественной психологии пытается опереться буржуазная идеология, какими способами решает она задачу укрепления и расширения своего влияния в рабочем классе. Это тем более важно, что основные направления идеологической деятельности господствующего класса во многом определяют конкретное содержание идеологической борьбы и, следовательно, задачи, стоящие в данной области перед революционным рабочим движением.

В течение послевоенного периода правящая элита французского общества серьезно перестроила стратегию своей социальной политики, во многом обновила свой идеологический арсенал. Два основных фактора обусловили эту эволюцию. С одной стороны, опыт Народного фронта и Освобождения исчерпывающе доказал непригодность традиционных методов классового господства. В 1936 и в 1945—1947 гг. устои буржуазной власти были потрясены в самой своей основе, подъем возглавляемого рабочим классом демократического движения нес в себе реальную угрозу революционных преобразований. Стало ясно, что во Франции новые попытки ликвидации буржуазно-демократических институтов, прямого насилия по отношению к рабочему движению могут привести лишь к еще более опасным для существующего строя социальным взрывам. Но и простой возврат к «классической» буржуазной демократии не давал необходимых гарантий «социальной стабильности». Несмотря на раскол рабочего движения, осуществленный после войны стараниями СФИО и реформистских профсоюзов, компартия продолжала оставаться самой влиятельной политической силой в стране, а ВКТ — наиболее представительной профсоюзной конфедерацией. В этих условиях в сознание правящих кругов все глубже проникала мысль о необходимости «оздоровить социальный климат» путем «примирения» с рабочим классом, «коренного улучшения» социальных отношений. Такого рода тактика предполагала разработку более утонченных и интенсивных форм идеологического воздействия и вместе с тем определенное изменение всего стиля поведения буржуазии в ее отношениях с трудящимися.

К тем же выводам подводили новые задачи, вставшие перед французским империализмом в обстановке резкого ослабления его экономических позиций в послевоенном капиталистическом мире. Утратив свою былую роль «ростовщика Европы», французская монополистическая буржуазия оказалась после войны в экономической и политической зависимости от американского империализма. Восстановление ее экономических позиций требовало прежде всего быстрого преодоления традиционной промышленной отсталости страны. А ускоренное развитие промышленного производства в условиях научно-технической революции и усилившейся конку-

ренции на мировом рынке предполагало резкий рост производительности труда и, следовательно, решительное обновление привычных методов хозяйствования. Одним из ведущих мотивов послевоенной буржуазной экономической и политической мысли становится своеобразная «самокритика», резкое осуждение традиций французского капитализма.

Выдвинутая идеологами монополистической буржуазии программа трансформации традиционного капитализма в «новый», «динамичный», «эффективный» капитализм органически включала серьезную перестройку стиля трудовых отношений. В числе прочих пороков «старого» французского капитализма его «неокапиталистические» критики называли неумение наладить отношения с рабочими, пробудить в них активную заинтересованность в результатах производства¹. Проблема моральных стимулов трудовой деятельности в условиях современных производительных сил вообще становится одной из главных проблем экономического развития. Стоящая перед французским капитализмом задача быстрой модернизации производства придавала этой проблеме особую актуальность. А приблизиться к ее решению также было невозможно без коренного идеологического «перевоспитания» рабочего класса.

Возрастание роли идеологических факторов в экономической и политической жизни общества значительно расширило и усложнило идеологические функции социальной политики буржуазии. Поэтому в нынешних условиях вообще трудно говорить об идеологической деятельности правящих кругов как о чем-то отдельном от их социальной политики. И та и другая преследуют взаимосвязанные идеологические цели: с одной стороны, ослабление классового сознания пролетариата, выхолащивание революционных и антикапиталистических тенденций рабочего движения, с другой — создание «климата сотрудничества» на производстве, приобщение рабочего класса к борьбе за укрепление экономических позиций капитализма.

В основу идеологических концепций, призванных

¹ См., например, «Journées d'études sur les Relations Humaines dans l'entreprise». Caen, 1960, p. 19.

обеспечить такой перелом, легла уже упоминавшаяся идея «динамичного капитализма». В одной из статей известного социолога М. Крозье выдвигается тезис о будто бы происходящей во Франции «культурной революции». Автор ссылается на «интеллектуализацию» всех областей политической и экономической деятельности: и новая политическая элита, и современный «деловой мир» включают в себя специалистов-интеллигентов и строят свои действия на интеллектуальной основе. В этих условиях революционные кризисы перестают быть единственно мыслимым способом решения назревших социальных проблем — капиталистическое общество получает возможность рационально анализировать эти проблемы, вырабатывать научно обоснованные средства их решения и организовывать, таким образом, необходимые изменения. Революционная идеология, по мысли автора, может лишь препятствовать подобным изменениям, парализовать сознательную деятельность, преобразующую общество, поэтому в современных условиях она играет консервативную роль².

Изложенная концепция довольно точно отражает сущность того общего направления, в котором развивается система буржуазного идеологического воздействия. Используемый ею образ «научного», «рационального», «эффективного» капитализма, несомненно, учитывает и стремление широчайших слоев французского общества к коренным социальным преобразованиям, и новые стихийные тенденции массового сознания. Эксплуатируя возрастающий рационализм общественной психологии, потребность масс в рациональном осмыслении общественной жизни, «новейшая» буржуазная идеология пытается преобразовать революционные идейные традиции в деляческий утилитаризм, вполне соответствующий целям современного капитализма. Пропагандируемый ею «синтез мысли и действия» позволяет соблазнять широкие группы интеллигенции перспективой «интеллектуального» участия в системе власти, в осуществляемых ею реальных реформах ценой отказа от «бесплодного» и «непрактичного» антикапитализма. Аппелируя к рабочему классу и другим слоям трудящихся,

² M. Crozier. La révolution culturelle.—«Preuves», 1966, № 179, 180.

«новый» капитализм провозглашает свой разрыв с капитализмом «традиционным» и утверждает свою способность чуть ли не к «революционным» преобразованиям; социальные конфликты, утверждают его адепты, отныне могут осмысливаться и разрешаться рациональными средствами, позволяющими объективно анализировать и учитывать интересы всех сторон.

Образ «нового» капитализма — это не только мифология. Он опирается на реальные сдвиги в структуре и методах политической и экономической власти, на новый опыт монополистической буржуазии, произведенную ею «переоценку ценностей». Его пропаганду подкрепляет бурное развитие государственно-монополистического капитализма, возрастание регулирующей роли государства и его относительной независимости от отдельных монополистических групп. Государственному руководству приписываются рационализм, беспристрастность и динамизм, противопоставляемые своекорыстию и близорукости частнобуржуазных интересов. Французская буржуазия грешит индивидуализмом и эгоизмом — утверждает, например, один из виднейших деятелей V республики, М. Дебре, — если государство «не берет на себя руководство реформами, последние зачастую вообще не проводятся или проводятся слишком поздно»³. Возросшее участие в государственном аппарате «беспристрастных специалистов» изображается как гарантия чисто интеллектуального, свободного от классовых интересов характера его деятельности; идеология «неокапитализма» вообще тесно связана с теориями технократического руководства, якобы сменившего классовое господство буржуазии. Своей социальной политикой само французское государство постоянно стремится подкрепить подобные представления.

Именно общественная практика, на которую опирается современная буржуазная идеология, определяет ее значение как одного из факторов, влияющих на сознание рабочего класса.

С помощью «глобальной» идеологической схемы «нового» капитализма, реформистской переориентации социальной политики государства идейные лидеры фран-

³ М. Дебре. Jeunesse, quelle France te faut-il? Paris, 1966, p. 159, 189.

цузской буржуазии пытаются воздействовать на общие идеологические представления рабочего класса. Вместе с тем они отчетливо понимают, что эти представления подкрепляются опытом повседневных отношений на производстве, воспринимаемых рабочими как отношения эксплуатации и антагонизма с «хозяевами». Поэтому эффективное идеологическое воздействие в данной сфере рассматривается в «неокапиталистических» кругах не только как средство роста трудовой активности и производительности труда, но и как важнейшее необходимое условие конформистской перестройки социально-политического мировоззрения рабочего класса. «Трудящиеся, заинтересованные в производстве и собственности,— утверждает М. Дебре,— станут гражданами, осознающими национальную солидарность и трудовые усилия, которых она требует»⁴. Непосредственной задачей «политики персонала» на предприятии провозглашается удовлетворение способности трудящихся «служить предприятию, своей стране, свободному миру»⁵. Интенсификация идеологического воздействия на уровне предприятия представляет собой одну из наиболее характерных черт современной социальной тактики французского капитализма.

В политике французского государства эта тенденция выражается в различных мероприятиях, поощряющих «ассоциацию труда и капитала» и «заинтересованность трудящихся в производстве». Нас в данном случае больше интересует, как она проявляется непосредственно на предприятиях.

В первые послевоенные годы соответствующая идеологическая деятельность развивалась главным образом по линии заимствования американских образцов. Такой путь казался наиболее естественным: американский капитализм имел к тому времени солидный опыт психологической обработки трудящихся в рамках предприятий. Теория и практика «человеческих отношений в промышленности», заложенные Э. Мэйо еще в начале 30-х годов, получили в США значительное развитие; в американской индустриальной социологии и психологии, в

⁴ М. Дебрé. *Op. cit.*, p. 188, 189.

⁵ «Direction du personnel», 1965, № 93, p. 49.

«политике персонала» заокеанских фирм нетрудно было почерпнуть готовые рецепты «оздоровления производственного климата». Западноевропейская, в том числе французская, буржуазия испытывала в то время сильный «комплекс неполноценности» по отношению к американскому бизнесу, смешанное чувство зависти и восхищения его достижениями превратило «человеческие отношения» в своего рода моду — они стали импортироваться в Европу вместе с поставками по плану Маршалла. Созданные на фонды этого плана межевропейские и национальные государственные «службы производительности» ставили одной из своих задач изучение и пропаганду опыта «человеческих отношений». Во Франции соответствующие функции в 1954—1958 гг. выполнял государственный Генеральный комиссариат по производительности, а с 1960 г. — служба производительности Генерального комиссариата планирования. Изучением данного круга проблем занимается также ряд предпринимательских организаций. Методы «человеческих отношений» стали широко внедряться в практику национализированных и многих крупных частных предприятий.

Внедрение «человеческих отношений» на предприятиях было сопряжено с серьезным пересмотром установившихся методов «политики персонала». На «традиционном» капиталистическом предприятии отношения между различными участниками производственного процесса определяются системой разделения труда и «казарменной», по выражению Маркса, дисциплиной. Рабочий трудится, «унтер-офицер промышленности» — мастер — следит за его прилежанием и усердием, которые чаще всего подогреваются сдельной заработной платой. Предприятие рассматривается как простая система командования, аналогичная военному подразделению, дело руководителя — директора, инженера, бригадира — отдавать распоряжения, дело рабочего — их выполнять. Не случайно наиболее подходящим лицом на должность шефа персонала считается при подобной системе отставной офицер: умение командовать, «наводить дисциплину» — главное качество, которое требуется в отношениях с рабочими.

Конечно, и при таком типе отношений капиталистическое предприятие нуждается в средствах психологического воздействия на рабочих, призванных ослабить их

сопротивление эксплуатации, подавить или хотя бы ограничить деятельность профсоюзов. Грубо репрессивные методы, запугивание, шантаж обычно сочетаются в той или иной пропорции с демагогией и подкупом. Свое наиболее полное выражение подобное сочетание получает в традиционном патернализме. Исторически почвой патернализма было небольшое, так называемое «семейное» предприятие, хозяин которого мог строить свои отношения с рабочими на основе личного авторитета, выступать перед ними в роли своего рода «отца-благодетеля». Во Франции очень большой удельный вес мелких предприятий с персоналом в несколько сот или десятков человек придает этой форме хозяйской политики особую устойчивость.

Патерналистские методы используются и на многих крупных предприятиях, где они несколько обновляются применительно к условиям безличного «менеджерского» руководства, современных форм оплаты и организации труда. Цель всякого патернализма — утверждение абсолютного, неограниченного диктата капиталиста по отношению к трудящимся, подавление любой самостоятельной деятельности рабочих организаций — достигается здесь с помощью распространения власти предприятия на все стороны жизни рабочего класса. Ему принадлежат дома, где живут рабочие, транспорт, доставляющий их на завод, детские учреждения, столовые, больницы, стадионы; различные «социальные» выплаты и льготы распределяются только властью дирекции. Профсоюзные активисты беспощадно увольняются, при найме на работу тщательно проверяется «политическое лицо» кандидатов, на предприятии царит система шпионажа и слежки за каждым словом рабочего.

Свои идеологические функции патернализм выполняет, эксплуатируя наиболее примитивные материальные потребности трудящихся, их страх перед нищетой и безработицей. Поэтому рост социальных и моральных потребностей рабочих, их личного и классового достоинства, опирающегося на сознание силы рабочего движения, лишает патернализм какой-либо реальной почвы. На данное обстоятельство прямо ссылаются буржуазные критики патернализма.

К пересмотру патерналистских методов буржуазию толкают и технико-экономические потребности крупного

капиталистического производства. Гигантское расширение размеров предприятий, усложнение и удорожание производственной техники, переход к автоматизации — все это затрудняет строго централизованное техническое руководство, повышает значение инициативы работника, его способности самостоятельно реагировать на непредвиденные ситуации, его добросовестного отношения к труду, чувства ответственности. Подобные качества «человеческого фактора» производства становятся необходимым условием его бесперебойного функционирования и рентабельности, а эта объективная необходимость делает все более сомнительной организацию предприятия, предполагающую всеохватывающую власть дирекции и абсолютную пассивную подчиненность ей рядовых трудящихся⁶. Между тем в условиях крупного производства традиционный патернализм «обслуживает» и укрепляет именно такой тип организации.

Все эти «недостатки» патернализма и вообще установившейся организации трудовых отношений и была призвана исправить политика «человеческих отношений в промышленности».

«Человеческие отношения» рассматриваются как одно из решающих средств психологического приобщения рабочих к целям капиталистического предприятия и вместе с тем их идейного подчинения ценностям, нормам и идеалам «глобального» буржуазного общества. Этим обусловлены и специфические методы «человеческих отношений»: они (в отличие, например, от тейлоризма или патернализма) базируются не на материальном стимулировании, не на подкупе как таковом, а на «моральной зарплате», «психологической и социальной валоризации функций рабочего на предприятии», демонстрации внимания, уважения к нему со стороны предприятия. Именно апелляция к глубинным моральным потребностям трудящихся, к их чувству собственного достоинства определяет специфическую роль «человеческих отношений» в системе буржуазного идеологического воздействия.

Значительное место в системе «человеческих отношений» занимают меры, стимулирующие творческую ини-

⁶ J. Giraud. Les relations humaines.— «Economie et politique», 1962, № 96, p. 66.

циативу трудящихся. Так, на соответствующих предприятиях всячески поощряются рационализаторские предложения рабочих, систематически проводятся профессиональные конкурсы. Все это дополняется переводом «лучших рабочих» на месячную зарплату, рассматриваемую не только как материальное вознаграждение, но и как символ «социального престижа».

Политика «человеческих отношений» широко эксплуатирует интеллектуальные, в особенности технические интересы трудящихся, их растущую потребность в знании производственного процесса, в творческом труде и самостоятельной сознательной трудовой деятельности, необходимой для утверждения и развития личности, их стихийный протест против роботизации и обезличивания труда. Она стремится внушить рабочим, что на предприятии они являются полноправными участниками «общего дела», не в меньшей мере, чем собственник и директор, заинтересованными в его производственных результатах. Идеология «общности интересов» и «сотрудничества» призвана стимулировать их трудовую активность и вместе с тем размыть психологические основы протеста против политики дирекции, обеспечить ее абсолютную власть. Подрыв влияния классовых рабочих организаций является поэтому одной из наиболее существенных задач «человеческих отношений» и в то же время решающим критерием их успеха.

Во Франции, так же как ранее в США, «человеческие отношения» с самого начала приобрели явно выраженную антипрофсоюзную направленность. Но как раз в этом решающем пункте они потерпели сокрушительное поражение, в большинстве случаев обусловившее провал всей политики в целом. Опыт применения «человеческих отношений» и «неопатернализма» на французских предприятиях показывает, что существование боевых классовых профсоюзов воздвигает непреодолимые препятствия на пути «новейших» изошренных методов предпринимательской социальной политики⁷. Во Франции наиболее влиятельные профсоюзные организации — и в первую

⁷ Соответствующие конкретные данные см. в нашем очерке «Две встречи с рабочей Францией» («Новое время», 1966, № 20), а также Ch. Belleville. La nouvelle classe ouvrière. Paris, 1963, p. 77—86, 173—182.

очередь стоящие на позициях классовой борьбы профсоюзы ВКТ — являются важнейшим фактором идеологической борьбы на предприятии. Громадную роль в ней играет идеологическая работа компартии — деятельность ячеек ФКП на предприятиях, работа коммунистов в организациях ВКТ во многом определяет плачевный исход социально-демагогических ухищрений предпринимательской политики

Соппротивление, оказанное «человеческим отношениям» рабочими организациями, несомненно, нашло широкую опору в настроениях самих трудящихся. Традиционная антикапиталистическая идеология, глубоко укоренившаяся в сознании французских рабочих, крайне затрудняет даже самые «безобидные» внешне способы классового сотрудничества. По признанию президента крупной промышленной компании, «рабочий принципиально не доверяет тому, что может ему обещать патрон»⁸. Один из ораторов на конференции по «человеческим отношениям» в Кане рассказывал о рабочих, «для которых хозяева организовали курсы, чтобы воспитать у них способность участвовать в предприятии. Из этого ничего не получилось, ибо товарищи этих рабочих сочли их ренегатами»⁹. Так же оценивалось в рабочей среде поведение членов профсоюзов «Форс увриер» и ФКХТ, участвовавших в курсах по «человеческим отношениям». В этих условиях на подобные курсы удастся привлекать в основном лишь людей, имеющих репутацию «подлипал» и не пользующихся авторитетом в рабочей среде¹⁰.

Политика «человеческих отношений», несомненно, потерпела неудачу в достижении своих генеральных целей: «тотальной» перестройки общественной психологии рабочего класса, разрушения основ его антикапиталистического классового сознания. Тем не менее было бы неверным отрицать ее значение как одного из существенных факторов идеологической борьбы на предприятии. «Мода» на «человеческие отношения» сыграла немаловажную роль в развитии социальной тактики пред-

⁸ G. Sarrouy. Le perfectionnement du personnel dans les entreprises en France. Paris, 1965, p. 174.

⁹ «Journées d'études sur les Relations Humaines...», p. 36.

¹⁰ G. Sarrouy. Op. cit., p. 174.

принимателей, привлекла их внимание к психологическим аспектам социальной и производственной жизни предприятия. Опыт «человеческих отношений» значительно обогатил и усовершенствовал арсенал методов, применяемых «политикой персонала», бывая «кустарщина» во многих случаях уступила место широкому использованию психологической науки в целях стимулирования трудовой активности и идеологического воздействия. Дипломированный психолог на посту шефа персонала стал довольно обычной фигурой на крупных предприятиях.

Руководители капиталистической промышленности, несомненно, сумели извлечь рациональное зерно и из концепций «малых групп» и «морального лидерства», и из рекомендации учитывать моральные потребности рабочего. На многих предприятиях, особенно крупных, немало делается для того, чтобы устранить или смягчить наиболее грубые внешние проявления социального неравенства и принуждения, внедрить вежливость в обращении начальства с рабочими, научить мастеров и бригадиров выказывать внимание и доброжелательство к своим подчиненным.

Д. Моте следующим образом описывает «закон вежливости», принятый на заводах Рено. «Быть вежливым — не значит удовлетворять требования трудящихся и профсоюзов, но значит отказывать им вежливо, угнетать и преследовать их с улыбкой и сожалением, умерять упреки или даже искоренить ругань, целиком сохраняя систему наказаний... Каждое утро в начале работы шефы обходят рабочих, чтобы пожать руку каждому... В дирекции человек, увольняющий вас с завода, протягивает вам руку, как хороший товарищ, оказывающий вам услугу». Другой закон, действующий на заводе, — «обсуждение» приказов: «Существует масса приемов обсуждения приказа на собрании, последнему не дают никакой власти изменить приказ, но внушают иллюзию, что оно такой властью обладает»¹¹.

На практике все эти аспекты политики персонала обычно сопутствуют иным способам психологического воздействия, выступают, так сказать, в комплексе с современными системами зарплаты, обещанием перспективы

¹¹ D. M o t h é. Militant chez Renault. Paris, 1965, p. 32—40.

«продвижения», патерналистскими подачками и т. п. Поэтому довольно трудно установить степень влияния на рабочих подобных чисто «моральных» мер. Тем не менее в определенных ситуациях такое влияние несомненно. Автор этой работы имел случай беседовать с работницами крупного радиотехнического завода фирмы «Филиппс» в департаменте Эр и Луара. Темп их труда намного выше, чем на других предприятиях данного района, зарплата невелика. Однако они не высказывали особой неудовлетворенности своей работой, их воля к коллективной защите своих интересов в значительной мере подавлена. Во многом это объясняется тем, что тяготы их положения затеняются и компенсируются в их сознании «хорошим отношением» администрации: мастера, по словам работниц, вежливо обращаются с ними, «не придираются зря». В данном случае, конечно, сказались особенности рабочего коллектива предприятия: сельское происхождение большинства работниц, их низкая квалификация, отсутствие у них какого бы то ни было опыта организованной борьбы (на заводе нет профсоюза).

В подобных ситуациях вообще трудно говорить об идеологической борьбе внутри предприятия: буржуазная идеология не имеет здесь сколько-нибудь организованного противника.

Все сказанное не означает, что воздействие буржуазной идеологии остается вовсе бесследным и в иных, более благоприятных для развития классового сознания рабочих условиях. К тому же капитализм вполне способен извлекать уроки из опыта своих поражений в идеологической борьбе. Во Франции сокрушительный провал социальной политики государственно-монополистического капитализма, ознаменовавшийся кризисом мая — июня 1968 г., побудил правящие круги к новому пересмотру методов своего идеологического воздействия на рабочий класс. На сей раз речь идет уже о «революции в сфере положения и достоинства рабочих», о «замене» капитализма «обществом участия»!

За этими широковещательными и радикальными формулами кроется намерение использовать государственное вмешательство для такой реформы индустриальных отношений, которая позволила бы с большей решительностью и последовательностью осуществить курс, намеченный предшествующей политикой. Идеологию и прак-

тику классового сотрудничества теперь собираются подкрепить такими мерами, как закреплённое законодательно «участие трудящихся в доходах предприятия», предоставление им информации о его делах, участие их выборных представителей в советах фирм. Иначе говоря, предпринимается новая и более интенсивная, чем когда-либо раньше, попытка использовать социальные и моральные проблемы, волнующие широкие массы, для интеграции рабочего класса «в систему», навязать им устраивающие капитализм понимание и «решение» этих проблем. Данный факт свидетельствует, очевидно, о том, что вопросы социального положения и прав трудящихся в производственной организации становятся осью идеологической борьбы на предприятии. Эта ситуация ставит новые ответственные задачи перед рабочим движением.

ФАКТОРЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ

Сколько-нибудь широкое влияние классовой пролетарской идеологии, разумеется, невозможно без существования массовых рабочих организаций. Психологическая основа этого влияния — сознание рабочими своей социальной принадлежности, специфичности интересов своей социальной группы, необходимости защищающей их коллективной организации. Для рабочего, обладающего таким сознанием, идеология его организации становится естественным средством выразить и осознать свои интересы.

В конце 1966 г. группа французских марксистов провела социально-психологическое исследование политических взглядов различных категорий населения.

Полученные данные свидетельствуют о том, что большинство (53%) рабочих считают Коммунистическую партию партией, выражающей интересы рабочего класса. Тот же взгляд широко распространён и в других слоях населения (его придерживается 41% всех опрошенных)¹².

Глубоко запечатлевшееся в массовом сознании представление о компартии как «партии рабочих», несомненно, является важнейшей социально-психологической

¹² «Cahiers du communisme», 1968, № 1, p. 37.

предпосылкой ее политического и идеологического влияния в рабочем классе. По данным того же исследования, 35% французских рабочих намеревались голосовать за ФКП и 30% считали, что их интересам соответствует установление «коммунистического режима» в стране¹³. Очевидно, подавляющее большинство рабочих — сторонников политики компартии — сознательно разделяют важнейшие положения ее идеологии (ниспровержение капитализма, построение социалистического и коммунистического общества).

Одним из важнейших источников массового влияния социалистической идеологии является в современных условиях пример мирового социализма. Высказывания рабочих, приведенные в гл. 8, показывают, какое глубокое впечатление производят на них такие стороны жизни социалистического общества, как отсутствие социальных барьеров между рабочим классом и другими группами, доступность трудящимся образования и культуры, возможности роста, открытые перед ними во всех областях. По-видимому, эти аспекты социалистического примера приобретают для многих рабочих большую психологическую значимость, чем уровень экономического развития, достигнутый социализмом в той или другой конкретной сфере. Самым важным в социализме для них является его классовая сущность, то, что он подчиняет развитие общества интересам трудящихся. В подобном восприятии, очевидно, сказываются те сдвиги в кругозоре и мировоззрении рабочих, в их потребностях и социальных ожиданиях, о которых шла речь в настоящей работе.

Разумеется, влияние классовой идеологии, так же как и влияние мирового социализма, не распространяется автоматически, оно реализуется в процессе напряженной идеологической борьбы. С этим в значительной мере связана неоднородность идейного облика рабочего класса, те глубокие различия, которые обнаруживаются в идеологических позициях рабочего. Так, 38% рабочих, опрошенных в 1966 г., считают, что их положение не изменится в результате установления «коммунистического режима», 16% полагают, что оно даже ухудшится. 28% рабочих заявили, что они ни в каком случае не стали бы

¹³ «Cahiers du communisme», 1968, № 1, p. 42.

голосовать за коммунистическую партию¹⁴. Распространенность подобных взглядов в рабочей среде — продукт идеологической борьбы, того сопротивления, которое оказывают идеологии рабочего класса буржуазная пропаганда, традиции, представления, нормы — словом, вся идеологическая атмосфера буржуазного общества.

Идеологические взгляды и убеждения человека формируются в результате взаимодействия «внешних» идейных влияний с его «обыденным сознанием», т. е. с общественными представлениями, почерпнутыми им из собственного опыта. Поскольку же этот опыт обусловлен объективным положением каждого человека, различия в идеологии рабочих, очевидно, могут быть объяснены лишь в связи с различиями в их объективном положении и жизненном опыте. Для изучения этих вопросов несомненный интерес представляют социально-психологические исследования, проведенные на отдельных предприятиях и в промышленных районах. Они позволяют более конкретно представить механизм идеологической борьбы, объективные и психологические корни влияния противоборствующих идеологий.

Обратимся к уже упоминавшемуся обследованию социальных отношений на предприятии «Жермен». Речь идет в данном случае об «авангардном» по своему производственному профилю и социальной политике предприятии. Здесь выпускается несерийное электротехническое оборудование, преобладают квалифицированные рабочие. В 50-х годах на «Жермен» широко внедрялись «человеческие отношения», был достигнут довольно высокий уровень зарплаты (максимальный для металлообрабатывающей промышленности), но все это, как и во многих других случаях, мало помогло установлению «социального мира». Интенсивное стачечное движение, широкое влияние боевых профсоюзов характеризуют обстановку на предприятии во второй половине 50-х годов.

Сопоставляя ответы рабочих на различные вопросы анкеты, О. Бенуа и М. Морис смогли выделить две резко различающихся в идеологическом отношении группы. Первая группа, составляющая большинство (59%), целиком принимает нормы и ценности «традиционной

¹⁴ «Cahiers du communisme», 1968, № 1, p. 39, 42

французской профсоюзной идеологии» (т. е., прежде всего, антикапитализм и классовую борьбу), вторая (7%) — столь же систематически их отвергает. Для первой группы в общем характерно отрицательное, для второй — положительное отношение к политике дирекции.

Из приведенных в табл. 16 данных становится ясно, что даже положительная реакция рабочего на те или иные элементы социальной политики предприятия совсем не обязательно ведет к конформистской перестройке его сознания. Значительная часть рабочих «Жермен» одобряла «новый стиль» поведения мастеров или верила в объективность «премии за производительность». Но такие позиции лишь относительно редко совпадали с идеологическим и моральным подчинением дирекции, с принятием исходящих от нее норм и оценок. Люди, настроенные действительно конформистски, составляли лишь незначительное меньшинство (7—11%) рабочего персонала предприятия.

Особый интерес представляют данные о влиянии на рабочих системы информации на предприятии. Этот аспект «человеческих отношений» получил на «Жермен» весьма широкое развитие. Кроме журнала предприятия и периодических бюллетеней, дирекция выпускала афиши, листовки, публиковала расчеты премий и отчеты о заседаниях комиссии по премии. Все эти меры, несомненно, возбудили интерес трудящихся к производственной и особенно экономической жизни предприятия. 63% опрошенных рабочих заявили, что их интересуют дела предприятия, а 69% — что они хотели бы иметь бóльшую информацию об этих делах. 44% — мало- и неквалифицированных рабочих и 63% рабочих высокой квалификации оценили информацию на предприятии как недостаточную¹⁵. Вместо ожидаемого результата — роста доверия к дирекции — ее усилия в данной области обострили потребность рабочих в более полной и объективной информации о делах предприятия и стали, таким образом, дополнительным источником протеста. Вместе с тем они вызвали рост интереса к информации, предоставляемой профсоюзами¹⁶.

¹⁵ O. Benoit, M. Maurice. *Op. cit.*, p. 168—183, 243.

¹⁶ *Ibid.*, p. 344, 357.

Таблица 16

Ответы рабочих предприятия «Жермен» на вопросы анкеты *

Вопрос	«Классовые» ответы	Про- цент к числу опро- шенных	Конформистские и индивидуалисти- ческие ответы	Про- цент к числу опро- шенных
Общие позиции по отношению к профсоюзам и дирекции	Положительное отношение к профсоюзам, отрицательное к дирекции	59	Положительное отношение к дирекции, отрицательное к профсоюзам ¹	7
Противоположны ли стремления хозяев и трудящихся?	Противоположны в большой мере	34	Противоположны лишь частично	36
	Противоположны целиком	23		
Причины промышленных конфликтов	Необходимость для трудящихся вынудить хозяев к уступкам	45	Несоответствие требований профсоюзов финансовым возможностям предприятий	11
	Капиталистический строй	34		
	Социальная и экономическая политика правительства	59		
Интерес к деятельности профсоюзов	Очень или «достаточно» интересуются	61	Не очень или совсем не интересуются	39
Наиболее эффективное средство улучшить свое положение	Коллективная организация	79	«Выкручиваться самому»	14
От чего зависит размер премий за производительность?	От произвольного решения дирекции	55	От труда рабочих	37
Легко ли достичь взаимопонимания с мастером?	Нет	67	Да	32
Справедливы ли мастера?	Нет	27	Да	27

* Составлена по материалам O. Benoit, M. Maurice. Les relations entre direction et salariés. Paris, 1960,

В общем подавляющее большинство рабочих «Жермен» враждебно предпринимательской власти (в целом 89% опрошенных высказали отрицательное отношение к дирекции), сознает необходимость классовой организации и классовой борьбы, связывает эту необходимость с существующей общественной и политической системой, направленной против интересов рабочих. Социальные представления, восходящие к традиционной пролетарской идеологии, подкрепленные опытом отношений на предприятии и деятельностью классовых организаций, являются весьма прочным элементом их сознания.

Однако это большинство идеологически не вполне однородно. Если 89% опрошенных отрицательно воспринимают власть дирекции, то лишь 59% положительно относятся к профсоюзам, 61% серьезно интересуется их деятельностью и 57% полагают, что существует коренная противоположность интересов капиталистов и рабочих. Таким образом, наряду с людьми, последовательно разделяющими антикапиталистическую идеологию, и конформистским меньшинством мы обнаруживаем некую промежуточную группу, составляющую примерно треть всего рабочего персонала «Жермен».

Каковы же причины идеологических различий внутри рабочего коллектива предприятия? В поисках ответа на этот вопрос О. Бенуа попыталась выявить связи между положением рабочих на предприятии и их идеологическими позициями¹⁷. В качестве критерия положения рабочих она избрала соотношение между их вознаграждением (зарплата плюс надбавки и льготы, причитающиеся за стаж) и объективным положением на рынке труда, определяемым их возрастом и уровнем профессионального образования (пожилому или менее образованному рабочему труднее найти работу без снижения зарплаты на другом предприятии).

Среди рабочих, получающих высокое вознаграждение от предприятия, но не имеющих шансов устроиться на тех же условиях в другом месте, оказалось меньше всего активных участников стачек, сторонников классовой

¹⁷ O. Benoit. Statut dans l'entreprise et attitudes syndicales des ouvriers. In: «Le vocabulaire des sciences sociales». Paris — La Haye, 1965, p. 135—147.

организации¹⁸ и людей, признающих глубокий характер антагонизма между предпринимателями и трудящимися. Лучше образованные и более молодые рабочие чаще других участвуют в стачках, если они получают низкое вознаграждение. Высокооплачиваемые и обладающие хорошим положением на рынке труда являются наиболее активными сторонниками классовой организации и чаще других видят причину социальных конфликтов в капиталистических общественных отношениях.

Влияние положения рабочих на их идеологические позиции во многом определяется, таким образом, объективным соотношением сил между каждой конкретной группой трудящихся и хозяевами производства. Наибольшую восприимчивость к исходящим от капиталистической дирекции идеологическим нормам проявляют рабочие, чье относительно привилегированное положение на предприятии зависит не столько от их профессиональных качеств, сколько от воли «начальства». Предоставляемое им материальное и моральное (знаки «уважения» в соответствии с рецептами «человеческих отношений») вознаграждение они более склонны ощущать как проявление «доброй воли» дирекции, чем как вынужденное признание ею их роли в производстве. Именно такие трудящиеся объективно особенно зависимы от предприятия, от оценки «шефов», легче других поддаются подкупу, именно из их числа «власть имущие» чаще всего вербуют свою агентуру и базу в рабочей среде.

На другом предприятии — комбинате Шелл-Берр — патерналистская политика компании оказывает, по свидетельствам профсоюзных активистов, наиболее сильное влияние на малоквалифицированных трудящихся, зарабатывающих иной раз вдвое больше высококвалифицированных рабочих соседних заводов. Таких рабочих часто выдвигают в мастера: несоответствие между реальной квалификацией мастера и его материальным и «иерархическим» положением на предприятии надежнее, чем что-либо другое, обеспечивает его «преданность», превращает его психологически в верного слугу предпринимателя¹⁹.

¹⁸ Люди, высказавшие точку зрения, что для улучшения положения трудящихся на предприятии необходима их организация.

¹⁹ Такое мнение высказывали в беседах с автором профсоюзные работники различных отраслей промышленности и промышленных районов.

Подобные факты, очевидно, очень важны для понимания социальной природы идеологического расслоения в рабочем классе, в особенности современного содержания понятия «рабочая аристократия».

Существование внутри современного рабочего класса определенной группы, выступающей в качестве носительницы буржуазной идеологии, несомненно. Как и в начале XX в., основным методом формирования этой группы остается подкуп. Однако, учитывая происшедшие за последние десятилетия изменения в материальном положении и других аспектах жизни пролетариата, было бы неправильно отождествлять подкуп вообще с любой высокой зарплатой и другими материальными и социальными «привилегиями». В нынешних условиях те или иные «преимущества», которыми пользуются различные группы рабочего класса, — сплошь и рядом следствие объективных потребностей научно-технического прогресса, экономической конъюнктуры и изменившегося соотношения классовых сил. О подкупе как о социальном явлении, видимо, можно говорить лишь в тех случаях, когда мы имеем дело с сознательными попытками буржуазного идеологического «перевоспитания» рабочих, с расходами, которые специально ассигнуются на эти цели (хотя на практике, конечно, не всегда легко отличить, например, надбавки к зарплате, выражающие вынужденное отступление капиталиста, от аванса за «верность» и «хорошее поведение»).

На современных крупных процветающих предприятиях объектом подкупа являются не только верхние (т. е. наиболее квалифицированные) слои рабочих — его пытаются осуществлять «на всю глубину» рабочего коллектива. Попытки эти могут быть более или менее успешными в зависимости от конкретной ситуации. Но при всех условиях подкупить легче тех трудящихся, которые в силу различных обстоятельств, в частности своего объективного положения в производстве, менее всего способны вынудить к чему-либо капиталиста, склонны более полагаться на подачки сверху, чем на свои собственные силы в борьбе с хозяевами. Именно такие люди образуют надежную и прочную опору предпринимательской власти внутри рабочего коллектива, именно они выполняют социальную функцию старой рабочей аристократии.

Рабочие, обладающие некоторыми возможностями давления на предпринимателя (квалификация, хорошее положение на рынке труда и т. д.), психологически более готовы «померяться силами» с капиталистом — особенно если их положение на предприятии явно не соответствует в их глазах их знаниям и роли в производстве. Но и добиваясь более высокого материального и «морального» вознаграждения, они воспринимают его прежде всего как результат определенного соотношения социальных сил. «Дирекция боится массы, которая стоит за делегатами», — сказал один из рабочих, объясняя, почему удовлетворяются требования трудящихся; «Дирекция не уступает ни в чем, если ее к этому не вынуждают», — заявил другой²⁰. Естественно, что такие рабочие видят причину социальных конфликтов на предприятии в характере общественного строя, противопоставляющего экономическую власть интересам трудящихся, и рассматривают классовую организацию как необходимое средство борьбы с этой властью.

Неопатерналистская политика оказывается наиболее эффективной, когда она имеет дело с трудящимися, не видящими возможностей успешной борьбы за свои интересы. На одной из кондитерских фабрик парижского района, описанной социологом Р. Сэнсолье, дирекция старается «привязать» рабочего к предприятию путем личных льгот — начальники цехов выказывают внимание к подчиненным, тому или иному рабочему время от времени повышают зарплату или поручают более ответственную работу. В отношении малоквалифицированных рабочих, занятых обслуживанием автоматического оборудования, эта политика вполне удается: так, когда они однажды единогласно решили отказаться от работы в праздничный день, заведующий цехом без особого труда переубедил их. Эти рабочие поддерживают профсоюз, проводящий «политику компромисса с дирекцией», некоторые из них, за тот же труд получающие большую, чем другие, зарплату, представляют дирекции еженедельные отчеты о событиях в цехе. Зато совершенно иначе ведут себя квалифицированные рабочие службы оборудова-

²⁰ O. Benoit, M. Maurice. Op. cit., p. 304, 307.

ния — они активно борются за свои требования, поддерживают другой, боевой профсоюз²¹.

Изложенные наблюдения делают более понятным тот неоднократно отмечавшийся факт, что рабочие, получающие относительно высокую зарплату, образуют наиболее прочную базу массового влияния Коммунистической партии, а влияние буржуазных партий легче всего распространяется в наименее обеспеченных группах рабочего класса²².

Высокая зарплата в большинстве случаев является результатом благоприятного для рабочего класса соотношения социальных сил.

Место рабочего в производстве, его профессиональная подготовка и индивидуальное положение на предприятии, разумеется, далеко не единственная группа факторов, влияющих на его идеологические позиции. Громадное значение имеет социальное происхождение рабочего. Меньшая восприимчивость рабочих, относительно недавно вышедших из крестьянской или мелкобуржуазной среды, к пролетарским идеологическим нормам — факт, достаточно широко известный и многократно описанный в литературе²³.

Но и в группах рабочего класса, более или менее однородных по своему происхождению, размерам вознаграждения и положению на предприятии, мы обнаруживаем значительные идеологические различия. В этом отношении показательно социально-психологическое исследование, проведенное Л. Карпиком. В состав изучавшейся им группы вошли малоквалифицированные рабочие-мужчины сельского происхождения, в возрасте 25—35 лет, работающие на крупных предприятиях сходного типа, выполняющие монотонный «измельченный» труд и получающие невысокую зарплату. Часть из них живет в крупном промышленном городе, имеющем богатые традиции социально-политической борьбы, центре

²¹ R. Sainsaulieu. Pouvoirs et stratégies de groupes ouvriers dans l'atelier. «Sociologie du travail», 1965, № 2, p. 168—169.

²² См., например, M. Simon. Attitudes politiques ouvrières dans le département du Nord.—«Cahiers internationaux de Sociologie», 1964; «Cahiers du communisme», 1967, № 12, p. 67.

²³ A. Touraine, O. Ragazzi. Ouvriers d'origine agricole. Paris, 1961.

деятельности сильных партийных и профессиональных рабочих организаций. Место жизни и работы других — средний город, в котором отсутствует потомственный пролетариат и рабочие, сосредоточенные на единственном, недавно основанном крупном предприятии, не имеют опыта классовых выступлений. И, наконец, еще одна часть опрошенных живет в сельской местности, — работая в городе, они не порвали окончательно связи с деревней.

В результате обследования выяснилось, что рабочие — сельские жители не испытывают особой неудовлетворенности размером зарплаты и отличаются от остальных невыраженностью протеста против отношений, установившихся на предприятиях. Рабочие среднего города менее удовлетворены зарплатой, но дальше этого их требования не идут, в целом для них характерен своего рода «комплекс зависимости» от дирекции. Рабочие большого города — самые боевые: они протестуют и против низкой зарплаты, и против предпринимательской власти; их требования в наибольшей мере пронизаны стремлением к демократизации отношений на предприятии²⁴. Очевидно, эта последняя группа больше других восприимчива к антикапиталистической классовой идеологии.

Наблюдения Карпика иллюстрируют ту роль, которую играет в идеологическом развитии рабочего характер его социальных связей, «человеческая среда», непосредственно окружающая его на производстве и вне его. От особенностей этой среды зависит, в частности, возможность «передачи» каждому данному рабочему пролетарских идеологических традиций, общественно-политического опыта рабочего класса. Как мы уже неоднократно имели случай убедиться, одни и те же материальные условия существования вызывают в рабочей среде неоднородные реакции; их характер определяется в значительной мере социальными связями рабочих, опосредствующими влияние этих условий. Чем дальше отстоит рабочий от тех групп своего класса, которые аккумулируют классовый опыт и классовую идеологию, тем труднее ему освободиться от влияния представлений, порожденных

²⁴ L. Karpik. Urbanisation et satisfaction du travail. — «Sociologie du travail», 1966, № 2, p. 179—204.

его зависимым положением в существующей общественной системе, от ограниченности требований и стремлений, от ощущения своей слабости перед лицом власти имущих.

До сих пор предметом нашего анализа — как в настоящей, так и в предшествующих главах данной работы — были объективные исторические, экономические, социальные корни различных идейно-психологических ориентаций, существующих внутри рабочего класса. Мы видели, что рабочий может быть более или менее восприимчив к последовательно антикапиталистической, реформистской либо буржуазной идеологии в зависимости от своего социального происхождения, прошлого и настоящего положения в производстве, квалификации, общего культурного и интеллектуального развития, наконец, от традиций той социальной среды, которая его непосредственно окружает. От совокупного действия всех этих факторов зависит представление рабочего о соотношении сил между его классом и капиталистами, о возможностях и путях улучшения собственного положения. Это представление играет ведущую роль в ориентации его сознания, оно может выработать в нем моральную покорность существующему порядку вещей, индивидуалистическое желание как-то приспособиться к нему либо, напротив, более или менее последовательную оппозиционность господствующим отношениям.

Таким образом, оно формирует глубинную психологическую основу его идеологического «выбора».

Разумеется, на практике существуют многочисленные варианты индивидуальной психологии, в той или иной степени противоречиво сочетающие противоположные идейно-психологические тенденции, однако система общественных воззрений любого рабочего так или иначе колеблется между двумя названными полюсами. В целом можно утверждать, что эта система представляет собой отражение объективных условий жизни рабочего, его собственного жизненного опыта и вместе с тем тех сторон группового и классового опыта, восприятие которых более доступно рабочему в силу особенностей его индивидуальной биографии.

И все же одни лишь объективные обстоятельства «жизненной обстановки» рабочих не могут полностью

объяснить их идеологических позиций. Материал конкретных социологических исследований неизменно убеждает в том, что зависимость типа сознания от определенных условий жизни выражается лишь в виде тенденции, но отнюдь не в некоей автоматической, не знающей исключений закономерности (табл. 17).

Таблица 17

Позиции и взгляды рабочих «Жермен» в зависимости от их положения на предприятии (в % к численности каждой группы) *

	Высокое вознаграждение + плохое положение на рынке труда	Низкое вознаграждение + хорошее положение на рынке труда
Часто участвуют в стачках . . .	24	48
Считают необходимой классовую организацию трудящихся	63	82
Полагают, что нельзя объяснить социальные конфликты на предприятии завышенными требованиями профсоюзов	37	64

O. Benoit. Op. cit., p. 145.

Конечно, среди малоквалифицированных и немолодых рабочих, подкупаемых высокой зарплатой, больше, чем в другой группе, людей, не желающих участвовать в стачках, сомневающих в необходимости профсоюза и верящих в утверждения предпринимательской пропаганды. Но значительная часть первой группы ведет себя иначе, разделяет противоположные, классовые убеждения. Точно так же среди рабочих второй группы, в целом отличающейся большей последовательностью классовых взглядов и поведения, немало людей пассивных или не разделяющих некоторые основные классовые идеологические нормы. На данном примере отчетливо видна ограниченность и приблизительность социологического объяснения идейно-психологических явлений.

Чем же дополнить это объяснение? Здесь мы сталкиваемся со старой и чрезвычайно сложной проблемой ин-

дивидуальных психологических различий, с невозможностью полностью свести их к различиям в объективных условиях жизни и опыте личности. Раскрытие этой тайны, материалистическое познание источников неповторимости идейно-психического склада человека, очевидно, возможны лишь на основе диалектического понимания самой объективной действительности и отражающего ее индивидуального опыта. Эта действительность, этот опыт внутренне противоречивы, они допускают различные, нередко противоположные «толкования» и абсолютное доказательство истинности одного толкования и ложности другого обычно дается лишь очень длительной общественно-исторической практикой. Шарообразность Земли, как известно, далеко не всегда была бесспорной. Поскольку же общество куда изменчивее природы, испытываясь доказать или опровергнуть общественные представления гораздо сложнее, чем представления естественно-исторические. Но покуда сама человеческая практика не «предъявила» таких доказательств, каждый отдельный человек всегда рискует запутаться в противоречиях реальной жизни, принять миф за правду, закономерное за случайное, тупик за лучшую дорогу к цели.

Определенный общественный, человеческий опыт не толкает с железной необходимостью к столь же определенным ориентациям, взглядам, представлениям. В силу своей противоречивости, «разорванности», неоднородности он может по-разному влиять на поведение и психологию личности. Процесс трансформации опыта в четкие взгляды и убеждения предполагает его обобщение, его «организацию» сознанием. И вот здесь, в работе по осмыслению опыта громадную роль играет идеология. Именно идеологические системы позволяют преобразовать хаос разнородных стихийно возникающих социальных эмоций, представлений, ощущений в нечто цельное и последовательное.

Однако, чтобы выполнить эту роль, идеология должна удовлетворять известным требованиям. В условиях же острой борьбы между противоположными идеологиями их собственные внутренние «качества» приобретают особенно большое значение в процессе формирования идейной ориентации людей, постоянно подталкиваемых к сравнительной оценке, сопоставлению противоборствующих представлений и взглядов.

Разбирая материалы обследования предприятия «Жермен», мы отметили существование внутри рабочего коллектива «промежуточной» в идеологическом отношении группы. Речь идет о рабочих, которые отнюдь не убедились в добрых намерениях данного капиталиста (дирекции) и готовы бороться с ним за свои интересы, понимают необходимость коллективной организации, участвуют в стачках. Однако они воспринимают классовые противоречия не как нечто, неизбежно присущее данной общественной системе, но как зло, устранимое при условии доброй воли обеих сторон. Один из них сказал: «Рабочий хочет заработать на жизнь, патрон тоже, ...у них общий интерес: если завод работает хуже, оба от этого страдают, значит они могут сойтись и попытаться сотрудничать, но они этого не делают»²⁵. Пропаганда «общности» интересов, подкрепленная социальной политикой предприятия («привязывание» зарплаты к производственным результатам, «человеческие отношения»), очевидно, сыграла какую-то роль в развитии подобных взглядов. Но вместе с тем, они — результат психологического процесса сопоставления противоположных идеологических норм. Какими же критериями руководствуется сознание при этом сопоставлении?

Как выясняется из материалов обследования, восприимчивость данной группы рабочих к идеологии «классового примирения» тесно связана с критическим или недоверчивым отношением к существующим классовым организациям. По их мнению, профсоюзы «слабы», «неэффективны», «дирекция делает, что хочет», «профсоюзы мало что могут». Создается впечатление, что неверие в силы и возможности классовых организаций непосредственно сказывается на идейном облике этих рабочих, ослабляет влияние на них пролетарской идеологии.

Подобные представления, очевидно, тоже не могли возникнуть на пустом месте. В какой-то мере они объясняются тем, что в годы, предшествовавшие обследованию, организованная борьба трудящихся «Жермен» за удовлетворение своих требований проходила с переменным успехом. В 1955 г. в результате стачечных выступлений профсоюзам удалось добиться повышения зарпла-

²⁵ O. Benoit, M. Maurice. Op. cit., p. 324.

ты. На следующий год стачка, начавшаяся в связи с возобновлением коллективного договора, окончилась неудачно: дирекция ответила локаутом и увольнением нескольких профсоюзных делегатов, а требования профсоюзов о новом повышении зарплаты в связи с увеличением стоимости жизни не было удовлетворено. В результате они подписали тот текст коллективного договора, на котором настаивала дирекция. Стаечная борьба 1957 г. принесла профсоюзам некоторый успех: они добились включения в колдоговор обязательства о минимальном ежегодном повышении зарплаты (на 2%) и некоторых других преимуществ. Однако ни в 1957 г., ни в 1958 г. им не удалось провести в жизнь требование о немедленном повышении зарплаты на 10%. К тому же не особенно успешным оказался опыт участия профсоюзов в комиссии по премиям (составляющим значительную часть зарплаты персонала) — они не смогли серьезно повлиять на порядок подсчета премий и ограничить произвол дирекции в данной области. Рабочие, представлявшие профсоюзы в комиссии, заявляли, что они не могут проверить, «соответствуют ли цифры реальности», или хотя бы поставить вопросы представителям дирекции («для этого надо пройти специальные курсы»). По мнению рабочих, дирекция в области премий «делает, что хочет». Опыт классовой борьбы на предприятии убедил большинство трудящихся в необходимости продолжать организованные действия, укрепил их доверие к профсоюзам, но какая-то часть восприняла тот же опыт как свидетельство их слабости перед лицом дирекции.

Подобные настроения особенно широко распространяются в массе в результате крупных поражений рабочего движения. У трудящихся, испытавших такие поражения, может сохраняться обостренное классовое чувство, сознание необходимости коллективной рабочей организации, но у них сплошь и рядом ослабевает готовность к активному участию в этой организации, восприимчивость к классовой идеологии в целом.

В ходе опроса, проведенного в 1959—1960 гг. среди текстильщиков Рубе-Туркуэна, 90% опрошенных высказали убеждение в необходимости профсоюзов, причем социологи были поражены энтузиазмом и теплотой, с какими рабочие говорили о роли коллективной организации и коллективной борьбы. «Что было бы с нами без проф-

союзной борьбы?»; «Профсоюз для нас все равно, что отец и мать»; «Надо быть членом профсоюза, чтобы иметь возможность защищаться» — подобные высказывания наглядно свидетельствуют о том, насколько прочно укоренились в сознании рабочих идеи пролетарской организованности и коллективизма.

Однако эти идеи не определяют целиком идеологический облик и поведение данной группы рабочих. Не сомневаясь в необходимости коллективной организации, большинство их (в том числе все те, чьи ответы мы только что цитировали) не состоят ни в каком профсоюзе. Это большинство идеологически и политически индифферентно, а некоторая часть даже привержена силам, враждебным рабочему движению. Лишь 27% опрошенных симпатизируют какой-либо партии, в том числе 6% — ФКП, 6% — социалистам, либо вообще «левым» и остальные 15% — буржуазным партиям²⁶.

Падение влияния рабочих классовых организаций было вызвано в данном случае тем положением, которое возникло вследствие кризиса текстильной промышленности и так называемой кампании производительности. Усиление эксплуатации и свое тяжелое материальное положение рабочие прямо связывали с тем, что «профсоюзы недостаточно информированы, недостаточно компетентны», объясняли падение интереса к их деятельности тем, что «они не защитили рабочих во время кампании производительности». Эти упреки адресовались прежде всего ФКХТ и «Форс увриер», проводившим с 1953 г. политику сотрудничества с предпринимателями в деле производительности: их называли «хозяйскими профсоюзами». Вместе с тем рабочие, осуждавшие оппортунистические профсоюзы, нередко одновременно критиковали местные организации ВКТ («у нас не было защиты от «производительности»: ВКТ заняла чисто негативную позицию, а затем устранилась») ²⁷.

²⁶ D. L a h a l l e. Problèmes du syndicalisme ouvrier. — «Revue française de sociologie», 1962, № 3, p. 153—166.

²⁷ Данные анкеты 1959—1960 гг. (D. L a h a l l e. Op. cit.). Генеральный секретарь Федерации текстильщиков ВКТ Обер отметил в беседе с автором, что в 1953 г. позиции ВКТ не были поддержаны трудящимися, но что они привели к положительным результатам в 1960 г., способствовав разрыву ФКХТ «соглашения о производительности».

Показательно, что аполитичность, характеризовавшая этих рабочих, в наибольшей степени была свойственна молодежи до 30 лет (лишь 12% этой возрастной группы симпатизировали какой-либо партии), т. е. тем, чьи взгляды сформировались в период, наиболее тяжелый для рабочего движения текстильных районов.

Там, где рабочие организации добиваются значительных успехов в борьбе за непосредственные требования трудящихся, как правило, упрочивается и расширяется влияние классовой идеологии. Выше уже приводился пример профсоюзной организации ВКТ комбината Шелл-Берр — под ее руководством развернулись действия, приведшие к сокращению рабочей недели без снижения зарплаты. В результате этот профсоюз приобрел поддержку абсолютного большинства трудящихся предприятия, а организованный дирекцией «независимый» профсоюз, проводивший политику классового сотрудничества, утратил всякое влияние. В период, ознаменовавшийся успехами этой наступательной тактики, в городе Берр от выборов к выборам росло число голосов, подаваемых за компартию (большую роль здесь сыграла также деятельность коммунистического муниципалитета). На парламентских выборах 1962 г., совпавших с первой внушительной победой в борьбе за сокращение рабочего времени, коммунисты получили в избирательном округе, включающем Берр, на 45% голосов больше, чем на предыдущих выборах²⁸.

Чем богаче опыт участия в классовых битвах и выигрыша этих битв, тем более боевой, последовательно классовый характер принимает отношение рабочего к проблемам, которые ставит перед ним жизнь, тем более велик для него авторитет боевого профсоюза, тем ближе становится ему революционная идеология компартии. Массовое влияние идеологии тесно связано, таким образом, с повседневной практической деятельностью представляющих и воплощающих ее организаций.

Связь эта существовала, разумеется, во все времена. Однако в современных условиях она стала более непосредственной и многосторонней.

Первые идеологии, выражавшие мечту угнетенных масс

²⁸ «Cahiers du communisme», 1962, № 12.

о свободе и справедливости, обычно не опирались на какой-либо опыт ее реального практического воплощения. Их роль ограничивалась разработкой общественных и моральных идеалов, наивно-утопических либо мистических целей, так или иначе соответствовавших инстинктивным устремлениям масс. И этого было достаточно, чтобы обеспечить им широкое влияние — массы воспринимали идеологию не разумом, но эмоционально, ища и находя в ней прежде всего отклик своим настроениям, своему протесту против существующего порядка вещей.

Эмоциональный элемент долгое время преобладал и в идеологических потребностях рабочей массы. Конечно, классово-сознательный пролетарий XIX в. уже не мог принять мистических, потусторонних решений волновавших его проблем. Но даже вполне разработанная социалистическая идеология первоначально опиралась на стихийное возмущение рабочих, на их чувство классовой солидарности, на свойственный им антисобственнический, коллективистский инстинкт.

Со временем положение изменилось. Разумеется, эмоциональное восприятие идеологии не может отмереть вовсе: оно составляло и, очевидно, всегда будет составлять существенную предпосылку ее массового влияния. Однако в современном капиталистическом обществе рядовой человек ищет в идеологии не столько средство выражения своих социальных эмоций, сколько обоснованную программу практического действия. Поскольку речь идет об идеологии рабочего класса, рост требований к ней объясняется прежде всего тем, что ее конкретные носители — политические, профессиональные и иные организации — превратились в мощную социально-политическую силу, приобрели реальное влияние в самых различных сферах общественной жизни. Прежде массовое сознание могло удовлетворяться идеологией, отрицающей то, что ему ненавистно, формулирующей идеалы и требования, которые отвечают его внутренним потребностям, обещающей, когда созреют соответствующие условия, добиться коренных изменений. Современное, более или менее осознанное отношение массы к представителям идеологии можно было бы выразить так: «Вы заседаете в парламенте (или в правительстве), вы руководите муниципалитетами, вы участвуете в различных государственных и «смешанных» органах, в комитетах

предприятий, вы подписываете трудовые соглашения, определяющие наше положение, — проведите же в жизнь ваши хорошие лозунги, добейтесь для нас большего, чем вы добились до сих пор».

Убедительность идеологии уже не измеряется только привлекательностью провозглашаемых ею целей и идеалов и даже не только внутренней логикой, аргументированностью разработанной ею программы практического действия. Ее «истинность» поверяется — и в растущей мере — опытом ее применения, реальными достижениями тех организаций, которые ее практически воплощают. На восприятии идеологии рабочей массой сказывается растущая в ее среде потребность в рациональном осмыслении действительности. Эта тенденция еще более повышает значение рациональной обоснованности, доказанной опытом действенности идеологических систем. Идеология все больше воспринимается как работающая уже сегодня система «цель — средства», и от субъективной оценки «надежности» этой системы, ее эффективности зависит степень и прочность ее влияния на массовое сознание.

Думается, что в таком восприятии идеологии — ключ к пониманию многих социально-психологических явлений современности. Различные идеологии завоевывают тем большее влияние, чем полнее удается им практически осуществить единство целей и средств общественно-политического действия; отход массы от той или иной идеологической системы либо поверхностный характер ее массового влияния обычно связаны с разрывом этого единства. Так, реформистская идеология может привлекать массы своим «реализмом», эффективностью повседневных «малых дел», но в то же время она отталкивает их своим пренебрежением к перспективе коренных преобразований, к конечным целям и идеалам рабочего класса своим беспринципным соглашательством с буржуазией. Притягательная сила революционной социалистической идеологии — в ее верности конечным целям, но ее принципы, представления и нормы тем полнее овладевают сознанием рабочего, чем больше реальных улучшений приносит ему их претворение в практику повседневной борьбы.

В ходе социально-психологического исследования, проведенного в 1966 г. группой французских маркси-

стов, участникам анкеты был задан вопрос: «В каком случае Коммунистическая партия получила бы более широкую поддержку среди людей вашего социального положения?» Наиболее многочисленными оказались ответы, выражавшие пожелания большей эффективности, «результативности» деятельности компартии («если бы она была более реалистичной», «более проницательной», «менее утопичной», «если бы она меньше занималась политикой и больше социальными делами», «если бы она действовала более успешно», «если бы лучше защищала рабочих», «если бы она была более сильной» и т. д.)²⁹. При всей неоднородности взглядов и уровней сознания, выразившихся в подобных пожеланиях, их общая направленность очевидна. Широкие слои трудящихся ожидают от деятельности Коммунистической партии еще более ощутимых практических результатов.

Стремление рабочих к непосредственно достижимым улучшениям, о котором писал В. И. Ленин, в наше время расширилось и укрепилось, получив новый стимул в возросших возможностях рабочего движения. Перед революционной идеологией возникли новые задачи. Она призвана полнее, чем когда-либо раньше, учитывать и выражать это стремление и вместе с тем, используя стихийное влечение рабочих к социализму, направлять его против реформизма, в интересах развития революционного сознания.

Решение этих задач осложняется активизацией идеологической деятельности правящего класса. Буржуазная идеология все интенсивнее предлагает «свое» решение проблем, волнующих массы, «свои» способы удовлетворения их возросших потребностей. Это относится и к материальным потребностям трудящихся (например, обещание роста жизненного уровня при условии «сотрудничества» в повышении производительности) и к их моральным и интеллектуальным запросам («человеческие отношения», лозунги «образования и продвижений» и т. п.). Любая неудача рабочих организаций, любой пробел в защите интересов трудящихся, в разработке выражающих эти интересы позиций по всем актуальным проблемам используются буржуазной идеологией, расширяют каналы ее воздействия.

²⁹ «Cahiers du communisme», 1968, № 1, p. 47.

На примере отдельных предприятий и промышленных районов мы видели, как формируются взгляды рабочих, отвергающих те или иные принципы классовой идеологии. По своим основным устремлениям, по типу восприятия непосредственно окружающей их социальной действительности они не особенно отличаются от классово сознательных трудящихся. Однако постоянное ощущение конфликта с властью имущими и нередко готовность к коллективной борьбе уживаются в их сознании с идейно-политической индифферентностью, а то и с надеждой на какое-то гармоническое «сотрудничество» с хозяевами.

Подобный тип сознания не свойствен сколько-нибудь четко очерченной группе рабочего класса. Он усиливается или ослабляется в разных его группах под влиянием изменений в их экономическом положении, в политической обстановке, успехов и поражений в классовой борьбе. Он может быть выражен в разной степени у разных людей. Его носителей можно обнаружить среди рабочих, голосующих за различные партии, но больше всего их среди тех, кто образует на выборах «рабочую базу» правых политических сил³⁰. Этот тип сознания формируется под влиянием определенных объективных условий жизни и труда, определенных сторон личного опыта, но вместе с тем уровень его развития, степень его распространения в рабочей среде отражают результаты практической проверки идеологических систем. Неприятие рабочим антикапиталистических идеологических норм сплошь и рядом объясняется тем, что известная ему общественная практика не убедила его в их плодотворности, «эффективности».

Именно поэтому одним из важнейших факторов, ослабляющих влияние антикапиталистической идеологии, является раскол рабочего движения. Резкое падение доли организованных трудящихся в составе французского рабочего класса в конце 40—50-х годов было непосредственным результатом профсоюзного раскола, осуществленного деятелями из «Форс увриер». В ходе социоло-

³⁰ Это подтверждается данными конкретных исследований. См. M. D o g a n. Les clivages politiques de la classe ouvrière. In: «Nouveaux comportements politiques de la classe ouvrière», p. 117.

гических опросов рабочие, занимающие отрицательные или индифферентные позиции по отношению к профсоюзам, неизменно мотивируют свою точку зрения, в частности, тем, что профсоюзы «расколоты», «враждуют между собой» и т. п.³¹ Для многих трудящихся отсутствие единства рабочего движения — симптом его слабости, его неспособности навязать свою волю буржуазии. Раскол способствует распространению в рабочей среде пессимистических взглядов на перспективы борьбы, снижает уровень общественно-политической активности рабочих.

Сознанию рабочих глубоко присуще стремление к организационному и политическому единству своего класса. Политика единства, проводимая компартией и ВКТ, встречает широкую поддержку в рабочей массе. Уже на парламентских выборах 1962 г., когда впервые за много лет компартия и СФИО выступили в ряде округов единым фронтом во втором туре, в промышленных районах резко возросло число голосов, поданных за кандидатов рабочих партий. Это свидетельствовало о возросшей активности избирателей-рабочих: многие из них, воздержавшиеся в первом туре (когда ФКП и СФИО выступали раздельно), поддержали единых рабочих кандидатов. Та же тенденция проявилась во время президентских выборов 1965 г. и парламентских выборов 1967 г. Поддержку всеми рабочими партиями (ФКП, СФИО, ОСП) единых кандидатур широкие слои трудящихся восприняли как симптом серьезного изменения соотношения сил в пользу рабочего класса, и это сразу же увеличило притягательность классовой идеологии и политики, привело к серьезному росту авторитета классовых организаций.

Резервы расширения и углубления влияния революционной идеологии в рабочем классе еще очень велики. Как мы имели возможность убедиться, даже относительно неблагоприятные для развития классового сознания рабочих объективные условия не являются непреодолимым препятствием для восприятия ими последовательно классовой идеологии. И здесь решающее слово принадлежит «субъективному фактору», т. е. самой идеологии, развивающим и воплощающим ее на деле классовым организациям.

³¹ O. Benoit, M. Maurice. Op. cit., p. 258.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исторические условия современной эпохи выдвинули проблемы сознания рабочего класса в ряд наиболее острых и актуальных проблем мирового общественного развития. Способен ли рабочий класс стран развитого капитализма осуществить социалистическую революцию — таков в конечном счете тот кардинальный вопрос, который привлекает внимание социологов и экономистов, политиков и публицистов к психологии современного рабочего. От решения этого вопроса в большой мере зависит оценка перспектив борьбы двух мировых систем, перехода от капитализма к социализму в мировом масштабе. Естественно, что он является в наше время одним из центральных вопросов идеологической борьбы.

Современный антикоммунизм и антимарксизм черпают многие свои основные аргументы из теорий, провозглашающих революционность пролетариата возможной лишь в условиях неразвитых капиталистических отношений. По логике этих теорий, вывод марксизма о революционной роли рабочего класса не может найти опоры в нынешних условиях жизни и психологии рабочих. Подобная интерпретация идейно-психологического развития рабочего класса играет важнейшую роль в «обосновании» тезиса об «устарелости» марксизма, неприменимости его выводов к современной эпохе, она широко используется для оправдания антикоммунистической и реформистской политики.

Теории, провозглашающие «депролетаризацию» и «реформистское перерождение» рабочего класса, не являются только мифом, своего рода идеологической фикцией. Они опираются на тенденциозное истолкование

реальных сдвигов в образе жизни и психологии рабочих. Многие из этих теорий явно гиперболизируют масштабы подобных сдвигов, но их тенденциозность ярче всего выражается в другом: искусственном отрыве положения пролетариата в сфере потребления от его положения в сфере производства, в игнорировании либо искажении того влияния, которое оказывает на психологию рабочего его место в производственных отношениях и классовой структуре общества.

Чтобы убедиться в неправомерности и произвольности такого подхода, достаточно рассмотреть реакцию рабочих на те отношения, в которые они вступают на капиталистическом предприятии. Самую сущность этих отношений характеризует непреодолимый антагонизм интересов носителей экономической власти и трудящихся. Независимо от размеров зарплаты, которую получает рабочий, от внешних условий и содержания его труда, от методов стимулирования его трудовой деятельности, он остается объектом эксплуатации, его социальное положение и роль в производстве определяются подчиненностью чуждым ему интересам капиталистической прибыли. Те или иные конкретные проявления этой подчиненности могут более или менее успешно маскироваться с помощью современных методов предпринимательской политики, но применение даже всей совокупности подобных методов неспособно полностью и окончательно рассеять влияние эксплуатации на сознание рабочих. Протест против эксплуатации и социальной зависимости — естественная и неустраняемая реакция рабочего на капиталистические производственные отношения. Этот протест образует постоянную и наиболее прочную основу одной из коренных черт психологии рабочей массы, присущего ей стихийного антикапитализма.

Вывод о прочности стихийных антикапиталистических настроений, однако, не означает, что они всегда играют одинаковую роль в сознании рабочих, неизменно обуславливают общественное и политическое поведение последних. Теории, доказывающие возрастающую аполитичность и общественную пассивность рабочего класса, его психологическую «интеграцию» в капиталистическом обществе, спекулируют на вполне реальном явлении — антикапитализм, не воплощенный в практику повседневной борьбы с капиталистическим строем, не

способный решать новые социально-политические проблемы в духе такой борьбы, неизбежно ослабляет свои позиции в массовом сознании.

Не находя выхода в соответствующих действиях, стихийный социальный протест не может по-настоящему ориентировать мировоззрение и поведение рабочего. Он не гаснет окончательно, но как бы тлеет в глубинах сознания под грузом повседневных забот. В определенной идейно-политической атмосфере подобная бездейственность социального протеста может приводить к тяжелым кризисам классового сознания.

В современном «рабочем романе» мы нередко встречаем рабочего, который ненавидит социальный гнет, инстинктивно стремится к выявлению своей личности, а на деле лишь гонится за новыми вещами. Его стремления не могут найти выражения в его жизненных целях, как бы располагаются на параллельных с ними плоскостях. Отсюда его внутренняя опустошенность, его глубокий душевный разлад.

Стихийный антикапитализм такого рабочего выступает лишь как бесплодная эмоция: он подавлен и бездействен. Нетрудно понять, что развитие подобного типа сознания, кстати сказать засвидетельствованное исследованиями западногерманских и американских социологов¹, тесно связано с идеологическим и политическим состоянием массового рабочего движения. Вынужденная общественная пассивность — вот главная причина духовного кризиса этого рабочего.

Сравнивая подобные факты с тем, что нам известно о психологии французских рабочих, мы лишний раз убеждаемся в том, какое большое влияние на сознание пролетариата оказывает идейно-политическая обстановка страны, традиции и идеология массового рабочего движения. Одни и те же стихийные психологические тенденции — протест против эксплуатации, потребность в полноценной, истинно человеческой жизни — по-разному преломляются в разной идеологической атмосфере: в одних слу-

¹ Н. Popitz, Н. Bahrdt, E. Jüres, H. Kestling. Das Gesellschaftsbild des Arbeiters. Tübingen, 1957; D. G. Hodges. Cynism in the Labor Movement.—«The Amer. Journal of Economics and Sociology», vol. 2 (1962), № 1, p. 29—36.

чаях развиваются в боевое антикапиталистическое сознание, в других, не находя действенного выражения, оборачиваются апатией, подавленностью, пессимизмом.

Очевидно, что выводы, сделанные на основании изучения психологии рабочих одной страны, не могут быть безоговорочно распространены на другие национальные отряды пролетариата. Тем не менее можно полагать, что исследование психологии французских рабочих позволяет судить о некоторых общих тенденциях развития сознания современного пролетариата промышленно-развитых капиталистических стран.

В 50 — 60-х годах нашего века рабочий класс всех этих стран подвергается воздействию аналогичных экономических и социально-политических процессов. Масштабы и формы проявления этих процессов в различных странах неодинаковы, но общее направление их повсюду однородно. Оно определяется усложнившимися для капитализма условиями его соревнования с социализмом, перерастанием монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, научно-технической революцией и происходящим на ее базе относительно быстрым ростом производства. Соответственно сходны основные формы и направления социальной тактики правящей буржуазии различных стран, в частности методы решения «рабочего вопроса». Независимо от идеологических покровов, под которыми в разных случаях выступает эта тактика («государство всеобщего благосостояния», «формируемое общество», «общество потребления» и т. д., и т. п.), содержание ее более или менее однозначно. Она призвана обеспечить диктат монополистической и бюрократической элиты, добиться затухания классовой борьбы, идейно-психологической «интеграции» рабочего класса и рабочего движения в капиталистическом обществе, используя в этих целях приманку «растущего достатка» трудящихся.

Сходство социально-экономических и политических процессов, воздействующих на пролетариат промышленно-развитых капиталистических стран, не находит адекватного отражения в идейно-психологическом облике различных его национальных отрядов. Рабочий класс

США серьезно отличается по своему мировоззрению и политическому кругозору от западноевропейского пролетариата, далеко не одинаков уровень классового сознания рабочего класса в европейских капиталистических странах. В какой-то мере эти различия, возможно, объясняются не вполне одинаковыми нынешними объективными условиями жизни рабочих отдельных стран, но главную их причину следует видеть в другом — в разнородном историческом опыте национальных отрядов пролетариата, прежде всего в их опыте классовой борьбы.

Рост интеллектуальных и культурных потребностей, характеризующий сдвиги в психологическом складе и системе ценностей французских рабочих, несомненно, тесно связан с исторически обусловленными особенностями идейно-психологического «климата» страны и французского рабочего движения. В странах, где в идеологии рабочего движения господствует узко-деляческий тред-юнионизм, мелкобуржуазные идеалы «потребительства» оказывают гораздо более широкое влияние на рабочие массы (особенно характерен в этом отношении пример США). Тем не менее сдвиги в системе потребностей рабочих было бы неправильно рассматривать как явление, ограниченное национальными или региональными рамками. Какие бы формы и масштабы ни принимали эти сдвиги, их общее направление обусловлено типичными для всех стран развитого капитализма социальными процессами и связанными с ними изменениями в условиях жизни рабочих.

Одно из наиболее характерных последствий этих процессов — углубившаяся противоречивость общественного положения рабочего класса. Под влиянием завоеваний рабочего движения и научно-технической революции значительно ослабевает традиционная социально-культурная изоляция и униженность работников физического труда. Это выражается и в распространении новых форм потребления и досуга, и в росте образовательного уровня рабочих, и в интенсификации их повседневных контактов с другими социальными слоями. Последнее обстоятельство связано с изменениями в структуре рабочего класса, с появлением на производстве массового слоя технических специалистов и служащих, что приводит к снижению социальных и психологических барьеров между рабочими и интеллигенцией.

Современный рабочий, особенно молодой, по своему образу жизни, уровню образования, характеру знакомств и дружеских связей, общему культурному развитию сплошь и рядом близок к работнику умственного труда, представителю массового слоя интеллигенции. Распространение средств массовой коммуникации (радио, телевидение) открывает ему доступ к тем же источникам культурной и общественно-политической информации, которыми пользуются другие социальные слои. Ослабевает свойственное рабочим в прошлом чувство своей социальной обособленности, круг их интересов становится более широким.

Однако ни выход рабочего класса из бывшей социально-культурной изоляции, ни освобождение от крайней материальной нужды не меняет основных черт его социального положения. Он остается эксплуатируемым классом, наиболее обделенным в своих жизненных возможностях, наиболее страдающим от социального гнета и зависимости. В прошлом социальное неравенство в одинаковой мере проявлялось во всех областях жизни пролетариата: и на производстве, и в сфере материального и культурного потребления. Современный же образ жизни и культурный уровень многих рабочих, создающие внешние признаки «подъема», резко дисгармонируют с их реальным положением в производстве и обществе. Это противоречие оказывает растущее влияние на систему потребностей и стремлений рабочего класса.

Рост культурного уровня рабочих повышает их требовательность к социальным аспектам и к содержанию своего труда. Все более острый протест вызывает принудительный и несамостоятельный характер трудовой деятельности — отчужденность рабочего от целей производства, унижающая его человеческое достоинство система подчинения власти капитала. Прикованность к определенному социальному и профессиональному статусу, невозможность роста является в глазах современного рабочего одним из наиболее мрачных аспектов его положения.

Все эти настроения и потребности рабочих имеют общую социально-психологическую основу: стремление к обогащению духовного содержания жизни, к большей свободе и самостоятельности личности, растущую нетерпимость к социальному неравенству. В зависимости от

уровня интеллектуального и идейного развития трудящихся, от идеологии массового рабочего движения это стремление может выражаться по-разному: и как смутная тоска по «настоящей человеческой жизни», и как осознанная потребность в культуре и знаниях, и как протест против присущих капиталистическому производству «роботизации» и обезличивания трудовой деятельности. Но какие бы конкретные формы ни принимало это стремление, оно создает известные границы для влияния «потребительской» психологии на массовое сознание. Даже обладая теми или иными признаками относительного материального «благополучия», рабочий под влиянием общих социальных условий своей жизни сплошь и рядом убеждается в том, что оно не может принести ему настоящего удовлетворения, обеспечить ему подлинно человеческое существование. А это убеждение становится в современных условиях одним из важнейших источников социальной неудовлетворенности рабочего класса.

Особенности исторически сложившейся национальной среды не определяют целиком идейно-психологический облик пролетариата. Даже в условиях, весьма неблагоприятных для развития классового сознания, в той же ФРГ или в США, стремление к последовательной борьбе с социальным гнетом пробивает себе дорогу в более или менее широких группах рабочего класса. И вместе с тем пассивность общественного сознания и поведения рабочих может развиваться вопреки революционным традициям массового рабочего движения, его антикапиталистической идейной устремленности.

Воздействие факторов, ослабляющих сознательность и активность личности, тем сильнее, чем хуже она «вооружена» ценностями, идеалами, нормами, противостоящими этому воздействию. Поэтому ни сдвиги в образе жизни и потребления, ни «массовые коммуникации» сами по себе не могут объяснить общественную пассивность некоторых слоев трудящихся. Ценности, идеалы и нормы вырабатываются идеологией — следовательно, эта пассивность не может быть понята вне связи с идеологической жизнью общества, с ходом идеологической борьбы.

Антикапиталистическая идеология может адекватно выражать социально-политические настроения рабочего, формировать его абстрактные общественные представления (например, об эксплуататорском характере существующего строя, об антагонизме классовых интересов и т. д.). Но эти представления иногда лишь в весьма ограниченной мере влияют на его общественное поведение, на его личные жизненные цели. Его цели непосредственно определяются той диалектикой материальных и духовных потребностей, которая подробно рассматривалась в гл. 7 настоящей работы. Абстрактные идеологические представления рабочего не всегда обладают достаточно органической и тесной связью с его потребностями, в чем-то расходятся с ними. Налицо противоречие между идеологическим и психологическим уровнями сознания, психология человека в какой-то мере ускользает из-под влияния его идеологических установок.

Подобное расхождение очень быстро «улавливается» и используется всеохватывающим механизмом буржуазного идейно-психологического воздействия: потребности, недостаточно выраженные антикапиталистической идеологией, получают выход в жизненных стандартах, насаждаемых этим механизмом. «Потребительские» стандарты не дают удовлетворения моральных потребностей, но они помогают заглушить неудовлетворенность существующими условиями жизни, не думать о них. Вот почему бездумная «развлекательная» пресса иной раз становится «духовной пищей» вполне культурного и политически развитого рабочего.

Думать же он опасается потому, что размышление сплошь и рядом заводит в тупик: на основе известных ему идеологических представлений рабочему не всегда удается по-настоящему осознать волнующие его проблемы и тем более найти ответ на них.

Влияние любой идеологии на индивидуальную психологию зависит от соответствия провозглашаемых ею общественных целей потребностям и целям личности. Но если последовательно антикапиталистическая идеология немыслима без утверждения революционных целей, то антикапиталистическое массовое сознание — это еще не всегда революционное сознание.

Перерастание стихийного антикапитализма масс в сознательную революционность сложный идейно-психо-

логический процесс, немыслимый без постоянного развития революционной идеологии. Такую революционность вряд ли можно отождествлять с особым накалом боевого духа, возникающим, например, в период революционной ситуации. Речь идет о другом: о понимании возможности ниспровержения существующих отношений и создания нового общества, о психологической готовности к участию в тех формах революционной борьбы, какие подсказывает обстановка, о глубокой личной заинтересованности в этой борьбе.

Полное совпадение личных целей человека с идеалами революционной борьбы, вообще говоря, возможно лишь при очень высоком уровне развития классового сознания. Но отсюда не следует, что расхождение между революционной идеологией и психологией массы непреодолимо до возникновения каких-то особых революционизирующих ее обстоятельств. Напротив, в той мере, в какой эта идеология помогает массе осознавать и выражать ее потребности, она и в «нормальных» условиях может добиваться растущего сближения стремлений трудящихся со своими идеалами, все большего влияния на сознание рядового человека.

Развитие массового социалистического сознания зависит от революционного авангарда рабочего класса, от его способности найти идеологическое и политическое выражение новым потребностям трудящихся. Опыт Французской коммунистической партии в этом отношении весьма поучителен. Выдвинутая ею программа борьбы за подлинную демократию — яркий пример сближения социалистических целей рабочего движения со стихийными стремлениями масс.

Вывод об общедемократическом характере современного этапа классовой борьбы, как известно, разделяется всеми компартиями индустриально-развитых капиталистических стран. В своей нынешней стратегии и тактике коммунистическое движение исходит из возможности объединения большинства нации в борьбе за демократические, антимонополистические цели — за коренные реформы, ограничивающие, а затем устраняющие власть монополий. Эту возможность создают социально-политические последствия развития государственно-монополистического капитализма, обусловленные им сдвиги в расстановке классовых сил. Однако революционное ра-

бочее движение воздействует на существующие общественные отношения лишь через деятельность самих масс, поэтому в своей политике оно опирается не только на объективные тенденции общественного развития, но и на тенденции развития массового сознания. Его политика учитывает сегодняшний уровень этого сознания и вместе с тем заложенные в самой его структуре возможности подъема на более высокий уровень.

«Демократические реформы, — говорил генеральный секретарь ЦК ФКП Вальдек Роше в своем докладе на 18-м съезде партии (январь 1967 г.), — навязанные борьбой рабочего класса и народных масс, сами по себе еще не образуют социализма, но их осуществление сможет создать благоприятные условия для понимания народными массами социалистических целей и необходимости бороться за их достижение»². Речь здесь идет, разумеется, не только о непролетарских массах, но и о тех слоях рабочего класса, которые еще не выработали социалистического сознания.

По мнению французских коммунистов, подлинная демократия — переходная ступень к социализму. Это верно не только в том смысле, что устранение власти монополий и демократические преобразования создают необходимые общественно-политические условия для непосредственной борьбы за социализм. Не менее важно другое. Социалистическое сознание масс вырастает из сознания демократического, органически включает в себя расширившийся и конкретизированный демократический идеал. Развитие этого идеала, его растущее сближение с идеалом социалистическим отчетливо выступает в программных установках ФКП. Так, в политической резолюции, принятой 18-м съездом партии, целью социализма провозглашается уничтожение эксплуатации человека человеком и вместе с тем «реальное участие масс в управлении общественными делами и в решении основных вопросов жизни страны».

В непосредственные цели нынешнего этапа борьбы, включенные в предвыборную программу партии, вошли, например, такие меры, как

— «планирование экономического и социального раз-

² «Cahiers du communisme», 1967, № 2-3, p. 60.

вития, осуществляемое демократически при участии рабочих организаций»;

—«демократическое управление всеми общественными учреждениями и национализированными предприятиями путем участия профсоюзов в этом управлении»;

—«установление на всех уровнях права контроля трудящихся путем расширения полномочий комитетов предприятий»³.

Значение подобных мер, очевидно, неправильно было бы сводить только к тому, что они призваны ограничить бесконтрольную власть господствующих в обществе групп, улучшить положение трудящихся. По сути дела, они отражают одну из важнейших закономерностей развития современного революционного сознания. Все более необходимой идейно-психологической предпосылкой массовой революционности становится сознательное стремление массы к реальной демократии, к реальному «участию в управлении общественными делами».

Революционность современного рабочего не может покоиться только на вере, как это нередко бывало у его отца и деда. Революция,— говорил некогда Жюль Гед, обращаясь к рабочим,— «это мессия, это искупление, это земля обетованная»⁴. Ныне мы далеки от того времени, когда подобные провиденциальные обещания могли поддерживать революционный энтузиазм пролетариата. Современный рабочий знает, что коренное преобразование общества — дело очень и очень сложное, его социальные представления гораздо более рационалистичны, чем у рабочего начала века.

В. И. Ленин понимал развитие социалистического сознания рабочих масс не как механическое усвоение ими готовых выводов, разработанных идеологами, а как процесс их собственного интеллектуального роста, овладения теоретическими знаниями, все большего приближения их к тому уровню, на котором возможно самостоятельное рациональное мышление⁵.

Нынешний этап интеллектуального и культурного развития рабочих образует существенные предпосылки для формирования массовой революционности на подобной

³ «Cahiers du communisme», 1967, № 2-3, p. 670, 582.

⁴ «Annales», 1967, № 3, p. 710.

⁵ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. т. 6, стр. 39.

рационалистической основе. Но усиление рационалистических тенденций массового сознания создает вместе с тем специфические трудности активизации революционных устремлений масс.

Убежденная, бескорыстная преданность делу освобождения своего класса — такова та психологическая почва, на которой легче и быстрее всего развивается сознательная революционность. Отождествляя свои личные интересы с интересами коллективными, превращая активное участие в классовой борьбе в ведущую жизненную норму, человек неизмеримо обогащает свой социальный опыт и тем самым воспитывает в себе способность к более глубокому осмыслению закономерностей и перспектив общественного развития. Но таким путем идут лишь наиболее активные рабочие, — те, кто образует авангард рабочего класса. Масса же всегда психологически отличается от авангарда, в сознании «массового» рабочего ближайшие, непосредственно ощутимые личные интересы с большим трудом увязываются с классовыми, индивидуализм интенсивно сопротивляется коллективизму. Рационализм, убедительность революционной идеологии он измеряет не столько ее внутренней логикой, сколько ее сегодняшней действительностью, теми ее достижениями, которые он ощутил на своем собственном опыте.

Следуя основному замыслу настоящей работы, мы рассматривали главным образом те аспекты взаимодействия между психологией и идеологией рабочего класса, которые выявляются в процессе идеологической борьбы внутри предприятия. Разумеется, в реальной жизни идеологическая борьба идет на гораздо более широкой арене и ее значение выходит далеко за рамки предприятия. Идеология и практика революционного рабочего движения превращают стихийные стремления масс в боевое классовое сознание, в сознательную деятельность, направленную к преобразованию существующего экономического, социального и политического строя. Очевидно, что те тенденции развития классового сознания, которые мы пытались проследить в настоящей работе, не могут получить сколько-нибудь полного выражения в одной лишь борьбе на предприятии. Такое выражение они получают в тот момент, когда многочисленные ручейки де-

мократической борьбы сольются в единое массовое движение, вдохновленное решимостью сокрушить устойчивую олигархическую власть. Понятно, что такое движение может быть лишь движением политическим.

И все же условия и пути формирования боевого политического сознания пролетариата в каждый конкретный период вряд ли могут быть поняты без изучения тех процессов развития его психологии, источником которых является повседневная жизнь капиталистического предприятия.

Научный анализ политического сознания определенного класса вообще возможен лишь тогда, когда выявлены основные свойственные ему психологические черты и тенденции. Лишь проделав такую работу, можно понять социально-психологическую основу политических воззрений, симпатий и антипатий, политического поведения различных групп данного класса. Но эта социально-психологическая основа формируется более всего повседневным непосредственным опытом людей, теми фактами и явлениями жизни, которые они воспринимают эмпирически. Для рабочих такой непосредственный опыт в первую очередь связан с их жизнью и положением на предприятии. Заключение более выгодного коллективного договора и «признание» профсоюзной секции, демократизация управления национализированными предприятиями и расширение прав заводских комитетов—борьба за подобные частичные, на первый взгляд, цели содействует осознанию рабочими их новых социальных потребностей и демократических идеалов, придает им психологическое значение насущных потребностей. Неудовлетворение этих потребностей воспитывает ту самую нетерпимость масс к существующим отношениям, которая составляет необходимую психологическую почву мощного и боевого политического движения.

Все сказанное, разумеется, не означает, что опыт жизни на предприятии и опыт политической жизни воздействуют на сознание рабочих как независимые друг от друга факторы. Речь идет не о реальной, а о логической грани, обусловленной интересами исследования; в действительности же все факторы переплетаются в самом процессе этого воздействия.

Развитие государственно-монополистического капитализма делает это переплетение все более тесным. Оно

приводит к вторжению политики в повседневную жизнь рядового человека, ставит удовлетворение многих его насущных потребностей в прямую зависимость от политических решений. В марксистской литературе подробно освещено одно из важнейших последствий этого процесса — усиление «связи между экономической и политической борьбой рабочего класса. Опыт Франции вполне подтверждает данный вывод: регулирование зарплаты, осуществляемое государством в форме «стабилизации», «политики доходов» и тому подобных мероприятий; значительная роль национализированного сектора экономики; удельный вес в доходах трудящихся выплат по социальному обеспечению, которое также контролируется государством,— все это неизбежно придает политический характер повседневной борьбе за жизненный уровень.

Охарактеризованные в настоящей работе черты и тенденции развития общественной психологии рабочего класса с огромной яркостью и полнотой проявились в поведении широчайших рабочих масс во время бурных событий мая 1968 г. Девятимиллионная забастовка французских трудящихся показала, что в сознании современного рабочего класса экономические требования теснейшим образом переплетаются со стремлением завоевать влияние на решение всех вопросов своего как экономического, так и социального положения, добиться подлинного равноправия в обществе.

В этом отношении чрезвычайно характерен непосредственный повод забастовки — возмущение полицейскими репрессиями против студенческого движения. Протест против грубо антидемократических действий властей принял столь широкий и мощный характер в значительной мере потому, что настроениям рабочих оказались крайне близки общий смысл, общая направленность выступлений студентов: борьба за демократизацию образования.

Когда в ходе развития забастовки трудящиеся убедились в том, что их движение принимает всеобщий и наступательный характер, что соотношение сил складывается в их пользу, они стали занимать заводы, поддерживали такие радикальные политические требования, как отмена «антисоциальных ордонансов» 1967 г., национализация, правительство демократического единства. Это

неожиданное для многих перерастание массового движения за «экономические» рамки наглядно свидетельствует о подлинном содержании глубинных общественных настроений и устремлений рабочих масс. Оно показывает, что стремление рабочего класса к коренному изменению общественных порядков становится основным мотивом его поведения, как только обстоятельства позволяют ему воплотить это стремление в действия.

В последующие недели политическая направленность, которую начало было приобретать забастовочное движение, постепенно ослабевала, массовая борьба сосредоточилась главным образом на экономических целях. Этот спад политического накала борьбы отразил реакцию масс на отсутствие ясной политической перспективы, обусловленное расколом левых сил. «Некоммунистическая левая» срывала все попытки компартии добиться соглашения о правительстве демократического единства, договориться об общей программе. В условиях раскола демократическое движение не могло выдвинуть реальную политическую альтернативу существующему режиму, а это создавало у масс впечатление слабости движения, «неэффективности» политической борьбы.

Опыт событий мая — июня 1968 г., таким образом, вновь подтвердил значение общей политической обстановки, в особенности политического единства рабочего и демократического движения, как фактора, определяющего массовое поведение. Даже потребности и стремления, весьма интенсивно ощущаемые массами, влияют на их активность лишь постольку, поскольку они видят возможности успешной борьбы за соответствующие цели.

События мая 1968 г. свидетельствуют о глубоко рационалистическом характере современного пролетарского сознания. Боевые эмоции рабочих масс не помешали им отвергнуть авантюристические призывы левацких элементов движения «штурмовать Елисейский дворец», вступить в вооруженную борьбу с полицией и т. д. и т. п. В сознании основной массы рабочего класса утрачена почва для революционности чисто эмоциональной, «бунтарской», основанной только или главным образом на чувстве ненависти к существующему строю, на возмущении, на смутном убеждении, что стоит свергнуть существующую власть, и все проблемы решатся сами собой. Революционность современного рабочего предполагает

ясное осознание им конкретных целей каждого этапа борьбы, смысла и необходимости мер, за которые он борется, наиболее целесообразных, соответствующих этим целям способов действия. Все эти черты современной пролетарской психологии ярко воплотились в великолепной организованности рабочих масс, поднявшихся на борьбу в мае 1968 г.

Современный этап психологического развития рабочего класса воспитывает в нем также потребности и стремления, которые не могут получить удовлетворения в обществе, подчиняющем жизнь рядового человека интересам монополистической олигархии. В сознании трудящихся непосредственные требования все теснее увязываются с требованиями демократическими. В этом нельзя не видеть одного из важнейших путей развития революционного политического сознания. Политическая борьба современного рабочего класса — это борьба за подлинную демократию, но такая демократия не может ограничиваться лишь сферой политики, она охватывает все области экономической и общественной жизни. И именно стремление рабочего человека добиться свободы и равенства во всех этих областях вовлекает его в сознательную, последовательную борьбу за социальный прогресс, за освобождение своего класса.

Дилигенский Герман Германович

Рабочий на капиталистическом предприятии

*Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой экономики и международных отношений АН СССР*

Редактор Л. С. Фридман

Редактор издательства Ф. Н. Арский

Технические редакторы Т. А. Прусакова, О. М. Гуськова

Сдано в набор 22/III-1969 г. Подписано к печати 10/VII 1969 г.

Формат 84×108¹/₃₂ Бумага № 2

Усл. печ. л. 12,87. Уч.-изд. л. 20,6

Тираж 2500 экз. Т-10361 Тип. зак. 5600

Цена 1 р. 46 к.

Издательство «Наука»

Москва К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»

Москва Г-99, Шубинский пер., 10

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

В МАГАЗИНАХ «АКАДЕМКНИГА» ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ:

- Аскольдова С. М. Начало массового рабочего движения в США 80-е годы XIX в. 1966. 231 стр. 98 к.
- Гонсалес А. История испанских секций международного товарищества рабочих. 1868—1873 гг. 1964. 192 стр. 61 к.
- Гуревич С. Н. Рабочее движение и левый блок во Франции (1921—1926). 1966. 198 стр. 66 к.
- Иванов Н. П. Технический переворот и рабочий класс в главных капиталистических странах. (Квалификация и занятость). 1965. 189 стр. 57 к.
- Из истории трудящихся масс Италии. Сборник статей. 1959. 399 стр. 50 к.
- Империализм и борьба рабочего класса. Сборник статей памяти академика Ф. А. Ротштейна. 1960. 507 стр. 50 к.
- Карлинер М. М. Рабочее движение в Англии в годы первой мировой войны (1914—1918). 1961. 488 стр. 1 р. 83 к.
- Кац А. И. Положение пролетариата США при империализме. 1962. 604 стр. 3 р. 60 к.
- Кремер И. С. Германский пролетариат в борьбе за мир с Советской Россией (ноябрь 1917 — февраль 1918). 1963. 152 стр. 49 к.
- Мальков В. Л. Рабочее движение в США в период мирового экономического кризиса 1929—1933. 1961. 315 стр. 1 р. 25 к.
- Ованесьян С. Подъем рабочего движения в США в 1919—1921 гг. 1961. 324 стр. 1 р. 20 к.
- Покатаева Т. С. Положение рабочего класса Индии. 1960. 187 стр. 60 к.
- Пономарева Л. В. Рабочее движение в Испании в годы революции 1931—1934. 1965. 327 стр. 1 р. 26 к.
- Рабочее движение в скандинавских странах и Финляндии. 1965. 260 стр. 83 к.
- Рожков Б. А. Революционное направление в английском рабочем движении 50-х годов XIX в. 1964. 224 стр. 91 к.

Заказы направляйте в магазин «Книга — почтой» (Москва, В-463, Мичуринский проспект, 12) или в ближайший магазин «Академкнига» по адресу:

Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97; Баку, ул. Джапаридзе, 13; Душанбе, пр. Ленина, 95; Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 303; Киев, ул. Ленина, 42; Куйбышев, пр. Ленина, 2; Ленинград, Литейный пр., 57; Москва, ул. Горького, 8; Москва, ул. Вавилова, 55/5; Новосибирск, Красный пр., 51; Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; Ташкент, ул. К. Маркса, 28; Ташкент, ул. Шота Руставели, 43; Уфа, Коммунистическая ул., 49; Уфа, Проспект Октября, 129; Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; Харьков, Уфимский пер., 4/6

12.46 R.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»